

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Звезда
российского
нуара

Андрей Пихтиенко

ЦИФЕРЩИК

Annotation

Психологический триллер. Смерть и безумие гораздо ближе к нам, чем представляется. Потеря близкого человека может привести к потере самого себя. Мир вокруг нас, люди вокруг нас легко могут обернуться совсем не теми, кого мы привыкли видеть.

Андрей Николаевич Пихтиенко

Циферщик

— Чёрт! Да что со мной не так? Прости...

— Да перестань. С кем не бывает?

— Что за напасть такая? Ведь не впервой уже...

— Брось, не придавай этому значения. Это всё из-за того, что и твои, и мои предки до сих пор ворчат, что мы с тобой. Вспомни, чем закончилась наша последняя встреча с моей матерью?

— Честно? Я не думаю, что из-за этого.

— Расслабься. Ничего ужасного не произошло. Мы тоже — нашли время. К нам гости сегодня придут, не забыл?

— Вернее, гость. Нет, не забыл, конечно. А сколько времени? Ого! Это мы с тобой столько провозились? Правда, прости! Ты так старалась, а я... До чего же стрёмно!

— Проехали. Я всё равно тебя люблю. Давай, поднимайся скорее.

Девушка вспорхнула с кровати, не оборачиваясь, натянула трусики, накинула домашнюю футболку и удалилась из комнаты.

Виктор остался лежать в кровати, изо всех сил стараясь отбросить назойливые мысли о своём конфузе. Провожая взглядом всегда так манящую фигурку Оли, он корил себя за постыдную неудачу.

Всё же поднялся с постели. Натянул одежду, аккуратно и неспешно заправил кровать, давая лишнее время стыду, чтобы успокоиться и прекратить так терзать его.

С прикроватной тумбочки Оли взял их совместную фотографию, сделанную пару лет назад. Ухмыльнулся от себя тогдашнего. Семейная жизнь прибавила ему лишних килограмм. В отличие от него, Оля вроде и не изменилась. Виктору даже показалось, что эти годы пошли на пользу её красоте. Запечатлённая улыбка отдавала ноткой грусти и боязни неопределённости. Теперешняя улыбка всегда искрила неподдельной радостью. Наверное, её жизнь с Виктором была не такой уж и плохой шпуккой.

Фотография сделана в день новоселья. В тот день ему казалось невозможным, что подобные проблемы могли у него возникнуть даже в страшном сне. Тяжело просто взять и выкинуть из головы очередную неудачу, настигнувшую его напрямиком в их храме любви. И ведь не обсудишь ни с кем: стыдно.

Поставив фото на место, Виктор взглянул на своё отражение в зеркале, котором служили дверцы шкафа. «Ну вообще-то я ещё довольно неплохо выгляжу. Блин, и зачем я над этим задумываюсь, пялюсь, как придурок, в своё отражение? Ещё бы не хватало в двадцать пять лет выглядеть никчёмной развалюхой!» А именно никчёмной развалюхой он себя сейчас и чувствовал.

Стараясь избавиться от нахлынувшего уныния, он прошёл в полумрак коридора, в поисках своей девушки. Она нашлась на кухне. Уже хлопотала в своём очаровательном танце с продуктами, кастрюльками, сковородками, тарелками, ножами, ложками.

— Ты не забыла? У нас только один гость сегодня. Да и вообще, он больше любит пить, чем есть.

— А если он придёт голодным? Я же не могу оставить его ни с чем. А то, что останется, ты завтра доешь.

— Справедливо. — Виктор протянул руку к нарезанным кусочкам карбоната, Оля

шлёпнула его по ладони. Кухня постепенно наполнялась соблазнительными ароматами.

Виктор даже не стал предлагать свою помощь. Оля всё равно откажется, зная, что доверять своему молодому человеку даже самое простое поручение по приготовлению пищи — себе дороже. Ему оставалось лишь наблюдать за ловкими движениями девушки и перемещениями по кухне её очаровательных розовых трусиков. От этого вида его неудача, едва притихшая в голове, вновь больно уколола, заставив стыдливо опустить глаза в пол.

Для спасения от невесёлых мыслей, Виктор включил телевизор, лениво переключал каналы, стараясь отвлечься.

— Оставь на новостях.

— Опять эту чернуху слушать? Нет уж, — отказался было Виктор, но лёгкий жест руки девушки всё-таки заставил его остановиться на местном канале. Передавали криминальные сводки.

— Сейчас опять речь за маньяка зайдёт. Давай поспорим, что вот уже через сюжет, может, через два.

— Разве тебе не интересно? Вообще-то — это полный капец! Там все девчонки, которых он убил, — мои ровесницы. Нет уж, дорогой, я должна быть в курсе событий.

— Но я же защищу тебя, если что! Подумаешь...

— Тсс, — не прекращая нарезать огурец, шикнула на него Ольга, сосредоточив взгляд на экране.

— Вот и моя Олечка стала жертвой всей этой истерии на счёт маньяка.

Та ему не ответила. Лишь лёгким, естественным, но таким милым и любимым жестом откинула прядь длинных светлых волос себе за спину.

— Ладно, пойду покурю.

Виктор удалился с кухни, направившись к балкону. Комнату, служившую им гостиной, мягко освещал свет ярко-красного закатного солнца. По пути Виктор передвинул маленький столик от стенки к дивану, на автомате включил их второй телевизор. Переключил на музыкальный канал, поглядел на полуголых красоток в клипе, которые напевали очередную глупую и незамысловатую песенку. Всё лучше, чем слушать про маньяка, терроризирующего город на протяжении нескольких месяцев. Слишком часто и повсеместно нёсся этот негатив, о котором Виктору не хотелось думать, хотя бы сегодня. И без этого в голове хватало невесёлых мыслей.

Он вышел на балкон, открыл окно, тотчас впусив внутрь многочисленные звуки вечернего двора, радующегося погожему осеннему дню. Закурив, Виктор высунулся в окно, рассматривая, что происходит внизу. Уличный шум, наполненный детскими визгами; музыкой, вырывавшейся из машины; громкими разговорами и смехом компании, эту машину окружившей; криками женщины из дома напротив, обращавшейся к компании подростков, разместившихся на лавочке у её подъезда; жалкое хрипение никак не желающей заводиться старой «шестёрки»; лаем собак и многими другими звуками дворовой жизни.

Свет заката отражался в стёклах домов, машин, луж от прошедшего накануне мимолётного, но сильного ливня. Помимо запаха сигаретного дыма, веяло свежестью и чем-то неуловимым, сразу ассоциирующимся с детством, с волнительным, радостным предвкушением.

Виктор выпустил струйку дыма, перевёл взгляд на небо, окрашенное в калейдоскоп цветов от блекло-серого до ярко-красного. Жизнь вокруг шла своим чередом и ей было глубоко наплевать на любые конфузы, приключаются на верхних этажах бесчисленных

многоэтажек.

Знакомая фигура показалась из арки дома напротив. Эту походку, знакомую так много лет, было сложно с кем-то перепутать. Его друг уверенно пересекал двор, а Виктор довольно ухмыльнулся и даже помахал рукой, понимая, что Андрей этого не увидит. Какого же было его удивление, когда Андрей остановился и помахал в ответ. Виктор продолжил курить, не прекращая улыбаться.

Странное чувство, когда человек, с которым вроде совсем недавно говорили каждый день, делились любыми мыслями и переживаниями, проводили много свободного времени вместе, вдруг резко исчезает из жизни, оставляя вместо себя только редкие сообщения в соцсетях. При этом никто не переезжал, никто не ссорился. Просто так получилось, что времени едва хватало на домашние вечера, а друзья так незаметно ушли на второй план, при чём многие из них и вовсе выпали из мира Виктора и Ольги. Последствия взрослой, замкнутой на «работа-дом» жизни, которая безжалостно затягивала всех в свою жадную пасть.

Отдаление Андрея казалось точкой невозврата, которую Виктор с Ольгой старались не допустить, или хотя бы максимально отсрочить. Виктору не хотелось расставаться с тем миром детства, который неразрывно был связан с Андреем. Ольга хотела счастья для их пары, понимая Виктора, понимая, что и она сама настолько привыкла к обществу Андрея, что потеря этих отношений стала бы для неё нечтом недопустимым.

Прошло уже три с лишним месяца с их последней встречи, и это стало самым долгим перерывом в их общении, которое брало своё начало ещё в самом детстве. Они с Витей познакомились в далёкие времена, когда вместе попали в один класс, первый «Б». А потом в их двор переехала Ольга, быстро став последним углом в их треугольнике дружбы. Благо, эту связь не смогла разрушить и любовь, которая неизменно возникает между мальчиками и девочками. Оля выбрала Витю, а Андрей, казалось, вовсе и не расстроился её выбору. По крайней мере, они двое привыкли так думать.

И вот, Андрей сейчас шагал к их дому, и все трое находились в предвкушении радостного воссоединения маленькой компании, за плечами которой оставалось так много бережно хранимых воспоминаний.

Виктор докурил сигарету, выбросил её в окно, как обычно забыв про пепельницу. Выскочил с балкона, оглашая их небольшую, но уютную квартиру криком:

— Идёт!

— Вот и славненько! — раздался ответ Оли со стороны кухни.

Витя, поддаваясь радостному порыву, бросился к Оле с объятиями, отыскивая её губы, нежно целуя их. Та поддалась и, нежно улыбаясь, отвечала взаимностью. Оба чувствовали блаженное чувство, когда всё, на самом деле, было хорошо.

— Соскучилась по Андрюхе, да?

— А как сам думаешь? Так же, как и ты.

— Сколько мы с ним не виделись? Уже месяца три, четыре?

— Три с половиной месяца.

— Ох, какая точность! Ну что, не жалеешь, что выбрала меня? — игриво дразнил девушку Витя, не отпуская её из объятий.

— Поставь эти тарелки на стол, — не обращая внимания на вопрос, отвечала Ольга.

Витя перевёл взгляд на тарелки, полные аппетитных закусок, склонился над ними, наслаждаясь ароматом, которые они источали.

— Помнишь, как мы на твой выпускной с ним нажрались и заявили к вам на торжество? — поделился внезапно нахлынувшим воспоминанием Витя.

— Ага, а потом от охраны целый час убегали. Только когда полиция приехала — сразу испарились. Я тогда всячески отрицала своё знакомство с вами, — ответила ему Оля. Воспоминания о том дне не могли не заставить её улыбнуться.

— А на следующий день мы начали встречаться.

— Да ладно, ты это помнишь? — поддразнила девушка, прекрасно зная, что Виктор в мельчайших подробностях помнил все значимые для них события, так же ярко, как и она сама.

— Трудно забыть то утро — так плохо с похмелья мне никогда не было. Ну и по совместительству, да, ты наконец-то перестала придумывать отмазки и согласилась. Хотя, это было довольно предсказуемо. Ты ведь помнишь, какой я тогда был красавчик?

— Не льсти себе. В то время мы все были красивее, и солнце светило ярче, и трава была зеленее, и цены в магазинах ниже.

— Андрюха был тогда не таким умным. Он предложил тебе встречаться накануне, когда едва мог членораздельно произнести то, чего он от тебя хотел. Как же он нажрался в тот вечер! — продолжал окуна́ться в омут воспоминаний Витя.

— По-моему, он был довольно милым в тот день. А вот ты — я точно помню — облевал всё крыльцо нашей школы, обоссал стенд с расписанием, ударил нашего завхоза, да и та куча дерьма в актовом зале — твоих рук дело — признавайся!

— Виновен, почти во всём. Вот только дерьмо — не моих рук дело. Вернее, это дело совсем не моих рук, если ты понимаешь, о чём я?

Они громко хохотали от воспоминаний, которые сейчас звучали так дико. Сейчас эти воспоминания казались им отголосками прекрасного давнего сна. Они с ностальгией вспоминали себя семилетней давности, и каждый неминуемо проводил параллели с собой нынешним — навсегда утратившим тот подростковый дух весёлости, свободы и вседозволенности.

— А вообще, если серьёзно, ты никогда не задумывалась, что было бы, если бы ты выбрала его, а не меня? — после смеха и последовавшей за ним тишины, тихо спросил Виктор. По контрасту с их прошлым разговором, вопрос прозвучал очень серьёзно.

— Дурак, что ли? Прекрати пожирать закуски, лучше отнеси их в комнату. — Оля, недовольно покривив носиком, сунула Вите тарелку. Тот взял её, в притворном удивлении вытаращил глаза на девушку и принялся переносить еду в комнату.

И ему и ей было ясно, что этот вопрос давно потерял свою актуальность: Андрей был лучшим другом Виктора и близким другом Ольги. Не больше, не меньше.

Витя отнёс все тарелки в гостиную, аккуратно их расставил. Потом достал бокалы, ледяную колу из холодильника. Не найдя себе других занятий, он, словно пёс в ожидании хозяина, бесцельно прогуливался туда-сюда по коридору рядом с входной дверью. Вот-вот должен был раздаться звонок домофона.

Оля с ещё одной большой, дымящейся тарелкой проскользнула мимо, подмигнув Виктору. Проследив за своей девушкой, он вздрогнул от томительного зова сердца и плоти, прошедшего по нему от самых стоп и до кончиков волос на голове. «Ну, конечно, именно сейчас, а не полчаса назад! Вот же дерьмо!»

— Оля, не забудь надеть на себя что-то поприличнее, — не в силах оторвать взгляд от упругих ягодиц своей девушки, проговорил он.

— На себя посмотри, — игриво огрызнулась Ольга, специально нагнувшись чересчур низко, чтобы поставить тарелки на столик, попутно демонстрируя свои соблазнительные формы. По сдавленному стону своего мужчины, она поняла, что достигла желаемого эффекта. Но всё же прошла в спальню, натянула на себя домашние, простенькие, узкие спортивные штаны.

— Оля, я тебе никогда не говорил, — начал Витя, прислонившись к стене, не в силах оторвать от неё взгляд, — что я люблю тебя?

— Я тоже тебя люблю.

Раздался звонок домофона.

Обычный пятничный вечер, в обычном дворе российских новостроек. Время ещё не столь позднее — на детских площадках детвора. Их крики, смех и визги разлетались по воздуху, добираясь даже до самых верхних этажей. На многочисленных лавочках расположились родители детворы и детишки постарше. Завсегдатаи дворовой жизни, условные дяди Миши и дяди Паши культурно выпивали, курили, выбрасывая окурки прямо перед собой — чуть ли не в детские песочницы, с умильной улыбкой посматривая на резвящихся ребятишек вокруг и радуясь последним тёплым денькам нынешнего года.

По дворовым проездам неспешно проплывали машины. Кто-то искал место для парковки, кто-то хотел через двор объехать до сих пор не рассосавшуюся пробку. Нерусский таксист притормозил у подъезда, лавочку рядом с которым облюбовала распивающая компания, они весело подсказали ему дорогу к нужному дому, увлечённо при этом жестикулируя.

Собачники выгуливали своих питомцев. И те, и другие — разных размеров и разных характеров. Одни собаки горделиво и чинно следовали за хозяевами, другие беспрерывно повизгивали, беспокойно металась вокруг. Большой старый пёс заметил вдалеке кошку, или ему только причудилось, что он её видел. И нюх, и зрение уже далеко не те, что были раньше. Ровно, как и у его хозяина. Громогласный лай ворвался в звуковой фон двора.

Андрей обернулся на лай, подошёл к знакомому подъезду и набрал номер квартиры в домофоне. По привычке достал из кармана телефон, глянул часы на экране. Время: 20:15.

Последняя пятница сентября. Настроение приподнятое, чувствовалось приближение небольшого праздника и значительных перемен в жизни. Сегодня он отработал последний рабочий день и ушёл со старого места работы. Наконец не видеть больше опостылевших лиц, не слушать их идиотских разговоров, не контролировать каждый мускул на лице, каждую интонацию в голосе, чтобы не выдать того, что на самом деле было у него на уме. Наконец-то распрощаться с бесперебойным графиком работы, который превращался в график жизни. Приятное дуновение свободы пьянило. Однако опьянеть Андрею хотелось по-настоящему. Случай представился наилучший. Казалось, что он уже много лет не видел своих друзей. Единственных двух людей, кого он мог ещё так называть, пребывая в полной уверенности в своих словах.

— Кто там? — раздался голос в домофоне. Незнакомый, старческий, трескучий женский голос, который при всём желании никак не мог быть похож на голос Оли. Андрей на несколько секунд растерялся, но всё-таки ответил:

— Это я. Откройте, пожалуйста!

— Какой-такой, «я»? Ничего не знаю, никого не жду! Наркоманы проклятые, достали уже в подъезд к нам ходиют и ходиют! Убирайтесь, пока милицию не вызвала!

Андрей в замешательстве нажал на кнопку «С», прерывая тем самым растянувшуюся тираду. Смущённо перевёл взгляд на лавочку около подъезда, где за ним всё это время внимательно наблюдали три пары глаз, обладательницы которых, видимо, являлись подругами «Стражницы подъезда». Они стихли и внимательно следили за молодым человеком, придирчиво разглядывая каждую складочку его одежды, пытаясь сопоставить его внешний вид со своими представлениями о наркоманах. Одна из них — самая грузная — хрипло спросила, к кому это он пришёл. Андрей назвал фамилию Виктора, а сам в это время

лихорадочно вспоминал правильный номер квартиры.

— Я таких не знаю. С какого этажа?

— С десятого, — ответил ей Андрей. Даже понимая, что он ни в чём не виноват — никакой он не наркоман и в подъезд ему нужно по уважительной причине — Андрей чувствовал себя очень неловко под грозным взглядом лавочного дозора. «Как же я перепутал, чёрт!»

Он набрал нужный номер квартиры, ругая себя за то, что вместо «143» набрал «134».

— Заваливайся, ты чего там застрял? — бодрый голос Виктора и последующий утвердительный писк домофона разрешили неловкую ситуацию.

Наконец дверь в подъезд открылась. Андрей, в раздумьях, что этот отряд «морщин и складок» — лучшая защита подъезда от маньяков и наркоманов, зашёл в прохладный и тёмный подъезд, направился к лифту. Там он спугнул парочку целовавшихся школьников, максимум, лет четырнадцати на вид, которые с хихиканьем выбежали в приоткрытую подъездную дверь. Лифт пришёл практически сразу. Пожилой собачник, не обратив никакого внимания на Андрея, вышел, держа на поводу похожего на хозяина, такого же пожилого мопса, который безучастно понюхал ногу Андрея, пока его владелец выходил из открывшейся кабины. Андрей зашёл внутрь, облегчённо выдохнул. Ещё одна, не особо им любимая вылазка на люди закончилась. Нажал на кнопку «10», и лифт не спеша потянул его на верх.

— Ну наконец-то! Давай заходи, жаждались уже тебя, — из крайней справа квартиры высовывался улыбающийся Витя.

Андрей подошёл к нему, они пожали друг другу руки, зашли в уютную прихожую. У Вити с Олей была просторная двухкомнатная квартира, со всеми удобствами, в которой они души не чаяли.

Виктор был ребёнком обеспеченных родителей, и до его двадцати двух лет они жили в большой многокомнатной квартире в центре. Но, так как его родители уже вышли на пенсию, а помимо Вити, у них было ещё двое детей, решили снабдить их всех отдельным жильём. Большую квартиру, конечно, продали. Вите, как младшему, досталась самая скромная квартирка, но, негласно, самая большая финансовая поддержка. Они с Ольгой обосновались там, изо всех сил излучая трепетную благодарность в ответ на ворчание. И жили в ней уже третий год, без поводов для жалоб. Деньги им стабильно перечислялись каждый месяц от родителей Виктора. Они тоже не прозябали в лени и бездействии — работали, и хоть какие-то крохи, но в семейный бюджет заносили охотно. Рассчитывали в скором времени и вовсе освободиться от родительского «пансиона».

— Ну, здорово! Как ты, дружище? Всё ряху отъедаешь? Куда Ольку спрятал? Или она не хочет меня встречать?

Андрей очутился в приятном полумраке прихожей, снял куртку, повесил её на крючок, разулся и зашёл в большую комнату, где увидел хозяйку домашнего очага этих квадратных метров жилья, — Олю. Она была невысокой стройной блондинкой, с длинными волосами, аккуратно подстриженными; простым, но притягивающим какой-то внутренней красотой лицом; обладала теми чертами фигуры, которые, хоть и не были особо пышными и вызывающими, но тем не менее оставались настолько очаровательными, что при взгляде на них мужской разум погружался в приятный туман, полный лишь сладострастных желаний. Одета Оля была по-домашнему неброско. Спортивные штаны чёрного цвета и розовая футболка, с изображённым на ней милым белым медведем. При всём этом, даже столь

неброская одежда придавала ей приятной, «домашней» эротичности, в нужных местах обтягивая, а в ненужных укрывая малочисленные огрехи её фигуры.

Ольга сидела на большом, светлом, явно новом диване, игриво стараясь не замечать гостя, лениво нажимая своими пальчиками на экран планшета. На стене напротив дивана висела приличных размеров плазма, которая выдавала беззвучное изображение какого-то музыкального клипа. Двери балкона были немного приоткрыты, из них тянуло свежим воздухом вперемешку со слабым запахом сигарет. Посреди комнаты, на тёмно-бордовом коврике, под небольшим столиком, заставленным излишнем для такой маленькой компании гастрономическим изобилием, лежала кошка. Она напряглась сперва из-за прихода незнакомца и выпучила на него свои изумрудные глаза, обдумывая, не лучше ли ей куда-нибудь быстренько скрыться от греха подальше. Но, распознав знакомый запах, по которому она даже соскучилась, чей обладатель сулил ей только нежными поглаживаниями, поднялась со своего места, грациозно потянулась, распушив блестящую, чёрную шёрстку, подошла к гостю и потёрлась об его ногу, ожидая ответных приветствий.

— Привет-привет! Рада тебя видеть, Андрюша! — отложив планшет в сторону, поздоровалась Оля и встала навстречу гостю. Лёгонько оттолкнув животное ногой, она обняла старого друга.

Андрей при объятии почувствовал тот самый, пленяющий запах, которым был полностью заморожен когда-то. Но то время давно закончилось. Каким бы сладостным не был этот отголосок из прошлого.

Милый прищур, сводящая с ума улыбка одними уголками губ, нежный тихий голосок уже не выдирали кусок души, не лишали разума. «Оля — мой друг, практически, моя сестра.» — резко вспыхнула, поглощающая его полностью, спасительная мысль. За неё он цеплялся много лет. С того самого дня, когда она выбрала Виктора, а не его. А скорее, даже и раньше. Пусть так. Андрей давно в глубине души смирился с этим и после того дня, когда Ольга прошептала: «не с тобой», на его пьяное воззвание, прошло уже много лет. Теперь, это лишь отголосок прошлого, один из мостиков, ведущих их в настоящее. Ничего больше. Он и она прекрасно это понимали, и никто не хотел оспаривать давнишние решения.

— Ты, как всегда, — красотка, — шепнул ей на ухо Андрей.

— Перестань. Я правда рада тебя видеть. И он ещё больше, ты ведь сам знаешь. Нам тебя не хватало.

— Это же те самые серьги, которые я тебе подарил на день рождения? — едва задев ушко Ольги, притронулся к украшениям Андрей. Он внимательно разглядывал серёжку, будто собираясь навсегда отложить в памяти каждую, самую мелкую и незначительную деталь.

— Ну да. Что-то не так?

— Всё так... Просто, ты не обязана была надевать их сегодня, только из-за того, что я приду.

— Вот ещё — мило фыркнула Ольга, — это очень красивые серёжки! Я их часто ношу, — ответила она, после чего тихонько рассмеялась. Тем самым смехом, от которого когда-то шли мурашки по коже, а в голове будто разливался густой, сковывающий разум туман.

— Это очень многое значит для меня... знай, Оля, я бы никогда...

— Эй, хватит ворковать, идите к столу! Ох, как же я скучал по всему этому милому пьянству!

Из кухни появился Виктор с бутылкой хорошего виски в руках. Андрей ухмыльнулся про себя от понимания того, как же давно они уже дружили. Ещё с самого детства, с того самого дня, когда они перешагнули порог школы. Два детских взгляда, вступающих в новый мир в полном одиночестве, искали вокруг хоть какую-то поддержку. И нашли, в итоге.

Оказалось, что заочно они ещё до своего попадания в первый «б» были знакомы. Их родители жили в соседних подъездах, вели знакомство друг с другом, а со знакомством и дружбой своих чад стали часто ходить друг другу в гости. Школьные годы летели чересчур быстро. Пускай, в глубине души, оба мальчика не хотели, чтобы прекрасное детство кончалось когда-нибудь, но они ясно понимали, а скорее ощущали, хрупкость их мирка.

Вокруг их дружбы строился весь класс, но немногим доводилось войти в категорию близких. Шмат времени — в который вмещалось становление личностей мальчиков, в переживании ими разных событий, ситуаций и судьбоносных выборов — назывался их детством. Кто-то выпадал навечно из их круга, кто-то старался разлучить друзей, да и между ними было полно разногласий, но так они и выросли, набирались опыта, становясь старше, и какие бы испытания не доводились на их долю, они выдерживали их вместе, с честью понимая и дорожа самой сутью их дружбы.

Витю после девятого класса родители перевели в другую, дорогую частную школу, далеко от дома. Тем самым они надеялись, что младший сын получит лучшее образование. Смена школы не стала поводом для разрыва. Не стал поводом и последующий переезд семьи Виктора в другую, большую квартиру в новом элитном районе. Друзья продолжали общаться, несмотря ни на что. Закончили свои школы. Витя так и не стал в новом классе до конца своим. Он был не из тех, кого можно было безнаказанно обижать, но и той степени вовлеченности и родства с коллективом, родства со школой, он добиться не смог. Да и не хотел. От чего порой чувствовал себя потерянным, одиноким, отделённым и ненужным. Но стоило вернуться домой, скооперироваться с Андреем, вернуться в родной район, со всеми его неразберихами, и сразу становилось гораздо легче. Каждый из них выбирал свой путь, по которому следовать в жизни. С уважением и пониманием относясь к выбору другого.

Потом они поступили в разные университеты. Со студенчеством началась новая жизнь, в которой их детская привязанность отступила на второй план. Конечно, бывали периоды, что они долго не виделись или общались совсем не на том, полном доверия и взаимопонимания уровне. Два университета, серьёзно разнившиеся в статусе, две новые, разные компании, проявление новых стремлений и мановений ветров жизни. Новый, огромный мир открывался для них после окончания школы. С этим миром пришла и опьяняющая, кружащая голову свобода, с которой так трудно совладать и употребить её на благо. Серьёзное испытание дружбы, которое было сладко замаскировано под огромный свод новых возможностей.

Но, несмотря ни на что, они продолжали дружить, и оба очень дорожили этой дружбой, которая связывала их с прошлым, с их ушедшим детством, со многим, от чего они ушли, отказались навек.

А Ольга — ещё с первого появления этой, тогда несуразной девчонки, которой непреодолимо хотелось подставить плечо поддержки, в их дворе — сразу стала связующей нитью, живым символом прошлого; верным, мудрым спутником настоящего и непреклонным, обнадёживающим светом будущего. Да, ей пришлось выбрать только одного из них. И она сделала свой выбор, не разрушив старой дружбы, не оттеснив одного друга от другого, а наоборот, казалось, став живым символом, закрепляющим их узы в треугольник.

Не тот треугольник, в котором два сердца объединены навязчивой тягой к третьему, не тот пошлый любовный треугольник, от банальности и неприменимости которого начинало мутить. Треугольник Вити, Андрея и Ольги был чем-то, вроде нерушимой связи, негласной клятвы, в которой один есть часть целого, а целое — это безграничный манифест жизни, который связует внутри своих граней прошлое, настоящее и будущее.

Андрей перевёл взгляд на друга, заметив, что Витя несколько изменился. Всегда начисто выбритый, теперь, следуя моде, отрастил внушительную растительность на лице. Андрей даже немного позавидовал тому, как органично она смотрелась на лице друга, сочетаясь со стрижкой под «ёжик». Сам Андрей обрастал неравномерно, клочками и завихрениями, ненавидя, когда у него вырастали мерзкие, по его мнению, усики и торчащая во все стороны неаккуратная борода. Поэтому не оставалось ничего иного, кроме как постоянно добросовестно начисто бриться. Виктор заметно поправился, видно не от плохой жизни и тяжкого труда. Но он был не пухлым и не толстым, а просто внезапно покрупневшим парнем двадцати пяти лет, к которому не всякий случайный проходимец рискнул бы привязаться в тёмные времена. Андрей усмехнулся про себя, вспомнив Виктора подростком: длинным, тонким, нескладным, с вечно взъерошенными волосами и обсыпавшими всё лицо прыщами.

Без долгих отступлений, Витя разлил «на два пальца» виски. Оля попросила, чтобы ей разбавили кока-колой. Они встали маленьким кругом, торжественно подняли бокалы, Витя начал косноязычно произносить какой-то замысловатый тост, но сбился, махнул рукой и просто сказал:

— Ну, дружище, давай за встречу! Мы рады тебя видеть!

Андрей мыл руки в ванной комнате. Он чувствовал, что уже изрядно набрался. После той бутылки, выпитой за приятной, непринуждённой беседой, появилась вторая — точно такая же. Незаметно на столе очутилась третья, но уже поменьше — сувенирная. Удивительно быстро исчезали со стола и наготовленные Ольгой вкусности. В разговорах прошлое преобладало над настоящим. Крепкий алкоголь подошёл к концу, расхотелось. Наперекор правилу не понижать градус, Виктор сейчас искал припрятанные в холодильнике запасы пива.

Из комнаты доносился залиvistый смех Ольги. Она говорила по телефону, видимо, с подружкой, настойчиво приглашая её приехать к ним в гости. Из приоткрытой двери ванной до Андрея долетали невнятные отрывки её разговора:

— Да совсем не поздно... нет... да, с нами Андрей. Я ведь рассказывала, — услышав своё имя, Андрей прислушался.

— ... рассказывала, да. Он не прочь познакомиться... конечно, свободен! — новый смешок, Ольга замолчала, выслушивая собеседницу, потом продолжила:

— Хочешь, такси тебе оплатим? На такси-то, чего тебе бояться? Дурочка, что ли? Ну напишешь мне номер машины... Ладно, как знаешь, пока. Куда я денусь, выйду, конечно. Ага-ага. Пока, Настя. Витя!

Андрей проводил взглядом направляющуюся на кухню девушку. Вытер руки тошнотворно-розовым полотенцем. Плотно закрыл дверь, защёлкнул замочек, взглянул на себя в зеркало. Видок оставлял желать лучшего: покрасневшие пьяные глаза выглядели впалыми и уставшими; опухшее, покрасневшееся лицо с торчащими скулами; неаккуратно отросшие светлые волосы — кошмар парикмахера, которые уже начинали лезть в глаза; маленький прыщ на левой щеке и лёгкое раздражение после бритья на подбородке дополняли картину. Андрей улыбнулся своему отражению, но улыбка не придала ему весёлости.

Он не мог определить, откуда вдруг накатила тоска посреди веселья. Было ли это простым влиянием алкоголя или чем-то другим, более сильным и непонятным, чем-то гложущем его уже долгое время. Этому чему-то, Андрей был уверен, совсем не место здесь и сейчас. Нет, думал он, скорее всё гораздо прозаичнее. Это просто-напросто услышанный разговор Оли, который и заставил его на короткий миг почувствовать эту особую, пьяную грусть. Этим точно не стоило забивать голову.

Ольга вечно старалась познакомить его со своими свободными подружками. Кто знает, быть может, чувствуя себя виноватой в том судьбоносном отказе, случившемся годы назад. То ли, будучи уверенной, что её выбор может принести Андрею больше счастья, чем тот, который он сделает самостоятельно. И да, пару раз эти знакомства оказывались более-менее успешными, но весьма непродолжительными. Вообще, в отличие от Виктора, встречающегося с Ольгой ещё со школьной скамьи (хоть и временами загуливающего, а после, изо всех сил, с полным самоуничтожения укором, клявшегося себе, что это никогда больше не повторится), Андрей никогда не мог выстроить длительных отношений. Таких, которые могли бы перерасти во что-то по-настоящему серьёзное. Часто он сам искал поводы для разрыва, никому не раскрывая истинных причин для этого, даже самому себе. Но, казалось, это совсем его не волновало. В своём одиночестве он не находил ничего плохого,

порой оно ему даже искренне нравилось. «Не нашёл я пока ту, единственную. А что-то изображать из себя, фальшивить, врать друг другу — мне не хочется. А что-то вроде, перепихона на одну ночь, — с этим проблем нет. Интересы к этому тоже нет.» После подобных ответов, Андрей всем своим видом демонстрировал, что разговор на эту тему окончен.

Вдохновлённая атмосферой этого вечера Оля решила предпринять ещё одну попытку найти другу девушку, пускай и не пребывая в полной уверенности, что он это оценит.

Андрей умылся несколько раз холодной водой, чтобы немного сбить хмель, собраться с мыслями. До конца стряхнул с себя остатки негатива, решив, что ничем не выдаст и намёка на свою минутную мрачность.

— Эй! Ты чего там застрял? Пойдём обратно, я то тёмное нашёл — твоё любимое! — заплетающимся языком пробурчал по ту сторону двери Витя. — Прямоком из Чехии. Брательник с последней командировки привёз.

Андрей вытер лицо, на этот раз используя другое, махровое, большое белое полотенце, несильно похлопал себя по щекам, открыл дверь и направился следом за другом.

— Олечка, это вам! — поставив на столик пиво, Виктор сел рядом с девушкой на диван, приобняв её за плечи.

— Что, все три бутылки мне? Напоить меня решил? — шутливо ответила Оля.

— Ага. А потом у меня есть на тебя кое-какие планы, — Витя пьяно рассмеялся, взял бутылку, открутил крышку и сделал большой глоток, после чего притянул к себе девушку, плотно прижмурив своими губами к её.

Андрей, потирая лицо, увидел целующуюся парочку своих друзей, опустил глаза, стараясь не смотреть на них, прошёл к столику, открыл свою бутылку пива, сделал глоток и с силой плюхнулся на диван, надеясь своим движением оторвать Витю и Олю друг от друга. Обнаружив под собой пульт от телевизора, Андрей начал бесцельно переключать каналы. Остановился на одном из круглосуточных — новостных. Обратил внимание, что часы показывали уже 01:30.

— Продолжаем серию репортажей с города N, где последние несколько месяцев жители потрясены прокатившейся серией жестоких убийств, — донеслась из телевизора речь девушки-диктора за кадром. На экране чередовались съёмки знакомых с детства мест родного для всей троицы города. Центральная площадь менялась узкими улицами, следом шли дворы потрёпанных «хрущёвок», а за ними тянувшиеся к серым облакам крыши высоток. На общих планах мелькали случайные люди на улицах города, занимающиеся своими делами, неожиданно застигнутые вездесущей камерой. Видеоряд сопровождался тревожной музыкой. После вступления, начались кадры, непосредственно связанные с сюжетом.

— Ой, Андрюха, выруби ты этот долбаный грузняк, — отцепив свои губы от Олиных и вскользь бросив взгляд на экран телевизора, сказал Виктор.

— Давайте послушаем, мне интересно. Вдруг, ещё одно тело нашли? — сказала Оля и буквально впиалась всем своим вниманием в экран. Вите ничего не оставалось, кроме как пожать плечами, сделать ещё один большой глоток пива и недовольно буркнуть:

— Ты же смотрела уже сегодня. Думаешь, что-то новое скажут?

В репортаже говорилось, что серийный убийца, окрещённый СМИ «Циферщик» орудует в районе теплотрасс и большого городского пустыря. Нападает и убивает молодых девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Жертвы либо задушены, либо с

черепно-мозговыми травмами, несовместимыми с жизнью. Всех их находили раздетыми полностью, с раскинутыми в позе звезды руками и ногами. Их одежда так и не была найдена, никаких улик убийца не оставлял. Отличительной чертой маньяка являлась цифра, нарисованная губной помадой на теле всех девушек. Следствие предполагало, что это порядковый номер жертв. Фигурировала версия, что убийства могла совершать женщина. На всех убитых отсутствовали следы сексуального насилия или какого-либо глумления над трупом.

Дальше показали должностных лиц, обещающих в скорое время положить конец убийствам и найти преступника. Так же эти лица предупреждали девушек избегать появления на улице в одиночестве, особенно в тёмное время суток. Всех граждан просили проявлять максимальную бдительность и при малейших подозрениях незамедлительно обращаться в правоохранительные органы.

— Ох, какой ужас! — Оля покачала головой, одновременно с этим прикрыв рот ладонью. — Уже и на центральных каналах об этом говорят.

— Вот так вот, Ольга. Без меня вечером из дома ни ногой, — пьяно-жизнерадостным, весёлым голосом ответил ей Виктор.

— Да, вот почему Настя отказалась к нам приехать, даже на такси. Говорит, ей всё равно страшно. А ведь она не из трусливых. Да что уж тут, мне самой иногда страшно становится. Как представишь, что всё это реально, всё это в нашем городе происходит. Когда никому нельзя верить. От этого — самый страх. Смотришь на прохожих и не знаешь, что у каждого из них на уме, от кого ждать опасности. Как смириться с тем, что убийца может оказаться совсем рядом с тобой? С этим сложно жить. Назовите меня душой, но мне сейчас очень страшно кому-то довериться, кому-то помочь, если попросят. Чёртов маньяк — заставляет весь город жить в страхе. Заставляет всех бояться друг друга, понимаете?

Андрей поставил бутылку обратно на столик, откинулся на спинку дивана. Виктор забрал у него пульт, переключил на другой канал, где показывали старенькую, глупую и наивную комедию.

— Ну а что тут такого, — ответил девушке Виктор, — не доверять людям? Правильно, что ты не ведёшься на любой развод, пусть и прикрывающийся призывами о помощи. Почему мы тебя должны душой называть?

— Но это ведь неправильно! А если, кто-то будет кричать из подворотни, звать на помощь, а ты просто пройдёшь мимо, боясь за свою шкуру, тем самым, убив человека? Я, лично, не могу пройти мимо человеческой беды.

— Наивная ты, Оля! Какое тебе дело до незнакомых людей?

— Как это, какое? Ты что, правда не понимаешь?

— Да, Оля, может быть, ты в чём-то права. Хотите, своё небольшое приключение расскажу? — Андрей поднялся с дивана, прошёлся по комнате, а после начал свой рассказ:

— Забавный случай, в тему. Как раз сегодня приключился, когда я до вас добирался. Доехал я до нужной остановки, выхожу, иду к вам, никого не трогаю. Впереди меня идёт девушка. Невзрачная такая девчонка, я на неё и внимание никакого не обращал, пока мы в переулок не завернули. Она вдруг оборачивается ко мне и чем-то в лицо тычет. А у меня в наушниках музыка, на душе легко, я даже сразу не сообразил, что к чему. Но догадался, что это у неё газовый баллончик в руках, — Андрей ухмыльнулся, сделал паузу, в которую Витя вставил свой незначительный комментарий, а Оля слушала молча и внимательно.

— А я ведь вообще никакого повода не давал! С чего она решила так себя повести? Как

бы там ни было, пришлось один наушник вытащить. У неё глаза перепуганные, что-то непонятное бормочет. Мне смешно отчего-то стало. Ну, я руки поднял, мол, сдаюсь! Стою улыбаюсь, разглядываю её. А она мне выдаёт: «ты чего меня преследуешь?» Вы представьте только, что я её — незнакомую, невзрачную, некрасивую девчонку, у которой на лице написано, что она домой к бабушке идёт, — преследую! Я сразу сказал, что она ошиблась. Что я вообще в её сторону ни единой плохой мысли не отпустил. А она стоит, вцепилась в свой баллончик, как священник в распятие, и ни туда ни сюда. Только потом, кажется, начала понимать, что время ещё не позднее, людей кругом куча, и все на нас пялятся. Ей даже самой неудобно стало, убрала своё оружие в сумочку, о чём-то со мной ещё пыталась говорить. Оригинальный способ познакомиться, ага? Да ведь нет. Она, на самом деле, была чертовски напугана! Ну, вот и вся история. Я ей ухмыльнулся, сказал что-то ободряющее и дальше пошёл.

Закончив, Андрей подошёл к балконной двери в раздумьях, выйти покурить или нет. Надумав, он развернулся, облокотился на подоконник, подвинув горшок с непонятным растением.

— Да, такие дела, — начала Оля. — А представь, если бы дело было поздней ночью, людей бы вокруг не было, а вместо баллончика у неё был пистолет? Страх меняет людей, толкает их на поступки, которые они, казалось, никогда бы не совершили. И сейчас, в нашем городе, из-за одного гада всё провоняло страхом!

— Оле, пожалуй, больше не наливать! — сказал Виктор, на которого эта история не произвела никакого впечатления. Более того, сама тема была ему не по душе. — Слыхали, что по телеку говорят: баба, возможно, убивает? Что за бред? В новостях всё собирают, лишь бы было, что показывать. Пускай народ лучше маньяка обсуждает, чем то дерьмо, которое кругом в стране творится. Поэтому я и стараюсь телевизор не смотреть особо и вам не советую.

С этими словами Виктор решительно выключил чёрное зеркало, поднялся с дивана, опустил пустую бутылку на столик и с наслаждением потянулся.

— А вообще, не самые интересные темы вы поднимаете, господа! У нас сегодня веселье или не веселье? — Виктору совершенно не нравились все эти разговоры, и он старался сменить тему. Ещё когда о маньяке не было объявлено официально и народ только сплетничал по этому поводу, ему уже успели надоест подобные дискуссии. А в последнее время к этим убийствам сводилась в итоге каждая вторая беседа. Казалось, небольшой городок только и жил, что этим маньяком и его делами. Всё это портило Виктору настроение, потому что одна из жертв была его знакомой. Не близкой, так, скорее, знакомая знакомых. Но несмотря ни на что Виктору пришла повестка в полицию. Он оставил это в тайне от Ольги, но, конечно, сходил туда и рассказал всё, что знал. А знал он ровным счётом ничего.

Однако кое-что заставляло его сильно нервничать и трястись в кабинете следователя. На день предполагаемого убийства у него не было алиби. Виктор понятия не имел, что он делал в тот день, будто выпавший из жизни, и никак не мог вспомнить. Скорее всего, он просто провалялся дома в свой выходной. Но подтвердить это было некому. Оля, как назло, в ту неделю уезжала из города ухаживать за больной бабушкой.

В итоге, скучающего вида капитан похоже совсем не заинтересовался Виктором. Выйдя из РОВД, Виктор курил сигареты одну за другой и даже дал себе обещание завести ежедневник, который он будет прилежно заполнять. Наслышавшись ужасов о полицейском

беспределе, почитав в интернете, сколько безвинно осуждённых было по делу того же Чикатило, он чувствовал, как ему повезло, что его не стали «раскручивать» дальше. Однако неприятный осадок от этого допроса, от неприветливых, подозрительных взглядов, глядевших на него со всех сторон, остался всё равно. Да и осознать, что одну из жертв он когда-то видел живой, разговаривал с ней, а теперь она мертва, — было тяжело. Это придавало жизненной реалистичности всем страшным кадрам, которые он видел. Вкрадывалось в жизнь, касалось лично его, переставало быть чем-то чужим и далёким, каким оно представлялось из новостных сюжетов.

— А что, среди женщин тоже много маньячек было, — Оля вставила своё замечание, будто, между прочим.

— Ольга, вы хотите нам в чём-то признаться? — пошутил Андрей.

— Дурак, что ли? — в возмущении, Оля широко распахнула глаза, — а может, это ты? Как раз мы месяца три не виделись, а, как говорят, именно тогда и нашли первое тело.

— Кто знает, может и так, а может, и нет. Но я бы на твоём месте почаще оглядывался, — стараясь сделать голос максимально зловещим и таинственным, ответил Андрей. Оля только усмехнулась.

— Вообще-то, поводов для смеха мало. Если вы забыли: девушек убили и их не вернуть. У них остались родители, братья, сёстры, дети даже, может быть! — одёрнул помрачневший Витя, крутивший в это время между пальцев сигарету, неодобрительно переводя взгляд с Андрея на Ольгу. Девушка чуть потупилась, а его друг продолжал скалиться.

— Ну а почему мы должны, как та девчонка, пугаться каждой тени? Как сказала Оля: «жить в страхе», — последние слова он произнёс с нарочито полным пафоса голосом. Подмигнув Оле, Андрей добавил:

— Немного чёрного юморка не повредит в любой ситуации.

Андрей большим глотком осушил бутылку. Оля, не сумев сдержаться, сладко зевнула. По-детски потёрла глаза кулачками. Она засиделась намного дольше, чем планировала. С утра её ждал новый рабочий день, к её «удовольствию», выпавший на субботу.

— А вдруг этот маньяк вообще ты сам, Витя? Вон, тебе Ольга и алиби, если что придумает. Да и конспирация хорошая. Живу вот с девушкой, работаю, денег навалом. Но жить скучно — вот по вечерам девок и мочу. При чём, даже не насилуешь! Наверное, у вас с Олей, на самом деле, всё отлично в этом плане! — начав с серьёзным, обвинительным лицом, к концу снова рассмеялся Андрей.

— Знаете, по-моему, в том, что он их просто убивает, есть что-то зловещее. Ради чего он это делает? Какой мотив? Вот мы тут шутим, а ведь правда, — этим убийцей может оказаться кто угодно, — задумчиво сказала Ольга.

Виктора укололо слово «алиби», да и вообще всё это обвинение. Он запнулся, не в силах придумать, как отшутиться.

— Вот, Витёк-то притих! Я, похоже, угадал. А куда барахло-то их деваешь, Витян? Ольке на подарочки? — Андрей шутил дальше. Озадаченный вид друга, лицо которого явно выражало напряжённый мыслительный процесс, изрядно забавлял его.

— Ой, да пошёл ты! Всё, достаточно с меня ваших маньяков, — махнул рукой Виктор, признавая своё поражение. — Оля, ложись спать, если хочешь. Я вижу, ты устала.

Оля потянулась, зевнула ещё раз и, кивнув, ответила:

— Да, пожалуй. Мне на сегодня более чем достаточно. На работу завтра рано вставать. Только не шумите сильно, хорошо? Андрей, ты, надеюсь, останешься?

— Наверное, а то маньяки же разгуливают, сама знаешь.

— А тебе чего бояться, ты ведь не девочка?

— Это им меня надо бояться! Если бы он мне попался под пьяную руку, — маньячить больше не захотелось бы, — Андрей горделиво приосанился и добавил, — так что, уберём на сегодня исчезающий вид?

— Хорошо, здесь тогда ляжешь. Сейчас тебе постелить?

— Да сами разберёмся, Оль. Мы ещё посидим. Ложись давай, солнце, спокойной ночи! — Виктор чмокнул девушку, изрядно при этом пошатываясь. В голове всё плыло от выпитого, но при этом ему было очень приятно и легко на душе.

— Ладно, постарайтесь вести себя хорошо. Я очень рада была тебя видеть, Андрей, — Оля подошла к нему, обняла, обдав ароматом своих волос.

— Я тоже рад, Оля. Спасибо за обалденный ужин. Спокойной ночи! Спасибо, что нашли время и не забыли ещё обо мне. Я очень скучал. — Незаметно от Виктора прошептал он ей на ушко последние слова. Оля с улыбкой кивнула и одними губами прошептала: «Я знаю».

Оля послала им обоим воздушный поцелуй на прощание и скрылась в полумраке коридора. Раздался звук закрывшейся двери. Молодые люди синхронно проводили взглядом её выход из комнаты. Потом посмотрели друг на друга.

— Такие дела, — пожал плечами Виктор.

— Ага, вижу. Пойдём, покурим?

На город опустилась ветреная сентябрьская ночь. Вместе с ней пришла и пробирающая прохлада с призраком предстоящей зимы. Одиноким прохожий торопливо крался к своему подъезду. Где-то вне видимости разносились повышенные недовольные голоса. Громко разбилась стеклянная бутылка и голоса притихли.

Время приближалось к двум часам. Лишь в паре окон на весь двор до сих пор горел свет.

Свора бродячих собак деловито пробежала через двор. Одна из них отстала и, увидев что-то в темноте, зашлась тревожным лаем. Лай перешёл в настороженный вой. Псина оглянулась по сторонам и поняла, что осталась в одиночестве. Жалостливо поскулив в темноту, она бросилась вдогонку за своей стаей.

Откуда-то сверху, с балконов, спикировали вниз два сигаретных бычка. Один из них взорвался искрами, не долетая до земли. Следом обрушилась, отскакивая по асфальту, пустая смятая пачка сигарет.

Андрей с Виктором докурили, вышли с балкона. Хозяин дома пошёл на кухню за очередной дозой алкоголя. Андрей взял нетронутую Олину бутылку пива, открыл её, плюхнулся на диван, достал из кармана телефон и пьяным взором уставился в экран.

— Фух, не была бы эта бутылка лишней! У меня же дела ещё на завтра какие-то были. — Вернулся Виктор с подкреплением к небольшой флотилии пустых стекляшек.

— Да ладно, были бы дела — не стал бы бухать. Что, Оля всё ещё в ЦУМе барахлы продаёт?

— Всё там же. А я всё так же в офисе штаны протираю. И ничего не меняется.

— Свадьбу сыграть не надумали?

Виктор поморщился от этого вопроса. Как же ему надоело слышать его ото всех своих родных, друзей и просто знакомых, а также ото всех родных, друзей и знакомых Ольги. Он до сих пор не мог сам для себя понять: хочет ли он этого или нет. С одной стороны, вроде решение логичное, негласно даже уже принятое, да и ему самому порой этого сильно хотелось. Но с другой стороны, его коробило от всех этих стереотипов общества. Будто он не личность, а запрограммированный робот, от которого ждут получения образования, устройства на хорошую работу, женитьбы и создания новых роботов, которые должны будут выполнять ту же самую программу. Так он думал, но при этом попросту боялся ответственности, боялся этого ограничения его личной свободы, формализма в отношении с его Олечкой. Брак казался той точкой, что может развеять волшебство их привязанности.

В то же время были на его душе и другие причины, наполнявшие его неуверенностью и бросающие в дрожь, едва они принимали форму определённости в его мыслях. Он боялся их и никому о них не говорил. Даже задумываться об этом было невыносимо, и Виктор всячески избегал этого. Он посмотрел на Андрея, на своего лучшего друга, и пьяный мозг спонтанно решил начать разговор, который, как думал Виктор, никогда и ни с кем не состоится.

— Да, свадьба... Ты далеко не из первой сотни людей, кто задаёт этот вопрос. Вроде и можно, и даже нужно. Я её даже людям представляю иногда как свою невесту. Предки мои обеими руками «за», хоть и не говорят об этом открыто. Станный они народ. Вроде ворчат, ворчат всё время, а самим давно внуков хочется и, как я думаю, никого в роли их матери

кроме Оли они не видят. Сестра переехала, брат по командировкам. Только на нас с Ольгой все надежды. Ну а с её стариками не так всё просто. Помнишь же её мамашу?

— Импозантная женщина. Всегда в ней был какой-то прибабах. Ну ничего поди, сама обрадуется, если решитесь. Твои точно не зажмут на такое дело. А я бы с радостью оттянулся на вашей свадьбе. Если, конечно, позовёшь! — перебил его Андрей и хохотнул.

— Если вообще до этого дойдёт. Чё загадывать? Слушай, Андрюха, я хочу с тобой кое о чём серьёзно поговорить.

Андрей пьяными глазами поглядел на Виктора, изо всех сил стараясь состряпать соответствующее, внимательное лицо. Он ждал какой-то скучной и несвязной истории от своего друга, наполненной нытьём, воспоминаниями о девчонке, которая лет пять назад ему очень приглянулась, но отказала. Андрей ещё по их давнишним гулянкам до полного состояния «не стояния» помнил, что Виктор — нет-нет — да вспоминает ту девочку и ноет о том, что может, вот кто — его настоящая вторая половинка, а совсем не Оля. Андрея эта тема достала ещё давно. Это были неискренние, надуманные, пьяные и несерьёзные разговоры, при чём оба понимали всю пустяковость подобных бесед. Но Андрей всё же решил терпеливо выслушать друга.

— Давай, начинай, — вздохнул Андрей, отпив немного пива.

— Нет, знаешь, — это такая тема, о которой я вообще ни с кем, никогда не разговаривал. Ты — мой лучший друг, Андрюха. Если не с тобой об этом говорить, то я вообще не знаю...

Андрею вспомнился случай, как Витя, классе в седьмом, отбил у него девчонку. Теперь ему отчего-то показалось, что разговор пойдёт о чём-то подобном.

— Да, конечно, давай выкладывай уже, а то я засну раньше, чем ты начнёшь, — Андрей демонстративно зевнул.

— Ладно. Так, с чего бы начать? Короче, в последнее время у нас с Олей проблемы.

— Ну что же, давайте поговорим об этом. Какого рода проблемы вас беспокоят? — голосом изображая из себя уставшего от серости бытия психолога, ответил Андрей.

— Да нет, погоди, не перебивай, — Виктор старался собраться с мыслями, что было непросто из-за объёмов выпитого и деликатности темы. — Я помню, когда мы только начинали встречаться, — то это было что-то! Не могли оторваться друг от друга. А в последнее время, скажу прямо, не стебись только...

Виктор выдержал драматическую паузу, выдохнул и признался:

— Не встаёт.

Андрей сперва хотел рассмеяться и тут же придумал кучу острот и подколок, но поняв, что этот разговор серьёзно напрягал его друга, не стал их озвучивать, а только тупо спросил:

— Что, вообще?

— Да нет, в большинстве случаев получается, всё отлично. А порой, вообще никак. Ей это не нравится, конечно, я же вижу. Но прямо ничего не говорит, подбадривает только, будто это ерунда. Я пару раз списал на то, что выпивший был, ещё пару раз, что действительно устал — глаза слипались. Но эти беды уже полгода у меня. А я ведь не старик какой-то! Дружище, мне только двадцать пять! Ну, думаю, приелась может мне Олька, наскучила. Хоть и не верю в это, честно. Выдался случай попробовать с другой. Там у коллеги с работы день рождения был летом. Отмечали в сауне, выпили, девочки появились, как будто сами собой. Так вот, уединился я с одной...

— И не получилось?

— Вообще ноль реакции. Я хоть и пьяный был, и девка, прямо скажем, — так себе, но это же жесть вообще, согласись.

Андрей сочувственно покивал. Ему несколько польстило, что его друг до сих пор оставался настолько откровенен с ним, что делился даже такими вещами. Андрей пытался найти похожий эпизод из своей жизни, чтобы подбодрить приунывшего Витька, но похожие эпизоды не находились. Вышел только несколько глупый вопрос:

— А что, она?

— Кто?

— Ну девка эта.

— Да ничего. Пригрозил ей, чтобы не базарила лишнего, та покивала и всё. Стоит ей отдать должное: она и так, и этак. А у меня, как туман в голове, — ничегошеньки не чувствую. — Виктор сделал большой глоток пива, вздохнул, открыл новую пачку сигарет, вытащил одну, начал задумчиво крутить её в руках, ожидая от друга ответа.

— Ну, я даже не знаю, что тебе ответить на это всё. К врачу сходи, что ли. Может, заболел?

— Да, я думал об этом. Но я тебе ещё не всё рассказал, что хотел.

Неожиданно вспомнив о чём-то, Андрей резко поднялся и вышел в коридор. Подошёл к своей куртке, покопался в ней, потом вернулся и бросил на стол комочек фольги. Довольный указал на него рукой:

— Вот, смотри, я же с гостинцем пришёл и чуть о нём не забыл.

Витя развернул фольгу и увидел небольшой кусочек тёмно-зелёной субстанции с резким запахом. Он сразу определил, что это был гашиш. Его отношение к наркотикам было скептическим и, скорее, отрицательным. Но именно сегодня он был совсем не против появления такого гостинца в своём доме. Однако, внушённая с самого детства мысль о страшной опасности наркотиков дала о себе знать:

— Ох, Андрюха, не знаю я что-то... Я так себе по этой части.

— Ну а я что, наркоман, по-твоему? Иногда можно. Вещь хорошая, натуральная, качественная. Меня знакомые угостили, а я всё на особый случай приберегал. Ты вон как загнался, давай лучше расслабимся, покурим.

Андрей же к изменяющим сознание веществам относился положительно. Пробовал, наверное, всё, что можно было достать в их городке. Но самым обыденным, постоянным и любимым для него была, конечно, марихуана, со всеми её производными. Он сказал неправду, что приберегал этот кусочек. Это были последние остатки от регулярно покупавшегося им у одного довольно мутного типа гашиша. Андрей замечал за собой, что в последнее время он накуривался едва ли не каждый день. Хотя это ему и не особо мешало в жизни, даже наоборот, добавляло остроты, но такая тенденция не слишком его радовала. В другое время, он чувствовал, что от наркотика всё становилось только хуже. Этот кусочек, который он специально решил подарить другу, должен был стать последним. Со следующей недели Андрей твёрдо собирался завязать со всей этой темой.

Друзья всё-таки решили «расслабиться». Сделали нехитрое приспособление из маленькой пластиковой бутылки от кока-колы, вышли на балкон, по ходу дела разговаривая о травке. Андрей расхваливал свой гостинец, а Витя рассказывал забавный случай, который произошёл с ним, когда он в последний раз курил травку.

Сделав своё дело, они вернулись на диван, который решили заправить. С хихиканьем убрали стол к стене, разложили диван. Витя с плавно меняющимся, накуренным лицом

отправился искать постельное бельё. Андрей прилёг на диван, включил телевизор, начал переключать каналы. Густой дым, опустившийся поверх немалого количества выпитого, тотчас пригвоздил его к дивану. В голове взрывался поток мыслей, заставляющих во всем искать свои закономерности. Он одновременно продолжал переключать каналы, надеясь найти что-то интересное и отвлекающее, и обменивался какими-то репликами с Витей, который, похоже, потерялся в собственной небольшой квартире. Всё сильнее ощущалось нарастание эффектов.

«Возможно, по пьяни не стоило выкуривать так много. Да хотя, какая разница! Не каждый день выдаётся случай покурить с Витей! Хех, блин, как же накурило... А Витька-то наверное, вообще в мясо. Надо позвать его. А вообще, хорошо сидим!»

— Витя, Вить, Витёк! Да брось ты, потом найдём. Иди сюда, попить только чего захвати. О, пиво! Витя, отбой! Попить не надо.

С непроизвольно растянувшейся на лице улыбкой и с подушкой, которую он победоносно держал над головой, на пороге комнаты появился Виктор. Он выключил свет, оставив из освещения только синеву экран телевизора. Подложив под голову подушку, он с удобством устроился на другом конце дивана.

— Как ты, дружище? — повернул к нему голову Андрей, заметив, что глаза Вити превратились в узкие, красноватые щёлочки.

— Я нормально. Вполне неплохо. Вполне. Да, хорошая вещь. — Он сделал какие-то непонятные движения телом, видимо, потянувшись за пивом, — Блин, не достаю!

Они зашлись хохотом. В то же время шутливо шикали друг на друга и прикладывали указательные пальцы к губам, намекая тем самым вести себя тише, чтобы не разбудить Олю. Андрей дал Виктору отхлебнуть из своей бутылки. Виктор жадно приложился.

На некоторое время они замолчали, сконцентрировавшись на просмотре Симпсонов, которых показывали по телевизору.

Каждый из них погружался в себя, в свой ворох мыслей, образов и воспоминаний. Андрей чувствовал приятную лёгкость и отрешённость. То, чего он и хотел. Что-то пыталось скрестись у него на сердце, принося с собой тревогу и мрачные веяния, но он без труда от них избавлялся, концентрируясь только на приятном.

Виктор же откровенно развеселился и с глупыми смешками старался смотреть Симпсонов. При этом, его мысли витали где-то далеко. Дурман всё крепчал: свет от экрана, отражающийся от люстры, в один момент показался зловещим; Виктор верил, что он ни за что не сможет подняться с дивана; вкус пива стал другим, более мерзким; за окном бушевал сильный ветер, который, казалось, приводил в движение приоткрытый балкон. Или, на самом деле, балкон был закрыт?

Виктору резко стало не по себе. Всё вокруг показалось странным и непривычным. Виктор пытался вспомнить, о чём они говорили до похода на балкон, чтобы отвлечься беседой. Он повернул голову к Андрею, который как ни в чём не бывало, сложив на животе руки, смотрел мультик. Андрей заметил его взгляд, и, будто читая мысли, спросил:

— Ты говорил, что не всё рассказал, помнишь? Поговорим об этом? Если не хочешь, настаивать не буду. Дальше потупим, телек посмотрим.

Виктор вспомнил, что он хотел рассказать. То, о чём он действительно хотел поговорить. Сразу возникло желание перевести разговор на другую тему. Но эти душевные терзания просили выхода, и его теперешнее состояние только подогревало намерение выложить всё начистоту. Наконец, он решил начать, хоть и не совсем с того, что на самом

деле хотел выложить. Виктор сперва решил услышать реакцию друга на этот случай:

— Ладно, слушай, в общем. На майские мы с Олей бухали у друзей на даче. Всё было нормально, весело, все напились, как черти. И так случилось, что мы с Олькой поругались. Разосрались в хлам, вернее. Как будто, я с какой-то подружкой заигрывал. Я ей в ответ, что она сама уже со всеми парнями перетанцевала. Поорали друг на друга, послали в разные стороны. Я её тогда ударил впервые. Так, пощёчину несильную. Ну выбесила она меня в край! Она в психи, слёзы, сопли... Да чего там говорить! Мы так напились в тот день, а до этого всю неделю как на ножах жили. Бывает. Она убежала, кто-то её домой отвёз. Ну, думаю, и хрен с ней. Дальше пил. Много пил. Как свинья последняя себя вёл. Там у типчика, еле как знакомого, к девушке начал лезть, лапал её даже. Ну он, конечно, меня ударил. Мы помахались немного, меня оттуда выгонять стали, а я их всех послал и в одной из комнат завалился спать. Да там не дача, кстати, даже была, а здоровый такой коттедж. И собаки у них были — две хаски — такие клёвые!

— Да это не суть. Ну и что дальше-то было? — прервал его Андрей. Для него было удивительно, как Витя с Олей могли такое устроить, что его друг даже позволил себе поднять на неё руку. Андрей был твёрдо уверен в идеальности их отношений. Настоящая, чистая, взаимная любовь. Выходит, всё было не совсем так.

— Ну а сейчас — кульминация, — продолжил Виктор. — Просыпаюсь я и чувствую, что кто-то меня, как бы, поглаживает. А я в шортах одних спал. Сначала как-то и не придавал этому значения. Может, просто приснилось? А поглаживания продолжались. Кто-то меня явно за член трогал. Я так думаю-прикидываю, что это за девчонка на меня позарилась? Особенно, после моего поведения. Лежу дальше, притворяюсь спящим, а у меня стоит колом. Раз — и я уже без шорт. Чувствую — приятно делают. Глаз чуть приоткрываю, чтобы не заметили. И вижу, что никакой девчонки нет. У меня чёрт этот оказывается сосал — хозяин дома. А я его едва знал. В этом коттедже, в основном, Олькины друзья были.

— Серьёзно?! То есть ты нажрался с людьми, которых вообще почти не знаешь, при всех поругался с Олей, даже ударил её, потом повёл себя, как полная мразь, подрался с кем-то, не уехал оттуда, а просто ушёл в комнату и лёг спать? Пока ты спал, к тебе подкрался хозяин этого коттеджа и взял у тебя в рот? Ну, знаешь, по-моему, ты довольно легко отделался, — подытожил Андрей, не сумев сдержать смешок.

— Да стой ты, — помотал головой Виктор. — Мне думаешь так легко и приятно об этом вспоминать? Я даже Оле об этой концовке не рассказывал. Слушай дальше. По-хорошему, надо было ему по роже дать, да свалить оттуда. А я лежу и понимаю, что сейчас в рот ему спущу и дальше спящим притворяюсь. Мне стыдно так, мерзко, а с другой стороны, — никогда так хорошо минет мне не делали. Фу, как же сейчас об этом отвратно вспоминать! И вот я уже чувствую подходит, хватаю его за волосы и к себе прижимаю, прижимаю. Понимаю, что он всё сглатывает. А он на меня уставился только своими глазёнками и улыбается, сука такая...

И такой говорит, понял: «Понравилось? А теперь, твоя очередь!». Поднимается, а сам голый и уже готовый. Тут-то меня, как перекроет! Вскокиваю и со всей дури ему по роже бью! Он падает, я его запинываю, он визжит, лицо в крови. Как он только на меня заяву не написал? До сих пор удивляюсь. Потом его визги стихли, я испугался, что он сдох. Оделся, все вещи собрал и дёру оттуда. В доме тишина такая стояла, только птички за окном чирикали. То ли все разъехались, то ли спали. На улице уже рассвело. Я бежал, как оголтелый, по этим дачам, бумажник ещё, как назло, потерял. Кое-как на автобус мелочи по

карманам наскрёб.

Виктор закончил, сделал большой глоток из бутылки, которую крепко сжимал в руке во время рассказа. Замолчал, стараясь не смотреть на друга, ожидая его вердикта. Организм уже начал отталкивать алкоголь, поэтому Виктор поморщился, когда проглотил пиво, и усилием воли сдержал нахлынувший рвотный позыв.

Андрею было нечего сказать в ответ. Под воздействием гашиша он сам, как будто пережил этот момент. Настолько ярко всё ему представилось. Он встряхнул головой, чтобы сбросить наваждение.

— Знаешь, дружище, — медленно начал говорить Андрей, тщательно подбирая слова. — Я не знаю, как поступил бы на твоём месте, если честно. Хоть мне и хочется кричать, что я бы его убил там вообще, и дом бы их спалил, и собак бы зажарил и съел. Но серьёзно, я не знаю. И, то есть, ты думаешь, что именно из-за этого сейчас у тебя проблемы? Да брось, забудь про это дерьмо, живи и радуйся жизни. Если ты боишься, что теперь стал гомиком, то нет, не стал. Я тебя, уж точно, таким не считаю. Ты ведь и сам себя таким не считаешь? Ну и вот, почему тебе поступок того пидора должен портить жизнь?

Виктор сделал ещё глоток, закинул голову на подушку, закрыл глаза. Реакция Андрея его более чем удовлетворила и обнадежила на продолжение разговора. Он подбирался к тому, чтобы рассказать самое страшное в его жизни воспоминание, тревожащее его, и которое, как он считал, на самом деле — истинная причина всех его проблем. Гашиш возвращал его в детство, к тому самому моменту. Как в старой киноплёнке шли кадры, которые он так тщательно старался забыть. Запереть в чертогах разума, подобно чудовищу, чтобы оно никогда не выбралось оттуда.

— Нет, это тоже ещё не всё, — решившись идти до конца, по-прежнему не открывая глаз, тихо сказал Виктор.

По изменившемуся голосу друга, Андрей понял, что он не хочет слышать продолжения. Он почувствовал, что сейчас Виктор собирался рассказать ему нечто настолько сокровенное, настолько тайное и личное, нечто такое, что никогда прежде не обретало форму слов. Андрей вопросительно поднял вверх брови, потом заметил, что глаза друга закрыты, и пробормотал: «ну, давай».

— Помнишь, когда нам было лет по двенадцать, нас отправили в детский лагерь? — после того, как Андрей ответил утвердительно, Виктор продолжил:

— И вот в один день, под конец смены, мы с пацанами решили в сон-час пойти покататься, пива попить. Ты тогда в другой отряд убежал, к этой своей, как же её там, Насте?

— Алёне, — машинально поправил Андрей.

— Ну, неважно. В общем, выбрались мы из лагеря через дырку в заборе. Пошли к дачным участкам. Там магазинчик был. Ну ты знаешь, где нам пиво продавали без лишних вопросов. Мы взяли пару баллонов пива, чипсов, сухариков. Отправились на дикий пляж. Там распили их в бешеном темпе, чтобы успеть вернуться, пока нас не хватились. Искупались немного, потом парни начали собираться. А я что-то не накупался, решил ещё поплескаться немного. Пацаны махнули, мол, догонишь, пошли обратно в лагерь. Я долго возился. Помню, что в голову сильно мне это пиво дало. Пока более-менее не отрезвел, из воды не вылезал. Нацепил одежду, побежал обратно в лагерь. Чтобы срезать, бежал через дачные участки.

Когда устал, перешёл на шаг. Иду по дорожке между дачами. Вижу, мужичок стоит,

ограду поправляет. Дёрнул меня чёрт у него сигарету спросить! Ну, тот дал. Спросил, в лагере я отдыхаю или здесь у кого-то. Я ответил. Он сказал, что пивом от меня пахнет, вожатые учуют, мол. Предложил зайти к нему, выпить чая, от которого любой перегар пропадает, обещал ещё пачку жвачки подарить...

— Только не говори, что ты пошёл... — Андрей помотал головой, как бы отрицая саму возможность такого выбора. Недоумевающе разглядывал друга, который по-прежнему говорил всё это, не открывая глаз. Андрей уже примерно представлял, что будет дальше и не хотел этого слышать. Взяв у Виктора бутылку пива, которую они распивали одну на двоих, Андрей промочил горло, приготовившись к худшему.

— Да. Пошёл. Не знаю я, почему. Вроде в те годы уже мозги должны были работать немного. Может, пошёл из-за того, что он меня сигаретой угостил и глаза у него хорошие были, может, потому что я ещё не совсем отрезвел. Не знаю я!

— Хорошие глаза, говоришь... — Андрей хотел было продолжить высказывать своё мнение по этому поводу, но решил, что лучше будет промолчать и слушать дальше.

— Да и мужичонка-то был с меня двенадцатилетнего ростом, худощавый, безобидный такой на вид. Какие-то истории свои детские рассказывал. Налил мне этого чая. Обещанную жвачку сразу дал. Я быстренько выпил кружку, съел одно печенье, из вежливости. Поднимаюсь из-за стола, двигаюсь к выходу, а он всё рассказывает что-то. Я уже в пороге стою и слушаю. И тут, как будто, перед глазами поплыло всё. Тот, типа, всполошился: «что такое, плохо тебе стало?» На диван меня усадил. Я едва глаза прикрыл и тут же вырубился.

Потом всё помню лишь отрывками: лежу голый; в комнате темно, а на меня лампа наставлена, и свет прямо в глаза; этот тип с фотокамерой надо мной стоит; его смех, такой мерзкий, как хихиканье. Тащил меня куда-то, лапал. А у меня муть в голове: я и думать толком не могу, и сделать ничего не могу. И только его руки по мне елозят...

Потом уже, как темнеть начало, я очухался немного и понял, что у оградки лежу. И вроде бы нормально всё, только голова кружилась слегка. Встал, как пьяный, побрёл к лагерю. Не помню, как добрался. Сразу под одеяло забился, всем сказал, что заболел. Не сразу понял, что этот ублюдок сувенир себе оставил — трусы мои...

Андрей закрыл лицо ладонями, провёл ими по нему, громко выдохнул. Посмотрел на своего друга. Того потрясывало, будто от холодного сквозняка, хотя балкон был плотно закрыт. Невидящими глазами он смотрел в экран телевизора. Андрей потянулся к нему, ободряюще, лёгонько толкнул его в плечо кулаком, откинулся обратно, нечаянно задев пульт и переключив канал.

— Знаешь, на самом деле, тебе очень сильно повезло в тот день, — наконец начал говорить Андрей, тщательно подбирая слова. — Хоть и это тоже «легко», конечно, не назвать. Но всё могло закончиться гораздо хуже. Ты остался жив, здоров, — это главное. Я понимаю, что это просто жесть какая-то. О ней трудно вспоминать, да и не стоит, наверное. Хорошо, что ты выговорился, теперь — ну как я думаю — должно полегче стать. А если и правда, не можешь об этом не думать, обратись к психологу. Я твой друг. Я всегда буду за тебя. Всегда тебя поддержу. Но толково с этим помочь не могу, извини.

Виктор хранил видимую невозмутимость. В голове всплывали детали того дня. Что сигарета была хорошая, «Парламент», что чай сильно горчил и был невкусный. Вспомнилась бабка из дачного участка напротив того, злополучного, которая собирала яблоки и как-то неодобрительно поглядывала в их сторону. Вите она показалась похожей на страшную ведьму. Всплыла комната, в которой молодой Витя пил этот чай, все стены там были

развешены фотографиями, преимущественно, детскими. К нему пришло осознание, что именно та старуха со своими яблоками, скорее всего и не осознанно, спасла ему жизнь, просто вовремя оказавшись там, когда это было нужно. Из прошлого хлынула ледяная волна близкой смерти, издевательств и унижений.

Виктор был истощён этим рассказом, голова кружилась, хотелось забыться пьяным сном, до утра не открывать глаза и вновь запереть на замок всю эту грязь. Запереть эти воспоминания в своём омуте памяти, как он сделал это тринадцать лет назад. Почему сейчас, когда всё, казалось, идёт так хорошо, тот день раз за разом вставал у него перед глазами? Виктор высказался, облегчил душу. Теперь оставалось только верить, что ему станет легче. Он сказал Андрею:

— Спасибо тебе, что выслушал. Да нет, какие психологи, всё нормально. Хотелось просто рассказать кому-то. Я тринадцать лет молчал.

— Даже родителям не говорил?

— Нет, конечно. У них бы сразу такая паника началась: весь дачный кооператив бы перевернули, мимоходом, мне жизни не давая.

— А я вспомнил тот день. Мы с пацанами тебя хватились. Перед вожатыми отмазывали, как могли. Я волновался, если честно. Думал, мало ли чего, вдруг ты утонул пьяный. Если бы ты ещё через час не объявился, я бы сдал вас. Те, с кем ты пил, конечно, против были. Для них тогда лучше было бы, если ты утонешь, а не то, что их родители узнают, что они пиво пили. Мы даже с одним из них подрались немного. Как там его звали? Федя, вроде. А потом смотрю — ты в нашей комнате лежишь, одеялом с головой накрылся — спишь, вроде как. Тебя той же ночью в лазарет положили. А на следующий день за тобой родители приехали и забрали. А в лазарете ты что сказал? Да хотя, какая разница... Ладно, надо поспать. У меня, если честно, уже глаза слипаются.

Тут Андрей заметил репортаж, который показывали по телевизору. Никто из друзей не обратил внимание, что вместо Симпсонов теперь шли новости.

— В городе N был обнаружен новый труп. По схожести обстоятельств, правоохранительные органы уверены, что это дело рук того же самого серийного убийцы, окрещенного «Циферщик». Следующие кадры мы не рекомендуем к просмотру для лиц, не достигших восемнадцати лет; людей, имеющих психические отклонения или страдающих эпилепсией; а также беременным женщинам и просто впечатлительным людям.

Была показана оперативная съёмка с места преступления. Посреди мрачного гаражного кооператива. Кадр заполняли люди, как в форме, так и в гражданской одежде. На земле лежала раздетая девушка, с раскинутыми в разные стороны руками и ногами. Лицо, грудь и половые органы были замазаны. Камера не брала крупный план, но зритель чётко видел нарисованную, видимо губной помадой ярко-красного цвета на весь торс, цифру «6».

Так же, из репортажа стало известно, что очередной жертвой маньяка стала двадцатилетняя учащаяся одного из ВУЗов города, Сладкова Мария. Девушка ушла из дома и пропала двое суток назад. До сих пор о её местонахождении не было ничего известно.

Далее следовали очередные заверения органов, что монстр будет вскорости пойман. Рассказывали, что на его поимку направилась специализированная следственная группа из Москвы. Говорили о новых предостережениях и призывали граждан быть бдительными и внимательными, делиться любой, даже самой незначительной информацией, которая может относиться к этому делу.

— Ещё одна, — прошептал Андрей. Виктор тоже внимательно смотрел на кадры

репортажа, но ничего не говорил. Потом закрыл глаза и невнятно произнёс:

— Что же творится-то в мире! Ужас. И вы мне говорите жениться, детей заводить? А здесь такие звери, при чём, прямо в нашем городке! И сколько мы ещё «циферок» увидим?

— Звери, говоришь? Ну да. А вокруг нас вроде простые люди, не звери? Фотограф твой или чурка, который пенсионерку из-за пары тысяч зарежет, — не звери? Или эти морды в погонах, которые сейчас только вину друг на друга перекидывают, — не звери? А Циферщик хоть и убивает, но не насилует никого, детей не трогает. Убивает ради убийства. Ох, не знаю, в такое время живём, что даже маньяки порой какое-то уважение вызывают. Я же читал про них, про многих читал. У них ведь, понимаешь, тоже мотивы все разные. Одни просто чудовища... А на других посмотришь и не скажешь даже никогда. Циферками ты девушек назвал? Тоже мне придумали... Циферщик, мол!

Заметив, что его друг уже мирно похрапывает, Андрей прервал свой поток сознания, выключил телевизор и, устроившись поудобнее, закрыл глаза, сразу провалившись в пьяный, нервный сон, полный причудливых, непонятных видений.

Андрей открыл глаза и первое мгновение не мог понять, где он находится, и кто он такой. Яркое сновидение всё ещё смутным облаком образов, эмоций и впечатлений кружилось в голове. Это был радостный сон, но при этом насыщенный и тревогами, и угрожающими моментами, и массой действий, которые ему приходилось предпринимать. Но он помнил, что в конце концов, всё закончилось благополучно, и, как это часто происходит, его сознание решило пробудиться именно в тот миг, когда Андрей достиг максимального удовлетворения и вовлеченности в свою грёзу.

Никакой общей картины сна вспомнить не получалось. Даже кажущиеся яркими детали в его сознании всплывали лишь серыми пятнами. Одно он мог сказать с полной уверенностью — в этом сне была Ольга. И что в этом сне он точно защищал её. А ещё, был какой-то постыдный, но такой сладкий момент, который, пусть он даже был просто приятным, сонным впечатлением, Андрей тотчас постарался выкинуть из головы.

Он чуть приподнялся с дивана и тут же ощутил резкий укол головной боли. Во рту стоял мерзостный привкус. Андрей чувствовал себя далеко не в тонусе. Его мозг кричал, что самым разумным было бы ещё пару часов просто проваляться, быть может, поспать немного. Однако, его мочевого пузыря ощущал более сильную потребность.

Он поднялся на нетвёрдых ногах, придерживая руками голову. Обнаружил, что накануне они так и не расстелили диван, а сам он уснул в одежде. Глянул в сторону балкона, который весь был залит ярким, уже не утренним, а полноценным дневным светом. Суббота, в самом своём разгаре, заглядывала в окна.

Небольшой стеклянный столик у дивана был забит бутылками и объедками, на полу лежала полупустая пачка сигарет. От этого вида Андрея замутило. Взгляд его упал на кем-то заботливо оставленной большой бутылке с минералкой, наполовину уже выпитой. Он жадно приложился к воде, с удовольствием для себя отметив, что она оживляюще холодная. Стало значительно лучше. Теперь можно было смело направляться в сторону туалета.

Туалетная дверь была приветливо распахнута настежь. Из соседней двери ванной доносились звуки плескавшей воды. Видимо, Виктор уже встал и пытался побороть похмелье в душе. «Было бы здорово умыться.» — подумал Андрей и, закрыв за собой дверь туалета на задвижку, с удовольствием облегчился. Глядя на то, как потоки воды спиралью отправлялись в канализацию, он снова ощутил наплыв тошноты и даже хотел, как это называют, — «позвать ихтиандра», не отходя от кассы, но усилием воли смог удержаться от этого. Поспешно вернулся на своё лежбище, опустил голову на подушку и, чтобы как-то отвлечься от своего плачевного состояния, включил телевизор.

Там было ровно то же, на чём он был выключен накануне. Только лишь ужасающий репортаж об очередном убийстве начал обрастать подробностями. Приоткрыв один глаз, Андрей посмотрел на фоторобот, который, как ему показалось, был похож на каждого второго жителя страны. Что ж, видимо они отказались от предположения, что за трупами могла стоять женщина. По свидетельствам явно похожей на сумасшедшую старушки, к информации добавилось, что это может быть мужчина высокого роста, могучей конституции, с горящими огнём, безумными глазами и с метровой по-турецки загнутой саблей.

Андрей закрыл тот глаз, которым он смотрел на всё это и переключил канал на

следующий, где показывали кулинарное шоу, судя по звукам. Дремота начала подступать опять. Своим голодным ворчанием ей противостоял желудок. Он явно реагировал на процесс приготовления филе ягнёнка с баклажанами и грецким орехом, под «невероятно вкусным» соусом из гранатового вина.

В это время Виктор закончил водные процедуры. В одних трусах, почёсываясь, вошёл в комнату. Он встал ненамного раньше Андрея и, только сделав несколько мощных плотков чудом оказавшейся у него под носом минеральной воды, сразу отправился в душ. Сейчас он чувствовал себя довольно неплохо, но некоторая муть и потрескивание в голове, а также голодное подташнивание в животе давали понять, что ночью была выпито чересчур много. По крайней мере, вторая бутылка пива, вслед за множеством уже выпитого виски, была точно лишней.

А самое неприятное для Виктора в его состоянии — это острое чувство стыда и душевных терзаний от того, что он поведал другу накануне. Ему совершенно не хотелось сейчас ни продолжать те разговоры, ни даже каким-либо способом упоминать о них.

— Фух, душ принял, вроде как ожил. Тебе тоже совету. Сколько сейчас времени-то уже?

Андрей, недавно глядевший на часы в телефоне, ответил, что половина второго дня. Предложение принять душ его заинтриговало, но он не открыл глаз и продолжал лежать, уткнувшись лицом в подушку. Если не двигаться, казалось, что голова и вовсе не болит.

— Оля, интересно, не проспала? Я даже не помню, будила она меня или нет.

— Угу, — безразлично буркнул Андрей.

— Что ты за хрень смотришь, кулинар? — Виктор посмотрел на экран. Потом перевёл взгляд на остатки еды, закинул в рот последний кусочек сыра, запил его минералкой. В задумчивости покрутил в руках бутылку пива, до которой вчера дело не дошло. В итоге передумал, поставил её обратно, вместо неё взяв сигарету.

— Ого, как это мы вчера всё умяли? Молодец всё-так Оля, точно подрастала, сколько мы сожрём. А я то губу раскатывал, что и на сегодня останется. Завтракать будешь? Филе ягнёнка не обещаю, но с приготовлением яичницы, наверное, справлюсь.

В ответ у Андрея из живота разнёсся громкий, жалобный, булькающий звук.

— Понятно, — усмехнулся Виктор. — Чай будешь или кофе?

— Кофе. Покрепче и без сахара. И, будь другом, дай что-нибудь от башки.

Андрей открыл глаза, присел. Одновременно и тошнило, и хотелось есть. Он отрешённо глядел в одну точку, пока ему не принесли таблетку, которую он незамедлительно проглотил, обильно запив водой. Отвергнув предложение пойти покурить на балкон, Андрей направился в ванную, в пол уха слушая какие-то напутственные речи и инструкции от Виктора.

В походе за таблеткой, Виктор успел нацепить штаны и толстовку. Выйдя на балкон, он открыл окно, сделал несколько плотков свежего воздуха. Лицо согревали последние тёплые лучи. От яркого солнца заслезились глаза. День обещал выдаться тёплым и сухим. Последним днём — отголоском прошедшего лета. Виктор почувствовал приступ ностальгии по школьным годам и сопутствующие им приятным воспоминаниям. Он улыбнулся и почувствовал себя счастливым.

Закурив сигарету, он посмотрел вниз, на двор. Ничего интересного он там не увидел. Обычный двор. Группа школьников с большими рюкзаками возвращалась с субботней учёбы. Парочка пенсионеров выгуливали собаку. Молодые мамочки и бабушки выгуливали детишек.

На лавочке посреди двора спал бомж, подле него стояла пустая бутылка. У того же дома мужчина разговаривал с кем-то через балконное окно. У дальнего подъезда виднелся полицейский «уазик», а рядом с ним машина скорой помощи.

Виктор курил нехотя. Сигаретный дым, поверх не прошедшего перегара, казался ему довольно мерзким. Он машинально бросил взгляд на свою машину. Новенькая «тойота», купленная им летом, стояла на своём месте, на парковке под окнами. Недавно из мойки, сейчас она блестела на солнце, выглядев очень даже привлекательно. Виктор до сих пор не совсем к ней привык, поэтому часто любовался на неё с балкона, когда выходил курить, словно ребёнок, разглядывающий новую, дорогую игрушку.

Он купил её с рук, по счастливой случайности сэкономив на машине около ста тысяч. Её прошлый хозяин, бывший сокурсник Виктора, сам проездил на машине совсем не долго. Этот человек постоянно думал, что он умнее и удачливее других, что и привело его за карточный стол. И, как это часто бывает, в один день он крупно проигрался, при чём совсем не тем людям, которые могли бы простить его долг. Из-за этого пришлось срочно распродавать за бесценок всё, что только можно было продать. Главное, чтобы быстро и наличными. Виктор воспользовался этим шансом, тем самым, получив ещё одну отсрочку от свадьбы. Неприятный осадок остался после этой покупки, потому что о дальнейшей судьбе продавца до сих пор никому и ничего не было известно. По иронии судьбы, эта «тойота» тоже, в своё время, была карточным выигрышем.

Размышляя об этом, о всех превратностях, что порой выкидывала жизнь, Виктор переместился на кухню, где начал стряпать незамысловатое блюдо. До виртуозности Ольги ему было далеко, но он старался, увлечённо погружившись в процесс. Между делом налил себе чашку кофе. С каждым глотком обжигающей жидкости он начинал чувствовать себя всё лучше.

Андрей тем временем долго стоял под контрастным душем, потихоньку приходя в себя и ожидая начала действия таблетки. Непонятно из-за чего на душе скреблись кошки. Чувство беспричинной тревоги и грусти тяготило его.

Горячая вода. Холодная вода. Он крутил ручку то в одну, то в другую сторону, пытаясь отогнать наваждение.

— Ну ты, конечно, любитель поплескаться! — воскликнул Виктор, когда его друг наконец вышел из ванной и показался на кухне. Тот лишь угрюмо промычал что-то нечленораздельное и без лишних церемоний набросился на приготовленный завтрак.

Виктор уже успел поесть и даже немного прибрать беспорядок в комнате, оставшийся после вчерашних посиделок. Сейчас он сидел напротив друга, умильно разглядывая, как тот с аппетитом уплетал его скромное блюдо, но и сочувствовал тому, что для Андрея похмелье, похоже, протекало гораздо жёстче.

— Голова-то прошла? — заботливо поинтересовался Виктор. Андрей кивнул в ответ. Виктор пожал плечами, замолчал, достал телефон, со скучающим видом уставился в экран, вспоминая, с какой целью он вообще решил его достать.

— А Оля сегодня во-сколько заканчивает? Так же, в десять? — вдруг, как бы между делом, спросил Андрей.

— Да, как обычно.

— Встречать поедешь?

— Не знаю, посмотрим по настроению. Хочу сегодня отлежаться: завтра на работу. Представляешь, в воскресенье! Я и сегодня кое-какие дела собирался ещё доделать, может

быть, даже в офис съездить. Лень, конечно! Хочется побездельничать, но конец месяца, как-никак. Отчёты сами себя не напишут... — Виктор и дальше что-то говорил, рассказывал о работе, перешёл на разбор коллег. Ему хотелось говорить и говорить, общаться на темы максимально отвлечённые, чтобы не дай бог, разговор не зашёл о ночном откровении. Сейчас, на кухне, в свете дня и с трезвой головой, обсуждению тех откровений не должно быть места. Но, похоже, он зря старался. Андрей его, казалось, вовсе не слушал.

— Алло! Приём! — прервался Виктор, не скрывая раздражения в голосе. — Тебе, если правда так хреново, можешь пойти лечь или вообще домой поехать. Хочешь, вызову тебе такси? Я, такое чувство, что со стеной разговаривал сейчас.

Андрей уже всё доел, выпил пол чашки кофе и теперь с отсутствующим взглядом крутил вилку по пустой тарелке.

— Я бы, на твоём месте, всё-таки её встретил, — не поднимая глаз, тихо отозвался Андрей. — Сейчас, сам понимаешь, время такое...

— Хорошо, встречу. Чего ты вдруг забеспокоился?

— Да так, ничего. Ты не обижайся, но я, правда, лучше поеду домой. Кстати, яичница получилась отменная. Моё почтение шеф-повару. Пойду, покурю.

Виктор остался на кухне в одиночестве. Пока Андрей говорил, он на мгновение показался совсем другим человеком. Неким чужаком под знакомым обличьем, который совсем не мог быть тем человеком, по которому они с Олей скучали, который весь вчерашний вечер провёл с ними. Которому Виктор открыл свою тайну.

Виктор отмахнулся от этой мысли. «Ну подумаешь, похмелье сильное у человека. Я сам, иной раз, рад бы в таком состоянии из собственной ванны не вылезать весь день.»

Как бы там ни было, Виктор по-прежнему находился в хорошем расположении духа. Ему даже захотелось какого-то праздника на сегодня. «Пожалуй, заберу всё-таки Ольку, посидим где-нибудь в приятной обстановке. Давно никуда не выбирались. А я ведь виноват перед ней.» — думал он.

Андрей отклонил предложение о том, чтобы Виктор довёз его на своей машине или вызвал такси, ссылаясь на то, что хочет пройтись пешком, подышать свежим воздухом. Виктор вызвался проводить его, хотя бы до остановки.

Вскоре они собрались, вышли на улицу. Андрей немного развеселился, видимо от прекрасного очарования осени, которое царило вокруг. Они смеялись, непринуждённо разговаривая о всякой ерунде, подшучивали друг над другом. Дошли до остановки, дождались нужного Андрею автобуса, крепко пожали друг другу руки на прощание, обещая теперь непременно видеться чаще. Андрей забрался в автобус, смешавшись с другими пассажирами, которых было предостаточно, даже несмотря на то, что стоял выходной день.

Виктор развернулся и зашагал обратно к своему дому. Встреча со старым другом будто дала глоток свежего воздуха, заряд радости и бодрости. В голове крутились варианты романтического вечернего отдыха с Ольгой. Всё было хорошо.

Незаметно солнце заволокли тяжёлые, тёмно-серые тучи. Стало прохладно из-за поднявшегося сильного ветра. Когда двери подъезда захлопнулись за Виктором, об асфальт разбилась первая капля дождя.

Неприметно, но неумолимо наступал вечер. Привередливая осенняя погода, дарившая с утра надежду на последний отзвук лета, изменила свои намерения. Начавший покапывать небольшой дождь, судя по небу, затянутому тёмно-серыми тучами, легко мог перерасти в непрекращающийся, ледяной ливень.

Виктор стоял на балконе, задержавшись там после выкуренной сигареты, смотрел в небо, будто выискивая в нём что-то. По стеклу катились капли, освежающий запах дождя витал в воздухе. Виктору всегда нравилось смотреть на дождь. Дышать этим особенным, влажным воздухом. Слушать размеренные постукивания о карниз. Ну и, желательно, находиться в этот момент в тепле и уюте. Вспоминалось раннее детство, разные ощущения того времени, даже не связанные с какими-то конкретными событиями. Просто что-то бесформенное, но доброе и родное. Это настроение навевало ностальгическую грусть, от которой не хотелось избавляться, скорее наоборот — раствориться в ней полностью.

Наконец, Виктор вышел с балкона, лёг на до сих пор не сложенный диван, взял в руки телефон и, не особо задумываясь, набрал номер Оли. Через пару гудков раздалось её чуть уставшее «Алло».

— Привет, трудящимся! Что, не опоздала сегодня? Ты так тихо ушла, я даже не слышал.

— Привет. Да вас, хоть из пушки над ухом стреляй, не разбудишь. Ваш храп лучше любого будильника. Подожди секундочку... — прошептала Ольга, потом в трубке на некоторое время стало тихо.

— Вообще-то, нам на работе нельзя пользоваться телефонами, — вновь раздался её голос, в котором слышались игривые нотки. Теперь она не шептала.

— Если очень хочется, то можно. Что ты там говорила? Я храплю? Не может быть! — притворно удивился Виктор.

— Видимо, присоединился к Андрею за компанию. Заедешь за мной?

— Не знаю, посмотрим на твоё поведение.

— На моё поведение?! Я по-твоему должна под дождём, практически ночью, идти одна домой? И ещё, ты может быть не слышал, но вообще-то у нас в городе маньяк завёлся.

— Да успокойся, я пошутил. Приеду, конечно. Слышала, ещё одно тело нашли вчера?

— Да...

— Слушай, Оля, может сходим куда-нибудь вечером?

— Ничего, что тебе на работу завтра? И вообще, тебе не кажется, что ты стал часто пить? Ладно вчера, вроде как можно было: по Андрюхе и ты и я соскучились, а сегодня какой повод придумаешь?

— Кто-то явно не в духе, да? Почему ты думаешь, что куда-то сходить, обязательно значит — выпивать? Устроим романтику, посидим где-нибудь, что-нибудь ещё придумаем. Не поверишь, но я даже соскучился по всей этой фигне.

Виктор почувствовал, что Оля на другом конце провода улыбнулась и мило выдохнула в микрофон. Она была удивлена, но ей явно пришлось по душе его предложение.

— Зовёшь на свидание?

— Вроде того.

— Хорошо, давай, я только рада! Правда, мне нужно будет переодеться по такому случаю.

— Я уверен, что ты и сейчас выглядишь великолепно, — в ответ ему Оля рассмеялась. Недоверчиво уточнила:

— В старых потёртых джинсах и простой белой блузке? Может быть, для тебя это великолепно, но в ресторане я буду себя чувствовать, как минимум, неловко.

— Ого, в ресторан! — шутливо изумился Виктор. — Я вообще-то думал о новой чебуречной, рядом с твоей работой.

— Вот как значит, ты представляешь романтику? Ну, для подобных заведений я одета, как нельзя лучше.

— А хочешь, давай купим тебе платье? В нём сразу и поедешь. Как тебе идея?

— С чего это вдруг сегодня такое внимание?

— Наверное, всё из-за того, что ты его заслуживаешь, Олька.

Девушка смущённо промолчала, чуть слышно сопя в трубку.

— Ладно, что там говоришь на тебе одето? Джинсы, блузка — мм, интересно — давай дальше.

— Вот теперь, ты стал похож на самого себя. Ты ведь знаешь, я смущаюсь от подобных заявлений.

Они говорили ещё, непринуждённо воркуя. Обсуждали, куда им лучше направиться вечером и в предвкушении скорой встречи с неохотой попрощались.

— Я люблю тебя, — в самом конце выпалил Виктор, но в ответ уже раздавались только длинные гудки.

Виктор похвалил себя за то, что он придумал по-особенному провести эту субботу. Часы показывали начало седьмого. Ещё достаточно времени, чтобы привести себя в порядок. Он плюхнулся на диван, сладко потянулся, зевнул, включил музыку на ноутбуке. «Какой же всё-таки у неё милый голос! Я не видел Олю всего несколько часов, а уже скучаю по ней и хочу поскорее встретиться. Наверное, я действительно люблю её. Сегодня — я уверен — у нас всё получится!»

В мыслях об Оле, планах на будущее, в которых неожиданно для себя он начал обдумывать детали их свадьбы и даже подбирать хороший, подходящий для этого случая день, Виктор прикрыл глаза и сам не понял, как заснул.

* * *

Что-то резко вырвало Виктора из сна. Он тут же посмотрел на часы: без десяти минут десять. «Чёрт!» — ругнулся он про себя, тут же подпрыгивая с дивана. Первым делом выключил ноутбук, из которого по-прежнему доносилась музыка.

Он с детства ненавидел опаздывать. Планы побриться, перекусить, выбрать одежду получше, может быть, даже надеть его любимый костюм, полностью провалились. Он быстро оделся в первое, что попало под руку. Но, посмотрев в зеркало, всё-таки решил переменить футболку, с названием известной марки виски, на классическую белую рубашку.

Выключил телевизор, погасил свет, обулся, накинул на себя лёгкую куртку с капюшоном и вышел в подъезд. На лестничной клетке толпилась группа непонятных малолеток, обдававшая весь подъезд запахом табачного дыма и чего-то ещё малоприятного, что Виктор не смог определить. Их вспугнуло появление Виктора. Один парень сделал движение назад, убрал что-то себе за спину. Одна из двух девиц, которые были в этой

компании, сначала хотела припрятать и пиво в своих руках, но передумала. Их разговор сразу затих. Не обращая на это сборище никакого внимания, Виктор прошёл к лифту, спокойно дождался, когда кабина откроется перед ним, и поехал вниз, слыша возобновившиеся разговоры «детишек», сопровождавшиеся глупым хихиканьем.

На улице уже изрядно стемнело. Дождь разошёлся не на шутку. Пронизывающий мощный ветер обдал Виктора, заставив поёжиться от холода. Быстрым шагом он дошёл до машины, завёл двигатель. Ну вот и всё: можно ехать. Прикидывая, какой маршрут лучше выбрать, чтобы минуть максимальное количество пробок, он достал телефон и начал звонить Оле.

Шли длинные гудки. Виктор тронулся задним ходом, чуть резче, чем обычно, несмотря на то, что из-за ливня почти ничего не было видно. Сверкнула молния, осветив всё электрическим белым светом. Виктор успел заметить приближавшуюся машину, но избежать удара ни он, ни второй водитель не сумели. Машину тряхнуло, Виктор больно ударился грудью о руль, громко выругался и, включив аврийку, вышел на улицу, потирая место удара.

— Ты куда прёшь, парень! Зеркала-то тебе на кой чёрт налеплены, что ты в них не смотришь! — возмущался вышедший из другой машины, старенькой шестёрки, пожилой мужчина, прикрываясь от дождя быстро раскисшей газетой. Он потешно скакал вокруг машин, осматривал место аварии и возмущённо размахивал руками. Из шестёрки под дождь вышла и такая же пожилая, очень полная женщина, видимо, его супруга. Она взяла с собой маленький зелёный зонтик, который едва прикрывал её массивное тело. Они теперь на пару начали суетливо причитать, причём казалось, на все невзгоды жизни, а не только из-за попорченной машины. Даже ледяной ветер и ливший как из ведра, всё набирающий силу ливень не могли остудить их пыл.

Виктор крикнул им, чтобы вызывали ДПС, а сам, не желая мокнуть и тратить нервы на дальнейшее общение с ними, залез обратно в машину. Никакого неопишуемого ущерба, которого бы не смогла покрыть страховка, он не увидел ни на одном автомобиле. Но всё равно, это была очередная ненужная головная боль, затраты сил и времени. Он снова звонил Оле.

«Оглохла она, что ли? Опять, наверное, в сумку бросила телефон, как в чёрную дыру. Долбанный старпёр со своей «шестёркой»! Теперь сидеть неизвестно сколько, ждать пока эту мелочь будут оформлять. Блин, может всё-таки, договориться с ними? Мда, купили платье, сходили в ресторан... Ладно, не хочет брать трубку, может, сообщение прочитает?»

Вкратце описав ситуацию, он отправил ей смс, подождал подтверждения, что оно доставлено. После Виктор глубоко вздохнул. Похоже, что следующие минуты, а может и часы, обещали стать совершенно бездарными. Он вышел навстречу непогоде и направился к супружеской чете, которые всё ещё крутились вокруг машин.

Примерно полчаса он провёл в малосодержательных беседах и попытках договориться полюбовно. Выяснилось даже, что они с ним живут в одном доме, тремя этажами ниже. Это добавило к друг другу немного расположения. Задействовав всё своё обаяние и вымокнув до нитки, замёрзнув до дрожи во всём теле и безвозвратно опоздав к окончанию рабочего дня Ольги, Виктор всё-таки смог добиться того, чтобы решить всё на месте. Дополнительным фактором, прибавляющим Виктору мотивации «уболтать» пенсионеров, стало и всплывшее в его памяти обстоятельство, что ещё и суток не прошло, как он курил гашиш, а вероятность, что его отправят на освидетельствования, нельзя было полностью исключать. Главным его

аргументом в споре стало брошенное с горяча обещание оплатить пожилой чете затраты на ремонт.

Наконец, Пётр Сергеевич — новый знакомый Виктора, махнув рукой, припарковал свой автомобиль на удачно освободившееся за это время место — прямоком напротив входа в подъезд. Виктор ещё раз посмотрел на свой задний бампер и, мысленно прикидывая стоимость ремонта, поспешил обратно домой.

В кабине лифта он достал телефон и увидел сообщение от Оли. «Понятно. Ладно, нет проблем. Меня подвезут. Устроим романтику дома. Целую.» С почти стопроцентной уверенностью, что девушка уже дома и ждёт его, он вышел из лифта, отметил, что шпана покинула его лестничную площадку, позвонил в дверной звонок. Подождал немного, позвонил опять. За дверью не слышалось ни малейшего намёка на чьё-либо присутствие. Виктор открыл дверь ключом.

Оли дома не было. Только кошка, приветственно мяукая, вышла встречать своего хозяина, потираясь об его ноги, мешая разуться, предвкушая возможную кормёжку.

* * *

Время подходило к одиннадцати вечера. Едва ли не каждые десять минут Виктор набирал заветный номер, слыша лишь успевшие осточертеть длинные гудки. Беспокойство всё больше одолевало его.

Он зашёл в одну из социальных сетей с ноутбука, увидел, что Ольга заходила полчаса назад с телефона. Это немного успокаивало. Наверное, её подбросила подружка с работы, они заехали куда-нибудь посидеть, отдохнуть после трудового будня. Оля компенсировала неудавшийся романтический вечер? Виктор мог это понять. Телефон она могла потерять или просто забыть снять его с беззвучного режима после работы. Это объясняло, почему она не брала трубку сейчас. Время было не настолько позднее, чтобы начинать всерьёз паниковать. Виктор успокаивал себя как мог, пытаясь заглушить тянущий дискомфорт в сердце.

Он решил не отказываться от своей затеи ярко провести сегодняшней вечер. Задумал подготовить сюрприз для Ольги. Заказал её любимые роллы по телефону, нашёл подаренную кем-то, когда-то, бутылку хорошего вина. Обнаружились даже свечи. Всё было почти готово к домашнему, романтическому ужину. Он аккуратно расправил кровать, чтобы закономерно закончить вечер. Лепестков роз для украшения их ложа не нашлось, к сожалению. Оставалось только ждать.

Виктор убивал время, бесцельно слоняясь по просторам интернета, периодически выходя на балкон покурить, что делал сегодня чаще обычного. Стоя на балконе, он провожал взглядом все проезжающие машины во дворе. Каждый раз, как какая-то из них подъезжала к подъезду, его сердце радостно замирало. Но всегда в итоге это заканчивалось разочарованием.

Наконец, раздался звонок в домофон. Виктор пулей бросился к нему, снял трубку. Нет. Курьер привёз еду. Расплатившись с ним, он начал накрывать на стол в комнате, погасил свет, зажёл свечи. Сидел на диване, освещаемый только дрожащим огнём свечей и отложенным на край дивана ноутбуком, разглядывая причудливую игру пламени и медленно скатывающуюся каплю воска с одной из свеч.

Виктора терзали смешанные эмоции: от страха и беспокойства, до радостного

ожидания. Порой пробуждались и приступы сильного раздражения и даже явной злости, что они договорились по-особенному провести этот вечер, а Ольга так бескомпромиссно исчезла.

00:20. У Виктора кончились сигареты. Докуривая последнюю, он заметил, что дождь наконец затих, только малюсенькие капли с тоскливым звуком падали вниз с карнизов. Такая морось легко могла затянуться на несколько дней. Виктор в очередной раз набрал её номер. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...»

«Почему не взять телефон у подружки и не позвонить мне, предупредить, сказать где ты?» — задавал он себе вопросы, и тут же сам отвечал на них. — «Она всё ещё не запомнила наизусть мой новый номер.» Всё равно, волнение никак не уходило. Он заметил, что у него тряслись руки. Опять хотелось курить, хоть он и выкурил последнюю сигарету не больше десяти минут назад.

Ему не хотелось идти за новой пачкой, так как он ярко представлял, что самолично откроет дверь припозднившейся Ольге, не станет ругаться, пригласит её к столу и забудет к утру эти страшные муки ожидания. Не хотелось выходить из дома, даже на несколько минут. Казалось, стоит выйти на улицу, и он непременно пропустит всё, пропадёт безвозвратно сам в мокрой осенней ночи, оставив Ольгу совсем одну, без домашнего уюта ждущего сердца.

Виктор тревожно бродил по дому. Поиски зачанки не увенчались успехом. Но он всё же нашёл кое-что. Это был крошечный кусочек, оставшегося со вчерашнего гашиша. В надежде, что это одновременно и успокоит его и отобьёт никотиновую тягу, он, недолго думая, отправился на балкон. Сразу отыскал пластиковую конструкцию, которую он не особо и припрятал прошлой ночью. Виктор повторил вчерашнюю «процедуру». Опасения, что без покровительственных советов Андрея может не получиться — не оправдались. Приняв клубы дурмана внутрь своих лёгких и ощущая нарастающую тяжесть в голове, он сразу вышел с балкона, закончив своё дело.

На этот раз, он не чувствовал вчерашнего моментального расслабления и весёлости. Но эффект пришёл неожиданно быстро: Виктор сразу ощутил, как сильно заколотилось сердце. До сих пор царящая в комнате загадочная, навевающая романтический лад атмосфера показалась ему жуткой. Игры теней, которые создавались огнём свечей, выглядели угрожающе. В голове возникали мрачные образы-ассоциации. Волнения, беспокоящие его, только усилились, гипертрофируясь в непонятный животный страх, едва не перерастающий в панику.

Ему срочно нужно было отвлечься, собраться с силами. Мелькнула даже паническая мысль, что он может умереть, что ему срочно нужна скорая помощь. Из всех сил он постарался выбросить её из головы. Как мантру повторяя про себя: «всё нормально, всё хорошо, я просто перекурил, скоро полегчает», — Виктор присел на краешек дивана, переключился на экран ноутбука, силясь сконцентрироваться на одном навязчивом желании, — исполнение которого ассоциировалось у него с чувством освобождения и радости. Наконец, он смог сделать то, что задумал. Включил музыку. Буквально методом «что угодно, лишь бы отвлечься», он открыл The Beatles, всегда нравившуюся ему песню «Michele». Спокойная мелодия, зазвучавшая совсем по-иному, чем он привык её слышать, немного успокоила Виктора. Невнятно подпевая словам песни, он смотрел на причудливые узоры проигрывателя, как будто вращая в экран ноутбука.

Он почувствовал движение рядом с собой. Вздрогнул от неожиданности, стараясь не обращать внимания на пулемётную очередь ударов своего сердца, в которое вкрадывался,

подобно омерзительному насекомому, новый приступ беспричинного страха. Набравшись храбрости, Виктор обернулся.

Всего лишь кошка запрыгнула на диван, в ожидании ласки от хозяина. Он погладил её, ощущая, как губы непроизвольно растягиваются в улыбке. Последовавшее за испугом облегчение было похоже на глоток живительного, освежающего воздуха, после длительной его нехватки.

Виктор продолжал сидеть на диване, слушать музыку, гладить кошку, понемногу свыкаясь со столь сильными эффектами. Он пытался найти в этих эффектах удовольствие, расслабиться и сконцентрироваться на нём. Получалось это с переменным успехом. Песня начала играть заново, Виктор перевёл взгляд на часы. С того момента как он покурил эту дрянь, прошло чуть больше трёх минут.

Новость совсем его не обрадовала. По его подсчётам, должно было пройти, как минимум, полчаса. Виктор решил прогуляться до ванной комнаты, умыться холодной водой. Ходить было тяжело, тело плохо слушалось его команд. Темнота квартиры представлялась логовом монстров. По мере удаления от музыки, становилось всё мрачнее и неприятнее.

Проходя мимо входной двери в прихожей, он услышал странно-знакомый смех, со стороны подъезда. Этот смех заставил Виктора оцепенеть на том же самом месте. По коже пробежали мурашки, в пересохшем горле образовался противный комок. Слыша своё хриплое дыхание, которое, как ему казалось, гремело на весь дом, Виктор изо всех сил подбадривал себя тем, что всё это — лишь действие дури, которое вот-вот пройдёт, — посмотрел в глазок. На лестничной клетке никого не было. Прислушавшись, он будто расслышал чьи-то приглушенные голоса. Вспомнив о виденной им вечером подъездной компании, он постарался убедить себя, что этот смех принадлежал кому-то из них. Попытка самовнушения потерпела крах, когда перед глазами всплыл его настоящий обладатель. Виктор крепко зажмурил глаза, помотав головой у глазка. Чуть подождав, снова посмотрел в глазок. На лестничной клетке никого не было.

Но будто застывший в ушах смех заставлял его стоять у двери и дальше. Его незримый обладатель мог быть неподалёку. Виктор подумал об Ольге. Если сейчас она выйдет из лифта, обладатель смеха обязательно нападёт на девушку. От этой мысли мурашки страха забегали по телу быстрее. Виктор даже решил было караулить у глазка всю ночь, если это потребуется, чтобы незамедлительно прийти на помощь, в случае чего. Не сразу ему удалось прийти в себя, избавиться от наваждения, собраться с мыслями и, наконец, оторваться от глазка входной двери.

Добравшись до ванной, он, первым делом, посмотрел на себя в зеркало. На него взирало бледнящее лицо с красными, безумными глазами — узкими щёлочками, рот был непроизвольно приоткрыт, придавая лицу неестественное выражение. От внезапной мысли, что это лицо мёртвого человека, тошнота подступила к его горлу. Он не стал с ней бороться. Бросился к унитазу, засунул два пальца глубоко в горло, вызвав рвоту.

Было холодно, он весь дрожал. Обняв унитаз, сидел на полу, разглядывая скудное содержимое своего желудка. На ватных ногах Виктор сумел подняться и вернуться обратно в комнату. Задул свечи, забрал ноутбук с игравшей на повторе всё той же песней и отправился в спальню, где сразу бросился на кровать, закрывшись с головой одеялом. Крепко зажмурив глаза, он чувствовал, что его куда-то уносит, затягивает в бесконечную воронку. В голове творилось настоящее слайд-шоу из быстро меняющихся кадров.

Вот Андрей, года три назад, предлагает ему съесть непонятную бумажку, на которой

изображён весёлый смайлик. Потом они бегут от кого-то. Вот детство: они с пацанами со двора воруют яблоки на рынке. Какие-то люди, их лица, голоса, которые кричат: «ТЫ ДОЛЖЕН!». Бессвязные образы: его первая машина — битая «десятка»; новенькие джинсы мороженное; улыбающаяся Оля, ещё совсем девочка, когда они только познакомились; а затем сразу плачущая Оля держится за покрасневшую щёчку после того, как Виктор в первый и последний раз её ударил; его велосипед — самый крутой во дворе; та подъездная шпана, которую он видел сегодня, показывали на него пальцем и смеялись. Возникло лицо мужчины в очках, который приветливо улыбался ему, протягивал сигарету...

Виктор изо всех сил старался избавиться от этого наваждения, но не мог. Он уже глубоко провалился в тяжёлый, беспокойный, наркотический сон. Страшные, гротескные картины показывал ему мозг, будил те скрытые воспоминания, потревоженные ранее. Заставлял переживать всё заново, придавая этому атмосферу фильмов ужасов. Причудливая нить сна меняла местами жертву и мучителя. И вот уже сам Виктор делал фотографии раздетого мальчишки, беспомощно елозящего перед ним. А кто-то большой, чёрный и страшный стоял позади них, источая собой лишь ужас, пустоту и смерть.

Он видел трупы женщин, выстроенных в ряд. И снова та большая чёрная фигура стояла позади них, заставляя своих жертв беспомощно парить в воздухе. На их телах появлялись жуткие порезы, из которых сочилась кровь. Порезы приобретали изображение цифр. Единица, двойка, тройка, четвёрка, пятёрка, шестёрка...

И тут появилась ещё одна девушка. Живая, в отличие от прочих. Она вышла на первый план. Чёрная фигура и мертвецы исчезли. Виктор не видел лица новой девушки, но жуткое понимание — кто она — пришло моментально. Девушка медленно поворачивалась к нему — обнажённая, такая хрупкая и незащищённая. Казалось, что она просто-напросто спала.

Виктор не хотел видеть продолжения, отчаянно боролся со сном, пытаясь прогнать этот образ, закрыть глаза или наконец проснуться. Знакомые глаза на милом лице распахнулись, и Виктору не оставалось ничего другого, — только смотреть. Уродливая гримаса исказила Олины черты, из её рта вырвался истошный, пронзительный, полный отчаяния крик боли и ужаса...

Наступил новый день. Виктор проснулся, оглядел свою кровать, смутно надеясь, что весь вчерашний вечер был лишь дурным сном, и сейчас он увидит милое лицо напротив. Но кровать пуста. Ни единого следа Олиного присутствия: ни длинного светлого волоса, ни отголоска запаха, ни лишней вмятинки на простыне.

Утро за окном было наполнено тоской и безысходностью, под стать свинцовым тучам, грязной опавшей листве, лужам, отражавшим в себе небесную серость и холодной мороси, бьющей в лица прохожим.

Виктор никак не мог выкинуть из головы вчерашнее помрачение и мучившие его кошмары. Он чувствовал, что совершенно разбит. Не хотелось подниматься с кровати. Виктор с детской наивностью ждал, что вот сейчас услышит весёлый голос своей девушки, зовущей его завтракать. Он понимал, как глупо было на это надеяться. Оля не ночевала и даже не была дома ночью. Но так не хотелось вставать с кровати на встречу жестокой реальности.

Рассеяннo и отрешённо Виктор собирался на работу. Всё вокруг было как в тумане. Первым делом, он набрал заветный номер, хоть и не верил, что ему ответят. Телефон по-прежнему был выключен. Виктор решил во что бы то ни стало обзвонить сегодня в офисе всех её подруг и коллег, да и вообще всех людей, чей номер у него был и кто, хотя бы теоретически, мог что-то знать об её исчезновении.

Виктор принял холодный душ, чтобы взбодриться. Выпил чашку кофе с вчерашними роллами, обнаружив, что аппетит у него не пропал, а даже наоборот, — оказался поистине звериным. Надел брюки и рубашку, перед выходом насыпал еды кошке. Тревожное чувство, казалось, отступило, но его ноющее присутствие оставалось где-то рядом, в области сердца. С утра притуплялись переживания, пробуждался разум.

Виктор сел в машину, мимоходом осмотрев вмятину от вчерашней аварии. В бардачке обнаружил забытую когда-то пачку, в которой чудом оказалась единственная сигарета. Закурил, завёл двигатель, начал листать список контактов в телефоне. Вдруг изображение пропало: батарея села и телефон выключился. Виктор вздохнул: «Давно уже надо купить зарядку в машину. Ладно, на работе найдётся запасная. Где же ты, Олька?» Докурил сигарету, оглядывая подступы к подъезду, неосознанно ища знакомый силуэт через забрызганное утренней моросью переднее стекло. Привычным маршрутом поехал к бизнес-центру, где находился его офис.

Как назло, в конце месяца прибавилось дел. Начальник его отдела суетился вокруг сонных, злых на весь мир сотрудников, которым выпало работать в это воскресенье. Виктор безразлично поздоровался со всеми. Выслушал план работы на сегодня.

За все полтора года на этом месте Виктору в первый раз выпал рабочий день на воскресенье. Может из-за этого, может из-за того, что Виктор отрешённо кивал головой, едва слушая и на всё соглашаясь, — заданий ему на сегодня досталось прилично. Ничего не оставалось, кроме как с головой уйти в работу, исправно и монотонно исполняя свои обязанности. Сосредоточенная работа отвлекала от мучительных мыслей.

В обеденный перерыв он решил обзвонить её коллег. Выяснилось, что на работу она сегодня не вышла. Одна из девушек, работавших вчера вместе с Олей, рассказала, что оставалась закрывать магазин, поэтому ушла последней. Кто подвозил Олю — она не знает,

но это точно не кто-то из других девчонок-продавцов. Потому что, две другие ушли вчера на час раньше. Оля никому ничего не говорила о том, что кто-то кроме Вити должен был заехать за ней. Зато поделилась их планами на вечер.

Девушка, сообщившая всё это, была порядком взволнована звонком Виктора:

— Ты думаешь, что её *этот* похитил? — прошептала она, сказав «этот» с интонацией, которой волшебники из «Гарри Поттера», наверное, произносили «Ты-Сам-Знаешь-Кто».

— Я ничего пока не думаю. Кто, по-твоему, её похитить мог?

— Так маньяк, кто же ещё! Ты что, не слышал ничего о нём? Такой кошмар в городе происходит! Ты-то почему её не забрал? Одну куда-то отпустил и звонит теперь! Ой, мамочки! Вот бы обошлось всё! — в голосе девушки звучала смесь испуга и любопытства. Виктор уже жалел, что напрямик рассказал ей о том, что Оля не ночевала дома. Он ярко представил, как эта рыжая девица, всё лицо которой обсыпано веснушками, сидела в подсобке магазина и рассылала эту новость всем, кого смогла застать онлайн.

— Дура, что ли? Успокойся, чего ты жути нагоняешь? Я в аварию вчера попал... Ладно, давай, пока! — Виктор прижал телефон ко лбу, закрыл глаза. Продолжил звонить её подругам. Теперь он избегал выкладывать всё напрямик. Никто ничего не знал. Олеся вспомнила, что звонила Оле в начале девятого вечера. Звала её встретиться, но Оля отказалась, ответив, что у них с Витей на сегодня планы.

Из этого выходило, что она не могла неожиданно поменять свои планы и укатить с кем-то развлекаться. Ситуация становилась всё беспросветнее. После обеда работа перестала клеиться. В голове шёл отбор менее страшных вариантов из тех, что предлагала Виктору его фантазия. То и дело всплывал фрагмент из сна, где Оля раздавалась безысходным криком.

Ничего не оставалось, кроме как сообщить о пропаже её родителям. Это был последний, отчаянный вариант. Они наверняка удивятся его звонку, начнут расспрашивать, попросят позвать Олю... Если, конечно, она не у них. Последняя соломинка к спокойствию. Такая тоненькая, что готова вот-вот преломиться от любого ветерка. Если и этот вариант не подтвердится, — придётся бить тревогу. А это значит, что её родные тотчас побегут в полицию; станут названивать в больницы, морги; начнётся паника, слёзы, общее тягостное волнение, страх.

Виктор не знал, что ему делать. Сотни вопросов не выходили из головы. В одно время, хотелось куда-то бежать, что-то делать, искать её повсюду. Потом это сменялось отрешённостью и апатией.

Он продолжал на автомате делать свою работу, не заботясь о результате. Выходил с коллегами на перекур, даже поддерживал разговоры, хоть и вяло, без охоты. Всё вокруг казалось ему отодвинутым на второй план: несущественной и нереальной ерундой.

Виктор цеплялся за рутину, стараясь не терять последнюю, несбыточно-наивную надежду, что вот-вот он приедет домой: Оля откроет дверь и взволнованно, на эмоциях, активно взмахивая руками, расскажет невероятную историю, которая предельно просто и ясно объяснит её отсутствие. Потом милым привычным движением руки поправит волосы. Виктор даже готов был смириться и принять, если она выйдет на связь и скажет, что нашла другого и уходит от него, попросит собрать свои вещи. «Пускай так, пускай... Пусть будет, что угодно, я готов ко всему. Лишь бы она объявилась! Пусть говорит, что угодно. Главное, вновь услышать её голос; увидеть такое родное, любимое лицо, знакомое до мельчайшей поры на коже; почувствовать аромат её духов, запах шампуня, исходящий от её волос; сжать её маленькую, тёплую ладонь в своей; хотя бы на мгновение ещё раз прикоснуться своими

губами к её...»

Рабочий день закончился. Виктор сидел в заведённой машине и по-прежнему не знал, что ему делать дальше. Смотрел на список друзей на Олиной страничке в сети, вглядывался в их «аватарки», пытаясь найти подсказку. Хоть бы какую-то ерунду, крошечный ключик, который он мог пропустить. В итоге, снова набрал номер Оли. «Аппарат абонента...» Зашёл в список контактов, нашёл её родителей, но не мог решиться позвонить. Закрыл глаза и наугад пролистал контакты. Увидел номер Андрея.

Ужасно хотелось с кем-то поделиться своей бедой, своими сомнениями и страхами. Этот человек, недавно узнавший Виктора как никто другой, показался ему наилучшей кандидатурой. Долгие гудки, один за другим: трубку никто так и не поднял.

Виктор тронулся с места, сам не зная, куда он едет. Просто колесил по городу, выкуривая одну сигарету за другой. Выключил раздражающее радио, оставшись в полной тишине. Проехал рядом со школой, которую он закончил, мимо набережной, на которой, несмотря ни на что, было довольнолюдно. Город жил своей жизнью: потоки машин, потоки людей, уличный шум из приоткрытого окна. Все спешат куда-то, у всех свои хлопоты, заботы. Серая пасмурная погода, наконец прекратившийся дождь. Всё шло своим чередом.

— Алло! — Виктор уже парковался у себя во дворе. Поездка ещё сильнее упрочила его тягостное и угнетённое настроение. Хоть и возвращаться в пустую квартиру — а он был уверен, что Ольга не вернулась, — не было желания, но и альтернатив он не видел. Виктор ответил перезвонившему Андрею.

— Здорово, звонил?

— Да, слушай, Андрюха, ты работаешь сегодня? — издалека начал Виктор, не спеша глушить двигатель. Он изо всех сил старался, чтобы его голос звучал бодро и твёрдо.

— Нет, я уволился. Разве я не говорил?

— О, ничего себе! Что-то не припомню. Наверное, вылетело из головы. Ладно, слушай можешь в гости приехать? Или нет, давай лучше встретимся где-нибудь. Я могу заехать за тобой.

— Нет, дружище, извини: сегодня у меня дела, так что вряд ли получится. Давай завтра? У тебя что-то случилось? Если прямо срочно и важно, тогда я конечно смогу.

Витя ненадолго замолчал. Обдумав всё, он наконец произнёс:

— Да нет, всё нормально. Ну ладно, дела — так дела. Давай завтра тогда, конечно.

— Хорошо, договорились. Слушай, точно ничего не случилось?

— Нет-нет, — поспешил ответить Витя, обдумывая, чем он мог выдать себя. — Так, на работе тот ещё денёк выдался... Думал, расслабиться немного, посидеть может где-то, потрещать. Созвонимся, короче.

— Ладно, Ольке привет передавай.

Виктор издал какой-то непонятный звук. Он уже пожалел, что позвонил Андрею. Но другу нужно было обязательно узнать обо всём, а Виктор не смог даже попытаться рассказать ему о своих тревогах. Андрей был хороший друг их пары и передавать сейчас ему свои тревоги, Виктор посчитал чересчур жестоким. От чего-то ему казалось, что он сам сперва должен был принять удар судьбы на себя, каким бы этот удар не оказался.

— Витян, точно нормально всё? Ты дома сейчас?

— Да-да, я же сказал! Передам, обязательно. Ладно, до встречи! — Витя скинул звонок.

Проведя немного времени в метаньях по квартире, через силу легко поужинав, долго распивая в размышлениях бутылку пива после, Виктор всё же решился рассказать об

Всё закружилось, завертелось и стремительно несло в потоке последующих событий.

Ольгины родители сразу приехали к нему. Чуть позже, к ним присоединились и его собственные. Началась бесконечная суета: обзвон больниц, моргов, заявление о пропаже в полицию, которая — стоит отдать им должное — незамедлительно занялась поисками.

Виктора допрашивали. Всплыло, что его вызывали по другому эпизоду. Задавались неприятные вопросы, мелькали вокруг холодные, недоверчивые глаза, собирались характеристики, появлялись из ниоткуда самые разные знакомые. У многих в городе была твёрдая уверенность, что скоро обнаружится новое тело, помеченное издевательской цифрой «семь».

Следующие два дня прошли в безумном темпе. Скоро весь город звенел исчезновением очередной девушки. Журналисты, чужа отличной сюжет, попытались взять интервью у Виктора. На что были вежливо посланы. На работе ему дали отпуск, за свой счёт, на две недели. Соседи начали здороваться. И у всех них присутствовало это мерзкое выражение в глазах: формально сочувствующее, притворно жалобное, хоть ещё и не было стопроцентной гарантии, что Оли, его Олечки, красавицы из 143-ей квартиры, умницы с высшим образованием, не гулящей, и пол жизни любящей одного мальчика — теперь нет в живых. Какие-то непонятные друзья и знакомые звонили ему, писали СМС, оставляли сообщения в социальных сетях. Череду глупых, однообразных, зачастую неискренних, подбадривающих слов.

Только Андрей куда-то пропал. Встретиться на следующий день, конечно, — не получилось. Но Виктор всё равно был благодарен ему. Благодарен за то, что Андрей не ведёт себя как прочие, не выставляет себя очередным показушным прилипалом. Ему не хотелось сейчас никого видеть, снова говорить об этом, лишней раз ловить эти раздражающие, неискренние взгляды. Труднее всего было оставаться в одиночестве, когда тебе этого хотелось бы больше, чем чего-либо ещё на свете. Виктор понимал, что Андрей наверняка уже знает о пропаже Ольги. Конечно, он не остаётся к этому равнодушным, он ждёт, как и Виктор, готовясь к худшему. Они никак не общались всё это время, но своим молчанием многое сообщали друг другу.

Давящее оцепенение, нереальность, полная абсурдность происходящего тяжело переносилось Виктором. Родители звали его переезжать к ним, но он отказался. По ночам, перед сном, он не мог сдерживаться и давал волю чувством. Снов он не видел.

На четвёртый день исчезновения Ольги с самого утра начал пить. Отключил телефон, выключил телевизор и пил, глядя кошку, устроившуюся у него на коленях. Пил до полного беспамятства, пока, не удержав равновесия, не распластался на полу и там же заснул.

Очнулся от нестерпимых позывов мочевого пузыря. На нетвёрдых ногах, с ощущением тошноты и тяжёлой головой, ещё до конца не отрезвев, он смог сделать свои дела. Включил телефон. Не удивился ни одному пропущенному звонку и не собирался никому перезванивать.

У него кончился весь алкоголь. Под крики организма, призывающего Виктора больше не пить сегодня, он начал собираться в магазин.

На лестничной клетке снова прятались от непрекращающейся непогоды те же малолетки, что и в тот, роковой день. Виктор даже не обратил на них особого внимания, нетвёрдой походкой проходя к лифту.

— Ой, это же у него девушку убили, да? — донёсся до него нетрезвый громкий шёпот одной из девчонок той компании. Эти слова заставили Виктора оцепенеть у лифта, с поднятой к кнопке вызова рукой. Он оглянулся и посмотрел прямо на неё. Полноватая, покрасневшая, видимо от выпитого коктейльчика, девчонка лет пятнадцати, с наглыми, безвкусно накрашенными глазами и с размалёванными помадой губами. Компания заметила, что он остановился и теперь смотрит на них.

— Ох, простите, мои соболезнования! Его обязательно поймают! — пропищала девчонка, сразу опустив взгляд в пол.

В голове Виктора что-то перемкнуло. Он начал кричать и оскорблять. Как эту девчонку, так и всю компанию. Угрожал, что сам их всех сейчас положит. Все его страхи, волнения и тревоги, а также накопившееся раздражение и обида вырывались сейчас, будто лава из вулкана. Парни начали огрызаться в ответ, заступаясь за свою подругу. Виктор приготовился к драке, в которой он явно бы проиграл. Но это ему было безразлично. В компании присутствовали четверо довольно крепких и рослых парней, с виду ровесников «соболезнующей», к тому же и лишка алкоголя в крови Виктора не способствовала хорошей драке. Двери лифта открылись, из кабины вышел сосед Виктора. Здоровенный мужик, под два метра ростом, живший в квартире напротив.

— Эй, малышня, а ну брысь отсюда! Совсем уже охренели, что ли?! У человека беда, а вы ещё глумиться будете?! Сейчас быстро мозги на место поставлю! — с ходу он оценил ситуацию. Видимо, подъезжая к нужному этажу, слышал их перепалку.

Подростки начали отступать вниз по лестнице, не ожидая появления столь серьёзной подмоги. Та девчонка, из-за которой всё и началось, крикнула напоследок:

— Да он сам начал! Сумасшедший какой-то, его самого сажать надо!

Мужчина повернулся к Виктору, который начал уже было заходить в лифт, тронул его за плечо.

— Парень, ты бы не пил так. Я сам всё понимаю, но надежды никогда терять нельзя. Крепись, слышишь.

Виктор кивнул ему. Двери лифта закрылись, и кабина стала опускаться вниз. Виктор ощутил прилив благодарности и расположения к этому чужому человеку, до этого дня, не выказывавшему ему ни малейшего внимания. Он даже хотел было послушаться соседа, подняться обратно и лечь спать, прекратив на сегодня своё забвенное пьянство. Но эта мысль быстро прошла, и вот он уже подходил к ближайшему магазину.

Набрав в тележку алкоголя, по его подсчётам дня на три, захватив ещё пару коробок лапши быстрого приготовления, батон, пачкупельменей и палку колбасы, он направился к той кассе, у которой выстроилась очередь поменьше. Раздался звук, источник которого Виктор не сразу распознал. Скорее по привычке достал из кармана телефон, увидел оповещение о новом «эсэмэс». Хотел было тут же убрать телефон обратно, не вдаваясь в подробности, но что-то подтолкнуло его всё же прочитать сообщение:

«Олю нашли. Мы на опознании.»

Виктор подходил к моргу, у дверей которого курили двое полицейских.

Мир рушился перед его глазами. Прочитав сообщение, присланное отцом, он опустил корзину с покупками на пол и выбежал из магазина. В кармане нашёл ключи от машины. Сел за руль. В голове лишь одно: «быстрее, быстрее». Виктору казалось, что, если он поторопится, всё ещё можно будет изменить. Может, это не Оля? Может, это ошибка, и она на самом деле жива?

Остатки пьяного забытья, мерзкий привкус во рту и ноющая головная боль отошли на второй план. Он не боялся попасться гаишникам и даже сама такая возможность не приходила в его голову. Где было можно, он вдавливал педаль газа в пол, небрежно обгоняя другие машины. Весь город за стеклом превратился в сплошную серую и грязную декорацию. Подъезжая к старому кирпичному зданию морга, он не заметил светофор и пролетел перекрёсток на красный, подрезав сразу пару машин.

На парковке у входа кипела жизнь. Две полицейские машины разгоняли мигалками вечернюю полутьму. У машины скорой помощи кружком стояли люди. От них нёсся к небу сигаретный дым. Виктору сразу бросился в глаза джип отца и «матиз» Олиной матери. Холодный ветер бил в лицо, будто упрасывая его не заходить в это мрачное здание. Виктор и сам никак не мог на это решиться. Закурил, оттягивая неизбежное.

До ушей доносились слова куривших полицейских, стоявших на страже роковой двери. Они нагло, громко, без тени стеснения обсуждали нечто, о котором Виктор до сих пор старался всерьёз не задумываться. А они говорили так просто, будто обсуждая какой-то фильм или новостной сюжет. «Почему они орут об этом на всю улицу? Тупые мрази.»

— Тот же почерк, абсолютно. Но, мне кажется, — это не очередная его рядовая жертва: она для него особенная.

— Ну да — гнида такая, — ещё бы в центральном парке труп положил! Странно, что так поздно обнаружили. Показывает: какой он весь из себя крутой и неуловимый! Лично бы, суке, пулю в лоб всадил.

— Простынку под неё подстелил, макияж, причёску сделал. Да и в целом, что-то здесь не сходится. Как будто, он её уже знал до этого.

— Может типа цифра «семь» для него что-то значит? Или просто-напросто, девчонка ему показалась красивее прочих? Кто поймёт, что у этих чертей в голове творится?

Виктор нервничал, жадно затягивался. В нём закипала злоба к этим бездельникам, которые строят из себя сраных профайлеров из американских сериалов, вместо того, чтобы предотвращать трагедии. К этим мудакам с толстыми физиономиями, которые ничего не знали и не чувствовали, но раздувались самомнением и важностью. Виктор докурил, затоптал бычок.

— А всё-таки странно, что сняли версию, мол, баба убивает. Мужик бы не устоял перед такими девчонками, насильничал, точно тебе говорю.

— Да не пори чушь. Может, он импотент или вообще пидор? Поэтому и убивает, вымещает свою злобу.

— Ты ведь был там, где её нашли?

— Ага. Хорошо он так её положил. Даже дождём не намочило почти. Кстати, девчонка и правда клёвая. Была. Сиськи так ничего.

Виктор не мог дальше всё это выслушивать. Ему казалось, что хватит и ещё одного

слова, как он набросится на них двоих и порвёт голыми руками.

Последний ледяной порыв ветра с моросью прямо в лицо. Виктор уверенно шёл к полицейским. Один из них перегородил ему дорогу, лёгонько, но угрожающе погладил ствол автомата:

— Вы куда?

— На работу, — выплюнул из себя Виктор. Говорить слово «опознание» подразумевая за ним Олю, было бы нестерпимо.

— Пропуск? — Безразлично от второго.

— Дома оставил.

— Чего-то ты на врача не шибко похож.

— А вы меня в халате не видели. Сразу преображаюсь.

— Да хрен с ним, пусть идёт!

И Виктор вошёл в морг. Представил себя со стороны. Мятая домашняя одежда, опухшее лицо, неаккуратная борода, перегар. «Да им всё по хрену. Мрази».

На его пути попадались невнятные и плоские люди, похожие на манекены, позволяющие себе стрелять в него бессмысленными и пустыми взглядами.

Электрические белые лампы освещали путь. От этого света хотелось закрыть лицо. Настойчивый стук в голове заглушал любые мысли. Всё вокруг превратилось в вязкий, сковывающий и мерзкий кисель.

Он заметил своего отца, который о чём-то говорил с людьми в форме. Слишком много людей со всех сторон. Виктор шёл дальше. Увидел, как рыдает Олин отец, прислонившись к стене и закрыв руками лицо.

Вот и безликая дверь, от которой веяло холодом. За этой дверью, мир Виктора окончательно рассыплется на мелкие осколки. Он подошёл в нерешительности. Боялся протянуть руку, заглянуть в то, что было скрыто. Нервно кусал губы. Теперь ему даже захотелось, чтобы те двое у входа решили всё-таки проявить сознательность, догнать его, увести отсюда. Он сглотнул вязкую гадость во рту.

Тут дверь открылась, вышла его мать и бросилась на шею Виктору с рыданиями:

— Витенька, сынок! Не ходи, не ходи, прошу тебя! Нету больше Оленьки. Витя-я-я! — захлёбывалась она в слезах. Виктор отстранил её от себя и зашёл в комнату. Вот теперь оттягивать стало невозможным.

На столе, закрытое белой простынёй, лежало тело. В углу комнаты оказывали помощь, видимо, потерявшей сознание матери Ольги. Пахло формалином, чем-то ещё химическим. Отчего-то в голове возник запах мясного отдела на рынке. К горлу подступила тошнота.

Виктор на ватных ногах подошёл к труп. Трясущимися руками неловко потянул простынь в районе головы. Последняя, с самую маленькую песчинку, надежда, что за простынёй окажется не Оля ещё теплилась в сердце.

В глазах тотчас потемнело. Виктор прокусил губу, во рту привкус крови. Внутри, как будто, что-то окончательно оборвалось. Звуки вдруг стали такими далёкими, неживыми, приглушенными. Он мог только потрясённо смотреть в мёртвое лицо. У неё, и правда, были аккуратно подкрашены ресницы; нанесены тени на глаза; накрашены губы, бережно и неброско, как она обычно и носила; чуть припудрено лицо. От всего этого ещё сильнее давило понимание, что Оля мертва. Виктору жутко было наблюдать макияж, нанесённый на маску смерти. Худенькая шея девушки покрыта уродливыми синяками и ссадинами. Волосы заплетены в длинную косу. Таковую причёску она не носила со школы. Он было протянул руку,

чтобы коснуться её лица, но на полпути отдёрнул, так и не решившись.

В памяти Виктора всплыло их первое свидание.

Новенький кинотеатр. Запах попкорна и лёгкий аромат духов от Оли, которые она взяла тайком у матери. Витя делал неловкие попытки её поцеловать, но она со смехом уворачивалась, играя с ним, хоть по ней и было видно, что она совсем не против такого внимания. Оле хотелось показать себя порядочной девочкой. Какой она всегда и была. Только под конец фильма (который она оба почти и не смотрели) сама положила свою ладонь на его.

Витя ей сразу понравился, призналась она позже. Они гуляли по парку, рядом с их школой. Ярко и тепло над ними улыбалось майское солнце. Витя шутил, дурачился, даже прочитал ей наизусть какое-то стихотворение. Наслаждались мороженым на качелях. Она смеялась задорным смехом, а он тонул в её очаровательных, манящих, изумрудных глазах. Потом проводил её до дома. Первый, их лёгкий, ребяческий, ни к чему не обязывающий, но одновременно, такой памятный и нежный поцелуй. Едва сомкнулись губы на мгновение. Вот за ней захлопнулась дверь, и Витя вдруг стал таким лёгким, что только каким-то чудом не взлетел и не постучался в окошко её комнаты.

К горлу подступил ком, глаза начало щипать, нос заложило. Виктор чувствовал, что вот-вот разревётся прямо здесь и сейчас. И всё равно не мог перевести взгляд с её лица.

— Виктор, — он почувствовал на плече руку отца. Голос родителя подрагивал. — Пойдём. Её родители хотят побыть с ней.

Титаническими усилиями Виктор заставил себя оторвать взгляд от Оли, развернуться и уйти, не оборачиваясь.

— Вам повторить? — участливый, звонкий голос вывел Андрея из оцепенения.

Он перевёл взгляд на официантку, которая с уставшей рабочей улыбкой на лице возвышалась над ним. Андрей поспешно кивнул, боясь признаться, что он не понял вопроса. Девушка кивнула и удалилась к барной стойке. В зале негромко играла музыка, пахло кальянным дымом. Из полумрака, исходящего от других столиков, доносились несвязные обрывки разговоров, приглушенный смех, звон бокалов и столовых приборов.

Андрей проводил взглядом удаляющийся женский силуэт. Строгая одежда: чёрный низ, белый верх. Светлая блузка, под стать золотистым, убраным в строгий хвост локонам, при этом освещении бросалась в глаза, словно призрак на кладбище, мелькающий среди неровных рядов могильных плит.

Андрей вздрогнул от резкого возвращения в реальный мир.

Он снова ушёл в себя, забылся и потерялся в чертогах разума. Судорожно оглядывая полумрак бара, он заметил, что никто не обратил внимание на его отсутствующее выражение лица и взгляд, прикованный к туманной точке. Андрей перевёл взгляд на стол, разглядывая, что расположено перед ним. Тарелка едва распробованной пасты с говядиной и грибами, пустой пивной бокал, пепельница с одиноким окурком.

В голове мелькали последние воспоминания, берущие начало от той минуты, как он вновь вышел из дома навстречу октябрьской прохладе, до того момента, как он занял этот столик. Забытьё собственных грёз медленно, но непреклонно рассеивалось, возвращая его в мир реальности.

Андрей сделал логичный вывод, что официантка принесёт новый бокал пива. Значит, появится повод задержаться здесь ещё на какое-то время, прежде чем он вернётся к своим бесцельным, но умиротворяющим прогулкам по осеннему городу. Наслаждаясь теплом и покоем, Андрей пытался урвать крохи нормальной жизни.

Его нормальная жизнь разрушилась под яростным порывом ветра, который местные СМИ назвали обнаружением новой жертвы, под циничным номером «семь». Андрей в тот злополучный момент прожёвывал кусок яичницы, невнимательно разглядывая меняющиеся кадры на экране телевизора. Сперва услышав знакомое имя, подумал, что ему показалось. Затем увидел лицо на старой фотографии, которую он сделал лично когда-то безвозвратно давно. Женский силуэт, сквозивший чем-то беспримерно знакомым, близким и родным, заполнял собой грани дисплея, заставляя погружаться далеко вглубь картинки, в попытках принять страшную правду. Это было неестественно, жутко и нереалистично, но в то же время, ледяная достоверность сюжета убивала робкие надежды на то, что кадры на экране — жестокие галлюцинации, навеянные странным помрачением рассудка. Страшно, грязно и беспредельно тяжело было взирать на бездыханное тело человека, которому отдана юношеская влюблённость, и пребывать в полном бессилии хоть что-то исправить.

Андрею оставалось лишь безмолвно выть в подушку, обвиняя в трагедии всех вокруг. Потом представлять Витю с беспомощной и потерянной усмешкой на лице, полном горечи. Эта картина тоскливо скребла сердце. Он не был готов увидеть её в реальности.

Всё происходящее давило на разум и душу Андрея, заставляя его раз за разом терять установленный годами самоконтроль, предаваться безутешному отчаянию, которое невозможно было облегчить.

Андрей чувствовал себя брошенным, одиноким и потерянным. Иногда ему казалось, что это его жестоко убили, и это его труп возлегал под столпами земли в надежде на воцарение справедливости. Но справедливость всё не воцарялась. Молодой, невинный, умиротворённый труп всё покоился в своём последнем деревянном убежище, навсегда утратив последнюю надежду возвратиться. Видеть лик Ольги среди земляных паразитов — бескрайне тяжело. Но Андрей старался прийти к смирению, хоть это и казалось таким непосильным.

Оля! Ольга! Олечка! Та белокурая девочка со двора, которая выходила на улицу без единой игрушки, но очаровывала, как всех девочек, что они бросались предложить ей присоединиться к их играм; так и всех мальчиков, которые, застыв на мгновение, лишь бесстыдно и с интересом провожали любопытными взглядами каждое движение новенькой девочки.

Она светилась голубым светом. Её движения были легки и незамысловаты. Звук её смеха был звонок, раскатист, непринуждён, одухотворён и невинен. Её хотелось слушать. Андрей замирал, удивлялся, что дворовые друзья (которых он едва видел периферическим зрением), один за другим отводили взгляды, возвращаясь назад, в свою игру. В последний миг первого знакомства с тоненькой, смущённой общим вниманием к себе девочкой, не могли отвести от неё взор только он и Витя, всё продолжая следить за малейшими движениями её тела, прислушиваясь к едва уловимому колебанию воздуха, что нёс её голос.

Андрей долго не мог поверить, что её больше нет в живых. Смотрел сюжет по телевизору. Потом нашёл его в Интернете, пересматривал раз за разом. Отбрасывал воображением серое облако цензуры, разглядывал черты её лица, которые замерли в вечной неподвижности, стали мертвы, но даже теперь не растеряли своей красоты.

Андрей жил с родителями. Они вместе обедали за одним столом, когда телевизор показывал роковой сюжет. Отец с матерью обсуждали что-то своё, не замечая сперва, как меняется в лице их сын. Они едва помнили его первую, но такую сильную и искреннюю школьную влюблённость. Удивлялись сильной, нервной и по-настоящему живой реакции. Для них сын давно перестал быть существом, способным на искренность, способным на эмоции. Всё чаще их отношения напоминали не родственную связь, а отношения арендодателей и квартиросъёмщика. Узнав всю ситуацию, следуя родительскому долгу, они постарались оказать максимум сочувствия и поддержки. Но пробиться через многие слои защиты Андрея им так и не удалось. Их, безусловно, огорчала холодность и закрытость сына. Живя в одном доме, они всё сильнее отдалялись друг от друга. Родители обречённо старались смириться с этим, а Андрей уже давно понял, что не может жить под одной крышей с людьми, которые становились ему всё более чужими, день ото дня всё сильнее.

Совсем недавно он жил один на съёмной квартире и был счастлив. Но обстоятельства вынудили вернуться в отчий дом. Около трёх месяцев он снова жил с родителями, а его опрометчивое решение бросить работу на неопределённый срок отодвинуло желанный переезд. Теперь же, со смертью Ольги, его пребывание среди этих сочувствующих, но одновременно укоряющих лиц становилось всё более невыносимым.

Когда-то он любил своих родителей и порой ему хотелось бы полюбить их снова, ощутить детскую радость от родительской заботы. Но это время безвозвратно ушло. Приходилось искать любовь в случайных девичьих лицах и дружеских отношениях.

Андрей всегда любил Виктора, любил Ольгу. В отрочестве, он был уверен, что сможет завоевать себе девушку — такую, как Оля. Но его уверенность быстро сошла на нет. Все его

попытки установить настоящие доверительные отношения терпели крах за крахом. Настоящая любовь всё не удосуживалась предстать у него на пороге. Поэтому он постепенно смирился с этим, находя удовлетворение в ничего не значащих, кратковременных романах.

Подозрения в своей неспособности снова полюбить кого-то, как тогда, в юности, закрадывались в его сердце. В каждой новой девушке он искал тот образ, который впечатался в его разуме, который он считал идеалом, но так и не мог найти его. Этот образ был соткан из той девочки Оли — его первой влюблённости, при этом улучшенный в его мечтах, пропитанный стремлением к настоящему душевному родству, которого он до сих пор ни с кем и никогда не испытывал. Даже сама — нынешняя, взрослая Оля не дотягивала до того, склеенного рассудком прошлого образа.

Вспоминая день своего пьяного признания и неловкого предложения, он пробуждал в себе старый, давно позабытый стыд. Андрей знал, что уступил бы Ольгу лучшему другу, во что бы это ни стало. Знал, что она предначертана не ему и не хотел пытаться опровергнуть чаяние судьбы. Но всё равно, он сделал ту попытку, обречённую на провал. В последнее время, Андрей задумывался, что было бы, если бы Ольга приняла его чувства? Выбрала его, а не Витю. Как повернулась бы его жизнь? Стал бы он, с роковой неминуемостью, тем, кем он являлся сейчас? И главное, была бы Ольга жива, была бы счастлива с ним так же, как была счастлива с Витей? Но к чему сейчас эти вопросы? Ольги больше нет. Она никогда не вернётся, время не повернёт вспять, предлагая иные варианты событий. Насмешливая цифра «семь», нарисованная губной помадой на её теле, вызывала беспомощную ярость и стремление к разрушению, которые всё труднее было сдерживать.

Официантка принесла новую порцию пива, забрала пустой стакан. Андрей выжал из себя улыбку, забрал выпивку, сделал обильный глоток. Заметил, что излишне сильно сжимает стакан.

Одинокое маленькое пьянство в крошечных тёмных барах входило в привычку. Он один, ему никто не мешал, он никого не обременял. Не нужно было отчитываться ни перед кем. Не было нужды в компании кого-то, кого ему совсем не хотелось видеть. Одиночество пыталось тоскливой, порабощающей сеткой окутать его, но Андрей находил в нём лишь успокоение. Эти две недели с похорон Ольги, эти недели, как он бросил работу, научили Андрея умеренности, выдержке и смирению с собственным одиночеством.

Ледяное пиво просачивалось глубоко внутрь желудка. Андрей пытался сквозь дымный полумрак бара разглядеть других постояльцев, но у него это никак не выходило. Одни сплошные безликие тени, глотающие свои напитки, прожёвывающие свои блюда. Незнакомцы, каждый из которых вызывал невольное подозрение. Что у них, на самом деле, на уме? Что, на самом деле, скрыто в полумраке подобных баров?

Андрей пил пиво, задаваясь вопросом: почему, раз за разом, в своих вечерних прогулках он не может удержаться от того, чтобы не выйти к обществу, отринув умиротворяющее одиночество? Непонятно, почему он позволял себе презрение в стан окружающих его голосов, когда сам стремился их услышать. Наполниться уверенностью, что он — один из них? Такой же полноправный член общества, нормальный человек. Эти заданные ярлыки, которые все с огромной радостью на себя вешали, всегда представлялись ему ограниченными, нелепыми и устаревшими.

Укол совести заставил Андрея взглянуть на себя со стороны. Ведь он сам — лишь жалкий червяк на содержании этого общества: живёт с родителями; не ищет новой работы; не ведёт регулярной половой жизни, с единственным партнёром, которая непременно

должна перерасти в жизнь семейную; не стремится к творческому самосовершенствованию, образованию и личностному развитию. Но живёт с непреклонной уверенностью в то, что он избранный, что он особенный, что он непременно сможет добиться того, чего от него все ждут. А главное — того, чего он ждал от самого себя.

Андрей медленно, полностью погрузившись в процесс, принялся за свой поздний ужин. Методичная работа челюстей отвлекала от лишних от мыслей. Вскоре принесли счёт, который оказался более чем демократичным. Андрей оставил купюру, в которую были включены чаевые. Натянул на себя куртку и удалился в промозглые, мокрые, ночные улицы осеннего города.

Всё вокруг серо и безжизненно. Андрей хранил в голове избавляющую, многозначную тишину. Прятал руки в карманах, брёл в неизвестном направлении. Обещанного дождя не было, значит можно ещё немного прогуляться, прежде чем вернуться домой.

Выданный ему при увольнении расчёт стремительно заканчивался. Родители начинали робко, но непреклонно и со всё учащающейся регулярностью заводить разговоры о работе. Андрей и сам понимал, что устроенная им свобода от каких-либо обязательств не может длиться вечно. Напоминания о работе от родителей наводили тоску и скуку. Пережив их, Андрей проникался сущей необходимостью их просьбы. Открывал сайт с вакансиями, непонятно на что злился, выключал компьютер и замыкался в себе.

Андрей не был на похоронах. От этого ему стыдно и тоскливо. Он получил короткое, сухое сообщение от Виктора, сквозь которое просачивалась отчаянная боль друга. В сообщении не было ничего, кроме даты и места. Андрей ответил таким же сухим тоном, выразив свои соболезнования. Отвращение к собственному эгоизму, бесчувственности и трусости пронзало его ежедневно. Он сразу понял, что не сможет перебороть себя и явиться на кладбище, проводить своего друга в последний путь, поддержать другого друга в его горе. Он не смог бы спокойно находиться среди траурных лиц, сдерживать свою боль утраты и ненависть ко всему миру. Это было выше его сил — натянуть на себя очередную маску, произносить пустые слова, подходящие скорбному событию.

Он остался дома, пролежал весь день в кровати, сославшись на болезнь. Разглядывал невидящим взором стены и потолок, пытаясь представить, что в данный момент происходило на кладбище. Эмоции сменяли одну за другой: тоска, обида, злоба, сожаление, вина, и совсем неуместная, но предательски возникшая радость, что он избавил себя от всей этой мрачной церемонии. В голове вспыхивали вопросы, на которые он не мог найти ответа. Казалось, что кто-то невидимый, огромный и всепоглощающий заполнял собой пространство вокруг. Смотрел на него с угрожающим укором. Своим присутствием подчеркивал истинную жалкую низость натуры Андрея.

Тем же вечером, не в силах больше выдержать соседства этого монстра, Андрей положил начало своим ежедневным прогулкам. Шагая по знакомым улочкам родного города, разглядывая лица прохожих, проезжающие машины, дома и деревья, лужи и грязно-жёлтые листья, он проделывал всё большие расстояния, всё дальше уходил от дома. Заходил в самые злачные места: промзоны, гаражи, мрачные, запущенные дворы, безлюдные пустыри, зловонные каналы заводов. Андрей словно искал что-то или кого-то. Убегал от пожирающих мук совести, в надежде наконец найти необходимые для себя ответы.

В первое время, присаживаясь перекурить на влажные лавочки, он доставал телефон, гипнотизируя открытый номер, который успел выучить наизусть. Таил в себе надежду, что сейчас раздастся звонок или он сам наберётся смелости, чтобы сделать одно лёгкое

движение пальцем, выждать длинные гудки и услышать ответ.

Годы дружбы подсказывали, что ещё не настал тот момент, чтобы навязываться со своей поддержкой. Андрей старался изо всех сил вообразить, что сейчас переживает Витя, с какой волной лицемерного сожаления он встречается, какое уничтожающее горе потери он испытывает, как тяжело ему приходится. Перекладывая всё это на себя, Андрей не был уверен, что сам хотел бы чего-то иного, кроме исцеляющего одиночества. Сомнения, однако, не отпускали. Прав ли он? Жаждет ли Витя одиночества, как он думал? Или он плохо представлял реакцию друга в столь переломном моменте жизни? Может быть, Виктор хотел, чтобы он пришёл на похороны? Хотел почувствовать поддержку друга, которому совсем недавно открыл то, что его терзало больше всего? А вместо поддержки, Витя видит лишь предательское отсутствие, которое ложится на его теперешнее состояние, трансформируясь в назойливое, гротескное обвинение?

От этих вопросов трудно было избавиться. Неизведанность чужой души, пускай и принадлежащей человеку, которого Андрей считал лучшим другом, приводила в тупик. Время шло, телефон молчал. Нет, конечно, были звонки. Их общие знакомые, приятели, даже те, с которыми много лет не поддерживалось общение, периодически выходили на связь. Хотели поддержать и Андрея, помня, видимо, что хоть Ольга и была девушкой Виктора, но в их глазах — вся троица всегда выглядела неразлучной. Андрей вежливо отвечал, уделял время и слова каждому звонившему, однако твёрдо отказывался от встреч, ссылаясь на несуществующую занятость. Особенно коробили его те, кто был на похоронах, и теперь с недоумением вопрошали об его отсутствии. Андрей ссылаясь на внезапную болезнь, каждый раз в точности пересказывая одну и ту же легенду.

Особенно тяжёл был разговор с матерью Ольги. Этот звонок очень удивил Андрея. Ни для кого не было секретом, что родители девушки всегда были, по неизвестным причинам, настроены против, как её отношений с Витей, так и дружбе с Андреем. Считали, вероятно, что они совсем не компания для чудесной дочери. Сложили для себя мнение о них, как о хулиганистых неудачниках. Отчасти, это можно было назвать когда-то правдой. Но сейчас их сложившийся стереотип явно не выдерживал критики. Олина мать — высокая, серьёзная женщина, с вечно высокомерным взглядом и резким, низким, хриплым от множества выкуриваемых сигарет голосом, сквозь слёзы просила у Андрея прощения. Ему было стыдно и очень неловко слышать это. По неизвестным причинам, мама Оли с поражающей чуткостью, которую было трудно представить в этой женщине, пыталась поддержать его, решив, что ему так невероятно тяжело, что даже прийти на похороны стало для него непосильной задачей. Андрей лепетал ей что-то в ответ, выражая своё безразмерное сочувствие, ощущая при этом, что вот-вот предательски начнёт щипать в горле. А после короткого, но полного эмоций разговора, он в оцепенении смотрел в потухающий дисплей телефона, коря себя за то, что его глаза так и не повлажнели, как бы он сам не пытался выдавить из себя слезу.

Тем временем, ноги незаметно принесли его к подъезду отчего дома. Андрей закурил, опустил на лавочку, вновь достал телефон, чтобы в последний на сегодня раз попытаться силой мысли заколдовать его на звонок. Время подходило к часу ночи. Подняв голову вверх, он обнаружил, что свет в окне его балкона не горит. Андрея это порадовало. Обычно, по пятницам, родители не ложились допоздна. Ему совсем не хотелось видеть их упрекающие взгляды, отвечать на вопросы, которые успели набить оскомину. Вернувшись к телефону, он зашёл в телефонную книгу, нашёл нужный номер, в который раз поводит большим пальцем в

миллиметре от экрана, в который раз не решился и убрал телефон в карман.

Выпуская клубы дыма от сигареты в ночной воздух, Андрей разглядывал сильно изменившийся со времён его детства двор. Парковочных мест стало больше раза в три. Но всё равно, свободных от машин мест, на первый взгляд, не было вовсе. Детская площадка бросалась в глаза своими яркими красками и лоском новизны. Футбольное поле обнесли высоким забором, вместо песка проложили резиновое покрытие. Вместо большого, раскидистого клёна, стройными рядами размещались турники, брусья и другие спортивные снаряды. Появился даже корт, который исправно заливали каждую зиму, регулярно очищая его от выпадавшего снега. Теперь этот двор — идеальное место для следующих поколений.

Чувство щемящей сердце ностальгии, которое Андрей уже давно не ощущал, внезапно обрушилось на него. Силой воображения он придал месту тот вид, который был в годы его детства. Заполнил его фантомами своих друзей, своей компании. Вот, кажется, он услышал их голоса, смех. Октябрьская ночь по воле фантазии превращалась в солнечный летний день. Тогда и Андрей, и Витя с Олей ещё жили в одном дворе. Тогда Оля была жива и даже не задумывалась о том, что может когда-то умереть...

Андрея пробрала дрожь. То ли от октябрьской прохлады, то ли от навалившегося осознания неминуемости судьбы и времени. Окурок улетел в урну, Андрей нырнул в согревающее тепло подъезда.

Знакомая, но давно уже не посещавшая его тяга вдруг резким отголоском памяти проявилась, словно порыв ураганного ветра, утягивающего за собой всё на своём пути. Андрей поднимался в кабине лифта на свой этаж, пытаясь выбросить из головы унижительную потребность. Он ждал, что этот момент рано или поздно наступит. Даже удивился про себя, что тяга так долго выжидала своего момента. Если он сорвётся именно сейчас, когда всё стоит на краю, — обратной дороги не будет. На этот раз глубокая чёрная бездна поглотит его полностью, сметая все запоры самоконтроля.

Ключом отпёр замок, открылась дверь. В квартире темно и тихо. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить родителей, Андрей пробрался в свою комнату, не включая свет, расстелил постель, разделся и лёг. Сон — лучшее решение.

Он надеялся, что завтра тяга вновь погрузится в спячку. Новый укор горящими буквами встал перед закрытыми глазами.

С самого раннего подросткового возраста, Андрея влекло желание почувствовать состояние изменённого сознания. Теперь он старается убедить себя, что это ещё не перешло в зависимость. Перепробовав все доступные ему виды наркотиков, в один момент он осознал, что регулярно начал принимать героин. Около трёх месяцев назад он смог от него отказаться. Благодаря высшим силам и тому, что он ещё не перешёл в состояние невозможности жить без регулярных инъекций. Никакой гордости он от этого не ощущал, так как перешёл на лёгкие наркотики, теперь попав в зависимость от моментов ухода от реальности. После того, как Андрей узнал о смерти Ольги, его потрясение выступил предохранителем, который сейчас, кажется, норовил вылететь. Ворочаясь в постели, пытаясь погрузиться в сон, Андрей не хотел принимать того, что в эту минуту его тяга была к конкретному веществу, тому самому, упрочнения которого в своей жизни он так боялся.

Дрёма на пограничье с бодрствованием, наконец, наступила, принимая роль предвестника настоящего сонного покоя. Неразборчивые голоса что-то нашептывали ему. Некоторые были знакомы Андрею, другие нет. Смутные очертание старого двора, излюбленной лавочки их компании. Лицо Оли-девочки оказалось совсем рядом с ним.

Андрею хотелось услышать, что она ему говорила. Хотелось, наконец, узнать ответы на терзающие его вопросы. Оля показывала пальчиком куда-то за его спину. Андрей обернулся, рукой заслонил слепящее солнце. Неясный силуэт человека, от которого исходила опасность. И мигом на Андрея обрушилась слепая, сумасшедшая ярость к этой фигуре, похожей на тень...

Громкая мелодия, наряду с характерным дребезжанием вибрирующего на столе телефона, заставила Андрея вскочить с кровати. Сонный туман в голове, уверенность, что это зазвонил будильник и теперь нужно вставать, собираться на работу. Спустя пару мгновений, Андрей понял, что за окном ещё темно, родители не проснулись, а работы у него нет. Яркий дисплей бил в глаза, не давая разглядеть имя звонившего. Андрей поспешно снял трубку, сказал: «Алло».

— Здорово, братан! — пьяный голос Вити перемежался с неуместным, глупым смешком, — не разбудил?

— Почти нет. Что-то случилось? — вопрос вырвался прежде, чем Андрей успел его обдумать. Наказал себя — больно прикусил губу. — То есть... прости. Привет.

— Да ничё, — Виктор похоже ещё пьянее, чем показалось вначале. Андрей пытался сбросить остатки сна, точнее формулировать мысли.

— Ты эт... давай увидимся, что ли?

— Конечно-конечно, — поспешно согласился Андрей, облегчённо выдыхая. По крайней мере, его не крыли матом из-за его исчезновения во все эти дни. — Сейчас?

— Не, ты чё? Я в говно, что из квартиры не выйду! Братан, я рад тебя слышать, знаешь, — так херово!

— Да... знаю. Я могу приехать.

В трубке раздавалось пьяное, задумчивое сопение. В конце концов, Виктор принял решение:

— Не... давай завтра. Часов в восемь. В том баре, где мы сидели... в центре, у набережной. Как там он, сука, назывался?

— Я понял. Давай там, в восемь. Только не забудь. Хотя, я позвоню всё равно, напомню.

— Да... не забуду. На этот-то раз, — придёшь? — последний вопрос заставил Андрея почувствовать неприятный укол вины. Виктор зашёлся в кашле, потом раздался явственный звук плевок, невнятное мычание.

— Вить, алло?

— Ну всё, — забились. Я чёт уже вырубаясь...

— Ложился бы ты спать лучше. Слушай, Вить... Мне правда, очень-очень жаль. Прости, что я так исчез. Просто... трудно объяснить, но я знаю, что ты меня поймёшь. Я был уверен, — как только ты захочешь поговорить, — ты сам позвонишь. Глупо с моей стороны, наверное. Ведь я твой друг. И Оля... мой друг. А я не позвонил тебе даже ни разу, хотя столько уже времени прошло. Поэтому знай, — мне стыдно. Я очень рад, что ты позвонил, жаль, что не пару часами раньше. И, похоже, пару литрами раньше, в твоём случае. Витя, ты слушаешь?

Из трубки доносился только неровный храп с присвистыванием. Потом какое-то шуршание, треск. Андрею на мгновение показалось, что он слышит ещё чьё-то дыхание в трубке, помимо пьяного Витинога храпа. Он сбросил вызов.

«Олечка, просыпайся дорогая, вставай! Родненькая, нельзя спать, слышишь!»

Мамин ласковый, но настойчивый голос, который будил её в далёком детстве, явственно раздался совсем рядом. Сознание обволакивала тьма — давящая, вязущая и не отпускавшая.

Ольга медленно приходила в себя. Сквозь тьму старалась зацепиться за искорки бодрствования, пришедшие взамен мраку забытья. Она попыталась открыть глаза, но не смогла: плотная ткань мешала им открыться. В затылке пульсировала боль. Оля ощущала, что её руки и ноги крепко связаны, а сама она лежала на холодном, видимо, бетонном полу. В нос ударил резкий запах пыли, бензина и железа. Она не могла понять, где находится, и что вообще происходит.

Робкая попытка сдвинуться с места не увенчалась успехом. Всё тело оказалось свинцовым, и любое, даже самое крохотное движение давалось с трудом. Только всё сильнее впивались в кожу верёвки. Она попыталась закричать, но не услышала своего голоса. Только звук, похожий на хрип, вырвался из её груди, тотчас превратившись в кашель.

Всё это напоминало ночной кошмар — неотступный, леденящий кровь кошмар, из которого всеми силами хотелось выбраться. Но выбраться из него не получалось, как бы она ни старалась.

Сознание и трезвость мышления постепенно возвращались к девушке, а вместе с ними пришёл и самый настоящий, первобытный ужас. Ольга снова попыталась закричать. На этот раз вышло лучше. Уже не хрип, а лёгкий, истеричный визг. Во рту и горле не осталось ни капли слюны. В шее и голове пульсировала навязчивая тупая боль. Она невероятным усилием смогла перевернуться на бок, её щека коснулась холодного пола. Безличная прохлада бетона придала немного сил и уверенности. Губы шептали «помогите». К сердцу подступала паника, захватывающая и развращающая, лишаящая рассудка и воли.

«Нет! Соберись, девочка! Нужно держать себя в руках! Нельзя сдаваться, нельзя быть слабой! Я буду бороться до конца!»

Оля подбадривала себя, набираясь храбрости. Она никогда не была трусливой, никогда не теряла уверенности в себе, всегда старалась полагаться только на свои силы. Ей пришлось пережить развод родителей и самоубийство родного брата. Она вышла из всего этого, не потеряв саму себя, не ища ни у кого жалости и поддержки. Даже Витя узнал о поступке Кирилла всего год назад. А развод родителей она встретила с достоинством и принятием. Ей не хотелось отдаляться от того образа, что витал вокруг неё в родном дворе с самого первого появления в нём. Быть кроткой, носить определённые маски, что ей прививали с самого детства. И она успешно справлялась с этим, открывая саму себя лишь немногим. Удивлялась, когда эти немногие считали её идеалом. Старалась изо всех сил уйти от того, что происходило в её доме.

С восемнадцати лет она обеспечивала себя сама, жила отдельно от спивающейся матери. Ей, конечно, всегда помогал отец, любивший её больше жизни и переживающий утрату отношений с бывшей женой, по большей части, из-за разрыва с любимым ребёнком. И всё равно, её самостоятельность, взрослость и целеустремлённость всегда были предметом Олиной гордости за саму себя. Что она не оправдала надежд матери, что позволила себе найти внутри ту Ольгу, которой ей хотелось быть, наперекор всему миру. Пускай, оваянная

фанатичной верой мать, — изнурявшая её в детстве молитвами, наказывая тем, что заставляла сидеть на коленях в лохани, заполненной неспелым горохом, — поймёт, что она не ангел, которого та воображала себе вместо обычной девочки, которой Оля и являлась. Она — такая как есть, со своими мечтами, стремлениями, желаниями и поступками, которые она совершала, уверенная в их правильности. Оля смогла вытерпеть всё. Смогла доказать, что она личность, что она может существовать отдельно от чаяний своей матери. Тот неустанный гнёт — отголоски которого до сих пор кружат в воздухе вокруг неё — был снят. Снят, благодаря усилиям самой Ольги. Почему же она пришла в себя сейчас от голоса матери? Даже в страшной западне мать не покидала её голову.

Ольга старалась никогда не допускать серьёзных ошибок. В поисках своего суженного, своего защитника, она почти не оступалась. До Вити, в её жизни существовал лишь один. Взрослый, статный, обеспеченный, вселяющий уверенность, а в итоге оказавшийся жалким, мелочным и трусливым. Ища в нём спасение, Ольга натолкнулась лишь на разочарование и предательство. Рассказывая в первый и последний раз о нём Вите, она не могла сдерживать слёз, о причинах которых до сих пор не могла сделать однозначного вывода. Были ли эти слёзы признаком раскаяния о делах прошлого или лишь выплеском жалости по самым сладким, но несбыточным мечтам?

Но её жизнь смогла озариться настоящим светом, только тогда, когда она услышала наконец признание Вити. Друг со двора, чей восторженный взгляд, многие годы спустя, ярким солнечным воспоминанием всплывал в памяти. Да, тот взгляд был не одинок в своей восторженности. По иронии судьбы, вместе с Витей Ольга обрела и лучшего друга Вити, а после и её самой, — Андрея. Она до сих пор не могла выкинуть из головы то пьяное откровение. Тот сумасшедший, раскосый от алкоголя взгляд мутных глаз, что ловили её расположение с отчаянной преданностью и мольбой. Тогда, ответ был: «нет».

Что-то в Андрее всегда навеивало тревогу и недоверие. Что-то невидимое и загадочное постоянно возникало между ними, когда они были близки к совершенному открытию самого себя друг другу. Проявлялась неуловимая грань, которая всегда была скрыта в сумраке ото всех. Из-за неё Оля никогда не могла сказать, что знает Андрея так, как она знала Виктора. В тот день, глядя в зеркало души Андрея, она не сомневалась ни на секунду, когда отвечала ему отказом. В итоге, с тем предначертанием, что чувствовали лишь влюблённые, началась её жизнь с Виктором.

С Витей было столько уже пережито, что она не могла и представить даже намёка на окончательный и бесповоротный разрыв. Надев маску влюблённости, оптимизма и жизнелюбия в отношениях с Витей, Оля чувствовала, что эта маска срастается с её душой, и не могла не чувствовать радости от этих перемен. Нашёптывая друг друга ласковые слова перед сном, Оля искренне ощущала, что она — счастлива.

Живя с Витей, по началу в доме его родителей, а потом и на отдельной квартире, вместе с опьяняющим чувством свободы, глубокой привязанности, бесконечной радости, признательности и тому нестойкому, но такому желанному счастью в быту, Оля не могла не возвращаться к мыслям о своём прошлом, которые неизменно приводили к её брату. Что заставило его уйти из жизни так бесповоротно, трусливо и жалко?

Ольга помнила тот день очень отчётливо. Порой хотелось бы, чтобы он вылетел навсегда из головы, но эта злая весна всё наступала и наступала, непременно будоража и те мрачные воспоминания. Восемь лет разницы — большое расстояние для дружбы между братом и сестрой. Оля пришла тогда со школы, пообедав, прилежно делала уроки, успешно с

ними справлялась... День был полон солнца, приятного тёплого ветерка и весеннего воодушевления души. А потом позвонила мать, захлёбываясь в слезах, сообщила, что Кирилл спрыгнул с крыши десятиэтажного дома. Оля со стыдом вспоминала свою первую мысль после этого известия: «хорошо, что не с крыши нашего дома и не в нашем районе».

Решение по собственной воле расстаться с жизнью для неё было сверхужасным, трусливым и выдающим слабость поступком. Ольга не представляла, ради чего или вопреки чему он смог решиться на этот шаг, и не могла понять этого даже сейчас, спустя много лет с момента его смерти. «Всегда нужно бороться до конца, что бы не случилось» — непреклонное убеждение не выходило из её головы.

Оле тогда было пятнадцать, Кириллу — двадцать три. Старший брат всегда был неразрешимой головоломкой для девушки. Чувство родственной близости выглядело явно чуждым. Всегда молчалив, предельно сдержан в эмоциях, холоден и тревожен. Никакой поддержки, никакой опоры, ничего близкого. Он лишь молча смотрел за её страданиями, упиваясь своей отстранённостью. Ничего не выражая — ни протеста, ни одобрения, ни понимания. Вскользь наблюдая, как она шептала слова молитвы, когда в её колени упирались каменные горошины, с удивлением и молчанием склонял голову на плечо и уходил, когда мать начинала хлестать ремнём её нагую спину. Поражающая закрытость и флегматичность, без капли чего-то, из-за чего его вообще можно было считать человеком, живым человеком.

А потом пришла новость, что он бросился с крыши. В Ольге это известие лишь пробудило множество вопросов. Она стыдилась и ругала себя, что только смерть родного брата заставила пробудиться в ней желание узнать его по-настоящему. Понять, что скрывалось внутри отрешённой, долговязой фигуры, которая носила в её мире название «брат». Но вопросов задавать было некому, поэтому Оля вскоре перестала мучить себя ими. Лишь сквозящая пустотой и непониманием, оправданная поведением родителей гипотеза не выходила у неё из головы. Гипотеза, что это самоубийство почему-то было давно предопределено...

Почему родители всем своим видом пытались показать, что это должно было рано или поздно случиться? Почему вместо поглощающего горя, в глазах родных она видела лишь отстранённое принятие этой утраты? В моменты осознания всей жестокости, что демонстрировал окружающий её мир, перед глазами Ольги расстилалась тьма, из которой рождалась ненависть ко всему вокруг. Ненависть, которую она тщательно хоронила в себе, не давая прорваться; ненависть, что растворялась в уютном быту её общего с Виктором мира. Как же она была счастлива избавиться от своей семейки и жить с Витей! Тот момент, когда она перешагнула порог своего нового дома, огненным клеймом счастья отпечатался навечно в её сердце.

И вот, тяжкое бремя настоящего, что никак не развеется, подобно сну, всё сильнее наступало, обволакивало всё вокруг, сжималось так, что становилось трудно дышать...

И снова Ольга в этом затхлом смраде, веющем смертью. Крепко связана по рукам и ногам, заточённая в осознании своей беспомощности и томительном ожидании неизвестности. «Но почему со мной? Что я сделала не так? Почему именно я лежу здесь, сейчас, связанная! Господи, за что мне это?!» Срывался на крик голос её «я» в голове.

Ольга хотела начать молиться, но все многочисленные молитвы, силой вбитые ей в голову, сразу показались неестественными и вымученными, отторгаемые многими годами внутренней борьбы и отрицания. Вся её вера сейчас ограничилась лишь отрешённым,

полным призрачной мольбы воззванием: «пожалуйста, Господи!»

Сейчас это не казалось ей слабостью. Воззвание к Господу стало естественным и самым уместным в этой темноте вокруг, когда разум скован холодной тенью безумного отчаяния. Когда смерть дышит в затылок, тяжело сохранять свой атеизм, своё отрицание Бога, рождённое жалостью к себе в процессе многих лишений детских лет. Именно смерть — была уверена Ольга — ждала её в этом помещении, которое она даже не могла увидеть.

Что это: подвал, погреб, склад или, всё-таки, гараж? Ничего не слышно. Звенящая тишина в темноте, источающая только истеричный шёпот страха, переходящий в её голове в вопль. Только всё нарастающая уверенность, что она станет новой «циферкой».

Воспоминания репортажей и слухах о маньяке неспешно, будто высвобождаясь от полузабытой дрёмы, просачивались в мысли. Ольга подбадривала себя, что он никого не пытается и не насилует. Но в то же время это значило, что не будет шансов на побег. Ей не удастся воспользоваться низменной потребностью чудовища в человеческом обличье, чтобы попытаться найти свой шанс на обретение свободы. Неужели, теперь всё кончено? Осталось лишь смиренно ждать своего часа, момента, который отдан на милость сумасшедшего, мирясь с собственной беспомощностью? Считать секунды до наступления смерти? Обречённость, от которой сердце забилося медленно и неохотно, начинала завладевать разумом девушки. Стоило ли бороться? И хоть Оля и кричала, храбрясь, подбадривая саму себя — да, тысячу раз да, — но что-то в глубине её души желало просто забыться сном, и, если повезёт, ничего не почувствовав, поскорее оказаться где угодно, но только не в этом жутком, наполненном тьмой месте, в котором ожидание страшного сковывало параличом не только тело, но и разум.

«Нет! Надо собраться, успокоиться! Так, нужно вспомнить, как я здесь оказалась? Что было до пробуждения?»

Обычный рабочий день, как и тысячи дней до него, подверженные одному непреклонному алгоритму. С безразличной улыбкой на лице пытаться продать то, что совсем не нужно покупателю, ради выполнения фантастического в своей невозможности плана продаж.

Оле удалось наконец сбавить сегодня то дорогущее платье, которое всегда, сколько она себя помнила в магазине, висело на витрине. Парочка, что его купила, в которой молодой человек, наверное, разменивал шестой десяток. Той крошке, которой оно было куплено, он явно годился в отцы, если не в дедушки. Ольга вспоминала его псевдо-щедрое, глупое и самодовольно ухмыляющееся лицо, когда он протягивал на кассе свою банковскую карточку. По нему было видно, сколько удовольствия приносил ему этот ритуал демонстрации своей платёжеспособности, будто эта круглая сумма являлась лишь досадной мелочью в кармане. Девушку, которая его сопровождала, не покидала довольная улыбка, сквозь которую, если присмотреться, можно было разглядеть явное презрения и горсть отвращения к своему спутнику.

Конец рабочего дня. Ольга устало попрощалась с Анькой, предоставив ей закрывать магазин. Она спустилась на эскалаторе, сквозь безжизненные витрины направилась к выходу, около которого должен был ждать её Виктор.

И на первом этаже она встретила подругу, которую не видела уже сто лет. Они пообщались, наслаждаясь непринуждённостью беседы, несмотря на длительный срок отсутствия в жизни друг друга.

Пришло сообщение от Вити. Он попал в какое-то мелкое и нелепое ДТП. Подруга

предложила подвезти домой. Оля легко, без задней мысли, согласилась. Непрестанно идущий дождь, штурмующий стёкла торгового центра, не прибавлял желания мокнуть на автобусной остановке. Сейчас Ольга жалела, что вежливо не отказала и не вызвала себе такси. Если бы она поступила так, а не иначе, — всё сложилось бы по-другому...

Уповать на утерянные возможности поздно. Они сели в машину. Подруга весела, разговорчива и мила, но всё так же, как со времён отрочества — странновата. Эта особенная странность, не резонирующая с понятием об общепринятом, дарующая некий шарм подруге, была чуть ли не единственной её явной, отличительной чертой, из-за которой Оля, да и многие другие девочки и мальчики почему-то с ней дружили. Хотя, чего уж тут, помимо её странности у неё всегда водились деньги, и тратить их она умела и любила. А это заставляло закрывать глаза на что-то неуловимое, но такое стойкое и неестественное, что не могло не отталкивать. Её чужаковатость порой принимала совершенно чуждые нормы, отталкивающие формы. У Ольги всегда при ассоциации с этой подругой всплывало воспоминание, как она, на глазах у всей компании, чуть не задушила ошейником свою собаку. В тот вечер, вместо подруги, на всеобщее обозрение прорвалась сумасшедшая, пьяная сука. Тот эпизод всплывал в памяти Оли, отзываясь привкусом безумия, жестокости и отвращения. Этот эпизод был самым ярким олицетворением её сущности, который Ольга видела самолично, который врезался навечно в её памяти. Слухи, стоит сказать, создавали такой образ подруги, что история с полузадушенной собакой казалась лишь детской шалостью и чепухой. Но даже эти слухи меркли в сравнении с рассказами об её старшем брате...

Однако, прошедшие годы неумолимой волной сгладили те, казавшиеся непреложными, углы. Ольга садилась в машину к своей старой подруге, которую сейчас была, правда, рада видеть. Та выглядела успешной, ухоженной, дорого одетой, источавшей жизнелюбие и приветливость, но сохраняла свой странный шарм, который в мокром от дождя свете почему-то выглядел особенно привлекательным.

Они ехали странным, непривычным маршрутом, который являлся далеко не самым коротким путём к Олиному дому. Но, увлечённая беседой и предвкушением вечерней романтики, Оля не обращала ни на что внимание. Подруга бросила, мол, непопулярной дорогой поедем, чтобы объехать пробки. Оля безразлично пожала плечами. Хоть и сомнение в существование пробок в десять вечера невнятным уколом задело девушку в ту же секунду. Потом, подруга попросила разрешение ещё заскочить в автосервис, «буквально на пять минут». Оля согласилась. Торопиться ей уже было некуда. «Если и правда у Вити ДТП, то пока с гаишниками разберутся, никакой романтики на вечер уже не бывать».

Момент, предвещавший начало тёмного забытья, теперь всплывал прямо перед глазами Ольги. «Господи, ну почему она такая дура?!» — думала в тот момент Ольга.

Подруга решила подобрать какого-то парня на обочине. Оля сразу ответила отказом, намекая на орудующего в городе маньяка. Но девушка уже останавливала свою машину. Оля что-то нервно ворчала, но слегка успокоилась, когда увидела в зеркале, что этот парень неловко подваливал к ним на костылях. Оля вспомнила, что подумала тогда: «Вот — дура, в такие времена она ещё и подвозит кого-то». А потом вспомнила, что она говорила накануне, делясь своими переживаниями о сковавшем город страхе, всеобщем недоверии и безразличии. Ольге стало стыдно, что на деле она оказалась такой же, как все. Подруга лепетала, как ей жалко, видите ли, инвалида, который мок под дождём. Она говорила: «мы в центре города, чего ты боишься?»

Попутчик сразу не понравился Ольге, она яростно шептала: «нет, поехали, прошу тебя, поехали скорее, меня дома ждут». Но, что тут поделаешь, — машина была не её, как никак. Оля не была властна над тем, кого подвозила её хозяйка.

Этот тип забрался в машину, внеся в салон запах дождя и обильно использованного дешёвого, резкого одеколona. Подруга ещё выскочила под дождь, помогла забросить костыли и усесться поудобнее. Попутчик сидел весь мокрый и улыбался своей удаче. Волосы его были неухоженные, длинные и спутанные. Но даже вымокшие от дождя, укрытые в полумраке салона, они всё равно не теряли своего соломенно-светлого оттенка. Лицо покрыто веснушками, с не выделяющимися, но выдающимися в себе что-то, при более пристальном просмотре, кажущиеся отталкивающим и неприятным, что-то спрятанное в глубинах больших, тусклых глаз неопределённого цвета.

Оле сразу не понравился его взгляд, смотрящей на неё в зеркале заднего вида. Он сказал нейтральным, ничем не примечательным, разве что чересчур уставшим голосом, контрастирующем с его наивной улыбкой и не отражающими её глазами, что ему не далеко, буквально на следующем повороте свернуть. Подруга вступила с ним в разговор, о чём-то спрашивала у своего случайного пассажира, они даже перекидывались какими-то глупыми шуточками.

Но только их машина свернула в тёмную бездну автомастерских, гаражей и зону городского завода, как все воспоминание скрыл в себе густой, чёрный туман. Оля была уверена: он ударил её чем-то тяжёлым по голове, так, что она отключилась. Подруга в тот момент протяжно закричала, попутчик лишь что-то рявкнул ей в ответ и всё... Кромешная тьма. Оля потеряла сознание.

Теперь девушке хотелось плакать от досады и злости на глупость подруги. В голове мелькали многочисленные «вот, если бы»: «вот, если бы я осталась магазин закрывать, вместо Аньки; вот, если бы я не узнала подругу и не окликнула её; вот, если бы настояла на том, чтобы она меня сразу везла домой; вот, если бы смогла уговорить, не подбирать того парня».

Тут Олю, словно раскатом грома, поразила вспыхнувшая догадка. Если она лежит здесь связанная, но живая, то... её подруга либо уже мертва, либо находится рядом.

Ольга позвала её по имени. В этот раз словам удалось принять относительно нормальное звучание. По глухому эху и ответившей ему напряжённой тишине, Ольга догадалась, что это помещение скорее всего пусто. Как бы там ни было, никто не откликнулся на звук её голоса. Прислушавшись, Оля не услышала ничего: ни движения, ни шороха, ни стопа, ни дыхания другого живого существа.

«Выходит, её здесь уже нет. А что же я? Про запас оставил?»

Ольга не выдержала и, собравшись с силами, используя весь воздух в лёгких, издала пронзительный вопль ужаса и отчаяния, который врезался в безжизненные стены, растворился в них, потухнув, при этом повторив её возглас неестественным, глухим и жутким эхом, от которого сквозило безнадежностью и отчаянием.

* * *

Ход времени остановился для Ольги. Она не знала, день сейчас или ночь, какая погода на улице, не знала, приносят ли её многочисленные крики хоть какой-нибудь толк. Вконец

выдохшись, она погрузилась в полубабытё, экономя силы, тщетно стараясь ослабить твёрдо сковавшие её руки верёвки.

Мучительно хотелось пить. Во рту стоял привкус крови и рвоты, хоть она и была уверена, что её не рвало. Тишина била по ушам, голова непрестанно пульсировала от тупой, ноющей боли. Ледяная поверхность пола становилась всё более невыносимой.

Находясь в полубессознательном состоянии, она старалась перенестись в своих мыслях как можно дальше отсюда. Вспоминала и анализировала свою жизнь, пытаясь обнаружить в ней радостные моменты и сконцентрироваться на них. Фантазировала о будущем, стараясь абстрагироваться от текущей ужасной реальности. Предпринимала безуспешные попытки встать, пробовала ослабить путы на руках и ногах, передвигалась по-червячки вокруг себя, тратя на это огромное количество сил, в поисках хоть чего-то, что смогло бы ей помочь. Но всё тщетно. Приходилось только ждать и надеяться.

Резкий, непривычный в вяжущей тишине звук заставил её отбросить своё забытё и тревожно вслушиваться. Это был звук открывающейся тяжёлой железной двери. Громко и уверенно хозяйничал ключ в замке, несколько не стесняясь производимого им шума. Хотя, этот шум мог казаться именно громким шумом только Оле, давно свыкшейся с безразличным звоном тишины.

Чуть спустя, дверь громко захлопнулась, раздались щелчки закрывающихся задвижек. Сквозь тёмную повязку на глазах пробился включенный свет. Невидимый, страшный в своей неизвестности гость возник в Олиной темнице. По всему телу растекался страх, вызывавший предательски-трусливую дрожь. Сомнения, что это не реальность, а бессознательное наваждение, окончательно исчезли. Теперь в её темнице оказался кто-то ещё.

Раздались стремительные, тяжёлые шаги, приближавшиеся к девушке, от чего Оля непроизвольно сжалась, тщетно стараясь остаться незамеченной, понимая бессмысленность своего движения. Она была как на ладони у своего пленителя. Оля вздрогнула и взвизгнула, когда её взяли за плечо и грубо, резко дёрнули, заставив подняться на ноги. Оля пыталась сопротивляться, но ноги её не слушались, подкосились, бросив её, как куклу, в руки прищельца. Она невольно вскрикнула ещё раз, но сильная, звонкая, обжигающая пощёчина едва не выбила сознание из девушки, оставив после себя жгучую боль на щеке, звон в ушах и всепоглощающее желание, чтобы боль больше не повторялась.

— Будешь орать, сука, — сразу грохну! Веди себя тихо, может проживёшь подольше. — неприятный, высокий, с нотками истеричности голос раздался прямо над ухом девушки. — Тебя всё равно никто не услышит, как будто ты сама этого не знаешь!

Незнакомец с силой усадил её на стул. После на лицо девушки начала стекать жидкость, Оля жадно старалась проглотить капли живительной влаги. В губы ей уткнулось горлышко бутылки, и Оля, прижавшись к ней губами, в исступлении делала глоток за глотком, вскоре начав захлёбываться. Поток воды прекратился. Оля кашляла, облегчённо чувствуя, как уходила мучительная жажда. Когда она отдышалась, рука похитителя сдёрнула её глазную повязку, при этом оцарапав немного её лоб нестриженными ногтями.

После столь длительного отсутствия света, отвыкшие от него глаза сразу залились слезами и снова непроизвольно закрылись. Хоть освещение и было довольно тусклым, но и этого хватило, чтобы Олины глаза в испуге искали прежней темноты. Наконец проморгавшись, Оля смогла смутно оглядеть свою тюрьму. Тюрьма, как она и подозревала, оказалась пустым гаражом. Она сидела посередине помещения на перекошенной табуретке. Напротив неё — массивная гаражная дверь, на стенах висели полупустые полки с

расположенным на них разным хламом. Вверху одиноко свисала лампочка, однако светившая достаточно ярко, так что без труда освещала весь маленький гараж.

С правого бока появилась тёмная фигура, отбрасывающая огромную, зловещую тень. Ольга сжалась от испуга, заметив в руках маньяка мясницкий большой нож. Робко, медленно, в тени смертельной опасности, девушка переводила взгляд от этого ножа всё выше, к самому лицу пленителя.

Да, — это был тот парень, которого они решили подбросить. Соломенного цвета длинные волосы, веснушки на лице, которое, в других обстоятельствах, могло показаться даже детским. Но так оно выглядело лишь на первый взгляд. Его теперешнее безумное выражение этих впалых, прищуренных, словно близоруких, налитых кровью глаз, в которых зловещим блеском отражалось что-то животное, внушало лишь страх и безысходность. Таким взглядом хищник рассматривает добычу, когда убеждён, что она никуда от него уже не денется. И эта кривая усмешка с нервно подрагивающими щеками, некрасиво искажившая веснушчатое лицо, дополняла явные признаки ненормальности, помешательства и угрозы. Он молча смотрел на неё, продолжая скалиться и небрежно покручивая в руке тесак.

Оля понимала, что тот будет играть с ней. Получать наслаждение от её страха, её страданий и унижений. Всё, что она когда-то знала о маньяках и сумасшедших, рванными обрывками фраз стремительно всплывало в её мозгу.

«Нет! Я не приму твои правила, мудака. Я буду смотреть в твоё вонючее лицо, в твои мерзкие глаза. Тебе меня просто так не сломать...»

Ольга пыталась храбриться, надеясь найти в этом путь к спасению, однако, ей было трудно подавить страх, от которого холодной дрожью сотрясалось всё её тело. Молчание затягивалось. Они смотрели друг другу прямо в глаза. Выдерживать взгляд убийцы для Ольги было невероятным испытанием. Она старалась вытеснить всё из головы, оставив только эти глаза, оставив только стремление победить в столь малом, — заставить его первым отвести взгляд. Его усмешка всё не сходила с губ, а глаза с мертвецкой настойчивостью буравили жертву.

Наконец, Ольга не выдержала, опустила взгляд и тихо, хриплым голосом спросила:

— Что с моей подругой?

В ответ тот издал мерзкий смешок и чуть наклонился, приблизив своё лицо к лицу Ольги.

— Ты лучше бы о себе волновалась, сучка. Ты знаешь, кто я? Я — тот самый Циферщик! Слыхала обо мне? — признаваясь в своей сущности, он ещё сильнее, с налётом горделивости оскалился, демонстрируя ряд кривых, жёлтых зубов, под цвет его волос.

— Слыхала. Чего же ты хочешь? — снова дерзко встретив его взгляд, который оказался сейчас ещё ближе, выжимая из себя всю храбрость, выпуская всю скопившуюся ненависть, ответила Ольга. Она чувствовала, что сейчас всё находилось на грани. Именно от неё зависело, какими будут следующие действия Циферщика.

— Ох, сучка! — прислонив холодную сталь ножа к её щеке, концом лезвия едва не пронзая кожу, он продолжил, — Ты даже не представляешь, чего я хочу. О, ты даже вообразить не сможешь того, что я уже делаю с тобой в своей голове! И, поверь, если ты окажешься послушной девочкой, и мне понравится с тобой играть, возможно, умрёшь ты быстро.

Он говорил, будто подражая маньякам из фильмов ужасов. Эти слова были произнесены неестественно, наиграно. Однако, менее жутким он от этого не становился. Оля чувствовала

отвращение, вперемешку со страхом и бившимся загнанным зверем отчаянием, грозящем вот-вот обернуться паникой. Из рта маньяка тошнотворно несло давно не чищеными зубами, его отвратительное дыхание касалась Олиной кожи, отчего по её телу бежали неприязненные мурашки.

— И что ты хочешь со мной сделать? — решив немного подыграть сумасшедшему, спросила Ольга. Она больше не ловила его взгляда, вместо этого шныряя ими по небольшому помещению в поисках самого мизерного ключика к спасению.

— Какая смелая и любопытная девочка! Столько вопросов задаёшь... Ладно, за храбрость я расскажу тебе. Сначала я погляжу на твои дырочки и использую каждую из них по назначению. При этом, мой стальной друг будет делать в тебе ещё дырочки, только поменьше. Но ты от них не умрёшь, будь спокойна. У тебя красивые глазки, я хочу оставить их себе на память. И сосочки тоже заберу с собой. Когда же я наиграюсь, я даже дам тебе выбор. Либо я перережу тебе горло, либо задушу собственноручно, либо разобью голову молоточком, либо мой стальной друг сделает в тебе дырочки побольше. Которым тоже, будь уверена, я найду применение.

Говоря всё это, он скользил языком по её шее, лицу, аккуратно расстегнул блузку, порезал ножом лифчик, обнажив грудь, оскалился при виде открывшейся ему картины. Ольга дрожала всем телом. Холодный ужас застилал её голову, не позволяя шевелиться. На глаза накатывались слёзы, по её телу бесцеремонно гулял острый кончик огромного ножа. Собравшись с духом, она прошептала:

— Нет, нет...

— О, да! И это ещё может быть не всё. Мало ли, что ещё я придумаю, когда мы наконец начнём играть. Главное, будь послушной... — он схватил её грудь, больно сжал, при этом проводя стальным лезвием по внутренней стороне бедра, всё выше поднимая кончик ножа.

— Нет! Циферщик — не насилует девушек и не калечит их... Он просто убивает! Просто убивает! — крикнула Ольга, цепляясь за эту мысль, будто найдя в ней спасение.

Тот, кто назвался Циферщиком, и впрямь, тут же отпрянул от неё и теперь смотрел без улыбки.

— Так-так, а сучка кое-что знает, да? Ну ничего, правила всегда можно поменять, правда? Ради таких как ты, — правила легко поменять.

Ольга ничего ему не ответила. Неожиданно в эту сцену вторглось такое обыденное, но показавшееся чем-то нереальным, далёким и невозможным. Зазвонил мобильный телефон. При чём весёлой, популярной летней песенкой. Парень в первую секунду как будто тоже ничего не понял. Лицо его исказилось, представляя собой смесь растерянности, удивления и даже испуга неожиданности. Вся показушная уверенность и всевластие над положением улетучились. Возможно, при других обстоятельствах, можно было бы и рассмеяться, глядя в этот момент в его лицо, настолько оно вдруг приняло комичный вид.

Ольге же было не до смеха. Она смотрела, как он доставал из кармана мобильник, и этот чёрный, небольшой, издающий столь несерьёзные для всего сумасшествия вокруг звуки, прямоугольник из пластика сразу почему-то придал ей уверенности и храбрости.

— Алло! — раздражённо ответил маньяк. — Да... да... нет. Долго ждать? Я просто хотел... Что? Почему это? Но...

Ольга, собравшись с силами, выдавливая из себя последние крохи храбрости, понимая, что скорее всего, ничем хорошим для неё это не кончится, истошно закричала:

— Помогите! Он держит меня в гараже! Он хочет меня убить!!

Новая сильная пощёчина едва не сбросила девушку со стула на пол. Чёрная повязка, закрывающая ранее её глаза, появилась из ниоткуда и плотно закрыла её рот. Не сдаваясь, она продолжала кричать и просить о помощи, издавая через ткань невнятные, приглушенные звуки.

Убийцу это ничуть не смутило и не напугало. Он с безразличным лицом продолжал разговор, явно споря о чём-то со своим собеседником. Даже не обращая внимания на свою пленницу, изо всех сил старавшуюся издать как можно больше шума. Ольга не могла поверить, что звонящий до сих пор ничего не услышал и продолжал о чём-то говорить. Собеседник маньяка обязан был её услышать! Должен был забеспокоиться! Ольга затихла, стараясь прислушаться к разговору.

— Я не могу столько ждать! — взвизгнул Циферщик. — Понимаешь меня, — не могу!

После этого он покивал невидимому собеседнику, видимо услышав нужные доводы. Наконец, прошипев «хорошо», он закончил разговор и убрал телефон обратно в карман.

— Ты везучая сучка... Сейчас я освобожу тебе руки. Попробуй только дёрнуться, и я порежу тебя на лоскуты в одну секунду, веришь? — он грубо и больно схватил её за скулы, приподнял её лицо так, чтобы смотреть друг другу прямо в глаза. — Веришь?!

Оля поспешно кивнула, желая, чтобы он наконец убрал от неё свои руки. «Он развяжет меня, он отпустит меня?» Безосновательная, но такая желанная мысль вращалась в её голове, обретая форму пустой, но такой сладкой надежды. Повторяя раз за разом пару фраз в голове, вспоминая свои лучшие в жизни моменты, в которых непременно присутствовал Виктор, Оля покорно подчинялась маньяку.

Тот действительно перерезал верёвки, которым были связаны руки девушки, потом прижал лезвие к её горлу, не переставая плотоядно оглядывать её полуголоое тело.

— Ты отпустишь меня? — прошептала Оля, мечтая, чтобы он ответил утвердительно. Руки были свободны, но Циферщик выше её и гораздо сильнее. Затёкшее тело плохо слушалось. Соппротивление неминуемо бы закончилось провалом, а значит, — смертью.

— Всему своё время. Отдай это! — не дожидаясь согласия, он грубо выхватил порезанный лифчик. Оля ахнула от неожиданности, прикрыла обнажённую грудь руками, начала застёгивать блузку, ожидая возражающего оклика. Но его не последовало.

— Там ведро. Сама догадаешься, зачем? Стой на месте, я сейчас вернусь. Даже не думай дёрнуться! — фразы тюремщика стали короткими и обрывочными, казалось, он делал совсем не то, чего хотел. У Оли всё ещё были связаны ноги, она при всём желании не могла проскользнуть вслед за ним в открывшуюся через гаражную дверь осеннюю ночь. Прорвавшийся в затхлый гараж воздух был полон запахов дождя и жизни. Он придавал уверенности и смирения. «Я жива! Я буду жива?» — твердила про себя Оля, застёгивая блузку. От внезапного облегчения, хотелось петь. Но она до сих пор пленница, её судьба висела на волоске. Она лишь получила неожиданную отсрочку. Или ещё нет? Циферщик за дверью.

Наконец, светловолосая голова появилась в проёме, бросила сумку с чем-то и не говоря больше ни слова, закрыла дверь, и с той стороны стали слышны звуки запирающегося замка.

Оля тяжело и быстро дышала. Сразу же неровными движениями стянула узы на ногах, бросилась к двери, едва не упав. Потом скорее «для галочки», чем серьёзно рассчитывая на успех, попыталась их открыть. Тело было как не своё и плохо слушалось. Осмотрев сумку, брошенную Циферщиком, Оля обнаружила там еду. Пакет яблок, бутылка минеральной воды, буханка хлеба, маленький кусок сыра и плитка шоколада, которая всем своим видом,

как показалось Ольге, источала насмешку.

Приходящий в норму организм тут же проявил свои потребности, которые постыдно пришлось справлять в маленькое, едва больше детского, для лепки куличиков, ведро. Оля села на стул, с жадностью грызя яблоко, с усмешкой над собой думая, мытое ли оно?

* * *

Время будто выкачали из этой бетонной коробки, освещённой раздражающим светом электрической лампы. Оля, казалось, изучила каждый сантиметр своей тюрьмы, облазила все полки, заглянула в каждый закуток. Всё безрезультатно. Вокруг не было ничего подходящего для спасения. Насыщенный пылью и пустотой воздух, вкупе с этим, сводящим с ума светом, лишь усиливал общую атмосферу безысходности. С выключенным светом было ещё хуже. Тотчас появлялась навязчивая ассоциация с могилой.

Ожидание неопределённого, давящая скука и безвыходность положения давили на девушку, не давая оставаться на одном месте, заставляя всё нарезать и нарезать круги по этому крошечному помещению. Голос охрип от криков, кулаки сбились об стальную дверь. Мысли хаотично прыгали в голове перед загнанной в угол девушкой. Бесконечные «почему» заставляли выть от безысходности. Не осталось ничего, кроме обволакивающего сердце томительного ожидания.

Когда придёт её мучитель? Что он принесёт ей? Смерть, свободу, жизнь, полную лишений и унижений? Фантастические образы мешались в её мыслях с предчувствием самого страшного. Справиться с гнётом отчаяния позволяло лишь насильное возвращение в самые счастливые моменты жизни.

В попытках прочувствовать их, вдохнуть те запахи, что им сопутствовали, услышать музыку, что их сопровождала, вспомнить те разговоры, что велись в эти моменты, Ольга коротала бесконечные минуты своего заточения. Это придавало немного желанной отстранённости от ужасов бытия, позволяло закрыться в своих грёзах, перенести свою душу туда, спасаясь от неизвестной участи настоящего. И Ольга терялась в своих грёзах, растворялась в видениях, созданных собственным рассудком, стараясь как можно дальше уйти от реальности, в облаках мечтаний спрятаться от этого гаража, источавшего зло.

Время перестало существовать, грань между сном и явью сузилась до тончайшей линии. Сколько суток она уже провела в своей темнице? День сейчас или ночь? Там, за этой железной дверью? Жива ли там ещё надежда, любовь, добро? Всё тот же ли мир снаружи её плахи? Тот мир, что допустил всю эту ситуацию, высасывающею из неё человечность. День или ночь? Жизнь или смерть? Свобода или заточение?

Она представляла себе Витю, что он сейчас делал, как жил без неё. Сердце обливалось кровью от жалости, по щекам ручьём текли слёзы. Вот бы ещё хоть раз увидеть его, обнять, прижаться к нему всем телом, почувствовать его любящее тепло. Как он будет жить, если её не станет? Она отбрасывала мысли о смерти, стараясь до конца верить в чудесное, скорое освобождение, но это было так сложно. Мрачные мысли возвращались раз за разом. «Пожалуйста, Витя, живи дальше, будь счастлив! Не смей и думать о том, чтобы поступить так, как поступил Кирилл! Андрей поможет тебе всегда и во всём. Что бы со мной не случилось, вы обязательно справитесь!»

Резкий, чужеродный звук уничтожил тюремную тишину. Оля встрепенулась, перевела

свой взгляд, полный тревожного ожидания, на дверь, наблюдая, как движения ключа отодвигают железный засов. Вот совсем скоро ворота гаража откроются, и то, что судьба приготовила для неё, за неумолимо раскрывающейся дверью, наконец появится, избавляя её от тяжести ожидания неизвестного.

— Отошла к стене! — истеричный крик, изданный единственным голосом, который она слышала в заточении.

В последней надежде Оля окинула взглядом свою камеру, в поисках чего-то, чем можно было бы дать отпор. Задержалась на канистре, в которой плескалась какая-то горючая жидкость. Она сможет её как-то использовать? Вряд ли. А больше ничего нет. Оставалось лишь отступить к стене и смиренно ждать своей участи.

Маньяк, лицо которого было скрыто чёрным капюшоном от толстовки, заглянул внутрь, удостоверился, что пленница его послушалась, потом безбоязненно повернулся к ней спиной, чтобы закрыть дверь. Его волнение и неуверенность бросались в глаза даже со стороны. Циферщик закрыл за собой дверь, долго при этом копаясь. Потом замер спиной к ней. Оля заметила, что похитителя била дрожь.

— Короче. Произошла ошибка. Сядь обратно на стул, — он бросался обрывочными, резкими фразами.

— Вы меня отпускаете? — голосом, полным пьянящей надежды, спросила девушка. Голос дрожал, некоторые звуки не проговаривались. Оле показалось, что она сказала свою фразу крайне невнятно. Она повторила вопрос громче, чётко проговаривая слова.

— Сядь на сраный стул! — взвизгнул убийца.

Оля, стремясь не накалять далее обстановку, послушно села, поставив поваленный стул, не спуская при этом глаз с маньяка.

— Села.

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Просто закрой свои глаза, если хочешь жить! Сиди тихо и не дёргайся.

Оля закрыла глаза. Чувство беспомощности и неопределённости стучало в мозг, отдавая в сердце, которое билось всё сильнее. Концентрируясь на спасительной мысли о грядущем освобождении, Оля старалась переместить свой дух за пределы тела, забыть обо всём и лишь ждать развязки.

Послышались приближающиеся шаги, воздух принёс резкий запах пота тюремщика. Он остановился позади неё.

— Вот, молодец. Сейчас я свяжу тебя, и мы пойдём прогуляемся. Обещаю, ты встретишься со своими... родными.

Грубые, неаккуратные и нетвёрдые руки взяли за неё, начали обматывать верёвками и скотчем её руки и ноги. В конце, скотч лёг поверх её губ, плотно смыкая их.

Тяжёлое, сопящее дыхание преступника сопровождало весь процесс. Вскоре Ольга почувствовала, что не может пошевелиться. В мыслях почему-то возник яркий солнечный день. Чей-то знакомый смех, пение птиц, лёгкий тёплый ветерок, дующий прямо в Олино лицо. Знакомые, радостные лица с улыбкой разглядывали её. Всё стало похоже на чудесные грёзы, в которые хотелось полностью погрузиться. Воспоминания обволакивали девушку, наполняли её, заставляя губы растянуться в беззаботной, непринуждённой, искренней улыбке, что была так чужда её окружению.

Циферщик громко сопел за её спиной. Искорка надежды всё сильнее разогревалась в

сердце Оли. Боясь пошевелиться, она ждала, что будет дальше.

— Ну вот и всё, теперь...

Окончание фразы Ольга не услышала. Верёвка оказалась на её горле, начав с дьявольской силой затягиваться. Изо всех сил сопротивляясь, с исступлением выгибаясь всем телом, в надежде высвободиться из петли, Оля в конце концов упала со стула на колени, тщетно продолжая попытки вырваться. Вместо верёвки в её горло вцепились крепкие длинные пальцы. Взгляд девушки судорожно бросался с одного угла гаража на другой. Воздуха не хватало, а электрическая лампочка светила всё злее. Мерзостное дыхание нечищенных зубов и какой-то гнили, сопровождаемое старательным пыхтением, раздавалось совсем рядом. Этот гнилостный запах, казалось, окутывал весь мир вокруг. Оле хотелось лишь перестать его чувствовать. Боль, агония удушения и её отчаянные, судорожные взбрыкивания, неуклонным столпом близящейся смерти прорезали рассудок. В глазах стремительно темнело. Всё сложнее было находиться в сознании. Всё сильнее сдавливались пальцы на шее. Судорожно хотелось глотнуть желанного воздуха, но это желание становилось всё более невозможным.

Воспоминания раннего детства — светлые, яркие и желанные — выходили на первый план, затмевая собой всё вокруг. «Я умираю» — вспышкой молнии пронеслись слова в её затухающем рассудке. Слова, наполненные лишь утвердительной, безальтернативной констатацией неизбежного. Перед глазами Ольги, будто из позабытого кошмара, всплыло лицо убийцы. Безумный взгляд покрытого веснушками лица с глазами, закатывающимися от напряжения, с уродливо вздутыми венами на его шее.

«Нет! Я не хочу видеть это лицо последним в своей жизни!»

Усилием воли девушка перевела взгляд на такой ослепляющий сейчас, яркий свет лампы. Оле этот свет резал глаза, заполняя их светом, заставляя веки сомкнуться. Её сознание угасало. Она поняла, что её векам больше никогда не открыться.

Другой, — летний, тёплый свет вышел на первый план. Звуки того лета, будто из другой жизни, перенесли её в лучший мир. Там она видела преданные, влюблённые лица Вити и Андрея. Там уже не было забот, не было тревог, не было опасности. Там она могла быть самой собой. Мир, в котором ей хотелось бы коротать вечность, с теми милыми людьми, ради которых она жила последние годы.

Глаза Ольги потеряли искру жизни.

Маньяк продолжал остервенело сдавливать горло бездыханного тела. Его рот наполнился слюной, она скатывалась с уголка плотно сжатых губ и падала вниз. Он сильно ударил девушку затылком о бетонный пол и только тогда разжал пальцы. И всё равно, она казалась ему живой. Он подобрал верёвку, обмотал ей шею и сжимал ещё бесконечно долго, пока не заныли его мышцы и не раздался громкий хруст.

Убийца выдохнул. Тяжело дыша опустился на холодный бетонный пол, растворяясь в своих ощущениях.

Движимые анатомическими силами, мёртвые веки Ольги слегка приоткрылись, напоследок окинув мир своим отрешённым, трупным взглядом. Этим глазам уже не суждено было вновь увидеть солнечный свет.

Дыхание зимы окутало город, нагрянув, как это обычно и бывает, когда его никто не ждал. Вечер наполнился пронзающей прохладой. Холодный северный ветер безжалостно бил в лицо. Понемногу, робко, будто стесняясь своей поспешности, плавно опускались первые снежинки. Поспешно таяли, не успевая прикоснуться к земле, словно притворяясь очередным осенним дождём. Но их количество всё росло, и вскоре первый снег заполнил собой воздух, облепил белыми следами землю, дома, деревья, фонарные столбы, пустынные лавочки, машины и людей.

Ярко, несмотря на обширное городское освещение, сияла на небе полная луна. Редкие, безразличные, холодные и далёкие звёзды составляли ей компанию. Горожане спешили по своим делам, редко поглядывая на небо. Замкнутые в камере своих жизней они встречали очередную зиму. Кто-то просто и искренне радовался первому снегу; кто-то думал о том, что скоро нужно будет тратиться на зимнюю резину, вытаскивать из шкафов тёплые вещи, платить ещё больше денег за отопление; кто-то не хотел новой затяжной зимы, неумолимо сковывающей, казалось, всю их жизнь; а большинству было абсолютно всё равно на эту смену времён года. Время шло своим чередом, безжалостно сжигая прошлое, торопилось прийти к будущему. Стоило ли об этом задумываться? Конечно же, — нет. Лучше и дальше заниматься своим делом, жить своей жизнью. А лето или зима вокруг — не играет ни малейшей роли.

Первый снег в этом году выпал на вечер пятницы. Для многих рабочие деньки брали паузу, позволяя отдохнуть, взять передышку на выходные. Или, что вернее, создать видимость отдыха. Вечер в центре города, где изобиловали места, готовые дать людям возможность с лёгкостью расстаться с заработанными деньгами, положив начало своему отдыху. И плевать, если это развлечение аукнется на следующий день.

На улицах царило оживление. Весёлые компании со смехом и громкими разговорами сновали в поисках развлечений. У дверей заведений прохладжались небольшие группки, вышедшие покурить и громко что-то обсуждавшие. Казалось, со всех сторон доносилась приглушенная музыка. Вдалеке, едва слышно, выла сирена. Этот звук заставлял думать, что не всем сегодня весело. Но кто вообще обращал внимание на эту сирену и задумывался, ради кого она сейчас разносится?

Андрей, подняв лицо вверх, под бодрящее прикосновение моментально таявших на коже снежинок, курил и разглядывал ночное небо. Он с детства любил первый снег. Ровно, как и первый дождь. Эти безразличные ко всему природные явления пробуждали надежду, источали особый, неповторимый запах, заставляющий лишний раз убедиться, что всё в жизни рано или поздно проходит. Щелчком отправив сигарету в мусорный бак и про себя порадовавшись меткому попаданию, он оглянулся на вход в небольшой, неприметный бар с выцветшей вывеской, деревянные буквы которой складывались в название: «Jor dy».

На крыльце стояла, обнявшись, молодая, милая парочка, едва не соприкасаясь носами, о чём-то тихонечко щебеча. Чтобы не смущать их, Андрей спустился и немного отошёл от крыльца. Дверь бара открылась, оттуда, на ходу застёгивая куртку, вышел Виктор. Бросив взгляд на голубков, он изобразил недовольную гримасу на лице, потом достал сигарету, подкурил и сбежал вниз по ступенькам.

— Ну и где наша карета?

Вокруг, среди маленькой, едва заполненной парковки не было ни одной машины, которая могла бы оказаться их такси. Как это частенько бывает, звонок, сообщивший о приезде машины, оказался преждевременным. Парни вполне могли позволить себе не торопиться с выходом. Хотя, они и так не слишком спешили. И тотчас, будто отвечая на Витин вопрос, из арки блеснул сначала свет фар, а потом и вся машина неуверенно подъехала, остановившись прямо перед ними.

— Вот и карета.

Они сели в машину. Виктор устроился на заднее сиденье, Андрей сел вперёд. Таксист — немолодой мужчина с усами и в неприметных очках, довольно интеллигентной внешности, поприветствовал их, попытался завязать разговор. Однако, его никто особо не поддержал. Андрей попросил сделать радио погромче и перевёл взгляд на проносящиеся в боковом окне виды города, который в эту снежную погоду выглядел красивее, чем обычно. Виктор уткнулся в телефон, ведя с кем-то оживлённую переписку.

Они ехали под аккомпанемент ненавязчивой музыки из магнитолы, не разговаривая друг с другом. Молчание никого не тяготило. Таксист попытался было подпевать одной ужасной попсовой песенке, но быстро умолк, видимо, устыдившись самого себя. Друзей, занятых каждый своим делом, приятно согревал алкоголь, но всё равно, давящее чувство неправильности происходящего, стыда и одиночества окутывало каждого из них, трансформируясь для каждого в индивидуальный, ноющий стон души.

* * *

Несколькими часами ранее, они встретились в том баре. Нарочно держались веселее, чем им было на самом деле. Сразу же заказали водки. Выпили, не чокаясь. Разговор не клеился. Милая официантка попросила их пересесть в отдалённый, тихий, огороженный специальный столик. Не особо вдаваясь в причины этой просьбы, они пересели.

Обстановка призывала говорить о том, ради чего они встретились. Начать разговор, который оба так упорно не хотели начинать. А они лишь отводили взгляд друг от друга, перекидываясь ничего не значащими фразами, ожидая, кто же первый сдастся и переведёт разговор в ту тягостную, полную скорби степь, что своей холодностью прочно отталкивала от себя.

— Я не виню тебя, что ты не был на похоронах. Я сам хотел уехать оттуда поскорее, — как будто между прочим, начал Виктор.

— Я... просто не смог. Долго думал идти или нет. Но, в итоге, так и не заставил себя. Ты, извини... я должен был быть там, поддержать тебя. Просто, — кладбище, плач, Оля... Я просто не смог. И виню себя в этом до сих пор. Ты знаешь, что это для меня... — Андрей не смог закончить. Слова давались крайне тяжело. Избегая встречаться глазами, они замолчали. Не хотелось вести шаблонные, банальные разговоры, считавшиеся в обществе данью порядочности и воспитания.

— Как ты, Витя? — вопрос, на который Виктору хотелось кричать, беспрестанно говорить, вспоминать об Оле, рассказать, как он чуть было не потерял сознание на похоронах, как ревел ночами, как ему надоело видеть эти унылые, скорбные лица повсюду, как он каждый день напивался до беспамятства. Рассказывать о ночных, хмельных кошмарах, ссорах с родителями и о том, что он хотел бы сделать с убийцей при встрече. Все

эти позы были глубоко запечатаны в глубинах его разума, по соседству с гробом своей любимой, что был безвозвратно закопан в землю. Но вместо этого, он ответил лишь:

— Прихожу в себя потихоньку. С понедельника на работу хочу выйти. Только пить много стал, — с этими словами он наполнил рюмки водкой. Они вновь молча, не чокаясь, выпили.

— Многие бы пили на твоём месте. Ничего страшного, но не увлекайся особо. До добра это никого не доводило. Что, следствие?

— Сам-то как думаешь? Ничего у них нет. По-прежнему, я слышал, отрабатывают версию, будто убийца — баба. Мол, мужик-маньяк, — макияж и причёску такую, как на... Оле, не смог бы сделать. Бред полный. В косу волосы заплести — ума не надо много. Ну а так, что ещё... Ничего особенного: засады устраивают, на живца ищут, патрули усилили, психологический портрет убийцы составляют, чурок всяких и душевнобольных на допросы таскают — всё без толку. Видел, кстати, дамочку за стойкой?

— Да. Она ещё так посмотрела, что в другой раз, я бы подошёл познакомиться, — грустно улыбнувшись, ответил Андрей.

— Я её в прокуратуре видел, в форме. Наверняка, — наживка. Как она себя ведёт, — вряд ли они кого-то поймают, кроме бедолаг с надеждами затащить её в койку. Ах, да, кстати, в дружинники меня звали, искать его.

— Да? А ты что?

— Послал их. Я тогда пьяный был. А теперь, всё чаще думаю, что, наверное, вступлю. Шансы, что именно дружинники его поймают, понятно, что чуть выше нуля. А то, что именно я его поймаю, — вообще из области фантастики. При чём — не научной. Но есть. Вдруг... Он мне попадётся?

— В жизни, конечно, ничего исключать нельзя, но таких совпадений, даже во снах не бывает. Да и как ты себе это представляешь? С поличным его взять?

— Да хоть бы и с поличным. Я думал много над этим, Андрюха. Знаешь, что? Я бы с удовольствием убил эту мразь, — опрокинув в себя новую рюмку, с особым нажимом на фразу «с удовольствием», отвечал Виктор.

— Прямо так? А как же суд, всепрощение и прочее дерьмо? — усмехнулся Андрей. Ход мыслей друга был ему понятен, даже симпатизировал. Месть: око за око, зуб за зуб. Это представлялось логичным, желанным и оправданным. Подобных нужно было убивать. — А если серьёзно, — ты прав. Я бы тебе в этом с удовольствием помог. Ты даже не представляешь, с каким же я удовольствием тебе бы помог. А что, давай запишемся в дружинники! Я пока не работаю нигде, времени полно. А это всё лучше, чем слоняться по городу впустую или дома штаны просиживать.

Дальше их тема разговора плавно и незаметно сменилась. Они продолжали распивать графин с водкой, пытались шутить, больше не касаясь страшных тем. Хоть и видели по лицу друг друга, какой серьёзный отпечаток тьмы оставляли эти мысли о безжалостном убийце, лишившим их мир навечно осколка света.

То дружеское общение, которое было у них всегда, неспешно возвращалось. Но мрачный отпечаток смерти, тень убитой Оли вставала перед ними, незримым механизмом выстраивая стену одиночества между друзьями.

Виктор хотел — если не совсем сломать эту стену — то алкоголем пробить хотя бы трещину в ней и говорить с другом откровенно, выплёскивая всё, что накопилось на душе. Андрею же становилось всё более неловко. Он понимал, что этот короткий разговор в

полутьме тихого бара — не то, чем можно было сполна исчерпать столь серьёзную тему. Но нужные слова никак не находились в его голове. А вот полушутливая, полусерьёзная мысль вступить в дружинники, патрулировать улицы, казалась ему всё более заманчивой.

Графин подходил к концу. Расслабление и лёгкая муть в головах становились явными и обволакивающими. Разговоры стали непринуждённые и затягивающими. Проскальзывало всё больше шуток, смешков, которые поначалу выглядели вымученными и неестественными, теперь сопровождалась не столь притворным смехом. Между ними летали спасительные искры ничего не значащих разговоров, которые заслоняли их обоих от тоскливой неизбежности потери. Они оба нуждались в освободительной разрядке, в спасительном дурмане забвения. И всё равно, каждый ловил себя на мысли, как ничтожно и неправильно они себя ведут. Всё это бы совсем не то, ради чего они сегодня встретились.

Наконец, допив последнюю рюмку и громко ударив ею об стол, Виктор предложил:

— Скучно что-то тут сегодня! Поехали куда-нибудь, покутим, как надо! А то, порой мне кажется, я разучился радоваться жизни.

— Ну, если ты хочешь, то поехали, конечно. Я за любой кипиш — ты ведь знаешь.

— Давай тогда до меня сначала доедем, я переоденусь, ещё накатим и подумаем, куда двинуть. Я хочу верить, что Оля была бы рада, если бы... — Виктор не смог закончить свою мысль, вместо этого отрешённо уставившись на потолок бара.

В ожидании такси, они заказали ещё по сто грамм. Решили расширить компанию. Андрей предложил это наобум, тотчас пожалев о своём предложении. Всё-таки, ещё прошло не так много времени, и Витя вряд ли будет этому рад. Но тот сразу согласился. Ему, казалось, очень нужна была разрядка, нужно было весёлое забытье, взамен ежедневным одиноким пьянкам, в компании призраков прошлого и безжалостной тоски. И плевать, что, зная себя, Витя рисковал на следующее утро только усилить свою депрессию неприятным зовом отчаянного и лишаящего сил похмелья. В тот момент, только мимолётная потребность в сию секунду реализуемом желании двигала им. Он поддавался своим желаниям, пытаясь заглушить в себя нарастающую ненависть к самому себе.

Виктора кто-то узнал и подошёл с ним поздороваться. Это оказались какие-то его коллеги по работе. Пухлый дядечка, сразу чем-то сильно не понравившийся Андрею, с под стать ему выглядящей девушкой. Тихо запретив Вите увязывать эту парочку за собой — от чего тот громко рассмеялся — Андрей стремительно направился к выходу.

Девушка из воркующей парочки на крыльце была той самой дамочкой с барной стойки и, по совместительству, работницей прокуратуры.

* * *

— Остановитесь тут, у магазина! Сейчас мы, сбегаете быстренько, — обратился Виктор к таксисту, который без вопросов остановился у невзрачного ларька. Закон о запрете продажи алкоголя ночью, конечно, действовал, но купить выпивку, при большом желании, всё равно не составляло особого труда. Этот магазин как раз был один из тех, где все желающие получали в обмен на деньги предмет своего желания.

Андрей и Виктор вышли из машины, направились ко входу. У дверей, в обнимку с урной, лежал бомж, разивший наповал своим тошнотворным ароматом. Скорее всего, он крепко спал, не видя для этого помехи даже в падающем снеге и температуре ниже нуля. А

может, он был и без сознания, может он был и вовсе уже мёртв. Кому было до него дело? Виктор с усмешкой кивнул на него:

— Устал видать, бедолага!

— Да хрен с ним. Что тебя в магазин потянуло?

Они зашли внутрь небольшого павильона. Известная точка была довольно многолюдной для этого времени. Ещё немного за полночь, а час пик магазинчика начинался после двух часов. Разношёрстная публика образовала очередь. На вновь вошедших с презрением и опаской поглядывала молодая парочка — оба очень приличного вида; три гастарбайтера в рабочей одежде изучали холодильник с пивом, звеня мелочью, перебираемой в руках и невнятно разговаривая друг с другом на родном языке; высокий мужчина в очках и длинном, дорогом пальто глядел в экран своего телефона, ожидая своей очереди; прямо у дверей межевались двое парней, которым на первый взгляд едва можно было дать и шестнадцать лет, но при этом они выглядели явно пьянее всех присутствующих.

— Нашлась вроде нам компания на вечер, — тихо проговорил, обращаясь к Андрею, Виктор. — Девчонки. А у меня, как я понял, и выпить ничегошеньки не осталось. Надс пополнить стратегические запасы.

— Девчонки говоришь, а как же... — Андрей хотел закончить фразу, но вовремя осёкся, вспомнив.

— Забей. — Ответил ему Виктор.

Действительно, он без всякого, впрочем, труда нашёл девушку, которая тоже отдыхала сегодня с подругами и без проблем согласилась приехать в гости вместе с ними. Неприятное чувство, будто дикий зверь, металось в сердце Виктора, и он легко нашёл ему название — совесть. Ведь прошло ещё так мало времени...

«Какая же ты сволочь! Но я же не собираюсь их трахать или чего-то в этом духе! Просто отдохнём с Андрюхой. Оля мертва, а я молод и жив. Я скоро совсем свихнусь от всего этого. Нет, сегодня я хочу расслабиться и попытаться найти в жизни радость. Плевать, плевать, плевать! Господи, какая же я пьяная, мерзкая сволочь...»

Через какое-то время они отстояли очередь, купили выпивки. Выходя с двумя пакетами и садясь обратно в такси, парни уже сильно сомневались, что они смогут после посещения Витино дома ехать куда-то ещё.

Сев обратно в такси, они начали оживлённый разговор: Андрей пытался выпытать, что за особы согласились скрасить их вечер, а Виктор лишь усмехался и отшучивался, обещая, что Андрей сам всё увидит на месте. Таксист тоже решил включиться в беседу и очень косноязычно, но тем не менее довольно интересно рассказал смешной случай из своей рабочей практики, случившийся до того, как он забрал их из бара. По приезду, Андрей расплатился с водителем и с грустью обратил внимание, что в кошельке его осталась только одна мятая, несерьёзная купюра и насмешливо звенящая мелочь.

И вот он — дом Виктора, где совсем недавно они веселились ещё втроём. Этот подъезд, из которого последний раз вышла на работу Оля. Обоим казалось, что с того дня минула уже вечность.

Они вошли в тепло подъезда, вызвали лифт, поднялись до нужного этажа. Тяготившее молчание всё это время было их неизменным, мрачным спутником.

Андрей пересёк порог квартиры Виктора. Обратил внимание, что в ней по-прежнему всё убрано, всё чисто: никаких пустых бутылок и кошачьего помёта, нет разбросанных по всей квартире объедков и бычков, которые он предполагал увидеть. Не было и вони, а наоборот — в воздухе витал тот едва уловимый запах чего-то домашнего, уютного, знакомого и привычного, что хранили в себе стены этого дома. Запах женщины.

— Знаешь, Вить, у меня глюки, наверное. Но я чувствую Олины духи.

Андрей сел на диван, как тотчас в голове промелькнула вспышка, и он увидел рядом с собой Олю — именно такую, какой она была в их последнюю встречу, вечность назад. Наваждение прошло так же быстро, как и появилось.

Он протёр глаза, потом наблюдал, как деловито хозяйничает его друг. Кошка тёрлась о ноги Андрея, выпрашивая ласки. Он взял её на руки, положил на колени, начал гладить. Даже кошка имела вполне приличный и довольный вид: шерсть причёсана, когти подстрижены, морда излучает сытое довольство. «Похоже, Витян не так уж и бухает, как говорит».

Виктор принёс два кресла-мешка из спальни, поставил их у стола и, разливая им виски, ответил:

— Это не Олины духи. Тут у меня типа горничная появилась. Да и мама почти каждый день навещает, к ним переехать зовёт. Достала уже, если честно.

— Твоя мама кошку расчесала, или ты позаботился? — договорив, Андрей аккуратно опустил кошку на пол. Она не обиделась, подняла и распушила хвост, важно удалилась в сторону кухни.

— Да нет, говорю же, — горничная, типа. Давай выпьем, — они сделали по глотку. Виктор, побалтывая напиток в бокале, продолжил. — Катя её зовут. Она ещё на похоронах ко мне прилипла. Оказалось, что это она Ольку в тот вечер подвозила.

Андрей удивленно перевёл взгляд на лицо друга, невольно подавшись вперёд всем телом:

— Да ладно? В смысле, что она сказала? Что видела? Где оставила? Блин, я не знал об этом, ты не рассказывал!

— Да, а что там рассказывать? Она на остановке её высадила. Машина барахла, Катюха поехала на СТО и о дальнейшей судьбе Ольги не в курсе, — Виктор говорил неохотно, выдавливая из себя каждое слово, особенно имя своей девушки, которое непрестанно преследовало его в мыслях.

— Это проверили? Она — последний человек, кто видел Олю в живых! Эта Катя должна что-то знать! Откуда она вообще нарисовалась? Ты её знаешь?

— Не особо. Они давно не общались, вот встретились в тот день. Что ты думаешь, её не опрашивали? Когда стало известно, что Оля пропала, она в тот же день пришла в отдел, рассказала всё, что знала. Действительно, — у неё барахла машина, что-то там с генератором, — не суть. Она высадила Олю на остановке, зная, что последний автобус должен был скоро подъехать. Она как раз его обогнала. Ну а потом поехала в автосервис. Там и просидела до ночи, пока ей тачку чинили. На похоронах ревела как сумасшедшая. Всё себя винила, что не довезла до дома. Ну и начала навещать меня, помогала так, по мелочи. Нормальная девчонка, короче. Да ты скоро сам с ней познакомишься.

— И что, Оля села в автобус? — спросил Андрей. Что-то неладное чувствовал он в этом объяснении.

— Нет. Водитель автобуса подтвердил, что на остановке никого не было. А его слова подтвердил регистратор.

— А почему она не взяла Олю с собой в автосалон?

— Всё, давай завязывай, Коломбо! Оля домой спешила. — Витя начинал заводиться от этого разговора, от этих вопросов, от принуждения снова давать на них ответы, снова погружаться в тот роковой вечер. Ему стало неприятно от того, что они называли сокровенное имя так часто и так просто.

— У нас романтический ужин намечался. Не думай, что ты умнее всех. Если бы следаки нашли до чего докопаться в её словах, то она бы сейчас не ехала к нам с подругами.

— Значит, она — одна из тех, кто сюда приедут? Вот это поворот! Да, я бы, пожалуй, с ней пообщался.

— Только, Андрюха, давай не дави на неё. Вообще поменьше этой темы касайся. Она хорошая, ей, правда, тяжело приходится. Думаешь, её саму не затаскали на допросы? Ещё как! Дважды на дню! Всё досконально проверяли, чуть ли не на полиграфе. А она и так, сама по себе странноватая, будто не в себе немного. Ерунда, конечно... Да сам увидишь. Давай просто побухаем с девчонками, повеселимся. Мне тоже всё это сейчас не очень...

Виктор запнулся на полуслове. Появилась внезапная мысль даже написать Кате и всё отменить. Но они наверняка уже находились в пути. Это было бы очень некрасиво со стороны Виктора — просто взять и всё отменить, не вдаваясь в подробности своего решения.

Андрей что-то сосредоточено обдумывал в голове, откинулся обратно на спинку дивана, сделал большой глоток, допив стакан. Морщась от крепости напитка, он ехидно спросил:

— Так значит, ты её трахаешь? Быстро ты утешение нашёл. Горничная, говоришь, да? Ну, круто-круто. Не скучаешь — главное.

— Рот закрой свой! Ты чё несёшь? Перебухал уже или чё? — Виктор со злобой взглянул на Андрея. Он совсем не ожидал подобных подозрений от друга. Его ладонь, свободная от стакана, непроизвольно сжалась в кулак.

Андрей заметил, что его товарищ разозлился. Он сам не понимал отчего, но и в нём загорался запал и подступала к вискам затаённая в душе ярость. Вот уж трудно было понять, почему именно сейчас волна неуместного злорадства поднималась в нём, заставляя поддаться ей и позволить подхватить себя и унести в ту черноту, из которой так сложно было выбраться.

Всё это было лишним, неправильным, совсем не подобающим данному времени и месту. Андрей понимал это, но уже не мог остановиться:

— Да ладно, я всё понимаю. Ты скажи только, на Катюху-то у тебя нормально всё, встаёт? Или перед делом просишь её, чтобы она тебя немножко пофотографировала?

Недопитый бокал Виктора с силой полетел в голову Андрея, на лету расплёскивая остатки жидкости. Больно ударив Андрея, едва сумевшего уклониться, в плечо, он отскочил на диван, потом на пол и звонко разбился. Андрей вскочил с дивана и вовремя успел рукой перенаправить кулак друга, летящий ему прямо в лицо. Через секунду Виктор сшиб своего товарища с ног. Тот, ударившись об пол, сбил дыхание, прикрыл руками лицо. Виктор наносил удары, которые по большей части приходились по вскинутым в защите рукам, при этом выкрикивая оскорбления защищавшемуся другу. Андрей кое-как смог, на мгновение, освободиться, ногой оттолкнуть от себя Виктора и подняться на ноги, ожидая нового

нападения и стараясь привести к этому времени своё дыхание в норму. Он отступил назад, в прихожую, и схватил железную ложку для обуви, но Виктор с проворством быка уже вновь набрасывался на него. Один раз он смог ударить его ложкой, сам не поняв куда именно, как тотчас мощный ответный удар в скулу сбил Андрея с ног. Виктор был здоровый парень, при чём злой здоровый парень, — Андрей уступал ему в комплекции и в запале, поэтому вскоре драка могла закончиться дальнейшим избиением лежачего Андрея, но его спас раздавшийся звонок домофона.

Виктор с тяжёлым, запыхавшимся дыханием переводил взгляд то на поверженного товарища, то на трубку домофона. Наконец, он ответил на вызов коротким вопросом «кто?» и нажал на кнопку, впуская гостей в дом. Сел на тумбочку, вернул на место отобранную в драке ложку и посмотрел на нервно хохотавшего Андрея, который сидел на полу и ощупывал разбитую губу.

— Иди в ванную. И постарайся вести себя сегодня нормально, придурок конченный, а не то...

Андрей встал, деланно отряхнулся, хоть он и не запачкался, и отправился приводить себя в порядок, на ходу весёлым тоном закончив Витину фразу:

— А не то, придётся драться по-настоящему. Без проблем, чемпион!

* * *

«И что меня дёрнуло такое брякнуть?»

Умываясь и критически осматривая распухшую губу, думал Андрей, стоя перед зеркалом. Видок у него оставлял желать лучшего. Он остановил кровь, сочившуюся из разбитой и опухшей губы. Умывшись, почувствовал, что и хмель почти выветрился из головы. Через закрытую дверь, со стороны комнаты, раздавался женский смех, весёлый и бодрый голос Виктора.

Всё казалось неправильным, мерзким и постыдным. Андрей подумывал даже попрощаться и уехать домой. Но интерес к таинственной Екатерине и нежелание провести остаток ночи ворочаясь в постели, предаваясь мрачным, уничижительным мыслям, заставили его остаться и, навесив на себя маску весёлости, улыбнуться своему отражению. Андрей вышел из ванной комнаты и отправился на звуки начинавшегося веселья, которое казалось всё более неуместным.

В комнате, расположившись на диване, сидели три девушки. «Довольно симпатичные» — отметил про себя Андрей. С улыбкой помахал им рукой и, щеголяя потрёпанным в сражении лицом, начал знакомиться с гостями.

Девушек звали: Настя — чуть полная блондинка в классических джинсах, белой блузке и с милыми ямочками на щеках, придававшими ей свой шарм; Регина — черноволосая татарочка, в чёрном платье, с довольно вызывающим декольте, содержимым которого стоило гордиться. Выражение её лица с высокомерными чертами, как бы спрашивало: «что я здесь делаю?». И, наконец, та самая Екатерина.

Ещё до того, как они назвали свои имена, девушка, сидевшая посередине, привлекла внимание Андрея. Если двух других смело можно было назвать привлекательными, то в ней, на первый взгляд, не было совершенно ничего примечательного. Коротко стриженные тёмно-рыжие волосы без особой укладки; угловатая фигура, не заостряющая на себе взгляд;

смущённая неловкость и даже неуклюжесть в движениях; простая одежда — юбка средней длины и красная рубашка в клетку, походившая на мужскую и мешком болтающаяся на ней. Однако, её лицо, а именно глаза, взгляд, цепляли сразу. Большие, ярко-голубые прожекторы пристально вглядывались в Андрея и отводить от них взгляд ему совсем не хотелось. Эти глаза будто бросали вызов: сможешь ли ты выдержать их напор или сдашься и отвернёшься, смущённо улыбаясь? И Андрей сразу решил непременно выигрывать все их дуэли в «гляделки». Хоть ему и явно представлялось, как эта пристальная и властная холодность раз за разом отпугивала многих других, лишая их шанса реабилитироваться.

Катя смеялась, поддерживая весёлость их компании, но весёлости в её взгляде не было. На фоне глаз ярко контрастировало лицо. Самое обыкновенное — скучное лицо с длинным, некрасивым носом и впалыми щеками. Пожалуй, где-нибудь на улице или в общественном транспорте, вряд ли кто-то обратил бы на неё внимание. Но в этот вечер Андрей твёрдо решил, что должен познакомиться с ней поближе. Какая-то сила, даже не совсем половое влечение или, тем более, влюблённость, влекла его к этой особе. Что-то интригующее, не поддающееся объяснению, словно огонь в кромешной тьме или свет в пресловутом конце тоннеля, заставляло тянуться к этой невзрачной девчужке, обещавшей своим видом, что за внешней оболочкой таится загадка, ради решения которой стоило бы приложить все мыслимые и немыслимые усилия.

В то же время, их небольшая вечеринка шла своим размеренным и неумолимым ходом. Несмотря на драку, Андрей с Виктором упорно делали вид, что ничего не произошло. Общались как раньше, шутили, заставляя девушек веселиться и чувствовать себя максимально непринуждённо. На вопрос о своём ранении, Андрей только отшутился: «времена, мол, такие — опасные. Шальная бандитская пуля, которую не удалось поймать зубами».

Алкоголь наполнял бокалы, разговоры становились яркими, увлекательными и раскованными. Создавался комфорт для всех, и уже никто не предлагал куда-то уезжать, продолжать веселье в другом месте, как это задумывалось вначале. С ноутбука лилась песня Ланы Дель Рей. Виктор танцевал с Настей и Региной одновременно, не стараясь сдерживать свои руки, позволяя приятным облакам опьянения окутать голову, а девушки не выказывали на его поведение ни малейших возражений. Андрей же предложил Кате отлучиться на балкон, выкурить по сигарете.

Угостив её, Андрей вновь изучающе оглядел девушку. Что-то в ней сохранялось от подростка — вся эта нескладность в одежде, во внешности — хрупкая, невысокая девочка, со странным, но таким интригующим взглядом огромных голубых глаз. Катя, в свою очередь, тоже без малейшего смущения вглядывалась в Андрея, будто в поисках чего-то заветного.

— Мне Витя говорил, что ты помогала ему, после всего этого, поддерживала. Спасибо тебе. Всё-таки — он мой лучший друг, а я вот впервые с ним вижу после смерти Оли. — Андрей высунул голову в окно, глядя вниз, но чувствовал, как всё не отпускает его этот пристальный, изучающий взгляд.

— Это самое малое, что я могла для него сделать. Витя много про тебя рассказывал, да и Оля тоже. Я всегда хотела с тобой познакомиться.

— Ну вот и познакомились. Жаль, что при таких обстоятельствах. Значит, ты последняя, кто видел Олю... живой?

Катя приблизилась к нему, едва задев плечом, и Андрей неожиданно почувствовал, как приятно ему это мимолётное прикосновение, как сладостно присутствие новой знакомой

рядом. Не выдавая себя, он всё глядел во двор, краем глаза примечая, что и Катя тоже ищет взглядом что-то там, внизу, в темноте, освещаемой лишь тусклыми, редкими подъездным фонарями. Её лицо было столь близко, что слышалось лёгкое дыхание девушки.

— Андрей, я не хочу об этом говорить, извини. Я только начала приходить в себя, учиться принимать всё это.

Андрей отметил, что в её глазах промелькнула невзрачная, мимолётная тень, какая-то незримая полу-эмоция. Это продлилось лишь долю секунды, и вот они уже стали такими же проницательно-холодными.

— Она что-то значила для тебя, правда? — полушёпотом проговорила Катя.

— Оля была моим другом. Одним из немногих моих близких друзей. Я знал её с самого детства. Я даже был влюблён в неё, в своё время, представляешь? А теперь её нет... Какая-то жалкая паскуда взяла и убила её. А потом выбросила голый труп на улицу, как мусор какой-то. И перед этим, ещё и макияж ей навела. Оставила цифру «семь» на её теле. И ты спрашиваешь, что она для меня значила? Пожалуй, почти всё, что было хорошего в жизни. Ну, что теперь говорить...

— Андрей, я... прости, — Катя отвела от него взгляд, вновь пытаюсь найти подбадривающие знаки на земле. Андрей почувствовал, как Катя сильнее прижалась к нему, видимо, стараясь подбодрить, но спустя секунду отстранилась.

— А ты давно её знала? — сильно затягиваясь табачным дымом, спросил, в свою очередь, Андрей.

— С четырнадцати лет. Мы с ней были соседками, она жила этажом выше. До того, как мои родители развелись. Я, в итоге, осталась с папой, а мой брат с матерью уехали в другой город. Спустя время, и мы с папой переехали в другой район. Но мы с ней всё равно общались и после всего этого, но уже не так хорошо. Оля мне всегда нравилась. Такая она была уверенная, умная, красивая. У неё тоже родители были в разводе. А она так пережила это легко. Хоть и была даже младше меня, когда это случилось. Оля всегда была сильная. Не то, что я. Как сейчас помню, я всерьёз думала о самоубийстве, до того, как стала жить с отцом, — Катя нервно и неуместно хихикнула, будто рассказав о какой-то весёлой шутке, а не о мрачной и тяжёлой ситуации своей биографии.

Андрей немного оторопел от такой откровенности. Промычав что-то поддерживающее, докурив сигарету и выкинул её в окно. Смотрел на Катю, удивляясь про себя, как она может так легко, фактически незнакомому человеку, рассказывать настолько личное? Неужели, это для неё ничего не значило? Быть может, Андрей просто встретил столь редкого, открытого и искреннего человека на своём жизненном пути? В это очень слабо верилось. При чём, Катя совершенно точно не была пьяна, так отчего же она произносила эти вещи с такой лёгкостью и безразличием? Могло ли быть так, что она просто лгала?

— А почему ты с отцом осталась? Обычно девочки остаются с матерями. Да и вообще, детей почти всегда отдают матери при разводе, так ведь?

— А мама меня не любила. Вот брата, да. Души в нём не чаяла. А он больной у нас был, за ним уход требовался постоянный, наблюдение и всё такое. Отец не хотел, чтобы я в этом участвовала и была у матери как горничная, поэтому и предложил мне жить с ним. Я согласилась. Папа у меня, знаешь, какой хороший? Бизнесмен! Вот, машину мне подарил на двадцать один год. Да и вообще, если честно, я отца всегда любила больше, чем мать.

Андрей начинал понимать, почему Виктор говорил, что она странная. Рассказывать такое первому встречному, при чём голосом, настолько отстранённым и лишённым эмоций,

мог только очень странный и сложный человек. Катя явно была странной. Но эта особенность девушки лишь заставляла Андрея ощущать всё большее к ней влечение. Он отметил, что она сказала «горничная», и с какой интонацией она выделила это слово. Так её назвал Виктор при первом упоминании. Уж кем-кем, но горничной эта Катя совсем не выглядела.

— Хороший папа, — согласился Андрей. — Чем занимается?

— Разным, — Катя аккуратно потушила сигарету в пепельнице и продолжила. — В основном, связанным с машинами. Автосалон Ниссана, автосервисы, мойки, шиномонтажки. Скучная, в общем, работа. Я ему помогаю.

— Скучная, зато прибыльная. Может, он и меня устроит? Я как раз тунеядствую сейчас, — улыбнулся Андрей. Катя посмотрела на него, вернув улыбку. В этот момент, лицо девушки поменялось, будто просветлело, и эти изменения сильно украсили её черты.

— Я могу замолвить словечко. Что, пойдём к ребятам?

— А я бы ещё пообщался, если ты не против?

— Нет, не против. Просто Насте завтра на работу, она, наверное, скоро уедет. Я хотела бы с ней попрощаться.

— Думаю, нас позовут, если понадобится. Я помню, Настя у нас стоматолог — будет завтра на пациентов перегаром дышать. А Регина кем работает? Что-то вылетело из головы.

— Она и не говорила, кем работает. Регина проститутка.

Андрей ошарашенно выпучил глаза на Катю, но, по её выражению лица, было невозможно определить, говорит она серьёзно или шутит.

— Ты серьёзно?

— Конечно. Если честно, я знала, что вы сегодня будете гулять с Витей и сама напросилась составить вам компанию. Регине я заплатила, чтобы она помогла Вите расслабиться. А Настя даже не знает, кем её подруга работает! — Катя весело рассмеялась и продолжила. — Я сама совсем недавно об этом узнала. Но я ничего против не имею. Рассказала ей про Витину ситуацию, она попросила немного денег за это. И вот — мы здесь! — расхохотавшись искренним, задорным смехом и, сделав подобие реверанса, Катя через балконное стекло посмотрела в комнату, где как раз Регина с Витей танцевали медленный танец. Руки Вити находились гораздо ниже талии девушки.

Андрей тоже не смог удержаться от улыбки.

— А вы, юная особа, полны сюрпризов. Ты только глянь на него! Вот кабелина! Он, наверное, и к тебе приставал? Я в шоке, на самом деле.

— Нет, меня он не трогал никогда, даже когда совсем пьяный был. А ты что-то небольшой любитель о себе рассказывать, правда?

— Ну, когда такой интересный собеседник, моя персона кажется слишком серой и скучной. А что бы ты хотела узнать?

— Всякое. О тебе, о Вите, об Ольке. Если, конечно, ты не против рассказать? Честно скажу, ты мне понравился. Я думаю, ты гораздо интереснее, чем хочешь казаться.

— У всех свои скелеты в шкафу. И беспокоить их порой не стоит, — Катя внимательно посмотрела на него, потом медленно, значительно кивнула в знак согласия.

— Да, в этом ты прав. Я замёрзла. Может, мы и в комнате сможем поговорить?

— Может быть. Кстати, ты тоже меня, мягко говоря, заинтриговала.

Дверь балкона открылась, на пороге возник Витя, застав разговор и заметив, что Андрей с Катей стоят чуть ближе для требований обычной, светской беседы новых знакомых. Про

себя он порадовался, что Андрей пришёл в себя и сгоряча не обидел ещё и Катю. Его опасения, похоже, были совсем напрасными.

— Вы тут застряли, что ли? Ушли такие покурить и пропали. Что это вы тут такое курили так долго? — с самодовольным смешком попытался их в чём-то уличить Виктор.

— Да-да, выходим-выходим.

— Андрюха, стой. Составишь мне компанию?

— Составлю, почему бы и нет. Пусть девчонки пообщаются, у них наверняка есть свои секретки, — Андрей подмигнул Кате, та с улыбкой кивнула и ушла в комнату.

Виктор закурил. На предложенную сигарету Андрей отрицательно помотал головой. Стояли сначала молча. Наконец, Андрей сказал:

— Дружище, ты извини меня, не знаю, что на меня нашло такое брякнуть. Я виноват.

Виктор лишь махнул рукой. Его терзали душевные сомнения насчёт Регины, которая, похоже, была готова на всё. А вот в себе, он не был так уверен.

— Эта Регина — просто бестия! Андрюха, меня терзают муки совести. Что мне делать?

— Расслабься, Витян. Просто расслабься и получай удовольствие. Но не забывай об ответственности. У меня вроде валялись в куртке пару штук ответственности.

— Себе оставь. Ты как всегда всё опошляешь. О чём это, интересно, вы с Катериной столько общались? Не брякнул лишнего, надеюсь?

— Может, тоже говорили об удовольствии и ответственности, почём знать? А вообще, да, — странная девчонка. Но что-то в ней есть, однозначно. Ты не обидишься, если вдруг мы с ней потеряемся?

— Даже так? Вот этого я точно не ожидал. Да нет проблем, если хотите, то что я вас — силком держать буду? А вообще, хороший сегодня день. Первый хороший день, после... Ну, ты знаешь. — Виктор высунулся в окно, подставив лицо снегу, выдохнул клуб дыма в луну, потом смачно плюнул.

Время уже давно перевалило за полночь. Настя, видя, что она в этой квартире становится лишней, вспомнила о завтрашнем дежурстве и, не ощущая полного удовлетворения от этого вечера, раздражённо засобиравшись домой.

«Да, посидели с девчонками... И зачем я сюда поехала? Надо было сразу домой после кафе. Как всегда, не выплусь. Даже эта дурёха Катька себе парня склеила. Почему он на неё внимание обращает? Неужели я страшнее этой полоумной? А Регина? Просто посмотрите на неё! Как настоящая шалава себя ведёт...»

Погружённая в свои невесёлые мысли девушка попрощалась со всеми, к неудовольствию отметив, как глубоко безразличен был всем её уход. С окончательно испорченным настроением Настя хлопнула дверью и удалилась.

Разбитые по парочкам оставшиеся разбежались по комнатам. Андрей с Катей сели на кухне, а между Виктором и Региной всё ярче разгорался их неожиданный (для Виктора) «роман». Андрей пил виски, глядя на хозяйничающую словно у себя дома девушку, которая решила отказаться от спиртного и заваривала себе чай.

— Что думаешь о маньяке, об этом самом Циферщике? — как бы невзначай, поинтересовалась Катя.

— По-моему, я ещё на балконе тебе доступно объяснил, что подобные твари, по моему мнению, не должны жить на свете. Ты должна сама прекрасно всё это понимать. И, знаешь, если бы мне довелось с ним встретиться, я бы, не задумываясь, грохнул эту суку...

Катя села напротив, сделала крошечный глоток испускающей пар, обжигающей,

ароматной жидкости и, не глядя на Андрея, кивнула.

— А что? — неспешно взбалтывая лёд в своём стакане с виски, поинтересовался Андрей.

— Сама не знаю, просто спросила. Не могу не думать о том, кто забрал Олю. Ведь вполне может быть, что он самый обычный человек на вид. Возможно, примерный семьянин, с хорошей работой, с прекрасными рекомендациями отовсюду. Его, наверное, любят родители, у него есть друзья, подруги. Кто-то и вовсе может считать его своим лучшим другом. И при этом он ведёт двойную жизнь, постоянно скрывается, боится совершить ошибку. Быть может, что он даже нам знаком, а мы и не догадываемся об этом.

— Рано или поздно он обязательно совершит свою последнюю ошибку. Они все ошибаются. Так ты ничего подозрительного не видела в тот день?

— Прости, понимаю, что я, порой, веду себя странно, — едва заметно вздрогнув, девушка начала плавно менять тему, — мне часто об этом говорили. Я понимаю, что ты хочешь знать всё о том дне. Но, правда, я не могу снова отвечать на эти вопросы. По крайней мере, сегодня. — Катя опустила голову, изучая тёмную жидкость в чашке.

Оба сидели какое-то время молча, пили каждый свой напиток, украдкой перекидываясь взглядами. Андрей заметил, что на щеках девушки проступил лёгкий румянец. Видимо, она думала о чём-то, что хотела, но не решалась сказать. Влечение к этой едва знакомой, непростой девушке до сих пор не ослабевало в Андрее. «Пожалуй, нужно взять у неё номерок, а может быть и проводить до дома».

— А ты говорил серьёзно, что готов убить маньяка при встрече?

— Пожалуй, да.

— То есть, ты считаешь себя способным хладнокровно отнять жизнь у другого человека? Пускай, и при полной уверенности, что он этого заслуживает?

— Может быть, я сейчас просто выпил и бахвалюсь перед интересной мне девушкой, стараясь выглядеть храбрым и решительным. Но на самом деле это что-то на грани фантастики представлять, что я окажусь в ситуации где нужно будет сделать такой выбор. И если сейчас я уверен, что всё сделаю правильно, то в решающий момент, — я не знаю, как поступлю. Я понимаю, что, наверное, это будет очень нелегко. А ещё труднее будет потом, когда придёт осознание, что я теперь тоже убийца.

— Раскаяние, душевные муки, бессонные ночи, да? Преступление и наказание, как у Достоевского?

— Нет. Здесь месть и только она. Здесь, пожалуй, совершенно другие мотивы и понятия, которые, как мне кажется, достойны того, чтобы зваться справедливостью. В том конкретном случае, о котором мы говорим, я бы убил маньяка-душегуба. С моральной точки зрения — поступок оправданный и, может быть, даже правильный. Но, тем не менее, вряд ли я настолько бесчувственный и холодный человек, что у меня после этого не будет ни малейшего груза на душе. — Закончив, Андрей попытался изобразить улыбку, но она не получилась, вышла только полубезумная гримаса, которую он поспешно убрал, допив содержимое бокала.

— Оно, конечно, всё так... а ведь, стоит отдать должное Циферщику, — детей не убивает, никого не насилует, над трупами не издевается. Было бы гораздо тяжелее, если бы Олю... трудно было опознать. Прости! Меня опять куда-то заносит!

— Ну да, у него есть свой почерк. И никто не знает его мотивов. Может, даже он сам до конца их не понимает... Ладно, хватит с меня этих тем! Пойдём к нашим голубкам?

— Знаешь, я, наверное, вызову такси. Уже поздно, а нашим «голубкам», думаю не стоит мешать. Если хочешь, останься. Я доплачу Регине за тебя потом.

— Дурочка, что ли?! — Андрей даже поперхнулся от такого предложения. Он усмехнулся, не решив окончательно, было ли это шуткой или нет.

— Я бы хотела увидеться с тобой ещё, Андрюша. Можно тебя так называть?

— Валяй. Я бы хотел того же. Оставишь свой номер? Или, вообще, почему бы нам вдвоём не поехать? Не хочу им мешать, — Андрей указал на стенку, за которой глухо раздавалась музыка, — здесь я точно третий лишний.

— Я не против! — застенчиво улыбнулась Катя. — Можно будет у меня ещё немного будет посидеть. Если ты не против, конечно. Папа в другом городе. Только не подумай ничего такого, ну, сам понимаешь. Просто мне тяжело оставаться одной в пустом доме, в такие тяжёлые дни. Блин, говорю это и представляю со стороны, насколько это двусмысленно, пошло и банально звучит! — Катя покрылась милым смущённым румянцем и попыталась спрятать лицо за чашкой чая.

— Ничего такого, клянусь, я думать не буду! — Андрей не смог ни заметить лукавый огонёк, проскочивший в глазах девушки, и неприметно игравшую в уголках её губ улыбку.

Разговор неспешно, но увлекательно продолжался, переключившись на отвлечённые, лёгкие темы. Постепенно узнавая друг друга, парень с девушкой находили много общего во вкусах и предпочтениях. Их общение становилось всё более непринуждённым.

Катя мило дула на парящий чай, всё чаще ища глазами лицо Андрея, а он, всё меньше скрываясь, сам искал её взгляда, ощущая нечто позабытое, тёплое и убаюкивающее, что рождалось у него в груди, приятно пульсируя и опьяняя, не хуже убывающего виски.

Они вызвали такси, которое на удивление быстро прибыло на место, прерывая разговор и своим появлением провоцируя тысячу прощупываний друг друга от Кати и Андрея в поисках серьёзности намерений и того предела, которого они готовы были сегодня достичь.

Андрей постучал в уже закрытые двери комнаты, за которыми уединились Виктор с Региной. Через какое-то время показался потрёпанный хозяин квартиры. Подтрунивая друг над другом, друзья пожали руки и обнялись на прощание, твёрдо решив встретиться на днях, вновь давая обещание чаще видеться и в своей дружбе превозмочь утрату, поддерживая друг друга. Конечно, ни о чём таком они не говорили, ограничившись сухим: «Ладно, давай, счастливо». Но оба понимали, что, — то отречение из-за смерти близкого человека наконец слабеет, возвращая их в ещё более доверительный поток дружбы, который, были они уверены, не замкнётся в стене отрешённости, а, наоборот, совсем скоро сведёт их вновь.

Андрей с Катей вышли из подъезда, продолжая оживлённо говорить о чём-то своём, Андрей приобнял её за плечи. Девушка была не против и, отбросив стеснительность, крепко прижалась к нему.

В такси они ехали, продолжая увлечённо беседовать, не разрывая при этом объятий, и незаметно их лица оказались совсем рядом друг с другом. Они дышали ароматами, исходящими от спутника, безрассудно упиваясь этой, казалось, совсем не случайной встречей. Что-то роковое и забвенное вилось вокруг машины, что увозила их прочь от Виктора, наслаждающегося тем временем прекрасным телом Регины. Вокруг мелькали огни ночного города, но Андрей и Катя не видели их, поглощённые только самими собой; той неверной, но неизбежной страстью, что неожиданно для них захватывала в свои объятия.

И что-то стучало, беспокойно бренча в голове у Андрея. В своём безмолвном крике предупреждая, будто он упускает что-то несравненно более важное, что-то, то и дело

мелькающее перед глазами. Но он решительно заглушал все голоса в голове, твёрдо решив найти в этой ночи свое спасение и освобождение.

Катя чувствовала вкус его губ, ощущала горячий, полный властности язык, что норовил слиться с её собственным в полном страсти танце. Она закрыла глаза, переносясь куда-то далеко, прочь от этого города, прочь от всех волнений и тревог, от которых её трясло ещё несколько часов назад. Казалось, что вот всё и решилось — окончательно и бесповоротно. Она примкнула к Андрею всем телом, чувствуя, как он поглощает её, представляя, как в беспросветной тьме затухает последний огонёк, неумолимо растворяющийся в этой умиротворяющей чёрной бездне.

Всё отступило на второй план, а в глазах девушки можно было увидеть его — старый сон, своими истоками протекающий из далёкого детства. Теперь, в объятиях Андрея, она чувствовала, как граница между сном и явью становилась всё тоньше.

Катя открыла глаза. Она дома. В своей кровати. Над ней висела знакомая люстра. Она повернула голову, заранее зная, что рядом никого не окажется. Сон закончился, уступив место серой яви. Сознание неумолимо пробуждалось, наполняя сердце необъяснимой, тревожной грустью.

Девушка никак не хотела расставаться с тем идеальным миром, в который она изредка попадала через сон. Не желала отпускать этот чудесный уют, лишённый печалей, тревог и забот. Вновь возвращаться в опостылевшую реальность, в которой она давно чувствовала себя чужой и непонятой. Катя закрыла глаза, в тщетной попытке погрузиться обратно в свои грёзы, цепляясь за последние крохи того мира, разрушенного наступлением утра.

Ничего не получилось. Осталось только постараться навсегда застолбить в памяти все детали сегодняшнего путешествия в своё бессознательное.

Катя немного поворочалась в постели, потянулась. Нужно подниматься. За пределами сна царствовала другая реальность и требовала от Кати действий. Это утро должно было положить начало новой жизни.

Она позвала Андрея. Голос пронёсся по пустой квартире. Катя провела рукой по месту, на котором он лежал, когда они засыпали. Простынь, казалось, ещё хранила в себе тень проведённой с Андреем ночи. Молодой человек ушёл, не потревожив её сна, не разделив с ней пробуждение, но Катю это ничуть не расстроило и даже не удивило. Как будто, всё должно было кончиться именно так. Катя была уверена, что это не последняя их общая ночь. Но в это утро одиночество, обострённое ночной сказкой и последовавшим прекрасным сновидением, давило на неё, как никогда прежде.

Она поднялась с кровати, накинула халат на голое тело, прошла в кухню, где поставила чайник и под гремящие звуки нагреваемой воды села у окна. Видимо, уже за полдень. Катя привыкла вставать после обеда и ложиться под утро. В последнее же время уснуть становилось всё труднее. Приходилось бесконечно ворочаться, глушить любые мысли в поисках спасительного забытья. Если сон и приходил, то был рванный, неглубокий и лишённый сновидений. В эту ночь всё случилось иначе. Сегодня к ней пришла долгожданная грёза, которой она не видела больше года и очень скучала по ней.

Даже занимаясь техниками осознанных сновидений, достигая небольших успехов в этом, она всё равно никак не могла прорваться в тот небольшой желанный мир, лишь по своему желанию. Чаще всего, эти практики оставляли после себя очередную томительную бессонницу.

Тот особенный сон имел своей основой воспоминание из детства. Самое счастливое воспоминание детства. Тогда восьмилетняя Катя со своей семьёй поехала в их загородный домик у леса, в пяти минутах ходьбы до маленькой, чудесной речки. Тогда папа и мама были вместе, тогда её старший брат Игорь был весёлым, десятилетним мальчиком — добрым, прилежным и заботливым. Это было ещё до его болезни. Сказочные летние выходные. Последние выходные, в которые её семью можно было, без сомнений, назвать счастливой, не имеющей ни малейших проблем. Родители любили друг друга, любили и заботились о своих детях. Игорь выказывал искреннюю привязанность к Кате и просто обожал свою маленькую сестрёнку, а она души не чаяла в своём лучшем друге, защитнике и даже кумире.

Те выходные были полны солнца, смеха, игр, песен, плесканий в речке, тёплых объятий

и аромата жарящегося на мангале мяса. Утром они всей семьёй рыбачили, собирали ягоды, гуляли по лесу. Вечером родители рассказывали им истории: всегда очень интересные, порой страшные, но всегда заканчивающиеся общим радостным хохотом. И все они засыпали в одной большой кровати, обняв друг друга.

Эти выходные, а именно тот домик, который им вскоре пришлось продать, периодически и появлялся в Катиных грёзах. Порой там присутствовали другие люди, исчезали то мать, то отец, менялся интерьер и помещение, играла разная музыка. Порой сознание рисовало волшебные сюжеты, будто домик превращался в замок, на который нападали драконы, монстры, бандиты, но всегда эти нападения легко отбивались. Или присутствующие в этом домике оказывались магами и волшебницами, или к ним присоединялись сказочные существа. По мере взросления Кати, эта фэнтезийная составляющая уходила, сюжеты исчезали, и домик превращался для неё в обитель умиротворения, покоя и счастья. Иногда появлялась твёрдая уверенность, что вместе с ними там жили и невидимые создания, обеспечивающие своё непреложное покровительство. Катя называла их ангелами-хранителями.

С периода полового созревания девочки, неотъемлемой частью сновидения становилась та самая большая кровать, на которой её семья, обнимаясь, засыпала в мирном уюте. В мире снов на этой кровати составляли компанию Кати не родители, а люди, которые влекли её. Через эти сны она понимала, что развивается её сексуальное желание. Конечно, это понимание пришло не сразу, и по началу девочка смущалась этой части её сонного царства. Катя выросла, и фантазия рисовала всё более откровенные и чувственные эпизоды, которые порой сильно удивляли её. Неприятней всего было видеть на этой кровати взрослого брата. Вот и в эту ночь, вместе с ней кровать делил Игорь. А ещё, как и в жизни, Андрей. В эту ночь там были Витя и — что было тревожней всего для Кати — Оля. Появление последней она объяснила для себя, что это хоть и не совсем нормально, но поддаётся логике. Ведь в последнее время, она не могла не думать о своей мёртвой подруге.

Взрослая Катя налила себе кружку кофе, закурила сигарету и, продолжая в полной тишине безучастно смотреть в окно, всё глубже погружалась в детские воспоминания.

После тех выходных, её счастливое детство, как и их примерная семья, стремительно рушилось. Трагедия произошла уже в день их отъезда в город. Как будто нечистая сила в лесу обнаружила их счастье и захотела испытать его на прочность. Более логичного объяснения этого нелепого, но страшного случая, Катя ни тогда, ни сейчас найти не могла.

Они с братом решили напоследок, пока родители собирали вещи, поиграть в догонялки. Игорь всегда поддавался сестре, которая, конечно, не могла угнаться за шустрим пареньком, с семи лет занимающимся в футбольной секции. Катя это понимала и не могла не чувствовать признательности к заботливому, милому братцу.

И вот, маленькая Катя «запятнала» Игоря и что есть духу побежала от него в сторону деревьев, надеясь, что ей удастся заставить брата хоть немного поднапрячься, прежде чем он её поймает. Внезапно за спиной раздался глухой, но страшный звук удара. Она остановилась, переводя дыхание, повернула голову и, как в кошмарном сне, увидела, что её брат лежит у дерева, страшно стонет, из разбитой головы струится кровь. Стон становился всё тише. Катя не могла пошевелиться. Ей казалось, что Игорь уже непременно мёртв. Оцепенение прошло, девочка закричала что есть мочи, подбежала к брату, попыталась поднять его, сама пачкаясь в набежавшей из его разбитой головы крови. Глаза Игоря были закрыты, и она не могла понять, дышит ли он.

Как Игорь мог так сильно разбить голову, споткнувшись и влетев в дерево, ей, да, впрочем, и родителям, и врачам, до сих пор оставалось непонятным. Игорь выжил. Но травма мозга оказалась серьёзной. Мальчик начал страдать эпилепсией и чуть было не стал инвалидом в десять лет. Помогло хорошее, но чертовски дорогое лечение, которое очень истощило семейный бюджет.

Помимо эпилептических припадков, её милый брат Игорь совершенно поменялся характером. С футболом, естественно, пришлось завязать. Школьная программа, которая раньше давалась ему с поразительной лёгкостью, вдруг стала неподъёмно тяжёлой. Несмотря на его резкие отказы, истерики и припадки, родители всё же перевели его в другую, специальную школу. Игорь стал замкнут, редко смеялся, хоть и по-прежнему Катя оставалась его любимой сестрёнкой и единственным человеком, с которым он мог быть по-настоящему откровенен.

Но порой и с ней он мог вдруг стать грубым, накричать на неё, несколько раз даже позволял себе ударить сестру. После этого всегда искренне извинялся. Катя чувствовала себя виноватой за то, что побежала тогда в лес, а не в поле. Из-за этого, как она считала, Игорь и получил свою травму. Она всегда старалась поддержать его, оказать внимание, попытаться понять, что тот чувствует, что его гложет. Пусть это и давалось ей нелегко. Случались моменты, когда Игорь по-настоящему пугал Катю.

Игорь рассказывал, что, когда с ним случался припадок, он переносился в самый настоящий ад. Его окружали и пытали страшные демоны, приказывали подчиняться им. А в иной раз, ему казалось, что наоборот — он стоял перед Божьим взором, и это было так неопишимо приятно и радостно. В те моменты он становился взрослым, здоровым, сильным и красивым. И все вокруг его обожали. Когда эти видения проходили, он чувствовал себя обиженным, жалким ничтожеством, которого просто выкинули обратно, как мусор. Порой он нёс откровенный бред, страшно выпучивая глаза и пугая Катю, но, если она просила его перестать, тот замолкал, обиженно зыря на неё. Всё равно, иногда это был тот самый Игорь, её старший брат, и она незаметно всё больше попадала под его сумасшедшее влияние.

Особенно ей запомнился один случай. Кате было двенадцать. Они с подружками гуляли во дворе и к ним стали приставать соседские пацаны, их ровесники. Они начали с ними незлобно переругиваться. Катя никогда за словом в карман не лезла и грязно обругала самого дерзкого из них. Тот сильно обиделся и, чтобы не потерять авторитета среди друзей, сильно толкнул её. Катя потеряла равновесие и больно шлёпнулась на пятую точку.

Мимо проходил Игорь со своей компанией и увидел это. Спустя пару мгновений тот пацан уже лежал на земле, и Игорь неистово запинывал его, в звериной ярости отталкивая даже своих друзей, которые старались его оттащить. Друзья же избиваемого сразу бросились наутёк. Вмешаться решил взрослый дядечка, гулявший неподалёку со своей супругой. Он получил удар в лицо, от неожиданности которого даже растерялся и отступил назад. Жена дядечки подняла крик. Люди собирались вокруг. Катя оставалась на земле, шокированная таким развитием событий. Наконец крикнула брату:

— Игорь, отпусти его, пожалуйста!

Игорь сразу прекратил избиение, посмотрел на сестру, помог ей подняться под взоры многих набравших зевак. Потом обратился к еле живому пацану, скулящему на земле:

— Будешь знать, как девочек трогать! И тем более, как трогать мою сестру!

После этого, Игорь чудом избежал постановки на учёт в комиссии по делам несовершеннолетних, но вместо этого встал на учёт в детском психиатрическом диспансере.

Кстати, о той компании, в которой он был. Непонятно как он с ними связался, но это была настоящая шпана, промышлявшая мелким воровством, разбоями, драками. Игорь стал самым младшим среди них. При этом прочно удерживал далеко не нижнюю ветвь в их иерархии. Они напивались вместе дешёвым алкоголем, курили, нюхали клей и занимались неизвестно чем ещё. Игорь разделял все их увлечения. С гордостью рассказывал об их совместных похождениях Кате, говорил, что они считают его самым «отбитым». Звал её гулять с ними, но она всегда твёрдо отказывала.

Отец начал нещадно пороть Игоря за все его похождения, за прогулы школы, появления дома в явно нетрезвом виде, за химический запах, которым Игорь провонял весь дом. Мать всегда защищала Игоря, аргументируя тем, что их сын болен и с ним так нельзя. Хотя, его припадки от чего-то становились всё реже.

Родители ругались между собой, ругали Игоря. Мать, не понятно почему, будто в упор не замечала свою дочь, а если и замечала, то злобно и беспричинно срывалась на ней. Катя росла, закрывая голову подушкой, чтобы не слышать родительских скандалов. Притворялась спящей, когда к ней в комнату ночью заходил обнюханный или пьяный Игорь, и каждую ночь надеялась вновь оказаться в своём чудесном домике из сна.

Однажды Игорь позвал Катю прогуляться вдвоём. Со своей компанией он поругался и не хотел с ними больше видеться. С одноклассниками, которых называл «дефективными», он дружбу не водил. У него осталась только сестра. Игорь пообещал ей показать свой самый большой секрет.

Они пошли к теплотрассе, брат провёл её через грязь, мусор и кусты к неприметному, сделанному из веток, коробок и соломы шалашу, располагавшемуся в укромном местечке: между забором промзоны и большой водосточной трубой, закрывающей шалаш со стороны дороги. Испытывая нехорошее предчувствие, Катя двигалась вслед за братом.

Вопреки её опасениям, внутри шалаша было довольно уютно: у стены стоял старый, потрёпанный диван, на полу разбросаны журналы, на покосившейся тумбочке покрывался грязью и пылью старый кассетный магнитофон. Имелся даже красивый, каплеобразный светильник на батарейках, горевший загадочным, переливающимся разными оттенками синего светом. У другого угла лежал грязный матрас; в углу валялись бутылки из-под алкоголя, наполненные окурками; пустые упаковки от клея и прочий мусор; пол уложен фанерой и досками, поверх которых лежал старый потрёпанный красный ковёр, осыпанный соломой. Катя не сдержала улыбки, увидев домашние, отцовские тапочки, в поисках которых он совсем недавно перевернул всю квартиру вверх-дном. А на самом диване восседал совсем новенький, чистый, видимо, недавно здесь поселившийся большой плюшевый медведь.

— Прикольно! Это ты сам всё сделал? — Спросила Катя и обомлела. Она не сразу заметила подвешенную к довольно высокому для шалаша потолку мёртвую кошку с петлёй на шее.

— Неа. Пацаны давно его сделали. Но ты не бойсь, они сюда не ходят больше, у них в подвале новая точка. Вот там прикольно. А это сейчас моя берлога. Ну и твоя, если хочешь! — Игорь, хихикая, начал разгребать какие-то коробки напротив мусорки. Катя не могла оторвать взгляд от мёртвой кошки. Она не испугалась и даже не ощутила омерзения или жалости. Скорее, просто удивилась. Игорь часто говорил ей о насилии, и, наверное, Катя всегда ожидала, что братец отчебучит рано или поздно нечто подобное.

— Кошка... Это ты её повесил?

— Ах, да, давно её надо было снять уже и выкинуть, а то воняет, да всё чёт

обламываюсь... Смотри, Катюха! — Катя действительно почувствовала тошнотворную вонь разложения. Она подошла поближе к брату.

Закиданная коробками в импровизированной клетке лежала полуживая, до предела истощённая, не раз, видимо, избиваемая собачонка. Она уже не могла даже скулить, лишь похожий на хрип звук едва исторгался из её пасти. Катя узнала животное, хоть это и оказалось не так-то просто.

— Это же собака наших соседей, Фёдоровых! Они ведь ещё объявления о пропаже расклеивали недавно. Игорь...

— А чё она на меня лаяла всё время, тварь?! Теперь будет знать.

С довольным, будто бы на именины, лицом Игорь переводил взгляд с сестры на едва способное дышать животное и обратно. Катя не знала, как реагировать.

— Ты же предкам не расскажешь, да, систер?

— Не расскажу. Игорь, я не могу на это смотреть, — Катя отвернулась и опустилась на диван. Обняла медведя, который уже успел провонять табаком. Она понимала, как это всё неправильно. Она понимала, что должна была рассказать об этом родителям. Но в то же время, это было бы самое настоящее предательство родного брата. Ведь он доверил ей свою самую большую тайну. Кроме того, Катя с удивлением обнаружила, что ей движет нарастающее любопытство и возбуждение.

— Жалостливая ты, добрая чересчур. Собаки — жалкие, вонючие твари, да и кошки тоже, — с глупой улыбкой он помахал рукой едва покачивающемуся в петле кошачьему трупику. — Чего их жалеть, гадость эту? Только стресс снимать на них. Вот наш батя, для примера. На работе его затрахают или любовница не даст — так он на мне отрывается. И ничего, нормально. А я вот на этих тварях отрываюсь. И это правильнее! Детей бить нельзя. Я своих — никогда пальцем не трону!

— Ты меня ударил на прошлой неделе... Стой, что? С чего ты взял, что у папы кто-то есть?

— Ну да. Я слышал, как они щебечутся с ней по телефону. Причём мама в это время дома была! Вот наглый козёл, да? Да и мамка догадывается, если вообще не уверена уже. Эх ты, девчонка! Живёшь в своих розовых очках, дурочка.

— Я не дурочка! Просто я не знала.

— Да забей. Разведутся — нашим легче. Ништяков больше будет. Да и этот, наверное, меня трогать перестанет. Мамка на тебя внимание обратит наконец-то, хех. — Игорь усмехнулся, достал из кармана нож-бабочку и начал тыкать им в собаку. Не прокальвая шкуру, просто убеждаясь, что та ещё может реагировать. Животное стало издавать чуть более громкий хрип.

Катю задел этот разговор. Она понимала, что в их семье давно что-то не так. Но то, что именно он, её полусумасшедший брат откроет ей глаза — девочка никак не ожидала. Положив подбородок на голову медведя, она вглядывалась в импровизированную дверь шалаша, которой служила часть коробки из-под холодильника. Почему-то ей остро захотелось тогда, чтобы эта дверь открылась, вошёл папа, забрал её, пожалел, и всё-всё объяснил, успокоил. Как он это всегда замечательно умел.

— Так чё с псиной делать будем? Она скоро помрёт уже. Подождать или проявить милосердие?

Катя встала и пошла к выходу, не оборачиваясь назад, бросила:

— Прояви милосердие и кошку прихвати. Тут и правда воняет.

Игорь тогда прирезал собаку. Потом шёл за сестрой, в обеих руках держа по мёртвому животному и оставляя за собой кровавый след. Они выкинули трупики в канаву неподалёку.

После этого и до события, предвещавшего развод их родителей и полный раскол семьи, Катя с Игорем стали самыми близкими людьми. Игорь, польщённый полным принятием его таким, какой он есть, более никогда (почти) не поднимал на неё руку. С ней наедине становился весел и общителен, с увлечением делился своими мыслями, идеями, мечтами. И как же они были отвратительны, жестоки и циничны!

К Кате начал проявлять симпатию её одноклассник. Она была не против. Они погуляли пару раз и даже поцеловались. Но об этом быстро проведал Игорь. Поначалу он не выразил открытой ревности и даже не говорил никогда о том пареньке, но факт остаётся фактом: её старший брат чем-то напугал ухажёра, и тот больше и близко не подходил к девочке, всячески избегая её и упорно отказываясь хоть что-то объяснить. Слухи разошлись, и Катю, как сестру того «Отбитого», стали избегать одноклассники, потом и дворовые подружки. Кроме Игоря, у Кати почти не осталось друзей. Но, вероятно, здесь сыграла свою роль не только тень стоящего за ней больного старшего брата, но и происходящие под его влиянием изменения и её, Кати, внутреннего мира, характера и образа мыслей.

Отношения между родителями в это время окончательно испортились. Отец почти не бывал дома, ссылаясь на занятость по работе и постоянные командировки.

Его отсутствие радовало Игоря, который тем временем со скрипом поступил в ПТУ и нашёл там новых друзей. Он каждый день пропадал в их компании, вечно приходя домой в состоянии, которого едва хватало, чтобы добраться до своей кровати.

Мать вымещала всю свою злость и обиду на дочери, возложив на неё практически все обязанности по дому. И несмотря на все старания Кати угодить матери, добиться от неё, если не похвалы, то хотя бы молчаливого одобрения, девушка всё равно получала лишь критику и оскорбления в свой адрес. Даже продолжая прилежно учиться, не разделять увлечений брата алкоголем и наркотиками и покорно помогать матери, она всё равно оставалась нелюбимым ребёнком. Катя чувствовала, как рушилась её самооценка, развивались комплексы и всё чаще ловила себя на том, что стала разделять безумные взгляды брата. Тот лишь изредка заступался за сестру, защищая её от матери. В основном же оставался равнодушным, да и дома бывал нечасто. Но стоит отдать ему должное — Игорь никогда не позволял матери поднимать руку на Катю.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Девочка начала курить, что добавило ещё больше поводов для придирок от матери, которая при этом откровенно игнорировала постоянные вольности сына. Юная Катя скучала по отцу, который, когда находился дома, всегда был особенно ласков с ней, поддерживал, дарил подарки. Это время становилось для девочки настоящим праздником. Он устроил ей самое радостное четырнадцатое день рождения. Забрал её из дома на весь день, водил в парк аттракционов, кино, кафе, подарил дорогой мобильный телефон и позволил ей купить любую понравившуюся одежду. А после, когда нужно было возвращаться домой, остановил машину рядом с подъездом, не желая расставаться с дочерью. Катя просила отца остаться хотя бы сегодня дома, но тот ответил:

— Катя, ты уже не маленькая. Должна сама понимать, что больше мы не сможем жить с твоей мамой. Скоро я уже не буду появляться дома. Поэтому, нам нужно с тобой серьёзно поговорить.

— Папа! Я не хочу, чтобы ты нас бросил, почему именно сегодня ты должен об этом

говорить?!

— Катя, я тебя никогда не брошу. Ты всегда будешь моей любимой Катюшей, но с твоей матерью я жить больше не могу, понимаешь? Я старался, изо всех сил старался сохранить семью, но после того, что стало с Игорем... Всё обрушилось, как карточный домик.

— И поэтому ты нашёл любовницу и уходишь от нас к ней? Да, папочка?! — слёзы начали выступать на глазах Кати. Она заметила, как поменялся в лице от неожиданности обвинения её отец.

— Что? Откуда ты знаешь? Ах, это неважно. Наверное, Игорь тебе сказал... — отец устало тёр глаза некоторое время, потом тихо сказал. — Катя, я клянусь тебе, у меня никого нет.

— Но Игорь слышал, как ты с ней разговаривал!

— Игорь — слышал! Боже, дочь! Психиатр мне в общих чертах рассказывал, что слышит наш Игорёк, и, поверь, лучше тебе этого не знать. Скажи мне, ты не замечаешь в нём чего-то, что, хм, вызывает у тебя опасения?

— Игорь — мой брат! Он единственный, кто ко мне хорошо относится, не то что эта... — ругательство в сторону матери едва не сорвалось с Катиного языка, но она вовремя осеклась. Отец вскинул бровь.

— Мать обижает тебя? — Катя опустила голову, слёзы лились ручьём, она старалась сдерживаться изо всех сил, чтобы с рыданием не броситься на шею к отцу. До этого дня она не могла вспомнить, когда последний раз плакала. На папин вопрос она лишь едва заметно кивнула.

— Я поговорю с ней, обещаю. Всё наладится, котёнок. Ну, чего ты? — отец крепко обнял её и продолжил, глядя по голове:

— Это плохо, как с тобой обходится мать, но пойми, — ей тоже тяжело, хоть это её и не оправдывает. Она не может справиться ни с Игорем, ни со своими проблемами. Поэтому и вымещает зло на тебе. Но всё равно, мама тебя любит, и ты всегда будешь для неё любимой дочкой. Сейчас трудное время для нас. Для всех нас. Я обязательно постараюсь до неё достучаться. Но мама, как по мне, не главная наша проблема. Пожалуйста, скажи, Игорь ведёт себя нормально? Он не обижает тебя, не рассказывает что-то такое, ну, например, связанное с жестокостью или насилием? Он перестал со мной общаться, я не могу спросить этого у него. Ты должна знать — у твоего брата, Катя, есть серьёзные проблемы. Ему нужно лечиться, понимаешь? Мать дальше своего носа ничего не видит, но если не обращать внимания, не следить за ним, то он может стать даже опасным. Слышишь, дочь?

Слёзы прекратились. Катя понимала, чего хотел от неё отец. Предать родного брата. Того, кто был так добр к ней, поддерживал её, защищал от нападков матери. Катя знала, что тот шалаш уже походил на живодёрню, и там начали появляться вещи, которых там быть не должно. А разговоры с ним становились всё более безумными, особенно когда Игорь находился под чем-то. Катя была уверена, что её брат действительно имеет проблемы с головой, но совершенно не опасен. По крайней мере, для неё. Сейчас, спустя годы с того дня, Катя понимала, что от её ответа зависела вся её дальнейшая жизнь и всё могло пойти по совершенно другому сценарию, если бы она обнаружила в себе силы сказать правду. Но тогда она лишь тихо и монотонно, как скороговорку, произнесла:

— Нет, папа. С Игорем всё хорошо. Он заботится обо мне, защищает от мамы, даже в училище ходит и учится, более-менее. Игорь хороший.

— Если это так, то здорово. Одной головной болью меньше. Но Катя, если будет хоть

какой-то повод, хоть что-то, что заставит тебя нервничать в поведении брата — сразу позвони мне и всё расскажи, хорошо? — Катя снова чуть заметно кивнула.

— Катюша, это серьёзно, пообещай мне.

— Обещаю, пап! Может, сегодня останешься хотя бы на ужин?

— Извини, дочка, не могу.

Катя уже открыла дверцу машины и собралась выходить, но отец дотронулся до её плеча:

— Подожди, Катя. В общем, у меня скоро с работой полегче станет, появится времени побольше свободного. И я подумал, что хочу снимать квартиру. И я буду всегда рад тебя видеть в гостях. Ну и Игоря зови. Хотя и вряд ли он пойдёт. Да и вообще, можешь и пожить у меня. Никаких проблем.

Катя заулыбалась. Это означало возможность наконец вырваться из всего мрака вокруг, жить своей жизнью, жить с любимым папой. Она с радостью смотрела в глаза отцу, ожидая продолжения.

— Какой у тебя взгляд, всё-таки! От ухажёров отбоя не будет. Так вот, я хочу тебя спросить. Если, даже вернее, *когда* мы разведёмся, я бы хотел, чтобы ты стала жить со мной. Что скажешь? Я понимаю, что здесь у тебя все условия, школа рядом, подруги. Это тяжело — переезжать. Но ты ведь сильная девочка, ты справишься.

Катя радостно засмеялась, едва по-детски не захлопав в ладоши, и бросилась с благодарными объятиями к отцу. И, если в мыслях тысячи голосов кричали «да», то что-то бесформенное и тёмное с лицом Игоря посередине вспышкой возникло в голове и заставило её практически сразу отстраниться и ответить:

— Было бы здорово, па! Но это непросто, мне надо подумать.

Концовка того дня выдалась безрадостной. Мать, напившись, видимо из-за дня рождения дочери, побила её, едва она успела доесть кусочек торта. Игоря в этот момент дома не было. Он пришёл поздней ночью. От него отвратительно воняло, и эта вонь разбудила Катю. Брат стоял, покачиваясь, у её кровати, держал в руках коробку, неумело перевязанную подарочной красной ленточкой.

— С днём рождения, Катюха! Вот, подарочек принёс. — Игорь положил коробку на кровать и вышел на заплетающихся ногах, не дожидаясь, когда она откроет свой подарок. Катя включила свет, без особого интереса развязала ленточку и открыла коробку. Там лежала отрезанная кошачья голова.

Случай, окончательно расколовший семью и ускоривший переезд Кати к отцу, случился через месяц после её дня рождения. Мама уехала в гости к своей сестре на весь день, оставив сына за старшего. Кстати, видимо отец и правда поговорил с ней, а может быть, она и правда жалела о своей пьяной выходке, когда подняла руку на ребёнка. Отношение к дочери улучшились. Теперь это было почти полное её игнорирование. Катю всё устраивало.

В этот день Катя как обычно вернулась из школы, сделала уроки, занималась привычными делами. Игоря дома, конечно, не было. Вечером девочка смотрела телевизор и собиралась уже ложиться спать. Входная дверь открылась и домой, гораздо раньше обычного, явился её братец. Сперва ей показалось, что с ним всё в порядке. Игорь зашёл уверенной походкой, поприветствовал твёрдым голосом, никаких посторонних запахов не производил. Спокойно сел на диван рядом с сестрой. Какое-то время они молча смотрели телевизор, но потом Катя почувствовала, что брат пристально вглядывается в неё. Она повернулась и увидела, что его глаза полны нездорового блеска и налиты кровью.

— Что?

— Все бабы — суки! Мерзкие, грязные суки!

— Что-то случилось, Игорёк? Тебя кто-то обидел? — Катя чувствовала, как всё нарастал внутри настоящий, животный страх, потому что в этот раз брат всем своим видом источал угрозу. Казалось, что рядом с ней сидел чужой человек, который всеми фибрами души ненавидел Катю. В его глазах, в этих чёрных расширенных зрачках, она видела своё отражение — маленькую, напуганную девочку.

Игорь набросился на неё, выкрикивая ругательства. Пытался стащить с неё одежду, другой рукой сжимая горло. Катя отчаянно кричала, колотила его кулаками, брыкалась изо всех сил. Ей удалось вырваться и отбежать. Брат с рычанием снова бросился на неё, повалил с ног, их борьба продолжилась уже на полу. Игорь не был особо физически развит, его образ жизни так же не придавал ему сил, но всё равно, Катя была слишком хрупка и слаба, чтобы долго сопротивляться ему. Он сорвал с неё штаны вместе с трусиками, пытался её зафиксировать, раздвинуть ножки. Катя отчаянно сопротивлялась, но это было всё труднее. Она почувствовала, как что-то настойчиво елозило по её промежности.

И тут невероятная сила, как котёнка, отбросила Игоря от девочки. Он растерялся на долю секунды и, увидев своего обидчика, бросился на него.

Катю спас отец. Узнав, что мать оставляет детей одних, он почувствовал себя просто обязанным вечером приехать к ним. Его рука уже тянулась к звонку, когда он услышал через дверь крики дочери. Открыв дверь ключом, он забежал в квартиру и увидел всю эту мерзкую и жуткую сцену.

Игорь, даже наполненный своей безумной яростью, всегда старался выбирать жертв заведомо слабее. Его попытка подраться с отцом — взрослым, сильным и высоким мужчиной, — естественно, оказалась очень глупой затеей. Катин папа безжалостно избил сына: сломал ему нос, выбил пару зубов, сломал два ребра и оставил бесчисленное количество синяков и ссадин. Игорь верещал и ревел от боли, умоляя отца остановиться, кричал: «прости, прости», то ли обращаясь к отцу, то ли к Кате. А девочка, надев обратно штаны, забилась в угол, беззвучно трясясь и плача. Не могла, да и не хотела прерывать увлёкшегося воспитанием отца.

Спустя десять лет, взрослая Катя скривила лицо от нахлынувшей грязи тех воспоминаний.

«Да уж. Такое себе детство».

Девушке захотелось выпить. Налив себе вина, она бесцельно переключала каналы телевизора, надолго не останавливаясь ни на одном. Налила новый бокал, дав себе обещание, что на сегодня он станет последним. Позвонили с работы.

Отец отдал Екатерине одну из своих автомоек и небольшой сервис-центр. Управление её не особо утруждало. Она легко справлялась со своими обязанностями. Отец с гордостью смотрел на родную дочь, которая становилась достойной наследницей его бизнеса. Хоть и саму наследницу этот бизнес совершенно не интересовал.

В данный момент её интересовал Андрей. Она позвонила ему, но кроме череды длинных гудков ничего не услышала. «Да, всё правильно» — подумала она. Теперь остаётся лишь ждать. Она отправила ему сообщение, что тот может прийти вечером в гости, если захочет. Самой Екатерине нужно было ещё съездить в город по рабочим вопросам. Два выпитых бокала вина её совершенно не волновали. Принимая ванну, она закрыла глаза и вернулась к своим воспоминаниям.

В день неудавшейся попытки изнасилования собственным братом кончилось её детство. Отец повёз избитого Игоря в больницу, страшаясь последствий своего поступка. Но изумился, когда сын сказал врачам, что его избили какие-то отморозки на улице. В тот же день Катя переехала жить к отцу. На следующий день к ним пришла мать, начала орать на своего мужа за то, что он так сильно избил Игоря. Она даже слушать не хотела, что послужило причиной избиения. Наконец, Катя не выдержала и накричала на мать, не стесняясь в выражениях. Той оставалось лишь ретироваться.

Развод их родителей прошёл быстро. Игорь остался жить с матерью, Катя с отцом. Девочка радовалась своей новой жизни. При разговоре с Андреем она соврала — никогда её не посещали мысли о самоубийстве, даже в самые тяжёлые минуты.

Игорь около двух недель провёл в больнице. Отец строго запретил дочери навещать его и расстроился, только лишь от одного желания дочери сделать это. Но Катя всё-таки тайком навестила Игоря. Тот сразу извинился, уверил её, что ему очень жаль и он не знает, что тогда на него нашло. Говорил о девушке, которая ему очень нравилась, но категорически отказала в близости, вдобавок ещё и унизив его. Катя сверлила брата глазами, почти ничего не говоря, пока он старательно оправдывался, извинялся, чуть не плача. Тот самый взгляд, каким она смотрела на него, после, вошёл в привычку. Наконец она сказала ему, что не хочет его больше никогда видеть, что он долбаный психопат, которому место либо в тюрьме, либо в дурдоме, и пусть он молит бога, чтобы она не рассказала всем про шалаш.

Вскоре их общую квартиру продали. Большую часть выручки получила мать, после чего переехала с Игорем в её родной город. Катя никогда больше не встречалась со своей матерью.

Она перешла в другую школу, где к ней сразу прилип ярлык «странной», и это определение в отношении к ней стало самым распространённым в дальнейшей её жизни.

После случая с Игорем, она твёрдо решила, что раз её детство закончилось, то и Катя-ребёнок окончательно умерла. Она никогда больше не будет жертвой, никто больше не станет оказывать на неё влияния. Теперь она — Екатерина, и она будет круче всех этих жалких и мерзких людишек.

Катя была не глупа, внимательна и прозорлива, она быстро научилась манипулировать людьми, всегда добиваться своего. Выросший в ней крайний эгоизм, в совокупности с пережитым влиянием циничных, жестоких мыслей своего больного брата и развивающемся богатым внутренним миром, полным маний, фантазий и влечений полностью преобразовали Катю. Ту Катю — маленькую, безобидную, глупую девочку, которой она была в загородном домике, мог видеть только её отец дома, и то с возрастом всё реже и реже. Катя научилась набрасывать на себя множество масок, какие ей были выгодны в той или иной ситуации.

У неё появилось хобби — плести интриги, манипулировать людьми. Заставить мальчика влюбиться в девочку, хотя до этого они и не обращали друг на друга внимания, а после, когда они становились парой, Катя словечком тут, слушком там, заставляла их ругаться и расставаться, ненавидя друг друга. Или ещё проще — заставить двух парней подраться. Испортить репутацию местного лидера класса или заставить всех поверить, что первая красавица работает проституткой. И никто не мог изблечить эту странную девочку. Она вроде никогда и не была на первом плане, и большим количеством друзей не обладала, и всё вроде чаще молчала и зыркала на всех из своего угла, но всё-таки непременно именно она оказывалась неподалёку от всевозможных подростковых скандалов. И игры её становились всё более жестокими. И всё большее удовольствие и удовлетворение она от них

получала.

Подруг у неё было немного. А настоящих подруг не было вовсе. Кроме, пожалуй, её бывшей соседки — Ольги.

У них была удивительно схожая судьба. Родители в разводе, непростые отношения с матерями, у обоих они часто выпивали. А вот отцы души не чаяли в своих дочках. Но Оля жила с матерью. И даже брат у неё был не от мира сего. До Игоря, конечно, далеко. Кирилл был просто подверженным депрессиям меланхоликом и однажды покончил с собой из-за неразделённой любви или, чёрт его знает, по какой ещё причине. Тогда Кате очень польстило, что Ольга рассказала ей об этом самоубийстве и попросила сохранить это в строгом секрете. Удивляясь самой себе, Катя сдержала своё обещание.

Оля всегда вызывала большой интерес у Кати. Она любила болтать с ней, слушать её секретки и жалобы. Особой забавой было попросить Олю прочитать молитву. Катя вскоре несдержанно и громко хохотала, сбивая подругу. Та осуждающе пожимала плечами, постоянно говоря, что реакция Кати какая-то ненормальная. А Катя, на самом деле, в глубине души восхищалась и завидовала тому, с каким исступлением и завораживающим чувством, нараспев произносила слова Оля. Казалось (хоть подруга это всячески отрицала), что она получала искреннее удовольствие от процесса.

Порой Кате казалось, что всё-таки Оля — обычная глупая девчонка. Однако, сложно было признать в ней присутствие чего-то, вызывающего восхищение. Это было похоже на редкий в современном мире жизненный стержень, некоторый едва заметный неземной ореол.

Катя же, в свою очередь, старалась быть не особо откровенной с подругой. В частности, почти ничего не рассказывала об Игоре. Когда Оля познакомила её с Витей, Катя даже вынашивала план их рассорить. Не со зла или ревности, а ради интереса, сработает ли это с её лучшей подругой. Витя же ей сразу почему-то понравился.

Но этим планам сбыться не удалось, отец купил новую, большую квартиру на другом конце города, и они переехали туда. С Олей видаться стали редко, да и выпускной класс не оставлял много свободного времени. Катя старалась отлично учиться и тратила на своё образование, по большей части на самообразование, львиную долю времени. С лёгкостью поступила на бюджетное место, на факультет психологии. С тех самых пор сконцентрировалась в своей деятельности на психах, маньяках, насильниках и серийных убийцах. Эта тема всецело увлекла девушку, что ещё сильнее закрепило за ней ярмо «странной».

Когда Кате было девятнадцать, её мать покончила жизнь самоубийством. Брат из-за этого окончательно спятил. Катя не вдавалась в подробности, но узнала, что Игорь после обнаружения тела матери, висящей в петле, снял её и ещё какое-то время прожил с ней, будто бы ничего не случилось. От обвинения в убийстве его спас найденный дневник матери и вложенная в него предсмертная записка. Отец уехал решать судьбу сына и хоронить бывшую жену. Катя в первый раз в жизни сильно обиделась на него, потому что он ни в какую не соглашался брать её с собой. А ей, несмотря на сделанное братом пять лет назад, безумно хотелось вновь с ним встретиться и поговорить. Девушка не могла до конца откинуть ту странную связь, существовавшую между ними. К тому же, Катя к этому времени уже обладала кое-какими познаниями в душевных болезнях и пагубных отклонениях, поэтому воочию увидеть растущее обострение психоза человека, который был её единственным настоящим другом детства, стало её навязчивым желанием.

Игоря положили в психиатрическую клинику, на добровольно-принудительное бессрочное лечение. Отец снова строго-настрого запретил Кате любые попытки как-то с ним связаться или, тем более, попытаться навестить.

— Екатерина Дмитриевна, здравствуйте, ещё раз! Вы скоро подъедете? Здесь на отчётики надо глянуть, расходный лист утвердить, и позвоните уже, пожалуйста, в снабжение, насчёт того оборудования. Это уже ни в какие ворота не лезет!

— Коля, я уже собираюсь. Буду через часик максимум, хорошо? На месте и поговорим. — Не дожидаясь ответа, Катя сбросила вызов.

Она оделась в один из своих строгих костюмов с белоснежной блузкой. Вертелась перед большим зеркалом, критически себя рассматривая и обдумывая, не надеть ли что-то более повседневное. Всё равно, она больше походила на школьницу, максимум — на молодую учительницу начальных классов, чем на крутую начальницу.

«Ну, ничего с этим не поделаешь, моя внешность — моя защита. Может, для Андрея сегодня надеть что-то откровенное? То платье, которое едва попу прикрывает? Или вообще, встретить в одном белье... Или без... Эх, подруга, похоже заарканила ты себе очень любопытный экспонат. Если, конечно, он не подумал, что я потаскуха и больше никогда ко мне не придёт».

Катя отбросила последнюю мысль, как совершенно глупую, и собиралась уже нанести на лицо немного макияжа, когда раздался звонок в дверь. «Чёрт, я же написала, — вечером. Ладно, если что, возьму его с собой».

В абсолютной уверенности, что за дверью стоял Андрей, Катя направилась открывать ему, подбирая самую обаятельную свою улыбку. Но когда дверь открылась, улыбка тотчас исчезла с её лица. А взгляд приобрёл тот пронизывающий прищур и принялся буравить гостя.

За дверью стоял её брат, Игорь.

— Ну привет, сестрица! Зайти можно? — улыбался, светя желтизной своих некрасивых зубов, её брат. Странно, но несмотря на прошедшие годы, его лицо почти не изменилось. При беглом взгляде ему можно было бы дать лет пятнадцать. Но если задержать взгляд чуть подольше, становилось понятно, что он явно старше. Наверное, такой контраст создавали веснушки и по-детски открытый взгляд на его лице. Но всё равно, лицо его было осунувшемся, с мешками под глазами, и, если надолго сосредоточить на нём взгляд, становились заметны нервные и тревожные подёргивания губ. А вот золотые шикарные локоны, которые были у него в детстве, он сбрил, оставив только короткий светлый ёжик. Если бы не высокий рост, он бы и впрямь смахивал на пацана-беспризорника.

— Зачем ты пришёл? Я говорила тебе не заявляться сюда без моего разрешения! А что, если бы отец был дома?

— Я был в его офисе, мне сказали, что его нет в городе. Мне кажется, или ты не рада меня видеть?

Катя повернулась, махнула рукой, приглашая его зайти. Сама направилась в комнату, бросив через плечо:

— Идиот, телефоном пользоваться разучился? Зачем в офис попёрся? Ладно хоть причёску поменял — мозгов хватило.

— Ну не всё же с этими лохмами ходить? Эх, сестрёнка, всё-таки здорово вы живёте! Не то, что моя халупа, — Игорь вольготно развалился на диване, оглядывая большую комнату. — Выпивкой не угостишь?

— И думать забудь. Пей те таблетки, которые я тебе дала, они заменят алкоголь. — Катя встала напротив брата, набрала номер Коли с работы, не вдаваясь в подробности, предупредила, что приедет через два часа, а не через час, как обещала.

— Ты прямо настоящая бизнес-леди! Такая вся из себя: «я задержусь, без меня ни туда-ни сюда». Молодцом! А я тебя помню, как ты с куколками играла. Домик Барби у тебя очень крутой был, ну для девочки шести лет, конечно.

— Да, а я помню, как ты мне кошачью голову подарил. О чём ты вообще тогда думал? Лучший подарок для девочки на четырнадцать лет? — Катя нервно металась по комнате, крутя в руках телефон. Внезапное появление Игоря совершенно не входило в её планы. «Чёрт, почему было не посмотреть в глазок, прежде чем открывать. Хотя, если было бы что-то важное, он бы торчал у двери весь день. Нужно быстрее решить с ним все вопросы».

Игорь рассмеялся новым, истеричным, раздражающим смехом — наследством его пребывания в лечебнице.

— Да я тогда упоролся и решил тебя удивить. Помню ту ночь. Так и чесались руки. А там ещё в переулке девчонку видел, которая по телефону трещала. Думал забрать, тебе подарить. Но она меня знала, поэтому не стал. Тебе всё равно батя покруче подарил. А та кошка мне просто дорогу перебежала.

— Она же была белая!

— А какая разница? Катюха, дай пожрать чего-нибудь, если уж выпить нельзя.

— Говори прямо, зачем ты сюда пришёл, Игорь? Я тебе просто так квартиру снимаю, деньги даю? Если я тебе сказала, что сама с тобой свяжусь, значит свяжусь сама!

Игоря выпустили из лечебницы пару месяцев назад. Девать его было некуда, поэтому отцу не оставалось ничего другого, как ехать за ним в другой город и везти домой. Екатерина уже не была девочкой, которой можно было сказать категорическое «нет», поэтому она поехала с ним, забирать своего братца. Отец переживал о близящемся воссоединении семьи, о реакции дочери на человека, чуть было не изнасиловавшего её в детстве. И никак не мог понять, почему же она так жаждет этой встречи.

Вместо Игоря им отдали безвольного вялого овоща, которому нужно было просто питаться таблетками. У него была заторможенная реакция, отсутствующе-бегающие глаза. Сам он выглядел просто ужасно: чудовищно худой, веснушки чередовались с гнойными прыщами, длинные, грязные, неухоженные волосы падали на лицо. Но Игорь всё равно узнал своих родственников. Сначала долго вглядывался в Катю, а потом его рот расплылся в подобие улыбки. Отца он узнал чуть позже.

— А чего это вы меня не навещали, а? — был первый его вопрос, произнесённый каким-то чужим, заторможенным и лишённым малейших эмоций голосом. И вопрос был вполне справедлив.

Игорь недолго прожил с ними. Скрипя сердцем, отец позволил Кате ухаживать за ним самой, без помощи медработников. Казалось, что он и вправду стал нормальным. Ну, по крайней мере, не вызывающим опасений. Днём это был его сын. Чуть заторможенный, но не проявляющий ни странностей, ни агрессии. Всегда вежлив, улыбчив. Даже через неделю своего проживания попросил отца дать ему работу. Это казалось добрым знаком. Но каждую ночь он будил всех самым настоящим звериным воем и истеричным плачем. Только Катя могла его успокоить. Ночные приступы надоели отцу, и он пошёл на встречу сыну, устроив его автомойщиком на одну из своих точек. Отцу казалось, что, наработавшись, он будет спать крепче. Но план не удался.

На мойке он всячески отлынивал от работы, затевал драки, хоть с ним, конечно, никто не связывался. Ругался, пил, и, наконец, украл из машины, которую мыл: прикуриватель, пачку сигарет, упаковку жвачки, освежитель воздуха и коврик с заднего сиденья. Зачем? Он сам не знал. Видимо, дать повод его уволить. А его психическое здоровье всё ухудшалось. С отцом он почти перестал разговаривать. Без причины начинал заходиться в безумном хохоте. Постоянно просил налить ему выпивки. Абсолютно не следил за внешним видом. Приставал с грязными намерениями к проходящей к ним убираться пожилой домработнице. Ходил побольшему в ванну.

Это ухудшение в поведении сына крайне беспокоило хозяина дома. Пусть, пока это была, в сущности, ерунда, но риск, что через какое-то время Игорь полностью потеряет над собой контроль, нельзя было исключать. Отец убедился в этом на горьком опыте, в тот страшный день, много лет назад.

Катя говорила, что Игорю просто нужно дать время адаптироваться, прийти в себя. Доказывала ему, что Игорь уже совсем другой человек. Просто он привык к суровым условиям лечебницы и порой ему кажется, что он до сих пор там. Катя уверяла, что лично следит за тем, чтобы он пил таблетки. Клялась, что Игорь действительно принимает все лекарства строго по расписанию. Отец верил ей. Действительно, видя отношение Игоря к Кате, как внимательно он её всегда слушал и беспрекословно подчинялся, какими

щеничьими глазами смотрел на неё, трудно было представить, что он мог замышлять причинить новое зло своей родной сестре.

Но вот в один вечер, когда Игорь уже крепко спал (в последнее время его ночные кошмары прекратились), Катя присела рядом с отцом. Он улыбнулся ей и продолжил работать за компьютером.

— Папа, нам нужно серьёзно поговорить. Об Игоре. — Отец сразу же отвернулся от монитора и посмотрел на дочь, которая выглядела встревоженной.

— Что случилось?

— Мне кажется, что он всё-таки не до конца выздоровел. Сегодня он признался мне, что думал об убийстве человека. — Отчеканила Катя. Глаза отца округлились, он снял очки, закрыл глаза, прижав руку ко лбу.

— Я всегда боялся, что рано или поздно это произойдёт. Что именно он сказал?

— Он спросил, если он убьёт Тамару Павловну, нашу горничную, покроем ли мы его?

— Боже! Что теперь делать, куда звонить? О, господи, надо предупредить как-то Тамару! Что ты ему ответила?

— Разумеется, я сказала ему, что убивать никого нельзя, и если он совершит убийство, то обязательно попадёт в тюрьму, а там его лечебница будет казаться настоящим раем.

— А он что?

— Вроде испугался, но я не уверена. После такого заявления мне стало страшно.

— Завтра же отвезём его в наш диспансер. Почему таблетки не действуют? Помнишь — когда его забирали, — он был вылитый овощ!

— Я не знаю, папа. Слушай, помнишь Гусеву, мою одноклассницу? Так вот, у её отца есть большой реабилитационный центр, для людей в кризисном состоянии. Там не так сурово, как в его старой лечебнице, но в ней, правда, помогают, а не сжигают мозги таблетками.

— Ты хочешь направить его туда? А там достаточно безопасные условия?

— Уверена, ему там понравится, и он будет в полной безопасности. Только надо на этот раз его навещать, помогать ему выздороветь. У него болезнь, и болезнь эту надо лечить, папа.

— Вообще-то, я спрашивал про безопасность для других людей от него... Хорошо, если ты уверена, что это может ему помочь, давай съездим туда на выходных. Пускай посмотрят.

— Они уже готовы его принять, тебе только нужно подписать эту бумагу. Я уже оплатила ему первый год лечения. — Катя протянула бумаги, отец вернул очки на место и начал внимательно читать условия, но дочь отвлекла его.

— Кстати, вряд ли ты завтра сможешь его отвезти. Конец квартала, совет акционеров, не забыл?

— Это может подождать. Сын для меня важнее.

— Я понимаю, но тебе, правда, не стоит беспокоиться. Я сама могу прекрасно со всем этим справиться. К тому же, ему со мной будет спокойнее.

Это было правдой. Отец часто слышал, как дети о чём-то переговариваются, и, в основном, говорит Катя, порой повышая голос, что-то доказывает брату. А Игорь внимательно слушает, лишь иногда полушёпотом отвечая сестре. Их связь стала очень сильна, и родитель понимал это.

— Ох и шустрая ты у меня, Катюша! И добрая, и умная! Молодец! Вся в меня. Хорошо, вези. Даю добро. Сегодня понедельник, вот в выходные тогда и навестим. — Он поставил

свои росписи в нужных местах документа, вручил его обратно Кате.

— Что это вы тут заговоры строите? Убить меня задумываете? Живым не сдамся! — на пороге появился сонный Игорь, оглядывая своих близких тупым, будто задурманенным взглядом и глупо ухмыляясь. Неожиданно его белоснежные трусы начали намочить, на паркет по его ноге стекала моча. Он посмотрел себе под ноги, помрачнел, нахмурился и пробормотал:

— Это всё из-за ваших таблеток дурацких!

— Игорь! Иди в ванную, немедленно! Папа, сиди, я всё сама уберу!

* * *

Катя продолжала ходить взад-вперёд по комнате, глядя на развалившегося на диване Игоря, с лица которого, как приклеенная, не сходила дурацкая усмешка.

— Что ты мельтешишь, Катюшка? Сядь, расслабься. Сама она свяжется! Будто я один из твоих дебилов на мойке. А я твой братец, прошу любить и жаловать. А вообще, ты знаешь, зачем я пришёл. Мне нужно ещё.

— Расслабиться, говоришь? Пожалуй, да, нужно расслабиться. Иди посмотри, что есть в холодильнике. Я тебе не горничная на стол накрывать.

Игорь вразвалочку направился к холодильнику, а Катя пошла к бару и налила себе третий бокал вина. Из кухни доносился голос братца:

— Чего мы ждём-то? Как всё классно прошло в тот раз! Только я не совсем удовлетворился, мне бы ещё одно такое дельце. Только не хочу опять косить под этого твоего. Я хочу быть самим собой. Разве это плохо? О, Катя! Я курочку доем?

— Жри. Ты понимаешь, что прошло ещё слишком мало времени? От меня только недавно отстали, и то неизвестно насовсем или нет. Если мы хотим жить, нам нужно быть очень осторожными.

Игорь поставил остатки курицы разогреваться в микроволновку, показался на том самом пороге, с которого не так давно Кате пришлось вытирать лужу его мочи. Он, уже не улыбаясь, смотрел на неё.

— Я вижу, — ты очень осторожна. Так осторожна, что осторожно носишь ЕЁ серьги!

* * *

В тот день, когда было решено везти Игоря в реабилитационный центр, Катя вместо этого приехала в один из тихих, удалённых спальных районов города. Привела брата в маленькую квартирку в одном из одинаковых, серых и непримечательных домов, оставила немного денег на первое время и, строго-настрого запретив покидать пределы этого района, уехала в клинику.

Карина Гусева была одной из её «подружек» по студенчеству, и, действительно, её отец владел тем самым центром, в который должен был попасть Игорь. Но Екатерина решила по-другому. Однорукница сначала наотрез отказалась записывать в пациенты человека, который даже ни разу не перешагнёт порог клиники. Но, в конечном итоге, прониклась слезливой ложью Кати, что, на самом деле, её брат абсолютно нормальный человек, но её

отец постоянно третирует, унижает и даже избивает сына. Наверное, потому что сын, а не дочь, остался с матерью. Катя уверила её, что очень боится, как бы отец не убил или не нашёл другой способ избавиться от брата. Например, через свои связи посадил его в тюрьму или в психушку, в самую настоящую, где из него сделали бы зомби. Доверчивая, наивная и откровенно глупая Карина лишь моргала накладными ресницами и, поверив в этот бред, согласилась принять в стационар пациента-призрака. Какой бы она дурёхой не была, но статус дочки хозяина центра помог ей занять руководящую должность.

Всё прошло как по маслу. Катя предупредила её, что, если приедет отец, тянуть время и немедленно позвонить ей.

Екатерина возвращалась домой в состоянии невероятного эмоционального подъёма. Её план удался без сучка без задоринки. Теперь у неё был собственный, привязанный на цепь монстр. Осталось лишь проверить тот безумный, изоцрэнный план, который она задумала месяцы назад. И её брат становился лучшим инструментом для этого.

По приезду Игоря из лечебницы, Катя в первый же день стала снижать дозировку его таблеток. Вскоре, её брат полностью прекратил их приём. Начал приём других, которые давала ему Катя. Из-за них шло лишь обострение его болезней. Но в то же время, с ними он легче поддавался внушению и программированию его нездоровой психики на полное послушание своей сестре, путем формирования в его мозгу беспрекословного авторитета сестры — как единственной, кто его понимает и принимает таким, какой он есть. Кроме того, Катя убедила брата в том, что только она знала, как будет лучше для Игоря и как им сохранить его свободу и безопасность, не ограничивая его тёмные желания.

Сестра много говорила с ним, повторяла одни и те же фразы многократно, вколачивая их в его больное сознание. Поначалу, он отказывался признавать, что его тяга к насилию, смерти и извращениям так же сильна, как раньше (всё-таки, лечение в больнице принесло некий результат), и от того, что сестра снимала эти психологические ограничения, Игорь страдал. Это выражалось в страшных ночных кошмарах, где он был в роли жертвы. Со временем, его роль во снах поменялась на противоположную, и он уже не видел в них абсолютно ничего страшного, а даже наоборот, — находил их вполне приятными.

В то же время, Екатерина проговаривала и заставляла его выполнять действия, прописанные в придуманном ей сценарии. Ей нужно было, чтобы отец согласился перевести его в тот центр, а значит, Игорь должен был играть роль, проявлять странности, которых у него никогда не было. Например, kleптоманию на мойке. Или приставания к их домработнице, которая, на самом деле, не вызывала ни малейшего интереса у Игоря. Объектами его вожделения, его мании, были молодые девочки от тринадцати лет и старше. Красивые, гордые и недоступные. Такие, какой была та девочка, которая отказала ему. Из-за чего он в тот же день набросился на сестру. Которая тоже была вполне в его вкусе. Тот случай с, якобы, энурезом из-за таблеток — тоже постановка. Игорь легко мог держать себя в руках и не делать ничего, что могло бы показаться странным.

Спектакль сработал. Игорь вышел из-под внимания отца, получил железное алиби на случай, если он попадёт во внимание органов, и обрёл полную свободу действий. Отец не выполнил своего намерения навестить сына в выходные. Да и вообще, старался не говорить о нём, удовлетворившись рассказом Кати, что там очень неплохо, и Игорь обязательно получит самый хороший уход и лучшую профессиональную помощь. Отца, похоже, полностью устраивала отдалённость сына-психопата от их спокойной и размеренной жизни. А раз уж там ещё были хорошие условия, то о чём вообще говорить? Пусть бы только

оставался там подольше.

Екатерина уже начала обдумывать следующий этап, очень важный этап своего плана, который нужно было хорошо срежиссировать и идеально выполнить. А ещё, нужна была подходящая цель.

Цель нашлась в ЦУМе. Когда Катя уже направлялась к выходу, взгляд её голубых глаз заметил свою старую подружку. И Катю словно окатили ведром ледяной воды. Это — она.

Но монстр, пусть даже на короткой цепи, почувствовав возможность охоты, всегда воспользуется ей. Так случилось и с Игорем. Сестра не приходила к нему несколько дней. На неё навалилась куча дел и она пока не разработала новый стоящий сценарий. Раздался звонок её мобильного, в трубке она услышала рыдающий голос брата:

— Катя, Катюша, прости! Прости! Я виноват, я виноват! Приедь, пожалуйста, я умоляю тебя! — Отец находился рядом, Игорь говорил громко, поэтому Катя, ничего не отвечая, сбросила звонок.

С очень дурным предчувствием, но с полной уверенностью, что её ожидает, как минимум, неприятное зрелище, Екатерина постучала в дверь квартиры. Брат с порога упал ей в колени, рыдая и вереща. А на улице стоял тёплый сентябрьский день, светило солнце, играли, смеясь, дети во дворе. Катя надеялась, что Игоря никто не услышит, потому что все либо на учёбе, либо на работе. Да ладно, не так уж и громко он визжал. Ничего страшного. Она втащила его в квартиру. Тот лебезил, как нашкодивший пёс, и уже не плакал, а только всхлипывал, ползая в её ногах. Этот эффект от её психологического давления на брата не мог ни радовать. А вот то, что она увидела в комнате, радовать не могло совершенно.

На ковре лежал труп девушки. Кровь, натёкшая с неё, пропитала весь ковёр. Она лежала лицом вниз, джинсовая юбка была сбита, трусики порваны, зеркало, встроенное в шкаф, забрызгано кровавыми разводами, стекавшими вниз. Катя смотрела на труп, пытаясь найти в себе правильные эмоции, но не могла. Всё казалось нереальным, но она отметила, что в голове сразу загорелся нужный алгоритм действий, необходимый для сокрытия преступления. Кате казалось, что она наблюдает за всем со стороны. Она словно играла в интерактивный квест, где ей нужно просто выбрать самое эффективное его решение.

— Она кричала? — тихо и безэмоционально спросила Катя.

— Я держал её рот закрытым. Боже, я не думал, что это всё так страшно! Она была такой милой, я думал просто погулять с ней! Мы зашли, чтобы я скинул куртку, и тут всё, как в тумане... Что же теперь делать, Катюша, что делать? — девушка посмотрела на своего брата, на лице которого заметила высохшую чужую кровь, обратила внимание и на следы крови на руках. Но особенно поразило её это лицо. Игорь напоминал ей нашкодившего маленького мальчика, который понимает, что совершил плохой поступок и теперь боится наказания. Его слабость добавила Кате сил и уверенности.

— Отнеси её в ванную, расчлени и сложи по пакетам, вытри всю кровь, тряпку кинешь в один из пакетов. Ковёр сверни и поставь у двери. Я приеду вечером, и мы от этого всего избавимся. Всё, действуй и моли бога, чтобы никто ничего не видел и не слышал. Она хоть не из этого дома?

— Н-нет, — всхлипнул Игорь. — Она заблудилась. Вышла не на той остановке. Катя, я... не смогу её разрезать.

— Постарайся! Подрочи, может поможет. Теперь ты понимаешь, что без меня ты ничто? Теперь ты понимаешь, что ты, тварь, без моего разрешения даже выходить из дома не можешь! Ты понял меня? Если это как-то вскроется и всплывёт хоть малейшая ниточка,

ведущая ко мне, я сама убью тебя, слышишь, убью! — с каждым предложением Катя всё ближе наклонялась к своему брату, сверля его взглядом и с удовлетворением наблюдая страх и покорность в его лице. Договорив, она тотчас выскочила из квартиры.

Колеся по городу на машине, она не могла удержать слёз, что непрекращающимся потоком вырывались из глаз. Она всерьёз обдумывала вариант избавиться от своего брата, над которым, ей только казалось, что она имела контроль. Никогда ей не удастся полностью его контролировать. Это её монстр. Это её бремя, которое она обязана нести. И хоть убил эту девушку Игорь, её кровь была на руках Кати.

* * *

— Зачем ты их напаялила, а? — пальцем указывал на её уши Игорь.

Катя непроизвольно дотронулась до серёжек. Потом допила остатки вина одним большим глотком и улыбнулась брату.

— На память. Всё-таки, Оля была моей лучшей подругой. Как это у вас, маньяков, называется? Трофей?

— У нас, Катя, у нас с тобой это так называется. Так что, может у тебя ещё есть подружка? Я готов. Ох, Катька, как же я готов! Нас ждёт большое будущее!

— Возможно. Но от него до сих пор нет ответа. Я должна выяснить его реакцию, увидеть, чем он нам ответит, понимаешь? И после этого, будем уже думать. Мне нужно ехать, Игорь, правда.

— Да срать я хотел на его ответ! — завопил Игорь, и Катя лишь усилием воли заставила себя остаться неподвижной. — Почему я должен косить под какого-то ублюдка, только из-за того, что ты хочешь его трахнуть?! Поверь, мы можем быть гораздо, гораздо страшней твоего Циферника, или как его там?!

Катю начинал утомлять этот разговор. Она брызнула в рот освежителем дыхания, положила туда же две подушки мятной жвачки, присела на дорожку. Игорь всё ещё что-то кричал, доказывал. Но когда микроволновка издала звук, оповещающий, что его обед готов, тот сразу умолк и зашагал на кухню.

«Ох уж этот Игорь! Но, стоит отдать ему должное, — он упрямо выходит из-под контроля. Может, даже становится потихоньку опасным для меня. Я обязана не пропустить этот момент. Больше нет особых причин кормить монстра. И от монстра нужно избавиться. А, как говорили в одном фильме, — настоящего монстра может убить только такой же монстр. Я бы на это посмотрела. Может, даже с удовольствием».

Катя прошла к брату на кухню. Тот с удовольствием ел курицу, вновь напомнив ей животное. Вопросительно поднял на неё глаза.

— Братец, у всех нас есть свои желания. У тебя девочек насиловать, убивать, а потом снова насиловать. Я это поняла и приняла. И даже способствую тебе в этом, на свой страх и риск. Так что заткнись и слушайся меня, если хочешь и дальше жить, и обрывать жизни других. А то, что я хочу выйти на контакт с Циферщиком, имитируя его стиль, это — моё желание. Моя мания, если угодно. Поэтому мы, в первую очередь, будем пытаться осуществить её. Циферщик продолжает безмолвствовать. Возможно, скоро мы оставим новую «циферку». И как рано это случится, зависит только от тебя, Игорёк. Поэтому, будь хорошим мальчиком и не нервируй меня, долбаный, сумасшедший кусок говна! Иди,

закройся за мной, я на работу.

Катя уверенно направилась к входной двери, ни на секунду не сомневаясь, что её верный монстр отложит свою курицу и последует за ней. Накинув пальто и застёгивая сапожки, она не переставала следить за возвышающейся над ней фигурой брата. Он молчал, громко сопел и изо всех сил старался сохранить обиженный вид. Но уголки его рта подергивались, явно сдерживаясь, чтобы не растянуться в улыбке.

— Всё-таки, люблю я тебя, сестричка. Всегда любил и всегда буду любить.

— Я знаю, Игорь, — вздохнула Катя. — Так, я вернусь вечером, и тебя здесь уже быть не должно. Поешь, прими душ, посиди в интернете или посмотри телек, но, как начнёт темнеть — убирайся из моего дома. У меня свидание, и я не хочу, чтобы бойфренд увидел моего братца-психопата.

— Эй, я же часть семьи! — притворно возмутился Игорь. — Всё-таки, я твой старший брат, меня нужно знакомить со своими парнями. Кто он? Цифровик твой, наверное? — Игорь вновь раздался своим омерзительным смешком, задрал голову вверх.

— Меньше знаешь — целее будешь, — коротко ответила ему Катя и вышла за порог, напоследок бросив, — ты понял меня? Если ты после наступления темноты ещё будешь в моём доме, то тебе...

— Эй, зачем так грубо? Такие слова тебе не идут, сестрёнка! — ответил Игорь, закрывая за ней дверь.

Снег всё никак не кончался. Меньше чем за сутки покрыл землю, занёс дороги. Появлялись первые сугробы. Да, вполне вероятно, что этот снег весь до последней снежинки ещё успеет растаять, превратиться в грязь, которая тоже со временем высохнет. Календарь показывал лишь разгар октября, но если человек отошёл бы ото сна и посмотрел в окно, то он точно бы спросонья решил, что уже очень давно на земле властвует суровый январь. Снег всё валил и валил, и по прогнозам погоды ближе к ночи снегопад обещал лишь усилиться.

Неготовые к такому резкому изменению погоды автомобилисты старались выезжать в этот субботний день только по крайней необходимости. Некоторые сгоряча пробирались на шиномонтажки, чтобы заранее поменять резину с летней на зимнюю. Одним из таких пессимистично настроенных водителей был Виктор. Катя когда-то подарила ему карту VIP-гостя на все сервисы отца. Он и забыл о ней, но карта, будто сама собой, вдруг попала на глаза, всем своим видом приглашая её воспользоваться.

И вот он в крошечном неказистом кафе напротив шиномонтажки пил обжигающе горячий, откровенно плохой и невкусный кофе, отдающий чем-то прогорклым и химическим, закусывал его твёрдым, неаппетитным круассаном с шоколадом и со смешанными чувствами разглядывал скромный вид из окна, за которым всё сильнее раззадоривалась снежная стихия, заставлявшая чувствовать всё нарастающую, щемящую тоску, с которой Виктору совсем недавно удалось справиться и даже на короткое время вовсе забыть о ней.

Что потянуло его сорваться из дома и приехать сюда? Разве только обеспокоенность резиной? Он понимал, что каждый лишний отрезок времени, который он бездумно слоняется по дому, всё дальше загоняет его в самобичевательную скорбь о человеке, духом которого были пронизаны стены вокруг. Всё сильнее становились муки совести, терзающие его в отместку за прошлую ночь.

Проснувшись после вчерашнего и осознав, что Регина ушла так же стремительно и незримо, как и появилась, а он находится в квартире вновь совершенно один, Виктор первым делом проверил, не пропало ли чего. А после обнаружения всех ценных вещей на своих местах устыдился своей недоверчивости. Вот на кого-кого, но на воровку Регина точно была не похожа.

Похмелье у Виктора к счастью или печали выразилось лишь в меланхоличном настроении, которое заволакивало полностью и которому хотелось предаваться, ища в нём забвения от мучительных мук совести и невидимого осуждающего взгляда, что преследовал каждый его шаг. Половину дня он просто валялся в кровати, погруженный в череду печальных мыслей и воспоминаний о вчерашнем вечере.

Спустя лишь пару мгновений после того, как он закрыл дверь за Андреем и Катей, Виктор оказался в кровати с прекрасной незнакомкой, которую едва знал. Оказался на их с Олей кровати. Было бы откровенной ложью сказать, что в момент их страсти он испытывал угрызения совести и не желал того, что происходило. О, он желал Регину и предавался случайному сексу с полной самоотдачей, без ноток опасений и здравого смысла. В эту ночь был только он, она и кровать. Которая за всё время пребывания в квартире знала только одно женское тело. Олино тело.

После первого раза Виктор для приличия пытался хоть что-то узнать о таинственной

красотке, отдававшей ему с такой страстью. Узнать хоть что-то кроме имени. Однако, её ответы не внесли никакой ясности. Девушка выдавала лишь сладкие фразы, подталкивающие Виктора к новому страстному забытию, но скрывающие за собой, как за стальными воротами, настоящую личность, которая произносила эти слова. Пустьшка, кукла, маска, тень жизни, не человек — символ любви.

Истощённый, довольный собой и полностью удовлетворённый этой ночью Виктор, засыпая, держал девушку в объятиях, шептал ей свой полусонный поток сознания и замечал, что имя Оля ненароком раз за разом срывается с губ.

Регина ушла. Исчезла, никак не потревожив его сон. Растворилась как кусочек льда в недопитом стакане с виски, не оставив после себя ничего, кроме едва уловимого запаха и смутного воспоминания. Виктор трактовал для себя эту встречу только как знак жизни, любви и возрождения. Он не хотел вновь увидеться с ней, узнать её номер у Кати, даже просто поискать её в социальной сети. Пускай она останется девушкой той ночи. Девушкой, которая, как пытался убедить себя Виктор, станет знамением для него: двигаться дальше, постараться отпустить свою умершую любовь и прекратить ставить точки в жизни. Виктор знал, что Ольга никогда не покинет его сердце, никогда не исчезнет из его памяти. Он знал, что не должен замыкаться, теряться в чёрной бездне жалости к самому себе, наполненной алкоголем, отчаянием и ненавистью к ужасной несправедливости мира.

Прокручивая у себя в голове подобные мысли, Виктор поднялся с кровати, принял душ, перекусил, прибрался в квартире, вынес мусор. Бесцельно слонялся по комнатам, не зная, чем ещё себя занять. Хотелось выпить, хоть и виделся в этом желании очередной трамплин в пропасть. Он смог сдержаться, чтобы не позвонить Андрею, Кате, организовать вечеринку, возможно, там снова появится Регина...

Нет. Виктор твёрдо решил, что надо избавляться от этой привычки, которая незаметно превращалась для него в неотъемлемую часть жизни. Ни интернет, ни телевизор не могли увлечь его. Пасмурный пейзаж за окном и непрекращающийся снег лишь добавляли тоски. Вскоре он не смог выносить этого томительного высидивания в четырёх стенах.

Нужно выйти на воздух, прокатиться, привести свои хаотично вращающиеся мысли и чувства в порядок. И вот, надевая куртку, он увидел, как выпавшая из кармана визитка спикировала на пол. Поднял её и тотчас нашёл занятие, способное хотя бы на некоторое время отвлечь его.

У подъезда Виктор встретил того самого соседа-дедулю, с которым они не смогли разъехаться в тот самый, злополучный день.

— Здрасьте. — Коротко поздоровался Виктор и поспешил к своей машине, не желая завязывать разговор. Но дедок узнал его и ненавязчиво преградил дорогу.

— Здравствуйте, молодой человек! Первым делом, хочу принести вам мои искренние соболезнования! Ваша утрата и вообще всё, что сейчас творится в нашем городе — это беспросветный ужас! — непривычным после их последнего общения, высокопарным и учтивым тоном начал разговор сосед. Как обычно, никакого особого, хотя бы чуть искреннего сочувствия в глазах, произносящих подобные фразы, не наблюдалось.

— Спасибо вам, — сухо поблагодарил Виктор и собирался закончить на этом разговор, но сосед продолжал назойливо вращаться вокруг. Он явно ждал этой беседы и никак не мог так просто отпустить своего собеседника.

— Страшная беда! Как же это ужасно, честно вам говорю! Мы с женой как узнали, моя супруга всю ночь рыдала. Как вы, Витя, держитесь?

— Стараюсь... извините, у меня дела. Времени нет совсем.

— Да-да, конечно! Только вот, я дико извиняюсь, но в тот день, когда у нас с вами авария случилась, вы, помнится, говорили, что оплатите полочку? Я может не вовремя, но просто я давно уже ценничек узнал, тут рядышком место хорошее есть, там недорого сделают. Две с половиной всего. Я бы и забыл, конечно, да бабка вот каждый день пилит и пилит! Мы же пенсионеры — у нас каждый рубль на счету. — Высокопарность его слов испарилась, говорил он заискивающе, но давая понять, что просто так не уступит. Виктор это понял и без лишних слов достал кошелёк. Сосед жадно смотрел на то, как парень достаёт заветные купюры.

— Только если у вас последние — тогда не надо, мы подождём. Нам ездить-то куда? Вот дача, разве что. А в такую погоду-то, какая дача? Я лично забыл бы. У вас горе такое, всё-таки! Но вот Ильинична моя упёрлась. Иди денег проси, иди да иди! Вот, спасибочки! Вы заходите в гости, обращайтесь, если что нужно. Вы хороший человек, Витя! — дедок спрятал деньги в карман, едва только Виктор успел ему их подать.

— Да ладно, я же обещал. Ничего, поди не обеднею. — Наконец освободившись и уже за спиной слыша милый лепет соседа, Виктор добрался до машины. «Да нормальный старичок. В гости зовёт даже! Забавный такой, знает ведь, что я никогда не приду, но всё равно зовёт».

Немного поколесив по городу, Виктор осознал, что на летней резине ездить сейчас — сомнительное удовольствие. Проезжая рядом с шиномонтажкой Кати, он решительно свернул туда. Скидка в пятьдесят процентов не могла не греть душу.

— Привет, Витя!

Услышав знакомый голос, молодой человек перевёл взгляд от окна и увидел Катю. Она приветливо улыбалась ему, отчего Виктор снова почувствовал лёгкое непонимание: почему она всегда так мила к нему?

Когда она первый раз переступила порог его дома, он был так пьян, что едва стоял на ногах. При этом вёл себя как свинья, кидался словами, о которых будет жалеть всегда, да и, увы, не только словами. Она же всегда была добра, скромна, кротка. Только один раз горько, тихонечко заплакала, тем самым растопив Витину душу и вызвав пьяные слёзы и у него, как будто заразив этим душевным изливанием. Они плакали, обнявшись. Витя делился с этой странной, некрасивой девочкой, которую он едва знал, всей своей болью, всем своим тяжёлым душевным грузом.

Но она, неизвестно почему, заинтересовалась Андреем. И уехала вчера с ним, наверняка став для него тем же, чем стала для Виктора Регина. Неужели она влюбилась в него, увидев на совместной фотографии, где они были вместе с Ольгой? Это трудно было бы понять, если бы на её месте была другая девушка. Но это была Катя. Она порой казалась простой как пять копеек, а иногда совсем непонятной и в высшей степени странной. Вполне под стать её натуре, как казалось Виктору, влюбиться в человека, лишь увидев его на фотографии.

А если Андрей взаимно заинтересовался ей, что нельзя было не отметить минувшим вечером, — то Виктор этому только рад. Такие совпадения подкупали своей фантастичностью, отчего казались лишь более любопытными и, по-своему, завораживающими.

Разглядывая Катю, которая неуловимо преобразилась и сияла едва заметным внутренним светом, Виктор не мог сдержать улыбку одобрения и понимания:

— О, привет, Катя! Ну что, куда с Андрюхой вчера рванули, признавайся? — жестом

приглашая девушку сесть с ним за столик, ответил Виктор.

— Всё-то тебе расскажи... Вы с Региной, надеюсь, не скучали? Кстати, здесь самое отвратительное кофе в городе, я бы не советовала тебе его допивать. — Катя не села с ним рядом, проигнорировав приглашение. Говорила одновременно приветливо и участливо, а в то же время как-то отстранённо, будто между делом.

— Регина — хорошая девочка. Интересные у тебя подружки, однако. А я вот к тебе решил заехать, переобуться. Кофе, кстати, да. Отменные помои.

— Я видела твою машину. Так и знала, что ты будешь здесь и решила поздороваться.

— Ну так присаживайся! Пока делают, сможешь убить время.

— Нет, прости. У меня много дел. Твоя машина, кстати, уже готова. Так что пожалуйста, прекращай кушать эту гадость.

— Прикольно. Сама хозяйка мне сообщает, что машина готова, — ухмыльнулся Виктор. Приметил, что девушка как будто «зависла», глядя куда-то в окно. С ней изредка случалось нечто подобное. Виктор повернулся, проследил за её взглядом, но ничего интересного там, конечно, не увидел.

— Земля — Кате! Приём!

— Прости, задумалась. Слушай, я у тебя спросить хотела, ты с Андреем не созванивался сегодня?

— Нет, — ответил Виктор, последним решительным глотком осушив свою чашку, отчего незамедлительно поморщился. — Да не переживай. Я видел, что ты ему понравилась. Позвонит — никуда не денется.

— Я знаю, — резко и значительно бросила девушка. — Просто дозвониться ему не могла сегодня утром, на сообщения тоже ничего не отвечает. Я не то, чтобы волнуюсь, просто...

— Ого! Девушка! И на следующий день после знакомства сама перезванивает и эсэмэски шлёт? Ты, Катя, как будто с другой планеты. Или что, кто-то на полном серьёзе втюрился по уши? — Виктор хотел немножко подначить девушку, пошутить, разговорить. Ему хотелось пообщаться с ней сейчас, когда он был трезв. Вполне вероятно, это первый подобный для них опыт за последнее время. Не хотелось, чтобы Катя знала его только неотступным пьяницей.

Катя же лишь холодно посмотрела на него «своим» взглядом, без тени улыбки.

— Просто я привыкла всегда добиваться своего. Я рада, что ты начинаешь приходить в себя, пусть и, на мой взгляд, чересчур быстро. Лично мне на это нужно гораздо больше времени и ощутимей увлечения, чтобы забыться. Ладно, до встречи! Если свяжешься с Андреем, передай, чтобы он мне позвонил. Обязательно.

Девушка резко развернулась и вышла. Витя приоткрыл рот, собираясь ей ответить, но так и просидел мгновение с открытым ртом, провожая её взглядом и не понимая, как расценивать её фразы. «Да уж, за словом в карман не лезет».

Машина действительно оказалась готова. Виктор отметил, что персонал стал вести себя с ним гораздо любезнее. Это говорило о вмешательстве в рабочий процесс хозяйки. Виктор неспеша приехал на заправку, залил полный бак и, посмотрев в кошелёк, подумал, что он погорячился, так легко отдав деньги деду-соседу. Его средства подходили к концу, нужно было обязательно выходить на работу в понедельник, он не мог себе позволить дальнейших отлагательств. Ужасно не хотелось бы обращаться за финансовой помощью к родителям. На самом деле, Виктор даже хотел снова погрузиться с головой в рутину работы, пусть и

пришлось бы вновь смотреть на кучу скучных, показушно сочувствующих и подбадривающих лиц.

На улице стемнело. Снегопад усиливался. Машин и пешеходов становилось на улицах всё меньше. Виктор накатался и собирался уже ехать домой, убить вечер парочкой фильмов, пораньше лечь спать.

Его телефон издал резкий и тревожный звук пришедшего сообщения. Прочитав его, Виктор немедленно набрал номер, с которого оно было отправлено. «Аппарат абонента выключен...» Он остановился на обочине, закрыл лицо руками, тяжело дышал и, искренне надеясь, что это просто неудачный розыгрыш, с визгом сорвался с места, подняв из-под колёс фонтан грязного снега.

* * *

Екатерина быстрым шагом вышла из кафе, оставив за собой провожающий взгляд недоумевающего Виктора. Кутаясь от холода в тоненькое пальто направилась к своей машине. Сев в неё, она не спешила заводить двигатель и трогаться с места. Она смотрела в темноту переулка, того самого переулка, у которого пару недель назад они с Олей подобрали её брата. Поддавшись накотившему на неё порыву, девушка тронулась в ту сторону.

Спустя несколько минут она уже стояла напротив старого гаража её отца, который давно значился как принадлежащий ей.

Полузаброшенный гаражный кооператив, где многие бетонные коробки уже занесло снегом и мусором. Гаражи готовились к сносу ради новой дорожной развязки. В том пустынном тупике, где находился её гараж, с первого взгляда становилось понятно, что «живых» боксов вокруг не было давным-давно. По правую сторону возвышалась старая стена, с многочисленными дырами в ней, которые засыпало снегом и заполнило старым мусором. Вокруг безмолвствовали серые, покинутые, полуразрушенные гаражи, служившие, максимум, убежищем для бродяг. «Как же всё-таки тут мрачно и уныло. Что, я, как настоящий преступник, возвращаюсь на место преступления? Зачем мне это надо, что я хочу там увидеть? Для чего я вновь приехала сюда?»

Екатерина всё же наперекор желанию немедленно уехать в тёплый и полный надежды дом отперла замки и с трудом отворила примёрзшие ворота гаража. Зашла внутрь, на ощупь нашла выключатель на стене. Свет зажегся. Плотнo закрыв за собой дверь, девушка окинула взглядом место, в котором её подруга провела последние часы своей жизни. «Этот гараж, по-хорошему, нужно сжечь. Чёрт, всё в точности так же, как и тогда...»

Катя подошла к стулу, тому самому, где когда-то сидела Оля, опустилась на него и закрыла лицо руками, пригнувшись к коленям, неизвестно для кого изображая, будто плачет.

Она до сих пор не могла точно объяснить самой себе, почему она выбрала именно свою старую подругу их с Игорем жертвой. Разыгрывая тот, блестящий, по её мнению, спектакль, обливаясь слезами на похоронах, давая показания в отделе, поддерживая Витю, девушке порой казалось, что она действительно чувствует раскаяние и сожаление. Она не могла об этом не думать. Изначально она была уверена, что ей движет зависть и желание безжалостного уничтожения последнего, что связывало её с безрадостным детством. Олина жизнь удивительно схожа с её, может даже Ольге повезло меньше: ведь Катя была материально обеспечена своим отцом. Многим обязана ему. Если бы тогда, почти десять лет

назад всё сложилось по-другому, и подросток-Катя осталась с матерью и братом, кто знает, что теперь стало бы с её жизнью? Смогла бы она собрать силы и пережить всё это? Или и дальше бы подвергалась насилию от брата, упрёкам от матери и в конце концов, именно Катя вместо своей матери полезла бы в петлю?

Ольга же всего добилась сама. От неё всегда исходило счастье, уверенность, свет. Это порой раздражало, даже бесило Катю. Именно при взгляде на Ольгу она порой резко ощущала свою ущербность, ничтожность, ненормальность. Но после убийства зависть уже не казалась Кате основной причиной. Порой она видела пугающие сны, в которых, в тот роковой день, её подсознание меняло их с Ольгой местами. И именно Катя умирала от рук своего брата, и именно Ольга долго смотрела на её труп, только в отличии от реальности, Ольга улыбалась.

На следующий день после разыгранного ими спектакля, Игорь не смог терпеть до вечера и поехал в гараж раньше. Катя хотела самолично присутствовать при всём действе, чтобы соблюсти ритуал Циферщика, взглянуть в глаза жертве. Кроме того, она боялась, что безумство брата может нарушить её план, что Игорь сорвётся и наделает лишнего. Катя не находила себе места, думала даже о том, чтобы всё отменить, но было уже поздно — назад дороги не было, оставалось лишь собрать все силы и идти до конца.

В тревожном смятении она позвонила тогда брату. Через трубку слышались крики Оли: сердце Кати забило как после марафона, пот начал заливать лицо, потребовалась вся сосредоточенность, всё влияние и контроль над Игорем, чтобы оттянуть время, чтобы всё как следует обдумать, решиться, исключить возможность провала. А одновременно с этим, подарить Оле последний шанс на спасение. Ведь всё легко могло сорваться. Сама Катя неоднократно готова была сорваться.

Давать показания, искусно играя свою роль на допросах, ограняя легенду до блеска, при этом понимая, что разыскиваемая девушка в эти минуты томится в Катинном гараже, — было ужасающе тяжело. Катя никак не могла поверить, что у неё всё получилось. Это невозможно было назвать иначе чем чудом, чем прихотью судьбы. Но допросы были далеко не единственными испытаниями её чудовищного намерения. Время тянулось, всё вокруг давило на Катю, её брат томился в ожидании, когда она уже решится, когда подаст свою команду. И в итоге, он всё-таки дождался решения своей сестры.

Находясь в машине, в нескольких метрах от своей будущей жертвы, Катя почувствовала, как что-то внутри неё резко оборвалось. Катя поняла, что не сможет смотреть на это. Ледяным голосом, изо всех сил стараясь ничем не выдать свою слабость, она дала брату последние напутствия. Не терпящим возражения тоном сказала, что ей срочно нужно отъехать по важным делам. Игорь с притворной неохотой пообещал следовать её указаниям и сделать всё то, чего Катя от него ожидала.

Спустя некоторое время, Екатерина вернулась к злосчастному гаражу и так же, как сегодня, долго не могла решиться войти внутрь. Ей казалось, что двери этого неприметного гаража в окружении таких же, полузаброшенных коробок на отшибе города — это та грань, что отделяла её от бесконечной, беспросветной тьмы. Кроме мерзости, сумасшествия и смерти, она не ожидала увидеть там ничего. Последняя борьба между добром и злом разыгрывалась в её голове. Всего лишь один анонимный звонок куда надо, и её брат отправится «далеко и надолго». А Катя выберется. Она была уверена, что слабоумный брат не сможет утащить её на дно вместе с собой. И всё равно, зло, подогреваемое нездоровым возбуждением, и почти детское желание посмотреть, что же будет дальше, всё-таки взяли

над ней вверх. Катя вошла внутрь.

Вначале ей показалось, что там никого нет. Она ожидала увидеть, что угодно: кровь, внутренности, совокупление своего брата с трупом, Ольгу, с ножом бросившуюся на неё, но никак не это. На полу лежало лицом вниз тело её подруги, обнимающее её спящего брата. В первое мгновение, девушке показалось, что Игорь тоже мёртв, но довольный храп свидетельствовал об обратном. Столь неожиданная картина выбивала из колеи, чувство нереальности происходящего, отрешённости и холодного безразличия завладело Катей. И что-то ещё, на подобии *déjà vu*^[1], молнией всплыло в её памяти.

— Подъём! — как ей казалось, чётким и громким голосом сказала девушка, но на деле лишь что-то похожее на писк сорвалось с её губ. В горле мгновенно пересохло. Она слегка пнула брата по ноге. Тот не просыпался. Тогда Катя пнула его со всей силы. Игорь встрепенулся, открыл глаза, увидел сестру, возвышающуюся над ним, и его губы растянулись в улыбке. Игорь стал похож на первоклассника, гордящегося перед родителями первой в жизни «пятеркой».

— Привет, Катюш! Я всё сделал, как ты и просила. Я молодец?

— Большой молодец, — хрипло ответила ему сестра. — Нам нужно уехать сейчас же. Вернёмся позднее, я сделаю последний штрих, и мы заявим о себе.

— Я хочу побыть здесь ещё. Посмотри, какой красивой она стала! — Игорь хотел было перевернуть труп, чтобы показать сестре лицо Ольги, но та остановила его жестом.

— Она будет ещё красивее. А сейчас нужно ехать. Давай, Игорёк, поехали отсюда.

— Ну ладно. Заедем куда-нибудь поесть? Я хочу тебе всё рассказать. Всё-всё, в подробностях, пока они не вылетели из головы.

— А я хочу всё услышать. Поднимайся, братец, пойдём.

Когда город полностью окутала тьма, и случайных свидетелей не должно было быть, брат с сестрой наспех выполнили последнее действие. Катя наносила макияж на мёртвое лицо, снимала одежду с бывшей подруги и не удержалась от того, чтобы снять с её ушек серёжки и спрятать в карман. Игорь в возбуждении сновал неподалёку, не пытаясь скрыть своих восторгов и эйфорического удовлетворения от всего процесса. Без особых церемоний они погрузили труп в машину, потом, чётко следуя нужному церемониалу, расположили тело, без малейшей мысли его скрыть, почти в самом сердце города. И, не произнося ни слова, разъехались по домам.

Екатерина поднялась со стула, принялась бесцельно прохаживаться по небольшому помещению. Всё новые детали той страшной ночи всплывали в памяти. Вот она раздевает начинающую коченеть Олю; её помадой аккуратно выводит цифру «семь» на синюющем теле. А Игорь внимательно наблюдает за ней, как за фокусником, в попытках разгадать его волшебство.

На глаза Екатерине попала канистра, открыв крышку, она почувствовала резкий запах бензина.

«Сжечь, сжечь тут всё дотла!» Наитие заставило Катю с трудом поднять тяжёлую канистру и расплескать её содержимое по гаражу. Катя самозабвенно предалась процессу, в голове молотком стучало только одно слово: «Сжечь! Сжечь! Сжечь!»

Глядя на вспыхнувшее место её преступления, её превращения в такого же монстра, её обращения во тьму, Катя застыла на месте, словно монумент её падения. Катя неотрывно наблюдала яркие, равнодушные ко всему языки пламени, уничтожающие материю, но бессильные разогнать её душевную тьму, которая, казалось девушке, теперь всецело

властвовала над ней. Катя прикоснулась к серёжкам, снятым с подруги, но так и не смогла решиться на то, чтобы выкинуть и их в чрево пожара.

Девушка развернулась, села в машину и уехала прочь от буйства стихии, созданного ей. Закусила губу до крови, понимая, что этот поджог совершенно ненужная ошибка. Однако, уже ничего не исправишь. Её ждало возвращение домой. Катя надеялась, что там никого не будет, а спустя некоторое время появится долгожданный Андрей. Он должен появиться, он обязан появиться. Господи, только он был нужен ей сейчас!

Прорываясь через снегопад в свою обитель спокойствия, Екатерина боялась увидеть там Игоря. Брат начинал выходить из-под контроля. И это было совершенно некстати.

«Похоже, я должна сделать свой выбор. Всё идёт к этому. Кем-то придётся пожертвовать. И мой монстр мне больше не нужен. Почти не нужен... Ничего, скоро всё закончится, и я наконец получу то, к чему так долго шла. И ничто меня не остановит».

Непонятная тревога и беспокойство мучали её сердце. Тревога в ожидании чего-то решающего, что вот-вот произойдёт в её судьбе. Катя приоткрыла стекло, впустив в машину снег и холод, закурила. С мрачной решимостью она всё сильнее давила на педаль газа, совершенно не беспокоясь о возможности разбиться.

«Пусть наконец случится то, что должно случиться. Лишь бы всё наконец разрешилось. Лишь бы всё это наконец кончилось!»

* * *

Пара стаканчиков выпитого хорошего, дорогого виски, который их отец хранил для особого случая, и бутылку которого Игорь бесцеремонно начал опустошать, сразу обволокли его тело приятными, тёплыми волнами, ударили в голову, погрузив в приятное состояние пьяной безмятежности. Не удосужившись даже одеться после душа, он лежал на диване, полупьяными глазами уставившись в экран телевизора.

Игорю становилось скучно, в голове вновь и вновь мелькали образы из прошлого. Он вспоминал своих жертв, своё детство, мрачное заточение в психушке, от пребывания в которой смог отойти только благодаря сестре.

Ранний подъём, вечно сонное состояние, поддерживаемое бесконечными дозами лекарств, безвкусная пища, вялые передвижения по палате, бесконечные разговоры ни о чём с другими пациентами — «групповая терапия». И так день за днём. Приёмы у безразличного пожилого врача, ответы на его вопросы не попадая и всепоглощающее чувство безысходности, одиночества, изолированности и отчаяния. Поначалу в нём теплилась надежда, что вот-вот приедет отец с Катей и заберут его, избавят от этого недосуществования. Но время шло, и эта надежда угасала. Стирался из памяти тёмный и размытый образ отца. Зато Катя, его любимая младшая сестрёнка, не выходила из головы, наполняя сердце сладостной надеждой. При чём, сейчас она уже, конечно, взрослая девушка. Но образ в голове Игоря всегда принимал обличье маленькой, десятилетней девчушки.

Испытывал ли Игорь угрызения совести за свой поступок, окончательно разрушивший их семью? До лечебницы он не мог ответить на этот вопрос однозначно. Его больше заботили терзания о собственном провале, когда он был так близок к цели. А побои, нанесённые отцом, только подчеркнули насколько Игорь жалок и укрепили ненависть к отцу и, отчасти, к Кате. Но порой сожаление, может даже, что-то похожее на раскаяние

проскакивало в его сознании. Это сожаление всегда сопутствовало приступам тоски по сестре и тем старым, счастливым временам.

Лечение и многие часы, проведённые в спутанных и несвязных мыслях, в конечном счёте, всё же заставили его искренне жалеть о своей импульсивной попытке изнасилования сестры. Тогда его внутренний голос оказался сильнее и разрушил привычный ему, устоявшийся мир, отправив Игоря в совершенно иное существование. Тогда он не видел перед собой Катю, вместо неё была мутная кукла из всего, что он ненавидел. Кукла, сотканная из безумия. В тот момент голос тьмы безраздельно властвовал над ним. Из-за него и только из-за него он оказался в этом ужасном месте, в этой лечебнице, которая заглушила не только голос тьмы, но и всё сознание, всю личность Игоря.

От воспоминаний о лечебнице Игоря передёрнуло, он осушил стакан, нетвёрдо поднялся с дивана, ногой задел и уронил стоящую на полу бутылку, из которой часть недешёвой жидкости пролилась на паркет. Игорь подхватил бутылку и сильно увеличил громкость телевизора, по которому шёл очередной попсовый музыкальный клип, наполненный солнцем, морем, дорогими машинами, яхтами и, конечно, едва прикрытыми красотками.

Чтобы развеять скуку, Игорь решил пройтись по квартире, которую он никогда не мог назвать своим домом. Пока он жил с отцом и сестрой, ощущение, — что отец всем своим видом заставлял его чувствовать, будто Игорь живёт здесь в качестве, если и не домашнего животного, то дальнего родственника, приехавшего из глубокой деревушки, а никак не родного сына, — не покидало его. Отец без слов говорил ему: «Ты не заслуживаешь жить здесь, с нами, будь моя воля — духу бы твоего здесь не было! Вот же дал бог сыночка...»

Да и Катя — едва он перешагнул порог дома — сразу дала понять, что теперь она главная. Это, конечно, бесило Игоря, но поделаться с этим он ничего не мог. Хоть теперь, пока родственников нет дома, ему хотелось отыграться, напакостить людям, которые так задирают нос перед родным человеком.

Игорю захотелось разгромить здесь всё, посеять хаос в уютном гнёздышке. Но, сорвав со стены картину, изображающую корабль, борющийся с сильным штормом, он резко передумал. Катке это сильно не понравится. Наверняка она расстроится и разозлится. И тогда не будет больше их забав. В голове Игоря мелькнул образ девушки, которую он задушил в гараже. Как же она была очаровательно красива, когда жизнь покинула её! В тот момент она напомнила ему мать...

Игорь вошёл в комнату сестры. В сотый раз подумав, насколько сильное влияние оказывала на него девчонка. Он был уверен, что сестра гипнотизировала его, когда он только начинал отходить от лекарств. Иначе, почему бы он так слушался её и боялся по-настоящему расстроиться?

Его внимание привлекла фотография, висевшая над письменным столом сестры. Сняв её, Игорь сперва и не понял, что на ней изображена их семья. Фотография, сделанная в те выходные, когда он едва не умер. Игорь довольно осклабился, смотря на красивого, стройного и весёлого мальчишку, который озорно улыбался ему из прошлого. Из прошлой жизни... Вот Катка, которая на что-то отвлеклась в момент снимка, так что можно было бы сказать, что она не получилась, но именно благодаря её непоседливости, она выглядела на снимке забавной, милой, с истинно-детской чистотой и красотой невинности. Их отец выглядел ещё моложе тех лет, что ему было тогда на самом деле. И их мать... Игорь нежно провёл пальцем по её изображению.

Мать очень любила своего первенца. А его детская травма и последующие за ними перемены наполняли женщину жалостью, переживанием и тоской каждый раз, когда она смотрела на сына. На её «красавчика», как любила она его называть.

После переезда Игорь полностью утратил материнский контроль и обрёл долгожданную свободу. Учёбу он решил не продолжать, работать не хотел, друзей не завёл. А вот собутыльников и случайных знакомых, включая людей откровенно маргинальной внешности, было вокруг него хоть отбавляй. Тётка, у которой они жили первое время, быстро изменила своё отношение к непутёвому племяннику и своей закрывающей глаза на проделки сына сестре. А после того, как пьяный Игорь начал недвусмысленно приставать к ней, притом, что его мать находилась в той же комнате и всё равно оставалась на стороне сына, разгорелся большой скандал. После этого им пришлось переехать в съёмную, маленькую, полную тараканов и клопов комнатку на краю города.

Мать Игоря начала пить ещё больше. Она видела, что её сын становится всё более жестоким, находила у него отрезанные части мёртвых животных, замечала постоянный нездоровый блеск в его глазах. А несколько раз, сын даже поднимал на неё руку, раздражаясь от самых невинных разговоров до безумной ярости.

Однажды он явился на порог их дома полностью голый, весь в грязи, ссадинах, кровоподтёках и следах крови. Не его крови. Игоря всего трясло, рот был открыт, а глаза превратились в стекло и не выражали ровным счётом ничего. Мать бросилась к нему, суетясь повела в ванную, начала отмывать своего сына, на глазах женщины выступили слёзы, она рыдала и тёрла его губкой, а Игорь лишь безучастно сидел, улыбался и смотрел на неё. Схватил её руку, отнял губку и прижал руку матери к себе.

Через две недели после того случая она повесилась. Игорь, придя с очередной пьянки, оторопело глядел на висящий труп матери бесконечно долго. Потом, не выказывая абсолютно никаких эмоций, снял тело, отнёс его в кровать, разделся и как ни в чём не бывало, обняв бездыханную мать, лёг спать рядышком.

Игорь вспомнил те несколько дней, проведённых с матерью и отложил фотографию. В поисках ещё чего-нибудь интересного продолжил обшаривать комнату сестры. Начал открывать ящики её комода. В одном из них с радостным удивлением обнаружил нижнее бельё. С гомерическим хохотом начал в нём рыться, примеряя на себе трусики и лифчики. Чувствуя, как подогреваемое алкоголем растёт в нём сладострастное возбуждение. В этом же ящике, под нижнем бельём, он обнаружил какие-то бумаги и фотографии незнакомых людей, явно сделанные без их на это ведома. «Вот маньячка!» — усмехнулся Игорь.

Раздался звонок в дверь. Катя открыла бы ключом. «Кто там ещё припёрся?»

Не в силах сдержать любопытство, он направился к двери, включил камеру-глазок. На площадке стоял незнакомый парень. «О, это же, наверное, Каткин хахаль! Что это он даже без цветов? А я ведь всё-таки её старший брат! Надо познакомиться, выпить может с ним... Вдруг он мудаком окажется! Не могу же я позволить, чтобы моя сестрёнка встречалась с мудаком?»

Охваченный потребностью в общении и приобретении очередного собутыльника Игорь прошёл в ванную, где лежала его одежда, наскоро нацепил её, опасаясь, что парень уйдёт, не дождавись. Но упорные звонки всё продолжались. Выходя, краем глаза он заметил разбросанные по комнате трусики сестры. «Наверное, этого ему видеть не стоит. Вот ведь какой упёртый — трезвонит и трезвонит! А! Телек же орёт на весь дом. Теперь понятно, что меня выдало». Небрежно прибравшись в комнате, при этом засунув пару элементов

интимного гардероба сестры в карманы джинсов, Игорь вприпрыжку побежал к двери, с криком:

— Секунду! Щас открою!

Возясь с дверным замком, он сообразил, что неожиданный гость — это один их тех людей, которых он видел на фотографиях. Улыбаясь во все свои жёлтые и кривые зубы, Игорь открыл дверь.

* * *

Рюкзак впивался в плечи, затрудняя движения. Андрей вспомнил школьную пору, когда ноша тетрадок и учебников казалась несоразмерно тяжелее, чем та, которую он нёс сейчас. Прилив сил и возбуждение двигали им и позволяли быстро и упорно прорываться через нескончаемую снежную пелену, обволакивающую город. Вечер опускался на улицы и, поддерживаемый серостью облаков, придавал окружающему индустриальному пейзажу мрачности и безысходности.

Вот и тот самый дом, который Андрей в спешке и в невероятной гамме обуревавших его эмоций покидал накануне. Оставив мирно посапывающую новую знакомую в постели, молодой человек оделся и, стоя над их ложем, в котором совсем недавно разыгрывалась искренне-страстное действо, застыл, безучастно глядя на девушку. Он не мог поверить своим догадкам и, подогреваемый крайним смятением, бросился прочь оттуда. Тогда в мыслях уже начал созревать чёткий, рискованный и фаталистичный план, который ему предстояло выполнить.

Сердце тревожно билось в грудной клетке. Отчасти от неопишуемого волнения, отчасти от нагрузки, которую он давал своему телу, чтобы с максимальной скоростью идти, не переключаясь на бег, к своей цели.

Ни резвящихся от одного из первых буйств зимней стихии детей, ни хозяев, выгуливающих своих питомцев, ни забулдыг, которым всё было нипочём, лишь бы оставалась возможность влить в себя новые порции алкоголя — Андрей никого не встретил на своём пути. Последние прохожие давно исчезли в белом омуте.

Мрачный символизм вселенной намекал ему, что принимает его решение и не будет даже косвенными факторами предоставлять ему возможности для отступления. Только снежная мгла, холодный ветер и неутомимое желание движения вперёд. От всего этого создавалось впечатление оторванности от реальности и попадания в иллюзорный, несуществующий мир, который с каждым шагом лишь сжимался до этого района, этого двора, этого дома, этого подъезда.

Раздавшийся откуда-то издалека автомобильный сигнал заставил Андрея вздрогнуть и посмотреть по сторонам. Ничего. Видимо, этот звук, доказывающий, что в мире живут другие существа, носящие название люди, раздался по другую сторону дома. Спешить теперь некуда. Он прошёл под козырёк подъезда, приводя своё учащённое дыхание в порядок. Циклы вдохов и выдохов быстро выровнялись, но сердце так же бешено стучало в его голове, затмевая все мысли. Бум-бум-бум.

Непростой современный домофон с большим экраном, прячущий в себе скрытую видеокамеру, смотрел на Андрея. Тот побольше закрыл лицо капюшоном, хоть в этом и не было никакой потребности. Капюшон его старой зимней куртки был и так сильно натянут на

лицо. Мех, обрамляющий капюшон, спадал вниз, практически полностью защищая от случайного взгляда.

Уколовшее Андрея понимание, что он не помнит номер квартиры, заставило его нервно улыбнуться. Вот так, когда уже оставалось совсем чуть-чуть, неведомые силы решили воспротивиться его стремлениям. Так ненавязчиво просто, но эффективно. Две цифры, складывающиеся в номер квартиры Кати, которые он с самого утра держал в памяти, вдруг ускользнули из головы, оставив после себя лишь фантом, который, казалось, вот-вот оформится в истину, но этого так и не случилось.

Андрея начало немного потрясывать. Возможно, это был лишь повеявший холодом безжалостный ветер, возможно, его душевное волнение заставляло его волноваться физически, а скорее всего, это было и то, и другое. Уже собираясь позвонить в другую квартиру, понимая всю степень риска этого действия, Андрей решил сначала попробовать самый простой вариант. Он дёрнул ручку подъездной двери.

Дверь поддавалась с ободряющей лёгкостью. Либо домофон не работал, либо дверь из-за образовавшийся наледи не смогла закрыться полностью, либо из-за новых знаков бытия, но Андрей спокойно отворил дверь и оказался в тёмном подъезде. Он ощущал витающий в воздухе подвох. Он был почти уверен, что из лифта сейчас выйдет толпа людей, и все как один посмотрят в его закрытое капюшоном лицо. Андрей готовился к тому, что пока он ждёт спускавшийся к нему лифт, из дверей квартир на первом этаже просто обязаны выйти люди. Ничего подобного: лифт спустился на первый этаж и почти беззвучно впустил парня в свою кабину. Ни одна дверь первого этажа не открылась и не выпустила случайного человека, жителя этой лестничной клетки.

Андрей быстро вошёл в кабину, нажал на нужный этаж. С некоторым промедлением дверцы лифта закрылись. Трос плавно и почти беззвучно потянул кабину вверх. Андрей нервно оглядывал стены вокруг себя, оказавшиеся абсолютно чистыми: без наклеенных жвачек, неумелых граффити, оплавленных зажигалкой кнопок и прочих привычных атрибутов рядовой лифтовой кабины. Даже стенд с рекламой был нетронут, а небольшое зеркало, висевшее над пультом управления, выглядело как новенькое. Вспоминая потрёпанный и откровенно грязный лифт в своём доме, Андрей не смог сдержать усмешку. Ещё в первое своё посещение этого дома он заметил, что случайных жителей здесь нет. И дом построен для людей, как минимум, не бедных. Подчиняясь навешенному на них ярлыку — жителей «элитных домов», жильцы, кажется, не желали сеять грязь и хаос в сердце своего дома — лифте. А может, всё было гораздо банальней и проще — этот дом убирала действительно порядочная и ответственная уборщица, благодаря которой подъезд и сохранял свой представительный вид.

Выйдя на нужном этаже, Андрей тотчас услышал громкую, но приглушённую и неразборчивую музыку, звучащую от одной из дверей. Из дверей Катиной квартиры.

«Ну вот и всё. Ещё каких-то пару минут и всё будет решено. Точнее, всё только начнётся». Андрей, привалившись спиной к двери, сполз на пол, ударил затылком железную, мощную дверь своей новой подружки и закрыл лицо руками.

«Правильно ли я поступаю? Может, забыть, отойти? Чёрт, как же всё это опасно и рискованно. Разве я уже готов к этому? У неё играет музыка. Может ли быть такое, что она там не одна? Что же тогда я буду делать? Убегать прочь или идти до конца, невзирая ни на что?» Андрей вспоминал лицо Кати, её облик, её движения и реакции в ту ночь, которую они провели вместе.

«Наконец-то я нашла тебя!» — бормотала она в разгаре их страсти.

Катя была так участлива, так самозабвенна в ту ночь. Казалось, что, и правда, их связь была далеко не случайной. Сперва они выпили по бокалу вина, говорили о чём-то отстранённом и неважном. Андрей сам толком не понял, как оказался с ней в постели. Никогда не было чего-то подобного, что девушка сама, с беспрекословной лёгкостью поддавалась каждому импульсу его желания, каждому микродвижению его тела. Андрею оставалось лишь совершать акт за актом, погружаясь в пучины наслаждения.

Непонятно как и откуда появился вдруг фотоаппарат. Они делали снимки друг друга, по отдельности и вместе. Казалось, что Катя хочет запечатлеть на плёнке каждую мимолётную эмоцию, что играла в их лицах, что выражалась в их телах. Андрей не хотел и не мог противиться. Лишь когда первые лучи рассвета появились в небе, он заметил ту деталь, что тотчас шокировала его, как удар молнии, как удар метеорита, прорвавшегося через атмосферу только для того, чтобы настигнуть его. Увидев и осознав эту деталь, Андрей не видел другого выхода, кроме того, чтобы поспешно исчезнуть из квартиры, сохраняя твёрдое желание, как можно скорее вернуться обратно.

Вернуться, чтобы нести ту силу справедливости, которая всецело завладела им, подтолкнула его к тому, против чего он не мог противиться. Вернуться, чтобы узнать правду, какой бы пугающей она не была. Вернуться, чтобы найти объяснения для себя, которые он так долго искал. Вернуться, чтобы удовлетворить те силы, которые заставили его увидеть, заставили понять, что не бывает в этом мире случайных встреч.

Он не мог собраться с силами и встать с корточек. Наконец, достал телефон, отправил СМС, потом сразу выключил его, поднялся и глянул в глазок. А музыка в это время всё играла и играла. Такая незатейливая, набившая оскомину мелодия, совершенно не соответствующая моменту, который Андрей прокручивал в своей голове, начиная с бессонного утра, когда он едва пересёк порог собственного дома. Он даже узнал знакомый мотив, проговаривал одними губами слова, чтобы хоть как-то справиться с напряжением.

Им владело стойкое ощущение, что он уже прокручивал этот момент гораздо раньше. Он уже был здесь в этом состоянии. Всё неизменно повторялось, весь мир подталкивал его к тому, что он уже делал, казалось, множество раз до этого. Но только сейчас всё обрело наконец конечную форму. Явь, непреложным фактом, обрушивалось на все его органы чувств, заставляя видеть эту подъездную площадку, слышать эту музыку за дверью позади, чувствовать запахи чего-то жареного, сырости и пыли. Всё было реальным, как никогда. Кристально реальным, отчего в памяти всплывали те образы, которые он был бы рад забыть навсегда.

Андрей нажал на кнопку звонка. За дверью не послышалось ничего нового. Это было понятно — музыка играла очень громко. Он позвонил ещё раз. И ещё. И ещё. С каждым разом всё сильнее вдавливая кнопку звонка. С каждым движением пальца набираясь всё большей уверенности в том, что он всё делал правильно.

Послышался голос за дверью, потом шаги. Андрей чувствовал, как мышцы постепенно превращаются в железные пружины. Дверь начала неспешно открываться. Андрей кинулся вперёд, вкладывая в удар всю свою ярость, всю силу, всю обиду, злобу и безумие. Андрей не сразу понял, что человек, на которого обрушилось его неистовство, был далеко не тем, кого он ожидал здесь увидеть.

— Кто ты, блять, такой?!

Андрей обрушивал град ударов в незнакомое лицо, стараясь попасть в челюсть или висок. Потерявшийся от неожиданности нападения и от нескончаемых ударов в голову его оппонент неловко и неумело защищался, хоть это и было напрасно. На его глазах выступили слёзы, он ухал после каждого удара, пытался хоть что-то сделать. Лицо покрылось кровоподтёками.

Когда наконец Андрей поднялся с него, незнакомец тоже предпринял попытку встать на ноги, но сокрушительный удар тяжёлым зимним ботинком пришёлся ровно в подбородок, отчего тот сразу отключился.

Андрей тяжело дышал, глядя на поверженного противника.

Ему казалось, что схватка заняла непозволительно много времени, что вот-вот из соседних дверей появятся удивлённые лица соседей, а если и не появятся, то с совершенной точностью кто-то из них, встревоженный шумом, уже вызывает полицию. Однако, стараясь не терять хладнокровия, Андрей закрыл входную дверь на замок, подобрал сброшенный в порыве драки рюкзак, прошёл в большую комнату-гостиную. Там никого не оказалось. Он быстро обежал всю немаленькую квартиру в поисках других жителей. Квартира пуста. Порывом Андрей хотел было выключить телевизор, но вовремя понял, что звук сменяющихся друг друга музыкальных клипов служил хорошим прикрытием.

Принеся с кухни стул и поставив его посередине гостиной, Андрей открыл свой рюкзак. Покопавшись в небрежно скиданной туда одежде, он достал пару одноразовых резиновых перчаток, моток скотча и шёлковый чистый платок. Наскоро натянув перчатки, Андрей бросился в коридор, где по-прежнему без сознания, лицом вниз, лежал поверженный противник. Из разбитого носа, губы и рассечённой брови лениво струилась кровь, обагрывая его лицо и стекая на пол.

Андрей решил действовать незамедлительно, не рискуя дожидаться, когда его пленник очнётся. Подняв его за подмышки, волоком оттащил в гостиную, усадил на стул и начал старательно связывать скотчем. Сначала прижал его безжизненно висевшие длинные руки друг к другу за спиной, плотно обмотал их. Удовлетворившись в прочности повязки, Андрей зубами разгрыз скотч. Для верности он перевязал руки шнурками, снятыми с обуви в прихожей. Покончив с руками, Андрей привязал скотчем ноги сражённого о ножки стула. Последним штрихом заклеил рот. Из-за кровоточащей губы скотч держался неплотно и грозил отклеиться. Пришлось наложить ещё один слой.

Андрей присел на диван, стараясь перевести дух и немного отдохнуть. Излишне расслабляться тоже нельзя. Собирая остатки хладнокровия, Андрей достал из рюкзака ещё платки и рулон мусорных пакетов. Направляясь в ванную, он краем глаза заметил, что его пленник уже начинал подавать признаки жизни. Уверенный в надёжности его привязи Андрей даже не стал оглядываться.

В ванной комнате он обнаружил пустой тазик, наполнил его на половину горячей водой и направился в коридор. Тщательно стёр всю кровь, грязь от своих ботинок и заодно избавился от возможных отпечатков пальцев.

Андрей получал настоящее, бодрящее удовлетворение от этой работы. Всё волнение улетучилось, сердцебиение выровнялось. Если до сих пор в дверь не ломилась полиция,

значит его план пока удавался.

Удостоверившись, что в коридоре всё чисто, никаких улик и зацепок быть не могло, Андрей прошёл в ванную, умылся, снял перчатки, вымыл вспотевшие руки. Оказалась, он разбил казанок на правой руке. Только увидев своё небольшое кровоточащее ранение, он почувствовал ноющую, пульсирующую боль. Пристально поглядел какое-то время на ранку, перевёл взгляд на своё отражение, потом бегло взглянул на часы. Удовлетворённо кивнул: с момента, когда он оказался в квартире, прошло чуть больше пятнадцати минут. Всё, действительно, шло как по маслу. Он вновь нацепил на руки перчатки.

Зайдя в комнату, Андрей увидел, что его пленник полностью пришёл в себя и смотрит на него полным безграничной злобы взглядом. В этом взгляде была одна ненависть, упрямство и безумная сосредоточенность. Ни намёка на страх, недоумение или растерянность. Андрея такой взгляд несколько озадачил. Несмотря на бурные протесты человека, выразившиеся в сумасшедшей тряске головой, Андрей всё же смог протереть его лицо от крови. Оставалась только слабая струйка, медленно стекающая из разбитого носа.

Андрею не понравилось лицо этого человека. Он точно не был случайной жертвой обстоятельств. Казалось, он понимал, что происходящие сейчас происходят неспроста. И он — полноправный участник близящихся событий.

Его лицо создавало видимость невинного подростка. Благодаря, наверное, светлым, коротко стриженным волосам и обилием молодежavo выглядящих веснушек. Но в то же время, в его взгляде было что-то неприятное, безумное. Выражение разбитого лица говорило о том, что этот человек опасен и ненормален. При этом, он не издавал почти ни звука, лишь обиженно сопел, буравя взглядом Андрея, и тихонько хлюпал носом, безуспешно стараясь помешать струйке крови из носа опускаться ниже. Пленник вёл себя нетипично.

Андрей изучающе вглядывался в это странное лицо. Он обдумывал, кто этот человек, оказавшийся именно сегодня в Катинной квартире. Любопытство заставило его протянуть руку к заклеенным скотчем губам, но нахлынувшее отвращение оказалось сильнее, и Андрей отдернул руку.

Резко начала наваливаться привычная, растекающаяся по всему телу усталость. Но опять же, отдыхать рано. Андрей заметил пятнышки накапавшей крови на полу комнаты, под стулом привязанного незнакомца. Их тоже нужно было непременно убрать. Опять вернувшись в ванную, Андрей первым делом нашёл небольшую аптечку, достал оттуда перекись и бинт, снял перчатку на правой руке и обработал свою рану, изо всех сил стараясь не морщиться от боли, после перевязал повреждённое место бинтом, поверх него нацепил перчатку. Набрал новый таз воды и пошёл убираться. На этот раз в гостиной.

Работа заняла меньше времени чем в прошлый раз. Повторно педантично убедившись, стоя на коленях, что ни в коридоре, ни в гостиной не осталось ни лишнего пятнышка, ни волосинки, Андрей удовлетворенно кивнул. Пленник монотонно что-то мычал сквозь залепленные скотчем губы. Не обращая на него ни малейшего внимания, Андрей побросал использованные грязные тряпки и платки в один из мусорных мешков. После начал неспешно стелить мешки вокруг привязанного к стулу незнакомца. Тот усилил мычание, наблюдая за действиями своего пленителя.

Закончив работу, Андрей вышел на балкон, открыл окно, впусив поток снега и холодного ветра, без стеснений высунулся и закурил. «Новая ошибка. Можно было хоть сегодня не курить».

Но его волнения были напрасны. Благодаря удачному расположению балкона и

последнему этажу высотки, вероятность, что кто-то из случайных прохожих или соседей мог заметить Андрея, была крайне мала. Плюс ко всему его спасала от чужих глаз плотная белая завеса из снега. Который всё усиливался и грозил побить месячную норму осадков для января уже в октябре. Докурив сигарету, Андрей опустил на пол, достал из кармана джинсов маленькую трубочку, потом небольшой шарик из фольги, содержимое которого он выложил в трубку. Подставив огонь и подпалив маленький шарик травяной субстанции, Андрей в несколько сильных затяжек оставил от него лишь пепел.

Под фон ситуации наркотик подействовал мгновенно и очень сильно. Андрей поднялся с пола на нетвёрдых ногах, в глазах закружились мушки, ограничив на несколько мгновений радиус его зрения до минимума. Голову окутал приятный, подбадривающий туман. Андрей не мог точно сказать, сколько времени у него осталось, но это уже было не столь важно. Выйдя с балкона, он достал из рюкзака чёрный складной чехол, разложил его на диване за спиной у пленника. Тот ёрзал на месте, пытаясь из своего мычания составить более-менее осознанный призыв.

Андрей оглядел свою маленькую коллекцию ножей, выбрал длинный и узкий, с зазубренным лезвием. Подошёл к связанному незнакомцу, наклонил к нему лицо, приложив кончик ножа к скуле пленника. К своему удовлетворению, Андрей впервые увидел в его глазах внезапно родившийся дикий животный страх.

«Вот и снова только ты и я. Почему меня до сих пор не отпускает ощущение, что всё это уже было раньше. Всё повторяется. Ну что, кто же ты, дружок?»

Андрей скалился, глядя ему прямо в лицо, сделал неглубокий, но болезненный надрез на его скуле, прямо по выступающему синяку, отчего пленник сильно задёргался и приглушенно взвыл. Спрятав нож за спину, Андрей сказал:

— Ну что, давай знакомиться?

Виктор наблюдал за подъездом, не спеша глушить двигатель. В сотый, наверное, раз сверяясь: на правильный ли адрес он приехал?

Терявшиеся в белой мгле верхние этажи создавали впечатление, что Виктор припарковал свою машину напротив непонятной и чуждой для их небольшого города таинственной башни. Башни, хранившей в себе множество секретов, среди которых и главный, — тот, ради которого Виктор бросился в дорогу, наплевав на все возражения, источаемые разумом. И вот осталось лишь набраться смелости, выйти из машины, окунувшись в снежную пелену, обволакивающую всё вокруг, и начать своё восхождение к правде. Правде, к которой Виктор не был уверен, что готов. К правде, которая легко могла оказаться страшной иллюзией или, того хуже, просто-напросто глупой, неуместной шуткой.

«Если ты хочешь отомстить за Олю, приезжай по адресу... Я знаю, кто её убил».

И вот, он здесь. Буравит взглядом подъездную дверь, надеясь на появление в ней кого-то наиобычного: пусть это выйдет пожилая женщина, презревшая неистовство природы, ради своей потребности похода в магазин; или компания местных забулдыг, непонятным образом оказавшихся в подъезде явственно элитного дома; или хотя бы детишки, для которых снегопад мог стать отличным задельем для бесконечной войны в снежки. Но дверь не открывалась, и сколько Виктор ни крутил головой по сторонам, надеясь увидеть хоть одно живое человеческое существо, — всё тщетно. Только он и эта «Башня», одновременно зовущая и отталкивающая от себя.

После пяти или десяти звонков Андрею, Виктор понял, что его друг не возьмёт трубку. Его друг там, вверху этого жилого, зловещего монолита. Андрей не стал бы так шутить никогда. Значит, он действительно что-то знает и готов поделиться своим знанием. Вот только, что именно? И хочет ли разделить эти знания сам Виктор?

Волнение колотило мелкой дрожью. Он никак не мог поверить, что всё происходит на самом деле. Виктор едва смог заставить чуть потускнеть бушевавшую в нём боль потери, а теперь она разгоралась вновь. На этот раз ещё сильнее. Ощущалась физически. СМС бередило едва начавшую заживать рану.

Виктор сидел в машине и дрожал от страха перед неизвестностью. Перед чем-то таким, что может на корню разрушить всё его мировоззрение. Перед чем-то, что окончательно переломит его жизнь, отправит... куда? В изнанку, в некоторое новое пространство, окутанное мраком. И какие у него шансы вырваться оттуда?

Детское желание бросить всё, нажать на газ и уехать к родителям; бросить всё, плакать в их объятиях, надеясь на то, что они как всегда смогут помочь, подбодрить, поддержать и успокоить. Желание — то и дело возникающее в сердце Виктора, но всегда глоснувшее от доводов его разума. Вот и сейчас, он яростно помотал головой, сбрасывая с себя гнетущее переживание, собрался с силами, закурил сигарету и вышел из машины.

Снежные хлопья в момент облепили его лицо и одежду. Виктор чуть ли не бегом добрался до подъезда. По инерции хотел было набрать указанный в том СМС номер квартиры, но, уже набрав первую цифру, решил — просто так — дёрнуть за дверную ручку. Дверь легко поддавалась на приложенное им усилие и, не издав ни звука, открылась.

Обычный подъезд многоэтажного, но малоквартирного дома, где на каждый этаж лишь по паре дверей. Всё вполне чистенько, уютненько, даже постелены до сих пор не

изгаженные коврики на лестницах, нетронутые почтовые железные ящики, прилично выглядящие ворота большого лифта. Вполне милая, отличная от стандартных жёлто-зелёно-розовых цветов, мягко-оранжевая и тепло-бежевая краска на стенах. Внутренности таинственной «Башни» были вполне заурядны и не вызывали никакой тревоги.

Виктор решительно нажал на кнопку вызова лифта, затушил бычок о стену и даже повертелся в поисках мусорки или пепельницы, ожидая лифт. Но таких удобств в подъезде не оказалось. Дворовое мальчишеское прошлое заставило Виктора просунуть бычок в один из почтовых ящиков, находящихся около лифта, прежде чем зайти в кабину.

Поднимаясь на нужный этаж, он прикладывал все усилия, чтобы побороть последние признаки волнения, концентрируясь на электронном табло, на котором сменялись цифры этажей. Подбадривал себя, заряжаясь яростью на случай, если это всё-таки розыгрыш. Не мог и не хотел всерьёз задумываться о том, что будет, если сообщение правдиво.

И вот — нужный этаж. Промелькнуло смутное чувство, что, возможно, он уже когда-то был здесь или, по крайней мере, слышал об этом доме, этой квартире. Возникшее чувство скорее напоминало *déjà vu* или воспоминание из давно виденного сна, чем отзвук реальности. Стопроцентной гарантии в том, что он действительно был здесь когда-то, Виктор дать не мог.

И вот — нужная дверь: последний рубеж перед той чертой, — перейдя которую, станет невозможным отмотать время вспять, сделать шаг назад, вернуться в свой привычный мир, как ни в чём не бывало. А существует ли этот привычный мир? Есть ли что терять, через что переступить? Или лишь неуёмное стремление к истине движет им в эту минуту? Что он будет делать, если это сообщение — правда? Если он сейчас встретится с человеком, который, на самом деле, убил Ольгу? Отнял у него частичку себя, разрушил всё привычное мироощущение — то, что Виктор с гордостью мог называть самим собой. И вот, он должен смотреть в глаза существу, которое прервало жизненную нить человека, которому Виктор посвятил все самые искренние и нежные слова, когда-либо сходявшие с его уст...

За дверьми громко ухала музыка, отбивающая набившую уже оскомину, слышимую едва ли не каждый день со всех щелей мелодию. Но теперешнее её звучание было совсем другим. Гораздо менее весёлым, гораздо более навязчивым. Совсем новые нотки угадывались в ней. Нотки тревоги.

Быть может, это всё-таки злой розыгрыш, а за дверями Андрей устроил ему вечеринку, чтобы поддержать старого друга? Возможно, подключил и Катю, с которой он так неожиданно спелся. Витя хотел, чтобы всё так и было. Даже по-настоящему желал этого. Но кроме музыки, по ту сторону двери не доносилось ничего. Ни весёлых разговоров, ни громкого смеха, ни намёка на любые движения и присутствие кого-либо в квартире. Мелодия упорно отбивала ритм, и, видимо, совсем не слабая стереосистема добавляла к ней уханье басов.

Виктор нажал на дверной звонок, заметив неприметную камеру, оборудованную над дверью. Не услышал звук звонка и, не сомневаясь, что из-за музыки с той стороны двери вряд ли можно услышать его робкое нажатие на звонок, он стал начал звонить настойчивей. Причудилось движение за дверью. Виктор ощутил на себе чужой взгляд из камеры наблюдения. Даже рефлекторно сделал шаг назад, чтобы его могли получше рассмотреть и сделать вывод: открывать ему или не стоит. Несколько мгновений ожидания и раздалось копанье в замке. Дверь отворилась, на пороге из полутьмы возник Андрей.

Не дав себя толком рассмотреть, он схватил Виктор за рукав и втащил внутрь квартиры.

Приложив указательный палец к губам, Андрей шикнул, предупредив Виктора, чтобы тот не разговаривал, потом закрыл за ним дверь и жестом призвал следовать за собой. Виктору ничего не оставалось, кроме как разуться и шагать за другом, от которого резко повеяло запахом пота, а в его жестах и походке сквозило что-то настораживающее, незнакомое, чужое.

Виктору почудилось, а скорее, он решил, что ему почудилось, будто из-за прикрытых дверей по пути раздавались звуки, напоминающие одновременно мычание, рычание и плач. «Наверное, показалась. Как же орёт телевизор! Зачем Андрей попросил не шуметь, когда от этой музыки своих мыслей не слышно?»

Проходя длинный коридор, они не обменялись и словом. Андрей резко свернул налево, закрыл дверь в противоположную комнату и жестом пригласил Виктора войти в другую комнату — справа.

По всей видимости, это была спальня. Большая широкая кровать занимала большую часть помещения. Спальня была выдержана в дорогом, но строгом стиле. Зелёные стены с картинами. Помимо кровати, широкий дубовый письменный стол, на нём ноутбук; занавешенный плотными шторами вход на балкон; зеркальный шкаф-купе; полки, прибитые к стенам, с множеством книг; кожаное внушительное кресло рядом с кроватью; огромный плазменный телевизор, висевший на стене напротив кровати. Это всё, что успел заметить с первого взгляда Виктор, после чего обратил внимание на своего друга, который устало развалился в кресле и сейчас разглядывал Виктора, довольно улыбаясь.

— Привет, Витя. Рад, что ты приехал. Присаживайся! Я по твоим глазам вижу, что ты с многим хочешь меня спросить. И ты имеешь на это полное право! — на последней фразе Андрей хихикнул и вскинул руку с поднятым указательным пальцем.

Витя продолжал стоять и безмолвно удерживать взгляд на своём старом друге. Одну вещь он понял сразу. Андрей был под кайфом. Зачем-то нацепил одноразовые, синие резиновые перчатки. На чёрной кофте и таких же тёмных джинсах явно просматривались пятна непонятного происхождения. В глазах, помимо дурмана, блестела какая-то новая искра, которую Витя никогда в них не замечал. Весь теперешний облик Андрея вызывал тревогу. Человек, которого знаешь с самого детства, вдруг резко будто снимает маску, за которой оказывается совсем не тот Андрюха, с которым им многое довелось пережить. Или, быть может, он только надевает другую маску...

— Спросить? О, да! Чего ты тут развалился, сыщик хренов? Что здесь вообще происходит?! Чья эта квартира? Что за бред ты мне написал? Ты под чем вообще? — начав довольно громко задавать свои вопросы, Витя под конец осёкся и, увидев вновь поднесённый к губам Андрея указательный палец, последний вопрос прошептал едва слышно.

— Да не суетись ты так и говори потише. Пока, по крайней мере. Так, давай по порядку. Под чем я сейчас? Немного травки, чтобы успокоиться, вот и всё. Хотя, я походу переборщил, — Андрей снова глупо хохотнул, потёр глаза и под вопросительный взгляд друга продолжил:

— Тебе бы, кстати, тоже не помешало! Ладно, давай серьёзно теперь. Только не перебивай, а то я ход мыслей потеряю. Мы находимся в доме твоей обожаемой подруги — Кати, — выбросив это имя, Андрей презрительно перекопился.

— Чего? Ты совсем сдурел? А в комнате, что, она? — Виктору всё сильнее казалось, что это розыгрыш, и вот-вот в комнату войдёт Катя, такая же обдолбанная, и они вдвоём начнут

смеяться над его наивностью. Однако, ничего не происходило, и эта подвешенность начинала злить Виктора. Он уже собирался выйти из комнаты в поисках хозяйки, как Андрей неожиданно рывкнул:

— Стоять! — Виктор зло и удивлённо посмотрел на него, прокручивая в голове десятки язвительных и грубых ответов, но что-то внутри удержало его от их озвучки. Выражение лица Андрея, на несколько секунд искривившиеся в крике, вновь приняло расслабленно-весело-дебильный вид.

— Давай я договорю, а потом, если ты хочешь, можешь уйти. Если сможешь...

Итак, да. Это квартира Екатерины. А точнее, её отца и её старшего братика. С ним, кстати, ты чуть попозже обязательно познакомишься. Хорошая квартирка такая, богатая, мне тут сразу понравилось. Да и ночь с Катькой я провёл вполне занимательно... Так, что-то я отвлёкся! Самое главное — Ольгу убили Катя и её брат, — деланно равнодушным тоном, будто сообщая о само собой разумеющихся вещах, произнёс Андрей, тотчас опустив взгляд в пол.

— Бред! — воскликнул Виктор. Ситуация становилась всё тревожней. Андрей всё сильнее смахивал на опасного безумца, а Виктору всё сильнее становилось не по себе. Назойливые мысли — уйти отсюда, не слушать больше ни единого слова, может быть, позвонить в полицию, — оплетали голову Виктора, словно лозой здравомыслия. Андрей же убрал наконец свою идиотскую улыбку и теперь смотрел прямо в глаза другу.

— Витя, прости, но это правда. Ты должен был это узнать, поэтому я и отправил тебе сообщение. Я не сомневался, что ты приедешь. Я... не смог бы ничего сделать без тебя, если бы ты не был рядом. Чёрт, это же Олька! Олька и ты... Я до сих пор не могу поверить, что её больше нет! Поверь мне, для меня это было большим ударом, ты не представляешь, насколько большим.

Эта Катя, понимаешь, она сразу вызвала во мне что-то, чего я не могу тебе объяснить. Разве ты сам не задавался вопросом, а почему она так внезапно появилась в твоей жизни прямо после смерти Оли? Такая вся невинная, раскаивающаяся, странная девочка, навещающая тебя, помогающая по мелочам, сопереживающая, во всём согласная и кроткая? Не показалось ли тебе это хоть сколько-нибудь странным?

Виктор наконец присел на край кровати. Он слышал то, что говорил ему Андрей, воспринимал это, но продолжал наблюдать за тем, как кто-то другой разговаривает с ним из тела друга. Неуловимо поменялись движения знакомого с детства собеседника, тембр его голоса, сама манера говорить, складывать слова в предложения. Андрей вновь избегал Витинового взгляда, всё чаще опуская глаза.

— Допустим, но что в этом такого? Она последняя, кто видел Олю перед смертью. Она тоже чувствует себя виноватой. Андрюша, тебе не кажется, что это у тебя сейчас проблемы? Ты так уверен в своих словах, а вдруг это неправда? У тебя есть какие-то доказательства, конкретные улики, чтобы подтвердить ту чушь, что ты несёшь, обвиняя людей только из-за своего предчувствия? — тихо, монотонно и медленно ответил Виктор, как будто говорил с человеком неадекватным, ненормальным, возможно, даже опасным.

В голове у Виктора уже проносились все возможные худшие варианты развития событий после этой встречи. Но ещё больше его интриговала запертая комната, от которой даже на расстоянии, даже сквозь орущий телевизор, доносились странные, тревожные звуки. От той комнаты он ожидал самой большой беды, самых больших проблем. Что-то трусливое, а может быть и благоразумное, в его душе кричало, что сегодняшний вечер не окончится

добром. Нужно немедленно уходить отсюда, бежать со всех ног, уверяя себя, что никто, кроме Андрея, его здесь не видел.

Андрей выглядел всё более странным. Особенно сейчас, когда он приподнял мутные глаза на Виктора, наставив на него тяжёлый взгляд, который невероятно трудно было выдержать, но Виктор всё же попытался. Рот Андрея приоткрылся, изображая гримасу, которую трудно было верно истолковать: от глубокой заинтересованности до обиды, разочарования и удивления. Выражение этого лица заставило Виктора внутренне напрячься и даже испытать мимолётный, но заставляющий вздрогнуть укол страха. Одновременно с опасениями, Виктора подталкивало и всё нарастающее нездоровое любопытство. Вдруг, и вправду, здесь и сейчас высветятся хоть какие-то ниточки, которые помогут поймать того, кто забрал жизнь Оли?

— Андрюша, с тобой точно всё нормально? Может, тебе стоит сначала умыться, успокоиться, а потом можно и поговорить?

Андрей лишь раздражённо махнул рукой:

— Ты хочешь доказательств? Да пожалуйста! Ты видел её серьги?! Ты замечал, что у неё надето на уши?! — срывающимся в истеричный возглас голосом вопрошал Андрей, безумно вытаращив глаза на Витю.

— Нет, я не обращал внимание. Стой, ты сейчас серьёзно говоришь? Это серьги заставили тебя думать, что Катя замешана в убийстве? Просто сам скажи это, дружище, произнеси это, и ты поймёшь весь абсурд ситуации!

— Да! Слепошарый ублюдок, я произнесу это, если ты так хочешь! В тот день, когда мы бухали у тебя, на ней были серёжки Ольги! И ты даже не заметил этого! Закрывал на всё глаза, обжимая ту шалаву! А Катя водила тебя вокруг пальца, смеясь над твоими чувствами! А ты до сих пор закрываешь глаза на правду, как будто последний грёбаный трус!

Андрей выкрикивал обвинительные фразы, поднявшись с кресла и всё ближе придвигаясь к другу, заставляя того отползать по кровати к противоположному от него углу, а потом и вовсе вскочить на ноги, наблюдая за тем, как по мере продвижения своей тирады, глаза Андрея внезапно начали наполняться слезами.

— Стой, не ори ты! С чего я должен ей в уши заглядывать? Это ты с ней спал, а не я!

— Спал! И до тех пор, пока не оказался сегодня здесь, готов был спорить с кем угодно, что убийца — не она! Но теперь, после разговора с её братиком, теперь я уверен до конца. Витя! На Кате были те самые серёжки, которые я подарил ей на прошлое день рождение! Те серёжки, которые были на ней в тот вечер, когда мы последний раз видели её живой. Напряги свою сраную память и вспомни, наконец!

Витя вспомнил лишь тот день, больше года назад, когда он составил Андрею компанию, чтобы выбрать Оле подарок на день рождения.

* * *

Они долго слонялись по торговым центрам, шутили и смеялись вдвоём над всякой тупой, но смешной ерундой, лезущей к ним в головы. Вроде даже выпивали понемногу. И вот, в конце концов оказались в самом старом в городе, потрёпанном, уже давно потерявшем былую привлекательность торговом центре, прямо на их старом районе. Без всяких конкретных целей, потехи ради, когда они уже собирались перевести этот неудачный

шоппинг в хорошую такую пьянку, решили зайти и туда. Исключительно ради галочки. Время выпало почти на закрытие. Кроме друзей, других покупателей не было. Это создавало особенную атмосферу, будто их послали в кошмар «среднего класса» современной России.

Унылые лица продавцов всюду. Застигнутые в то время, когда им начинало казаться, что можно уже закрывать магазины и идти по домам, к своим ежедневным вечерним занятиям. И тут заходят два молодых, подвыпивших тела, празднично слоняясь по рядам с мерзкими, самодовольными улыбками, что они, хотя бы в свои выходные, вырвались из нового социального рабства XXI-го века и смотрят сейчас на тех, кому в данный конкретный час повезло чуть меньше. И все работяги провожают их взглядом, и кто-то из них мечтает, что вот эти два пьяных куска их будущей зарплаты заглянут именно в тот магазин, в котором они работают. А вдруг, и правда, что-то купят и символично довыполнят план продаж в последний день месяца, в конце рабочего дня, конце последнего шанса молодого человека или девушки сохранить своё место работы на хотя бы ещё один долгий, мучительный месяц.

И вот Андрей вдруг останавливается у входа в один из самых дорогих ювелирных салонов торгового центра, задерживает свой взгляд на молоденькой продавщице-консультанте. Миловидное, совсем не выражающее раздражения, злости или усталости, по-настоящему счастливое молодое лицо. Ничего примечательного, но и ничего отталкивающего. При других обстоятельствах эту девушку можно было и вовсе не заметить. Но точно не в ту минуту, когда её увидели друзья.

Жизнерадостная улыбка не сходила с её лица, она то и дело прикрывалась пышным букетом и мило щебетала по телефону, прижатому к уху. Столь непривычная жизнерадостность, маленькое счастье маленького человека не могло не привлекать взгляд. В этом царстве вечно уставшего нового пролетариата, душащего свои амбиции во всё надвигающихся волнах мелкого, бытового «благополучия», закрывающего глаза, старающегося навязать ложное чувство причастности к современной жизни и социальной успешности, одним своим статусом «работающего».

Андрей тотчас двинулся к ней. Следом за другом, неохотно шёл и предающийся своим собственным грёзам о продвижении Витя.

— Здравствуйте, девушки! У моего близкого человека завтра день рождения. Нет, не надо думать, что на меня уже не стоит соблазняться! Этот близкий человек, всё равно, что сестра! — задорно, стараясь соблюдать наиболее «соблазнительную» улыбку, вошёл в магазин Андрей, обращаясь сразу к двум девушкам-продавцам, но большее внимание, конечно, уделяя той милашке с букетом ярко-красных хризантем в руках.

Девушка поняла намёк и, как примерный сотрудник, сразу переключилась на клиента, ни на секунду не спуская с себя той искренней, доброжелательной и бесконечно милой улыбки. Андрей таращился на неё преданно-влюбленным, но нетвёрдым полупьяным взглядом. А та оформляла его по полной. В итоге она и уговорила его купить те самые серьги. Ничем не примечательный сплав серебра с металлом, с крошечными вкраплениями золота. Себестоимость этих украшений, по самым максималистичным взглядам, была много меньше, чем те деньги, которые за них выдал Андрей. О порядочной пьянке уже можно было забыть, да и просто на более-менее приличное пиво в нужном количестве уже возможны были споры по поводу равноценного вклада в его покупку.

Виктор даже толком не рассматривал форму этих серёжек, ему хотелось побыстрее увести друга оттуда, пока ему не впарили ещё что-нибудь такое, что его друг мог бы купить

на кураже и ещё долго потом сокрушаться над этой бесполезной покупкой. Поэтому Виктору пришлось чуть ли не силой вытаскивать Андрея из-за кассы, а потом долго объяснять ему, что эта девчонка уже, ясное дело, занята прочно и безоглядно. И если не без пяти минут замужем, то, по крайней мере, уже обручена или беременна. Андрей лишь слушал друга и смеялся над ним.

* * *

— Плохо, но помню, — вздохнул Витя, так как это воспоминание показалось ему очередным осколком прошлой жизни. — Блин, Андрюха, — это были не супер-эксклюзивы из бриллиантов и платины. Таких по городу может сотня ходить, не меньше!

— Я уверен в том, что это те самые серьги, Витя! Поверь мне, я часто их рассматривал. Я знаю каждую их неровность. Я специально их разглядывал ночью, когда Катя уснула. Витя, на ней были Ольгины серьги! Ладно, чёрт с тобой, не хочешь верить мне, пойдём познакомимся с её братцем...

— Андрюха, я слышал о её брате. Да, он был какой-то не в себе. Но он же где-то в психушке, далеко отсюда! А... ты уверен, что это нужная нам квартира, вообще? Андрюха, ты мой лучший друг, но сейчас я не могу быть уверенным ни в чём. Андрей, может ещё не поздно просто уйти?

— Уйти?! Ну уж нет! Пойдём к старине Игорю, только, пожалуйста, хоть тогда не предавайся скоропостижным выводам. Понимаешь, он может прикинуться кем угодно, может соврать и натянуть личину кого угодно. Пожалуйста, не забывай кто твой друг, и что нам нужно. Нам сейчас нужно обязательно дождаться Катю!

Андрей резко развернулся, застав Витю на долю секунды врасплох, отчего тот даже немного отшатнулся назад. Но Андрей пошёл не на него, а в коридор. Витя, несколько смутившись от своей трусливой реакции, последовал за другом.

И вот — те двери, что манили своей неизвестностью, открыты. Витя зашёл внутрь. Посередине комнаты, привязанный к стулу сидел полуголый молодой парень, на первый взгляд, не старше Андрея с Витей. В его рту тряпка или носок, не позволяющие ему выговорить ни слова. На лице множественные кровоподтёки и синяки. Особенно сильно досталось губам и заплывшим фингалами глазам. На диване рядом с ним лежал открытый чехол с инструментами, наполненный, в основном, ножами. И сразу Вите бросились в глаза многочисленные порезы и уколы на теле пленника. Их пленника...

Большинство ран уже потихоньку начинали подсыхать и затягиваться. Одни порезы выглядели запёкшимися. А из других кровотечение всё никак не останавливалось. Один порез, находящийся на груди, выглядел особенно уродливо. Виктор с ужасом понял, что этот порез был прижжён огнём. А сам пленник, привязанный к стулу, увидев новое лицо, ещё больше выпучил глаза, начал судорожно дёргаться, громко, насколько позволял кляп, рычать и мычать. Он безнадежно пытался выговорить хоть слово более-менее разборчиво.

Андрей, находившийся позади него, резко и сильно ударил ему кулаком по рёбрам, отчего привязанный зашёлся в глухом, приглушенном кляпом кашле. Потом Андрей сделал потише орущий телевизор. Ненамного, ровно настолько, чтобы они все могли слышать друг друга. Затем Андрей нагнулся к уху пленника, из которого тоже скатывалась тонкая струйка крови, и прошипел:

— Заткнись, мразь! Если, когда я вырву из твоей глотки кляп, ты завизжишь, ты больше никогда не увидишь свою сестрицу!

— Андрей, что за дерьмо здесь творится! — Виктор отшатнулся назад и приложился спиной к стене. Пленник Андрея вызывал к себе лишь жалость, а Андрей казался всё страшнее в своём внезапном жестоком безумии. — Это что, ты его порезал?! Андрюха, ты вообще в своём уме? Что ты здесь нахуй вытворяешь?! Развязывай его, давай!

— Ну что, Игорёчек, а теперь повтори ему всё, что ты рассказывал мне. И не смей ослушаться, сука, иначе ты поймёшь, что я с тобой ещё даже не начинал всерьёз заниматься!

— Андрей, прекращай это, слышишь! — Виктор направился к своему другу.

Виктор знал, что он сильнее Андрея, и последняя их пьяная схватка наполняла его уверенностью. Но тогда он шёл драться, пребывая в состоянии злой решительности, тогда он готов был порвать этого человека. А сейчас, видя его помешательство, находящийся рядом набор ножей и что-то неизвестное, что Андрей держал в руке, заложенной за спину, Виктор робел. Он чувствовал, как всё сильнее бухает в груди сердце, как плохо слушаются руки и ноги, как неприятно сосёт под ложечкой. И вот остаётся расстояние на один прыжок, перед отчаянной схваткой с другом, которая неизвестно к чему может привести. А после, оставить за собой ещё большую гору вопросов, если Виктор всё-таки сможет победить.

Андрей же выхватил кляп изо рта человека, привязанного к стулу, и, заметно напрягаясь, отскочил назад. Ощувив робкое дуновение свободы, пленник с надеждой посмотрел на Виктора и крикнул:

— Дружище, помоги мне! Он сумасшедший! — Андрей тотчас оказался с другой стороны и с воплем «Заткнись!» ударил его по лицу. Тот дёрнулся от удара, но продолжал настойчиво взывать к Вите:

— Спаси меня, он хочет меня убить! Пожалуйста, я Катин брат!

Витя в нерешительности остановился. Этот возглас показался ему столь правдоподобным, что захотелось немедленно броситься на помощь, но его излишнее признание, что он — Катин брат, заставило Витю оступиться на полушаге, перевести взгляд на Андрея, который стоял, сложив руки на груди, и старался одним взглядом показать, чтобы Витя верил ему, а не пленнику. Витя остановился напротив Андрея, между ними сидел Катин брат, беспокойно переводя взгляд с одного друга на другого.

— Витя, я на твоей стороне! Всегда на твоей стороне. Не заставляй меня снова драться с тобой! Тот, кто нам нужен, сейчас сидит здесь и пытается наебать тебя!

— Посмотри, что он сделал со мной! — завизжал парень. — Он сумасшедший! То, что я ему наговорил — это ложь, чтобы он перестал делать мне больно!

Виктор вконец растерялся. Две пары глаз ожидающе уставились в него, в унисон таратора свои аргументы. Андрей незаметным (как он хотел обставить это) движением вытащил один из ножей и теперь обе его руки оказались за спиной. Он всё дальше пятился назад. Виктор примечал все эти движения.

Андрей всегда был его другом, какая бы ужасная хрень не творилась сейчас, нельзя было так просто кидаться на него. «Что же выложил ему этот парень? Вдруг, я сейчас конкретно облажаюсь, если ошибусь?» Глаза Андрея просили поддержки, но в то же время ясно давали понять, что нападать на него сейчас было бы большой ошибкой. Чувствуя максимальную угрозу для себя, на этот раз Андрей будет драться до конца. И то, что находилось сейчас у него в руках недурственно снижало шансы Виктора на победу. Момент свободного выбора был утерян. И вновь Андрей полностью завладел инициативой.

«Придётся играть по его правилам».

— И что же ты ему наговорил? — Виктор смотрел в пол, когда обращался к привязанному.

— Я могу рассказать тебе всё в деталях, дружище, — ответил вместо пленника Андрей, на лице которого выступила подбадривающая улыбка.

— Заткнись! Я хочу послушать его! — резко бросил Виктор другу, продолжая наблюдать за избитым лицом неизвестного светловолосого парня с веснушками, который сейчас метался в представлении Виктора между двух ролей: убийцы Оли, убийцы ещё шести невинных девушек и, в то же время, сам пребывающий жертвой Андрея. Этот человек мог им обоим создать крупные неприятности. В дополнение ко всему, он ещё и представился братом Кати. Девушки, которая за последние дни стала по-настоящему близким человеком для Виктора.

— Хорошо, я всё расскажу! Я живу с Катей. Я сидел, ждал её дома, когда появился этот чокнутый. С порога накинулся на меня и стал избивать. Он вон буйвол какой, а я вообще насилие не приемлю! Я буддист и пацифист! Вон у меня, не видишь что ли, голова бритая?!

— Зачем же ты ему открыл тогда? Ты его знаешь?

— Катя! Катя мне говорила, что у неё свидание сегодня намечается. Я и хотел его впустить, а сам уйти. Он представился другом Кати.

— Лжёшь, сука! Я тебе слова не сказал, но ты всё равно открыл мне дверь, — тихо, но с явной неприязнью в голосе прошептал Андрей.

— Замолчи! Я хочу услышать его версию, — раздражённо оборвал друга Виктор.

— Да-да, послушай, как всё было, на самом деле! Меня зовут Игорёк, я брат Катьки, и я болею сильно, у меня душевная болезнь! И вот врывается этот... — Игорь поёжился, не закончив предложение, опасаясь принять новый удар. — Я его впервые вижу, ну вживую, в смысле! Я откуда знаю, что у неё такие друзья чокнутые?! Я думал познакомимся, пообщаемся... Я же имею право знать о парне своей младшей сестры?! Открываю ему значит, а он бац-бац, давай меня мутузить, а я ему слова даже не успел сказать! Привязал меня к стулу, достал свои ножи... Это вообще нормально, что он пришёл на свидание с набором ножей?! Он маньяк какой-то! Потом давай меня пытаться: кто я такой, что я здесь делаю. Я ему всю правду сразу выложил, чего мне врать-то? А он всё продолжал пытаться, как фашист какой-то, проклятый! Про Олю какую-то выпрашивал, мол, я её убил! А я вообще понятия не имею, кто такая эта долбанная Оля! Я за свою жизнь даже мухи не обидел, всё от своих болячек в мозгу лечился, у меня и справка есть! А он кричит: я её убил, Катя её убила! Катя убила! Да это святая девочка, мученица Божья! А этот всё продолжал меня мучить да резать... Пожалуйста, милый человек, спаси меня от этого Сатаны в людском обличье, он правда-правда, совсем чокнутый! — Игорь быстро и невнятно протараторил свой монолог, перебиваемый Лепсом, чей клип шёл по телевизору, наконец остановился, облизнул покрывшиеся кровавой коростой губы и теперь с нескрываемой надеждой смотрел на Виктора.

Тот же внимательно слушал всю эту околесицу, которую прямо в его глаза нёс пленник, и с каждым словом она всё меньше нравилась Виктору. Этот суматошно и безумно бегающий в разные стороны взгляд не был похож на взгляд невинной жертвы обстоятельств, оказавшейся не в том месте, не в то время. Порой Игорь начинал смотреть исподлобья. Тогда его взгляд выражал глубокую сосредоточенность и пристальность. Он словно пытался понять, какой эффект производят его слова, и что стоит говорить дальше. Такое поведение

вызывало не жалость, а в большей степени неприязнь, даже отвращение. Выражение глаз пленника ярким контрастом различалось от его наигранной, полной излишних эмоций речи. Разбитое лицо иной раз складывалось в неприятную, отталкивающую гримасу, будто в подтверждение его слов о душевной болезни.

Игорь сам говорил, что он психически больной, а значит сам создавал вокруг себя излишние подозрения. Но готов ли был Виктор принять эти подозрения за чистую монету?

Пока ему оставалось лишь оперативно впитывать полученную информацию, стараясь по крохам выделить то, что было действительно важно. Виктор старался абстрагироваться от источника этой информации, которому явственно необходима была медицинская помощь.

Андрей тем временем отложил молоток и нож обратно, облокотился на стену, спустился на корточки вниз и, казалось, полностью ушёл в себя, возложив всю ответственность по принятию решений на друга. «Игорёк», как он представился, по-прежнему сверлил Витю взглядом, напоминая ему голодную собаку или бомжа-попрошайку в ожидании милости. Вите ничего не оставалось, кроме как тщательно всё обдумать, в попытках найти что-то, вызывающее подозрение в речи этого типчика.

— Эй, алло! Хватит уже молчать, развяжи меня! — несвойственным ситуации повелительным тоном, с нотками визгливости и истеричности воззвал пленник.

— Развязать? Подождёшь, ничего с тобой не сделается, — Виктор посмотрел на Андрея, который продолжал сидеть, прислонившись к стене и уставившись в экран телевизора, который всё это время не переставал сменять друг за другом музыкальные клипы. Андрей создавал видимость, что вся эта кутерьма вокруг совершенно его не касается. — Андрюха! Что он имел в виду, говоря, что вживую видит тебя первый раз?

— Понятия не имею. Если честно, когда я с ним общался, он не был таким многословным, — ответил Андрей, не пошевелившись.

— Ты садюга! Тебя расстрелять надо, маньячелло! Ты меня ножом резал, гад! — не выдержав и наклонив голову назад, будто пытаюсь сделать невозможное — посмотреть своему мучителю в глаза, визжал Игорь, продолжая своё негодование рядом нецензурной лексики. Андрей вновь не повёл и бровью.

— Что ты имел в виду, говоря, что видишь его первый раз в живую? — напрямик задал свой вопрос Виктор, изложив первое, что сразу напрягло его при прослушивании рассказа Игоря.

— Да вон, в её комнате фотографии... — Игорь осёкся на полуслове и замолк.

— Что? Какие фотографии? — требуя ответа, Виктор вглядывался во всё ещё находившегося в их плену человека, при этом непонятное отвращение к нему всё больше прокрадывалось и заполняло сознание. Андрей в это время поднялся и двинулся к своему другу. Виктор непроизвольно напрягся и хотел было отступить назад, но большим волевым усилием заставил себя остаться на месте.

— Я первый раз об этом слышу, но мне очень интересно было бы на это посмотреть. — сказал Андрей, оказавшись рядом с Виктором. Тот, посмотрев в его лицо, кивнул, и рукой указал в сторону коридора, приглашая Андрея выйти и начать разведывать поступившую информацию.

— Эй, так ты меня развяжешь, или ты такой же, как этот? Ты слышишь меня? Отвечай, когда я тебя спрашиваю! — своим поведением Игорь ни капли не увеличивал симпатии к себе и слабо влиял на решение Виктора оставить его пока связанным или отпустить.

— Посиди здесь, сейчас мы придём.

— Что значит, посиди здесь?! У меня затекли руки, затекла жопа, у меня всё болит, я хочу в туалет, я хочу размяться! Что с тобой не так, если ты веришь этому психопату, почему ты не хочешь мне помочь?! — Игорь продолжал канючить и выкрикивать свои мольбы, вперемешку с проклятиями, в спину удалявшемуся Виктору, который закрыл за собой двери, стараясь не слышать всей грязи, что исторгалась изо рта их пленника.

Прежнее чувство нереальности и фальши всего происходящего вновь овладевало Виктором. «Не может связанный, невиновный человек, подвергшийся пыткам, так разговаривать! Пускай, даже и сумасшедший». — думал он, бредя по коридору в комнату, которая, предположительно, должна принадлежать Кате. «Хотя, много ли я видел людей в таком положении? А что, если он всё-таки прав? Вдруг, он невиновен? Однако, с ним явно что-то не так».

Виктор изо всех сил старался вспомнить всю когда-либо слышанную им информацию о старшем брате Кати, но, как назло, мозг показывал лишь темноту, которая периодически разбавлялась и пульсировала от звука громко бухающего сердца Вити. Да, он вспомнил, что с её братом было что-то не так. Какая-то болезнь. Катя сама говорила несколько раз об этом. «Неужели это правда, неужели всё сходится, и Андрей прав?»

Виктор зашёл в спальню Кати, успев увидеть, как Андрей стремительно засовывает что-то в карман джинсов. На комодке располагалось множество, видимо, выложенных Андреем бумаг и фотографий. Ящик — единственный, что был открыт — оказался заполнен нижним бельём девушки.

— Что ты там, трусы на память украл? — Виктор чувствовал, что его шутка, мягко говоря, была не очень уместна, но слова вырвались из уст прежде, чем он смог это предотвратить.

— Нет, не трусы. Посмотри — да она же моя фанатка! — ответил ему Андрей, фальшиво хихикнув и указав рукой на свои находки.

Виктор подошёл ближе и действительно увидел, что на многих фотографиях запечатлён Андрей. Большинство фото были взяты и распечатаны из социальных сетей, но некоторые вызывали вопросы.

Судя по всему, Катя следила за ним. За Андреем, и за Витей тоже. Вот Андрей выходит из своего подъезда; вот Витя на кладбище; вот Оля в гробу; Андрей на каком-то пустыре; Андрей, запечатлённый бегущим, но при этом его лицо заснято поразительно точно. Помимо этого, вместе с фотографиями раскиданы и вырванные из блокнота страницы, на которых неровным почерком, без сомнений, принадлежащим Кате, оставлены какие-то записи. Витя взял одну.

«Он знает Витю! Я, как никогда, близка к нему! Нужно всё спланировать, нужно подобраться ещё ближе. Как это волнует! О боже, боже, куда заведёт меня эта игра? Плевать! Мне уже давно нечего терять...»

— Что это значит? — демонстрируя прочитанную записку, спросил Витя у друга. Андрей лишь пожал плечами, сделав шаг назад.

— Покажи мне то, что ты спрятал в кармане! — Витя чувствовал, что он начинает закипать. Теперь сомнений не оставалось: в этой квартире, на самом деле, сегодня решаются судьбы людей. И его судьба — в том числе. Вопросы, вопросы, вопросы всё вспыхивали в его мозгу, а он продолжал переводить взгляд с Андрея на фотографию, где Ольга лежала в гробу. «Как? Когда она могла сделать этот снимок? При чём здесь вообще Андрей?»

— Тебе стоит сделать, что я велю, братан.

— У меня в кармане просто наша с Катей фотография. Она к делу не относится.

— Ну так покажи её мне!

— Витя, тебе правда хочется посмотреть на нас голых? Ты серьёзно? — лицо Андрея повлажнело от выступившего пота. Он врал, он явственно врал и сам понимал, что делает это из рук вон плохо, но всё равно изо всех сил старался не допустить, чтобы Витя узнал нечто такое, что Андрей во что бы то ни стало хотел скрыть. Витя всё видел и понимал. Его раздражение, переходящее в злость, доходило до невиданного ранее предела.

— Дай мне посмотреть эту сраную фотографию! — чеканя каждое слова, больше прорычал, чем сказал Виктор, требовательно подняв руку и медленно, напряжённо надвигался на Андрея.

— Витя, если ты сделаешь ещё шаг, то это станет самой большой ошибкой в твоей жизни... Пойми, не я твой враг. А то фото, что у меня, клянусь, не имеет к делу ни малейшего отношения. — Переходя в конце на шёпот, произносил Андрей, напрягаясь в предчувствии близящейся настоящей отчаянной схватки за выживание с человеком, которого он считал братом.

За окнами стало совсем темно, и друзья, сверлившие друг друга взглядами, продолжали стоять на расстоянии рывка друг от друга. Развязка должна была произойти с мгновения на мгновение, как в неподходящий моменту саундтрек, — издававшийся со стороны гостиной от включённого телевизора, надрываясь произведя полузабытый трек из конца 90-ых, — ворвался новый, отрешённый, но настойчивый звук:

УАУ УАУ УИИ

УАУ УАУ УИИ

Виктор и Андрей, казалось, одновременно вычленили эти новые, беспардонно вторгшиеся в их казавшийся отрезанным и изолированным мир противостояния. Первым среагировал Андрей. Приложив указательный палец к губам и прошипев «тсс», он, не обращая внимания на готового броситься на него с кулаками друга, стремительно покинул комнату.

Виктор, как вкопанный, остался на своём месте, глазами провожая друга. Друга ли? Быть может, он враг? Опасный психопат, с которым воля судьбы заперла его в одном помещении?

Окоченение быстро спало. И вся абсурдность, дикость и невозможность ситуации нахлынула на него вновь, заставив испытать лишь безудержный страх перед неизвестным. «Кто это может быть? Вдруг, это полиция? Что я им скажу, что им скажет Андрей? Как объяснить изувеченное и связанное тело в гостиной?»

Эти и ещё тысячи вопросов пронесли у него в голове. Совершенно не понимая, что делать и как выкручиваться из назревавшей беды, в которой он сам был абсолютно не виновен, Виктор подался первому порыву, первому сигналу, что предложил его мозг. Он судорожно начал собирать разложенные на тумбочке бумаги и прятать их, накрывая лифчиками и трусиками девушки, которой, несомненно, была Катя.

УАУ УАУ УИИ

УАУ УАУ УИИ

Тревожно раздавалось с другого конца квартиры. «Ну вот и всё» — зациклилась в мозгах единственная мысль, за которую Виктор усердно цеплялся, чтобы полностью не потерять самообладание. Как вдруг, одна из фотографий приковала его внимание.

На ней были Катя и Андрей. Это была очень пошлая фотография, явно

непредназначенная для третьих глаз. Витя с Олей тоже делали нечто подобное, не столь откровенное, но схожее по задумке, правда, потом всегда незамедлительно всё удаляли — Оля настаивала. Но эта фотография переплёвывала их самые дерзкие и смелые фотосеты. Однако, Андрей не спрятал её...

Что же тогда должно быть на той фотографии, из-за которой они чуть не подрались?

УАУ УАУ УИИ
УАУ УАУ УИИ

Катя продолжала настойчиво зажимать кнопку дверного звонка, постепенно раздражаясь всё больше и больше. Ключом дверь не открыть — она закрыта на щеколду с внутренней стороны. Девушка была уверена, что Игорь всё ещё там, добрался до припрятанного алкоголя, нажрался как сволочь, накрутил громкость музыки на максимум и теперь не может прийти в себя и открыть ей дверь. «Зачем этот дебил закрыл на щеколду? Неужели он кому-то открывал, запускал кого-то в квартиру?»

Эта мысль и последующее её развитие в голове Екатерины заставили девушку поёжиться. Вдруг непоправимое уже случилось, когда она приводила свои мысли в порядок? Вдруг, ОНИ уже познакомились? Катя, не сдаваясь, раз за разом нажимала на кнопку звонка, чувствуя, как скребут кошки на душе в тревожном ожидании неизвестного. «Рано или поздно он ведь проснётся? Неужели Игорь думает, что я развернусь и уйду ночевать куда-то ещё?»

Со стороны закрытой двери послышалось слабое движение. Катя не была уверена в этом полностью, но чувство, что кто-то наблюдает за ней из квартиры, сразу завладело ей, не предоставив ни шанса на сомнения в подлинности этого чувства. Теперь явственно слышалось, как отпирается дверной замок с той стороны, и вот дверь резко распахнулась.

— Андрей! — едва успела охнуть девушка, как её стремительно потянули за плечо, одним резким движением втащив внутрь квартиры.

Андрей сразу прижал её к себе, одной рукой закрыв ей рот и откинув голову вверх, другой он приставил что-то холодное и, видимо, острое к её горлу.

— Будешь дёргаться — перережу глотку, — шепнул он ей на ухо.

Катя лишь неловко пискнула от внезапности нападения. Она даже не чувствовала страха, — всё случилось настолько быстро, что девушка не успела в полной мере осознать случившиеся.

Андрей, продолжая держать нож у её горла, — который был настолько сильно заточен, что даже лёгкое прикосновение рассекло кожу, заставив выступить каплю крови, — повёл её за собой в комнату, толкнул на диван.

— Катя! Сука, только попробуй ей что-то сделать, и я убью тебя, как ту шлюшку! Нет, мразь, я сожгу тебя, сожгу тебя заживо, ублюдок! Катя! Катя беги! Он долбанный маньяк! — увидев свою сестру, что есть мочи заверещал Игорь, безумно выпучив глаза.

Андрей со всей силы приложился ему в челюсть кулаком, в котором до сих пор был сжат нож. Удар оказался настолько сильным, что Игорь вместе со стулом упал набок и потерял сознание. Катя вскрикнула, но, встретившись взглядом с Андреем, тут же притихла и в буквальном смысле прикусила язык.

Казалось, что-то неестественное завладело телом Андрея и сейчас из его глаз смотрело на девушку. Она видела своего безумного брата в самые страшные моменты, но никогда, даже близко, он не казался ей настолько пугающим, как лицо Андрея сейчас. Это лицо выражало не сумасшествие, ярость или похоть, нет. Пугало отсутствие привычных для человека эмоций. Это было лицо мертвеца, с заполненными тьмой глазами. Лицо, которому было чуждо всё человеческое. Катя впервые в жизни буквально поняла выражение «смотреть смерти в глаза».

— Андрей, — в дверях появился Виктор и ошарашенно наблюдал за происходящим. — Опустит нож, слышишь?

— Ты слышал его? — указывая ножом на поверженного и не подающего признаков жизни Игоря, спросил Андрей. — Ты слышал, что он сказал?

Андрей отвернулся от Кати. Та, пользуясь моментом, с ногами забралась на диван и отползла к его дальнему краю. Судорожно оглядываясь по сторонам, она искала пути к спасению. Только в это мгновение она резко осознала происходящее и безумная паника смертельным ядом растеклась по телу. Катя с абсолютной ясностью поняла, что может умереть прямо здесь и сейчас. Струйка крови, стекающая от головы её брата на пол, была явным подтверждением этого.

«Соберись! Думай, думай! Он не убил меня сразу, значит шансы есть, главное сейчас — собраться!» — как заклинание, крутила она эти слова в голове, отгоняя наступавшую на глаза темную пелену спасительного забытья. Сердце билось, как после марафона, руки дрожали, дыхание участилось, всё тело будто налилось свинцом. В данный момент ей оставалось только ждать и бороться со своим страхом смерти, в надежде на призрачный шанс озарения, который позволит придумать способ спастись...

Виктор переводил взгляд с лица Андрея на зажатый в его кулаке нож и обратно. Видел лежащего на полу Игоря и перепуганную, обнимавшую себя за колени и трясущуюся Катю. Мозг, казалось, превратился в кисель, в густую медленно текущую жидкость, которая мешала мыслить так же ясно, как обычно. А в телевизоре в это время надрывался Рома Зверь со своими «Дождями-пистолетами».

— Ты слышал, что он сказал? Он признался! Витя, это они убили Олю! Почему ты мне не веришь, твою мать, — я же твой сраный лучший друг! — повторил Андрей. Впервые, на последнем слове, его голос дрогнул. Он бросил нож под ноги Виктора и теперь в ожидании ответа смотрел на него.

— Я слышал только, что он кричал... — не сводя взгляда с брошенного ножа начал Виктор. — Из-за этой чёртовой музыки я не разобрал ни слова.

— Ни слова... — эхом повторил за ним Андрей, а после бросился к своему рюкзаку, уверенным движением выхватил киянку и в ту же секунду оказался у телевизора. Замахнулся, ударил. Экран разбился вдребезги, под фонтан вылетевших из него искр. Следующие удары прошли по аудиосистеме, колонкам и стеклянному столику, на котором они располагалась.

Разбитый телевизор ещё недолго издавал потрескивание и шипение, а после наконец окончательно затих. Звенело стекло разбитого стола. Всё замерло. Никто не издал ни звука, не сделал ни единого движения. Тишина, разбавляемая тяжёлым дыханием.

Андрей разжал руку, державшую молоток. Тот с глухим стуком упал на паркет. Андрей заметил, что осколки впились ему в руку, рассмотрел кровоточащую рану и с усилием вырвал самый большой осколок, издав при этом звук, похожий на рычание. Громко ругнулся, затем взглянул на Виктора и сказал:

— Нахуй музыку! — потом что-то поменялось в его лице. По нему пробежали судороги, выступил угрожающий оскал. Андрей закрыл лицо руками, пригнулся, шёпотом повторяя «нет, нет, нет» и мотая головой из стороны в сторону.

— Андрюха, что с тобой? — Виктор неуверенно направился к нему и, когда оставалось сделать пару шагов, уже протягивал руку, чтобы прикоснуться к другу, но тот резко отстранился от него.

— Мне нужно в ванную. Постарайся тут всё не испортить! — хрипло проговорил Андрей и, пошатываясь, вышел из комнаты.

Виктор проводил его взглядом. Глянул на Игоря, заметив, что тот пришёл в себя, но по-прежнему неподвижно лежал на полу с открытыми глазами. Катя вся дрожала, но похоже уже начинала брать себя в руки. Она сидела на диване с неестественно выпрямленной, напряжённой спиной и бегала глазами по комнате. Но едва они встретились взглядами, как она тотчас крепко зажмурилась. Напряжённая, звенящая тишина воцарилась в комнате.

— Почему ты не кричишь? — спросил у неё Виктор первое, что пришло в голову. Спросил, лишь бы развеять напряжение, услышать голос девушки. Он до сих пор слабо надеялся, что Катя сейчас рассмеётся и воскликнет: «Розыгрыш!»

— А смысл? На этом этаже живём только мы, — дрожащим, тихим голосом ответила девушка.

— Ясно...

Виктор не знал о чём ещё говорить. Он находился в шоке не меньшем, чем сама Катя. Всего лишь каких-то пять минут назад наполнявшие его голову вопросы вдруг пропали. В ушах стоял только отвратительный, непрекращающийся звон.

— Может, водички тебе дать?

Катя удивлённо посмотрела на него и утвердительно кивнула.

— Кухня прямо за стенкой.

— Нет, вообще-то, пойдём со мной. Сама покажешь.

— Я... не знаю, смогу ли встать.

— Что-то не так? Андрей сделал тебе больно?

— Вроде нет... — дотронувшись до небольшого пореза на горле и вытерев рукой кровь, ответила Катя.

— Тогда вставай, пойдём. Выпьешь воды, успокоишься. Поверь, я сам ни черта не понимаю, что здесь происходит!

Виктор попытался вставить смешок, но этот звук тотчас показался ему настолько презрительно неестественным и жалким, что он сразу прервал это чуждое сотрясение воздуха. Вообще, вся последняя фраза была настолько полна оправдания, что ему стало не по себе. Почему он оправдывается? Ведь он, Витя, ни в чём не виноват и на самом деле не понимает, что происходит. Но слова Андрея, в которых он обвинял эту парочку в смерти Ольги, а ровно и напуганный, боязливый и виноватый взгляд Кати заставляли его складывать картину воедино.

— Что с Игорем? Он плохо выглядит, — Катя прервала его размышления.

— Глаза открыты, он моргает. Значит, всё нормально, — сухо ответил Виктор.

— Почему он тогда молчит?

— Катя, давай без лишних вопросов. Пойдём на кухню.

Девушка неловко поднялась с дивана, подошла к своему брату, хотела пригнуться к нему и проверить, что всё в порядке, но Виктор не дал ей этого сделать. Схватил её за руку, повёл за собой. Катя о что-то запнулась и чуть было не упала прямо на стекло, но Виктор вовремя притянул её к себе. Она по инерции обхватила его шею руками. Они простояли обнявшись, на одно мгновение дольше, чем это было необходимо. Виктор первый отстранился и, крепко зажав её влажную ладонь в своей, повёл девушку на кухню.

— Садись здесь, — он указал на первый увиденный им стул и отпустил её руку.

— Давай я налью. Всё-таки, я здесь хозяйка, — предложила дрожащим голосом Катя, но

сразу нервно рассмеялась от осознания, что сейчас хозяйном положения была явно не она. — Ладно. Хорошо. Витя...

Виктор набрал полный стакан воды из-под крана, забыв о джентльменстве, жадно осушил его сам, потом набрал по новой и протянул стакан девушке. Та обхватила стакан ладонями, крепко вцепившись, будто обнаружила в нём защиту, сделала пару небольших глотков.

— Витя... что происходит, а? — спросила Катя, сама поразившись, насколько наивно и по-детски прозвучал её вопрос.

— Если бы я знал, — замерев у окна и разглядывая всё яростней бушующий снегопад, Виктор тщательно подбирал слова. — Но похоже, мы тут все неспроста, да, Катя?

— Я не знаю. Я приглашала только Андрея. Игоря не должно было здесь оказаться. А что ты тут делаешь? Как зимняя резина, хорошо всё? Витя, по-моему, Андрей сошёл с ума. Нам нужно что-то делать. Игорь душевнобольной, от него мало толку. Если ты уведёшь Андрея, я обещаю — никаких последствий не будет, правда-правда. Ты же сам видел? Андрей ведёт себя ненормально. Вчера был нормальный — сегодня нет. Бывает ведь такое, Вить? Игорь вот в детстве хороший был, не болел, а потом раз и всё... — Катя быстро и невнятно тараторила набор слов, со странной улыбкой заглядывая Виктору прямо в глаза, стараясь изобразить самое невинное и глупое лицо, на которое она только была способна. Своей речью она сейчас напомнила брата.

«Лишь бы он не увидел серьги! Лишь бы он их не узнал! Что им известно, что им рассказал брат? Что же мне делать? Какого хрена я не бросила серьги в огонь!»

— Стой. Хватит трещать! Сперва мне нужно кое в чём убедиться.

Виктор приблизился к ней, протягивая руку к волосам. Катя чуть отпрянула, пока не встретила со спинкой стула, но поняв, что подобным действием может вызвать ещё больше подозрений, и, лихорадочно выстраивая свой план последней надежды, не убирая с лица улыбки, вкрадчиво вглядывалась в лицо парня. Тот убрал прядь волос, обнажив её левое ушко, и, как от разряда тока, отёрнулся назад. В глазах Виктора что-то промелькнуло, его рот непроизвольно раскрылся в изумлении.

— Что-то не так? — прошептала одними губами Катя, в ожидании своего приговора.

Но приговор не раздался. Из глубины квартиры донёсся оглушительный грохот, пугающий безумный крик и явственные звуки драки. Виктор взглянул туда и пулей вылетел на встречу шуму.

Екатерина часто-часто дышала, стараясь успокоиться. Провела руками по лицу. Теперь нужно было действовать. Сейчас или никогда.

Игорь почувствовал, что после падения путы на руках ослабли. Воспользовавшись случаем, что его оставили одного, смог освободиться. Поднялся на ноги, подобрал один из ножей и направился в ванную.

Андрей стал главной целью его мести, его злейшим врагом. Весь дрожа от ярости, подпитываясь своим безумным адреналином, который заставлял забыть о боли и слабости, он упрямо направлялся к закрытой двери ванной.

Распахнув её, он с криком бросился на своего мучителя, нанося удар вслепую. Андрей был застигнут врасплох: он едва более-менее остановил кровотечение на руке и сейчас как раз перебинтовывал рану. Если бы Игорь смог сохранить хоть немного хладнокровия и сначала открыть дверь, а потом, прицелившись, нанести удар, то вероятнее всего, Андрей был бы уже мёртв. Но Игорь влетел в ванную запнувшись о порог, неловко ввалился внутрь, всё-таки сумев вскользь порезать ножом плечо Андрея. Тот выпустил из рук бинт, вступил в схватку, изо всех сил стараясь вытолкнуть Игоря в коридор. Наконец, ему это удалось, но на его руках и животе наливались красным неглубокие, но всё равно чувствительные порезы.

Игорь от удара ногой в живот растянулся пластом на полу в коридоре. Рыча и ругаясь, он отползал назад, пытаясь подняться и не переставая размахивать ножом перед собой. Андрей неуверенно следовал за ним, готовясь к продолжению схватки.

— Что за... — со стороны комнаты показался Виктор, который чуть было не наступил на Игоря. Тот, увидев новую цель, ударил его ножом по ноге. Виктор не успел среагировать, и сталь с мерзким скрежетом прошлась по его кости, как масло пройдя кожу и мясо.

Виктор вскрикнул от неожиданной боли, отшатнулся назад, потерял равновесие, упал на пол, при этом больно приложившись о тот стул, к которому был недавно привязан Игорь. От шока Виктору оставалось лишь смотреть, как Игорь стремительно встаёт и бросается к нему с ножом. Издав стон боли, Виктор, в отчаянной попытке спастись от удара, перевернулся и был уверен, что вот сейчас в его тело вновь и вновь будет вонзаться нож.

Но ударов не последовало. Вовремя успел вмешаться Андрей, оттолкнув Игоря от друга, отчего тот отлетел, вонзив нож в паркет. Андрей тотчас пнул нож, который отлетел к железной ножке дивана, срикошетил и, крутясь, уткнулся рукояткой в бок Виктору, только после этого остановившись. Виктор развернулся, поднял нож, попытался подняться и вернуться в бой, но едва привстав и случайно перенеся вес на раненную ногу, с мучительным стоном и гримасой боли осел у стены.

Игорь смог встать и теперь — обезоруженный — рванулся от Андрея к оставшимся в комнате ножам. Андрей оказался проворней, успел схватить его и повалить на пол. Они продолжили жестоко бороться. Игорь, чувствуя, что ему нечего терять, сопротивлялся изо всех сил — кусался, дёргался, лягался. Андрей, получив неприятные, кровоточащие порезы, ощущал, что силы постепенно покидают его. Он собрался, подвернул ногу под живот Игоря, находящегося в этот момент на нём, и мощным пинком скинул его с себя.

— Стоять! Разошлись! — раздался пронзительный крик Екатерины, о которой уже все, в пылу схватки, успели забыть. Андрей повернул голову к девушке и непроизвольно усмехнулся: она сжимала в руках непонятно откуда взявшийся пистолет.

«Ну, конечно, у неё пистолет, ещё бы! Какая нелепость...» Андрей отполз к стене и устало прислонился к ней, стараясь перевести дыхание. «Вот и всё, вот так, да?» — думал

он, неотрывно наблюдая за девушкой, которая направляла пистолет поочередно на всех трёх её неожиданных гостей. Глядя в широкое дуло, Андрей не сомневался, что это не пугач и не «травматика», а вполне себе боевой ПМ.

— Катюха!!! Красотка! Ну всё, пиздец вам, твари! — Игорь, радостно воодушевившись неожиданно изменившемуся балансу сил, схватил из набора ножей самый большой, похожий на мясницкий, и, улыбаясь окровавленным лицом, направлялся прямо к Андрею, тяжело дыша.

— Вот теперь, давай поиграем!

— Стоять! Брось нож и иди сюда! Быстро, я сказала! — рявкнула на него сестра.

Андрей не смог заставить улыбку сойти с лица. Руки, державшие пистолет, заметно тряслись, но голос звучал уверенно и грозно. Позабытая симпатия к девушке, с которой он провёл прошлую ночь, казавшейся одной из ночей прошлой жизни, вновь просыпалась. Андрей был уверен, что её брат послушается этого приказа и, быть может, даже нападёт на сестру. Что ж, тогда удастся выиграть немного времени.

Лицо Игоря поменялось мгновенно, он с выражением лица, свойственным скорее нашкодившему школьнику, чем убийце с огромным мясницким ножом, посмотрел на сестру.

— Что? Их надо убить, сестрёнка! Ты знаешь, что он со мной сделал? Ты знаешь?!

— Заткнись! Ты сам его впустил, придурок! Теперь брось нож, живо!

— Сестричка, — Игорь, не опуская ножа, повернулся к Кате и медленно направился в её сторону. — Тебе не кажется, что ты начинаешь забываться?

— Брось нож или, клянусь, я выстрелю в тебя! — Игорь остановился, переводя взгляд с дула пистолета на лицо сестры и обратно. Потом оглянулся на друзей, занимающих почти одинаковое положение подпорок для стены.

Виктор прижимал платок, уже пропитавшийся кровью, к ране, безуспешно пытаясь остановить кровотечение. Он изо всех сил старался абстрагироваться от происходящего и побороть наступающую его сильную тошноту.

В глазах у Виктора неумолимо стояли серьги. Те самые — Олины серьги, которые сейчас были надеты на Кате. Которые она уже не скрывала прядью волос, и украшение насмешливо поблескивало на её ушках, будто издеваясь над глупостью Виктора. Надавлив на рану чуть сильнее, он невольно охнул. На мгновение всё вокруг поглотил розоватый туман.

— Застрелишь меня, собственного брата? И ты так легко, при этих двух ублюдках, сейчас мне это говоришь?! — переходя на злобное шипение, с отвратительно перекошенным лицом вопрошал у сестры Игорь.

— Поверь, я это сделаю, если ты не бросишь нож.

— Сука! — рявкнул Игорь, но всё-таки послушался и раздражённо отбросил нож в сторону.

— Теперь иди в ванную и принеси аптечку. Вы все плохо выглядите.

— Что? Аптечку? Это тебя надо было в дурке запереть, сумасшедшая сука! — ошарашенно ответил Игорь, но всё-таки развернулся и пошёл к коридору, по пути не удержавшись и сильно пнув Андрея по ноге. Тот безмолвно стерпел удар, только подмигнув обидчику.

— Что, думаете вам всё с рук сойдёт? Неа, она сумасшедшая, она вас сама пришьёт! Только поиграется сперва. Уж я-то знаю! Ну ладно, пусть на этот раз сестрёнка повеселится.

Игорь, продолжая свою злобную тираду, скрылся в темноте коридора.

Андрей проводил его взглядом, потом вновь сфокусировался на Кате, которая, казалось,

испытала облегчение, когда её брат удалился из зоны видимости. Девушка устало сползла на диван, продолжая сжимать в руке пистолет.

— Андрюша, Витя, скажите мне наконец, что здесь происходит? — переводя взгляд с одного на другого, спросила Екатерина, прекратив целиться в своих гостей. Они же, в свою очередь, продолжали без намёка на движение и агрессию сидеть, облокотившись, каждый на свою часть стены. Виктор старался остановить кровотечение, а Андрей, безмолвно ухмыляясь, следил за каждым вздохом Кати. Ответа на её вопрос не последовало.

Катя задала этот вопрос, конечно, «ради галочки». Она не особо надеялась на развёрнутый ответ. Уже давно всё понятно, и она сама, конечно, имела полное представление, из-за чего её дом в этот вечер вдруг превратился в самое настоящее поле боя. Но просто так сдаваться, признавая поражение, она тоже не собиралась. Катя сомневалась, что сейчас она делает всё правильно. Не проще было бы, дважды нажав на спусковой крючок, спастись, выйти победителем из этой игры, которую, казалось, она безапелляционно проиграла всего лишь каких-то полчаса назад, нажав на кнопку звонка в собственный дом?

Екатерина пыталась принять вызов Андрея и победить его в «гляделки», но хоть сейчас его лицо и выглядело абсолютно нормальным, без намёка на ту маску смерти, всё равно она проиграла — первый раз в жизни — и отвела взгляд.

— Ты, конечно, умеешь сделать свидание незабываемым... — едва слышно, обращаясь только к Андрею, прошептала Катя, в полной уверенности, что он её услышал.

— Ага, свидания — это мой конёк... Ну что, девочка, что ты теперь будешь делать? Так ли ты уверена, что я не смогу добраться до тебя быстрее, чем ты выстрелишь?

— Надеюсь, ты не будешь это проверять. Андрей, я правда недурно стреляю, и, поверь, ты сможешь убедиться в этом, если сделаешь хотя бы одно неправильное движение.

— А я вас не смущаю? — Виктору вконец надоело, что на него не обращают ни малейшего внимания. — Спасибо, дружище, отличная тусовка! — обратился он к Андрею. — Теперь эти мрази нас убьют! Слышишь, Катя! — с непередаваемым презрением обратился он к девушке, продолжавшей крепко сжимать железную рукоятку пистолета. — Ты думаешь, я дурачок? Это ведь вы с этим ублюдком убили Ольгу! Это всё вы! Тупая сука, ты ещё и осмелилась носить её серьги?! Андрюха, прости, что я был настолько слеп и туп. Я давно мог раскусить эту лживую тварь! Но теперь мы сидим на мушке пистолета этой ненормальной и вряд ли выберемся отсюда... Андрюха, прости меня, что я сомневался в тебе, но поверь, все эти твои закидоны выглядели... пиздец, какими странными!

— Я ни в чём не виню тебя, Витя. Дерьмо случается, что теперь поделаешь... Где твой медбрат? Мой друг истекает кровью, если ты не заметила!

Катя снова направила дуло пистолета сначала на Витю, потом на Андрея. Кажется, Игорь и впрямь задерживался.

— Игорь! — закричала что есть мочи Катя.

— Что, сука, почувствовала правду? Скажи зачем, зачем ты это сделала? Почему Оля?! Отвечай, ты, мразь?! Ну, что ты молчишь и целишься в меня своей игрушкой? Стреляй, сука! Стреляй или отвечай! — рычал Виктор на девушку. Всё исчезло в его видении: пистолет, которым была вооружена обидчица; рана на ноге, едва-едва начавшая подсыхать; вся эта сумасшедшая квартира и все лица, глаза, находившиеся в ней. Виктор кричал ещё что-то, сверля взглядом Катины синие колодцы, которые злили его всё сильнее тем, что не выражали абсолютно ничего и лишь метались то на Андрея, то на полумрак коридора, в

ожидании своего спасителя.

— Катя, всё это напрасно. Ты должна понять, что сегодня настанет твой час. Катя, ты мне нравишься, честно, но такого я спустить не могу. Ты умрёшь сегодня, — опустив голову и говоря в пол, казалось, очень тихо, но при этом полностью заглушив Виктора и приковав внимание к себе, произнёс Андрей.

— Вот так значит! Ну ничего, это мы ещё посмотрим. Что, сделаешь из меня свою новую «циферку»? — совершенно отвлекшись от Виктора и теперь уставившись на Андрея, направив на него всю силу своих иссиня-синих глаз, резко и уверенно, как до этого она приказывала Игорю, ответила Екатерина.

— Говори со мной! Говори со мной, шлюха! Ты убила мою любовь! Что ты теперь несёшь, тварь?! Почему Оля?!

Виктор, движимый бесконечной злобой, уверенный, как никогда, в своей правоте, начал подниматься с места. Оперевшись на пораненную ногу, попытался встать, но со стоном боли вновь обрушился вниз. Не сдаваясь, сделал ещё одну попытку. Продолжая неистово ругаться, он смог сделать даже маленький шаг. Ещё шаг. Всё, что копилось в нём последнее время, вырывалось на невысокую, хрупкую девушку с бесконечно синими глазами. Ещё шаг. «Она! Она виновата в том, что я больше никогда не смогу увидеть Ольку! Что она говорит, почему не смотрит на меня?!» Сильно хромя, Виктор изо всех сил пытался приблизиться к ней: ещё шаг, ещё движение, ещё порыв. Вот-вот он сможет кинуться на неё: вцепиться, кусать, рвать и царапать, бить и пинать, душить и резать это тело, это кажущееся невинным лицо. Ещё шаг! Ещё метр! Сантиметр! Вот-вот! Прыжок...

— Циферщик! Я знаю всё о тебе! Я ждала этого с тех самых пор, как узнала о тебе! Андрей, если ты знаешь об Оле, ты должен знать обо всём...

— Ничего я не должен! Ты фотографировала меня, ты знала обо мне. Почему ты тогда не сказала сразу, Катя? Зачем я тебе?! — кричали друг на друга Катя с Андреем.

Катя либо не замечая, либо старательно делая вид, что не замечает Витю, целилась прямо в середину грудной клетки Андрея. Плевать, что там кричал Витя, подбираясь к ней. Это лишь ещё одно препятствие, лишь новая преграда, на которую плевать, которой достаточно будет одной пули. Главная же её цель — то, к чему она целенаправленно шла, заварив всю эту кашу, из-за чего теперь все в сборе, в абсолютном вакууме зла, ненависти и смерти — это Андрей. Андрей — Циферщик. Андрей — убийца-маньяк, полгода терроризирующий их город.

— Всё это — только из-за тебя!

Тут Виктор, всё-таки подобравшись к Екатерине, выхватил из-за пазухи тот нож, случайным образом отлетевший к нему. Он не слушал их диалога, ему это было не интересно. Отбойным молотком колотящееся сердце раскатами грома отдавало в ушах, заставляя все прочие звуки исчезнуть. Виктор оказался предельно близко к последнему рывку, который мог помочь совершить долгожданную месть. Кровью виновных отмыть не predetermined смерть близкого, любимого им человека. Внутренне напрягшись до предела, Виктор готов был совершить решающее движение, как что-то твёрдое и тяжёлое с силой ударило его в голову, заставив упасть, перекатившись через диван, и с сильным грохотом брякнуться об пол.

На пороге стоял наконец появившийся Игорь. Губы его были растянуты в кровожадной ухмылке. Он был доволен метким попаданием, спасшим его сестру. Зайдя в комнату, он с удивлением обнаружил, что главный обидчик, в отличии от его друга, преспокойно расселся

на полу и лишь с непередаваемым, непонятым выражением лица глядел на Катю. Выполнив поручение и со всей силы запустив аптечкой в Витину голову, Игорь, добывший ещё один нож, — лично им припрятанный под ванной нож-бабочку, с невообразимо остро, по мнению Игоря, наточенным лезвием, — безумно скалился, в ожидании воцарения его справедливости.

Игорь схватил Андрея за волосы, сильно потянул вверх, ударив того затылком о стену, раскрыл нож и, приставив его к лицу бывшего мучителя, ехидно сказал:

— Ну вот и я! Что, забавляетесь с моей сестричкой? А я вот с тобой хочу позабавиться! Ну как, позабавиться, всего лишь глотку тебе, суке, перерезать. Как ты на это смотришь?

— А ты у хозяйки спроси разрешения, пёс, — несмотря на приставленный к горлу нож, Андрей продолжал ухмыляться и искать глазами Катю, совершенно игнорируя Игоря.

Тому же непередаваемо сильно хотелось лишь одного — сделать движение рукой, державшей нож, тем самым поставив точку в жизни очередного человека, который при этом успел так безжалостно унижить его, причинил ему так много боли...

Катя слегка растерялась от произошедших буквально за минуту изменениям позиций в гостиной. Теперь она перевела пистолет в сторону Андрея и Игоря, ни в одного из них толком не целясь. Она чувствовала, как расходятся волны усталости по её плечам, — пистолет оказался тяжелее, чем она думала. Она соврала Андрею, что недурно стреляет. Катя впервые взяла отцовский пистолет, который ему подарили сто лет назад.

Игорь продолжал держать нож у сонной артерии Андрея, скрытно поглядывая на сестру. Катя вдруг испытала гордость за свои способности к подчинению личности брата. Даже в такую острую минуту Игорь всё равно ждал одобрений своих действий от сестры.

— Игорь, стой! Нам нужно ещё переговорить с ним. Потом, может быть... Если я скажу тебе сделать это — то сделай это, братик.

— Ты сегодня не особо красноречива, сестрёнка? Что ты нашла в этом мудаке? Ладно, пусть так, я послушаюсь тебя ещё раз, Катюха. Но, верь мне, — это будет последний раз. — Игорь отошёл от Андрея. Катя несколько напряглась, когда он, не убирая ножа, двинулся в её сторону.

«Я не могу! Я просто хочу уйти отсюда! Хватит притворяться сильной, пусть будет то, что будет, пусть они порвут друг друга!» В подобных мыслях, отступая по стеночке к выходу (при этом всем казалось, что девушка просто приближается к Андрею), Катя неуклонно продвигалась вперёд. «Всё должно было быть не так! Ни Вити, ни, тем более, Игоря! Ну почему, почему я вовлекла братца сюда? Хотя, он — всё ещё моя последняя надежда, последний шанс выйти отсюда живой, не замарав репутации... Господи, о какой репутации я думаю? Мой дом наполовину разрушен. Да и вообще, не могут все из нас остаться в живых этой ночью... а снег всё валит, будто специально даёт нам прикрытие и пути к отступлению. А что, если Игорь всех убьёт сейчас? Спасти Андрея? А какие гарантии, что тот не убьёт меня? Ему и правда так нужно поквитаться за Олю или он просто помогает другу? Столько вопросов и ноль ответов. Единственное, что связывает меня с убийством, — эти грёбаные серьги, которые я, как полная дура, не бросила в огонь... Это и правда об Андрее. Повод ли это меня убивать? Кто знает... Теперь нужно действовать только по ситуации. Соберись, девочка! Помни, что пистолет, всё-таки, у тебя».

Катя судорожно размышляла, остановившись буквально в двух шагах от Андрея. Он продолжал несмотря ни на что заглядывать в её глаза.

Она заметила страшное, и тотчас её будто ударили по голове кувалдой. До сих пор

предохранитель на пистолете не был снят. Выходит, напади на неё Виктор, она не смогла бы обороняться. Лихорадочно и невпопад шевеля большим пальцем правой руки, девушка всё-таки смогла снять пистолет с предохранителя.

— Ну наконец-то сообразила. А жаль! — весело подмигнул ей Андрей — единственный, кто заметил это движение. — Опасная ты всё-таки девушка. Я так и знал, что ты сообразишь, когда нужно, поэтому и не стал на тебя бросаться.

— Зубы мне не заговаривай. Выстрелить я сумею, не сомневайся! — Целясь теперь ставшим смертоносным оружием в Андрея, Катя на некотором расстоянии опустила на корточки, бесполезно пытаясь выиграть в новый уровень «гляделок», но мёртвая глубина серых глаз серийного убийцы была сильнее её, годами отточенной, требовательной синевы. Казалось, Андрей смотрел в самую её душу в это мгновение. Даже их ночь, её и его оргазмы не были и близко похожи на то соединение их душ, что устанавливалось между ними сейчас.

— Мы можем уйти прямо сейчас, Андрей. Разве тебе не интересно, почему я не выдала тебя, хоть и знала о тебе так долго? Разве тебе не хочется знать, почему все события прошедших нескольких недель, а может даже месяцев, это моих рук дело? Я всё расскажу тебе, Андрей: откроюсь перед тобой так, как никогда ни перед кем не открывалась... Нам нужно лишь уйти отсюда, просто уйти, — шёпотом призывала Екатерина, видя перед собой неестественную, страшную ухмылку.

— И что, Витя с Игорьком вдвоём будут развлекаться? Нет уж, надо поставить наконец все точки над і. Смотри, что я у тебя нашёл. — Андрей достал из кармана джинсов помятую фотографию, расправил её и протянул Кате. Та, с опаской, резким движением выхватила её, взглянула одним глазом и вопросительно подняла бровь в ожидании пояснения.

— Хорошее фото, — похвалил он. — Единственное твоё настоящее доказательство. Я сразу понял, что мы встретились не случайно, но, прости, этот путь мы должны закончить всё-таки вчетвером.

— И шансов для меня нет?

— Шансы есть всегда, Катя. Не всегда ими пользуются. — Андрей устало откинулся назад, прислонившись к стене, а после перевёл взгляд на разглагольствующего невнятный бред Игоря, бродившего в противоположном конце комнаты. В одной его руке был тот самый нож-бабочка, а во второй непонятно откуда взявшаяся бутылка виски. — Каким шансом воспользуешься ты, Катя?

— Тем, что даст мне жизнь, естественно, — едва слышно промолвила Екатерина, бросив фотографию назад Андрею.

— Эй, голубки! Хватит щебетать! У нас тут лишние уши! Эй, братишка, ты-то чего хотел сегодня добиться? Правды? Ты хочешь знать, кто убил твою драгоценную любимую Надю? Или Настю, или Олю, или как её там звали? Эй, кровавая нога, ты слышишь, что я тебе говорю?!

Витя неподвижно лежал на полу, изо всех сил стараясь подавить подступавшую к горлу тошноту. Он слышал, как этот психопат обращался к нему, после каждого предложения делая поток из бутылки. На голове расцветала шишка, боль от неё пульсировала, отдавая во всё тело. Сделав усилие, Витя смог сесть, потом медленно пополз к дивану, но не сел на него, а лишь упёрся в него спиной. Казалось, абсолютно всё тело болело. Каждая клеточка в организме источала плач жалости к себе. Но Витя старался держаться, невидящими глазами уставившись в сторону кухни и безмолвно ожидая.

— Оля её звали. Да, я вспомнил! Как меня не пичкали всяким говном, но остроту

памяти я всё-таки смог сохранить. Что это ты побледнел так, плохо тебе, наверное? — Игорь встал над Витей, пьяными глазами разглядывая его. Неаккуратным движением пролил на него немного алкоголя.

— Ой, пардон! А дерзкая была та девица! За словом в карман не лезла. Но, без всякой паники, будто понимала, что ей всё равно конец, так что же тут трепыхаться? Сомневалась даже во мне. Сразу раскусила, что я не этот — Циферщик. Как же я хотел её трахнуть! Заставить сосать у меня, отдаваться мне полностью, лишь бы я её пощадил, лишь бы она могла пожить подольше! Но не судьба. Понимаешь, бывают обстоятельства, когда всё надо сделать быстро, без промедлений. Да и она понимала это. Чувствовала, что каюк, так зачем затягивать неизбежное? Гаражик тот — так себе последний жизненный приют, но другого не было, к сожалению.

Так вот, к самому интересному. Я задушил её собственными руками... Душил, пока она не потеряла сознание, потом продолжил. Душил со всей силы, пока что-то не хрустнуло в её шее. А она ещё глаза так прикрыла! Прямо как я и хотел. Молодчина такая! И вот, нет больше воздуха в её лёгких, не бьётся больше её сердечко. Эх, на сувенир бы оставить это сердечко! Но ты не думай, она и мёртвая была самый сок! Я думал попользовать девчущку, пока тёплая, но знаешь, такая она стала невинная вся, такая вся красивая, гордая, сильная... Но мёртвая! Ах-ха-ха!

Если серьёзно, напомнила мне мать. Знаешь, не просто пожилую бабёнку, которая когда-то дала тебе жизнь, а теперь получает пенсию и собирает выпадающие зубы — нет. Она напомнила мне мать из воспоминаний, а вернее, из впечатлений: что-то бесконечно доброе, мягкое и всегда доступное. Такое, к чему ты тянешься, невзирая ни на что. Та, которая готова принять тебя таким, какой ты есть. Без лишней жалости, без лишнего сюсюканья или заботы. Просто абсолютное понятие — мать. Прямо, какой была моя мать...

Эх, я бы ещё многое тебе мог рассказать и многое может расскажу, когда ты уже не сможешь слышать. Но, сам понимаешь, нужно всегда кончать. Может, ты и хороший парень, может мы бы с тобой и подружились, но скажи спасибо своему дружку, который позвал тебя сюда, и моей шизанутой сестрице, по чьей наводке мы убили твою девку и втянули тебя в это всё. Из-за них ты сейчас умрёшь, да. Твой друг тоже, может быть, умрёт. Ровно в тот момент, когда надоест моей любимой Катюше. И я сильно надеюсь, что это случится в самое ближайшее время! Но ты, сам понимаешь, — немного не в нашей тусовке. Так что закрой глаза, как твоя подружка, подумай о хорошем, а я постараюсь, чтобы тебе не было сильно больно!

— Могу я тебе кое-что сказать на прощание, только тебе, на ушко? — пересохшими губами попросил Виктор.

— Давай только без херни! Нож вообще-то у меня, — ехидно оскалился Игорь, но всё-таки наклонился поближе к Виктору.

— А вот хер тебе, мразь! Сдохни!

Резко достав из-за пазухи подобранный нож, Виктор с силой вонзил его в грудь Игоря. Лицо поражённого сначала выразило удивление и недоумение, он сделал движение рукой, сжимающей свой нож, чтобы нанести ответный удар, но Виктор оказался проворней и ударил своим ножом ещё раз. И ещё. И ещё. И ещё...

Жизнь стремительно покидала Игоря. Он упал на спину, Виктор забрался на обидчика и продолжал с остервенением наносить удар за ударом. Наконец остановившись, когда Игорь точно был уже мёртв, Виктор отпрянул от тела, завалился на бок и обмяк, словно потеряв

сознание.

Бутылка с виски выскользнула из подёргивающихся в агонии пальцев и, расплёскивая содержимое, закатилась под диван.

Катя издала неопределённый звук: не то визг, не то всхлип, не то удивлённое «ох». Прижала руку ко рту, не отрывая взгляда от истекающего кровью тела Игоря.

Андрей, не теряя времени, кинулся на девушку, вывернул её руку, вырвал пистолет. Она, находясь в шоке, даже не думала защищаться. Андрей отвесил ей сильную пощёчину, отчего девушка упала на пол и тихонько, отчаянно заплакала, потирая покрасневшую щёку.

— Ну и запачкали вы тут всё... Пол ночи отмывать придётся, — Андрей поставил пистолет на предохранитель, убрал его за пазуху и подошёл к Вите. Тот лежал на боку, тяжело дышал, до сих пор крепко, до посиневших пальцев, сжимая нож.

— Я же не просто так эти мешки стелил, блин, — Андрей выстелил разбросанные по всей комнате в пылу схватки мусорные пакеты, приподнял тело Игоря за подмышки и переложил его на них.

— Катя, неси тазик и тряпки. Надо убраться тут быстрее, пока кровь не впиталась. Эй, слышишь меня! — обращался он к по-прежнему всхлипывающей и трясущейся девушке. Та, услышав окрик, подняла на него покрасневшие, влажные глаза.

— Пошли вон отсюда! Убирайся! Убирайтесь! Ты убийца!

— Заткнись, ты давно не в том положении, чтобы указывать. Если не хочешь отправиться за братцем, слушайся меня.

— Я... я позвоню в полицию! — Катю всю трясло, она полезла в карман брюк за телефоном, но он выскользнул из её вспотевшей ладони. Девушка неловко попыталась поймать его на лету, но не смогла, только наоборот оттолкнула мобильник подальше. Тот упал и разбился вдребезги.

— Не судьба. Очень неудачный для тебя день, прямо скажем. А теперь иди и принеси воду и тряпки. Иначе, я убью тебя прямо сейчас.

Катя не видела ничего, кроме этого приказывающего лица, которое прямо на глазах менялось. Ещё мгновение назад выглядящее вполне нормальным оно превращалось в ту самую страшную маску смерти. Сомнений, что Андрей просто-напросто пытается её напугать, не было. Он действительно убьёт её, если та послушается. Кате не оставалось ничего другого, кроме как встать и подчиниться. Всё её сознание кричало, что нужно убежать и спастись из собственного дома. Но она пошла не в сторону входной двери, а наоборот — в ванную.

«Игорь мёртв. Игорь мёртв...» — крутилась, не смолкая, эта мысль в голове. Катя набирала воду в таз, чувствуя, как всё её тело окутывает отчаяние. «И я тоже умру, Андрей меня не отпустит. Я свидетель, и я знаю, кто он на самом деле. Что же делать, что же делать?» Катя почувствовала себя одинокой, как никогда. Вода заполняла тазик, девушка глядела на струю, и в голове возник образ Игоря.

Далёкий образ её старшего брата, ещё мальчика, героя её детства, который был мёртв уже очень давно, гораздо раньше, чем нож в руках Виктора оборвал биение его сердца. Вслед за этим воспоминанием, сразу проявился и тот день, тот последний радостный день, который стал её храмом во снах. Повевало летним ветерком, слышались весёлые голоса родителей, звонкий детский смех. Катя, бросившая тряпки в таз с водой, вдруг ощутила спокойствие. Казалось, прошла дрожь, прошёл страх, в сердце начала закрадываться слабая искорка надежды.

«Нет! Я выживу. Я всех обхитрю и выживу. Теперь начинается моя последняя игра. Теперь нужно сыграть, как по нотам. Всё получится. Всё получится. Давай, Катюха, соберись и действуй!»

— Молодец! Теперь включи добрую хозяйшку и убери свою квартиру. Самой-то разве приятно, когда у тебя гости, а вокруг такой беспорядок? — Катя чуть не подпрыгнула от неожиданности, кое-как сумев не разлить воду из тазика. Андрей с ухмылкой наблюдал за ней, опираясь спиной на дверной косяк.

— Андрей. Нам надо успокоиться и серьёзно обо всём поговорить, — изо всех сил стараясь, чтобы её голос звучал твёрдо и уверенно, смело глядела она прямо в глаза убийце.

Андрей приблизился к ней, взял её за подбородок и, казалось, что вот-вот поцелует, но он остановил своё лицо в сантиметре от Катиного.

— Хочешь выжить, да? Я дам тебе время, потому что мне и правда хочется многое от тебя услышать. Что ты знаешь обо мне?

— Ты Циферщик!

— Да ладно? — Андрей отстранился от неё. — Давай сначала уберёмся! Кстати, прими мои искренние соболезнования. Шагай вперёд.

Екатерине больше ничего не оставалось, как вновь подчиниться.

Виктор забрался на диван, стараясь не смотреть на труп. В голове зияла абсолютная пустота, время от времени сменяющаяся громким «Бум!». И после каждого этого звука, вспышкой мелькала картинка, как он вонзает нож в человека. Казалось, что он полностью разбит и истощён, что вот-вот сознание покинет его. И только боль в ноге, кажущаяся далёкой и нереальной, но от этого не менее навязчивой, заставляла его двигаться.

Подобрав аптечку, он открыл её, невидящими глазами пытался разобрать прыгающие буквы, наконец нашёл какой-то антисептик и бинт. С трудом и непроизвольно вырвавшемся стоном поднял прилипшую от запёкшейся крови штанину до колена и взглянул на свою рану. От её вида в частности, и от всего происходящего в целом, на него стремительной волной накатил новый приступ сильной тошноты, которой на этот раз он не был в силах противиться.

— Оу, Витян, что-то ты совсем хреново выглядишь! — бросился к нему на помощь Андрей, огибая застывшую в дверях с тазом в руках Катю.

— Да в принципе, ничего серьёзного. Но неприятно, да, больно. Приляг, сейчас я всё сделаю, — Андрей засуетился над другом, обрабатывая и перевязывая его рану. Запах крови, пота и рвоты заполнял воздух комнаты, отчего Андрей непроизвольно кривил носом.

— Кать, открой балкон сначала, потом окно. Воняет тут, конечно, так себе.

Екатерина молча пошла к балкону и, не сумев удержаться, взглянула по пути в мёртвое лицо брата, запечатлевшее странное последнее выражение — смесь удивления, боли и злобы. Глаза Игоря были широко открыты, но жизнь навсегда их покинула.

Девушка вышла на балкон, открыла окно, впустив в дом холодный ветер, сопровождаемый снегом. Она глубоко вдыхала свежий, бодрящий воздух, высунувшись из окна и наблюдая реальный, обыденный мир, который всё больше сковывало снежными цепями.

Всё засыпало: машины покрыты снежной пеленой почти полностью, белое царство отражалось в фонарях, облеплены редкие деревья во дворе, лавочки, детская площадка. Абсолютная власть зимы над человеком. Довершалось всё тем, что на улице не было видно ни души, ни движения, и белая завеса скрывала вид вдаль. Кате хотелось крикнуть что есть

мочи, своим криком вырваться из гробницы ужаса, в которой она находилась, заявить о своём существовании безразличной ко всему ночной метели. Но сейчас, крик для неё мог означать только смерть...

— Катя, можешь конечно перекурить перед работой, только давай быстрее. Мы и так тут сильно задержались, — раздался со стороны квартиры окрик Андрея, продолжавшего говорить деловито и отстранённо, будто всё происходящее никак не могло вызывать хоть каких-либо эмоций. Девушка с опаской обернулась, внезапно подумав, что он умеет читать её мысли. Но потом, вернувшись к виду из окна, с нескрываемым наслаждением, пытаюсь с табачным дымом вдохнуть в себя отстранённость, закурила. Руки безудержно тряслись.

— Ну вот и всё! Повязку придётся завтра сменить, но у тебя со свёртываемостью всё в порядке, кровью не истечёшь — точно. Врачам показываться я бы не советовал. Они сразу поймут, что это ножевое. Потом проблем не оберёшься. Ты лежи пока, отдыхай, а мы приберёмся. Водить, кстати, сможешь? — как ни в чём не бывало, с улыбкой говорил Андрей, глядя на Виктора с выражением гордости и радости за друга. Тот же старался не смотреть на Андрея, ничего не отвечал ему, не делал никаких лишних движений, а только изучал потолок, стараясь найти в себе силы, чтобы прийти в себя.

— Эй, слышишь меня? — потряс его за плечо Андрей, но и теперь никакой ответной реакции не последовало. — Какие это мы впечатлительные оказывается, да? Давай тут, не уходи в себя далеко. Нам нужно поскорее свалить отсюда.

Андрей снял с себя кофту и осмотрел свои раны, некоторые из них всё ещё кровоточили. Принялся теперь оказывать первую помощь себе.

Катя вышла с балкона и, не задерживая взгляд ни на чём, кроме пятен крови на полу, пошла к тазику с водой, молча взяла тряпку и начала старательно счищать кровавые следы этого вечера.

— Стекло бы сначала убрала, порежешься ещё, — весело, даже с ноткой заботы, бросил ей Андрей, закрывая один из своих порезов лейкопластырем.

— Если такой умный, сам и прибирайся, — огрызнулась Катя в ответ. Вытирая пятно, она всё выбирала нужный момент, подбирала нужные слова. Поглядывала украдкой на Виктора, но тот подавал мало признаков жизни.

— Ну я как бы занят. Ты разве ничего не замечаешь? А твой братец просто так уходить не хотел. Весь пол залил на прощание.

— Заткнись!

— Ох, как будто тебе его прямо так жалко, так жалко. Мы ещё поговорим о вашем семейном деле.

— Скажи, а Витя знает о тебе? — истерично дерзким тоном, помимо своей воли, выпалила Катя.

— Все карты раскроются, Катя, будь уверена. Я сам этого жду с нетерпением. Но для начала, мы здесь уберёмся. Я тебе помогу в этом, а Витя пускай отдохнёт.

— Что вы тут несёте? — неожиданно включился в разговор Витя, по-прежнему не отрывая взгляда с потолка. — Я убил твоего брата за то, что он убил Олю! Ты последняя, кто видел Олю, значит и ты в этом замешана. Значит, ты ему помогала! На тебе её серьги, сука. А ты? Кто ты на хрен такой? Ты пришёл сюда, зная, что здесь будет, и позвал меня. Ты хотел, чтобы я убил его! Ты всё подготовил... а эта что-то про тебя знает, нахрен ей тогда нужны были бы твои фотки? Фотки! Покажи мне ту, что ты забрал себе, Андрюха, — Витя приподнялся на одном локте и теперь сверлил взглядом друга.

— Какие у тебя крутые аналитические способности, дружище. Я обещаю тебе, что всё расскажу, но после того, как мы тут уберёмся.

— Нахуй уборку! Какое «уберёмся»? За один вечер я понимаю, что брат моей новой хорошей подруги, которая реально стала мне близка и помогала в трудную минуту, — убийца моей девушки! А мой лучший друг — сумасшедший психопат, за которым эта подруга следит уже хрен знает сколько, при чём познакомились они, сука, только вчера! И сразу трахнулись. Молодчики! Сегодня мой друг, мой сраный лучший друг сообщает мне, что знает, кто убил мою Олю и я приезжаю, куда бы вы думали? В квартиру этой подруги. И убиваю её ублюдка-брата! И что, ты думаешь, мол, я отомстил — всё охуенно? Сейчас мы, бля, скроем все улики и дружно уедем в закат? Да хрен там! Я хочу знать всю правду о вас двоих, кем бы вы ни являлись, на самом деле! И если я не получу ответов, клянусь, я убью вас обоих!

Закончив свой монолог, Витя, запыхавшись, гневно переводил взгляд с Андрея на Катю, те молча ждали, когда он закончит. Девушка шевелила губами, будто подбирая нужные для ответа слова, но так и не издала ни звука. Андрей резко достал пистолет, заставив Витю мгновенно напрячься, но он только перехватил пистолет за ствол и рукояткой вперёд протянул его другу:

— Что ж, ты имеешь на это право. Умеешь снимать с предохранителя? — Витя, в первый раз в жизни державший в руках оружие, неловко смог это сделать и прицелился в Андрея. Тот удовлетворённо кивнул:

— Ну вот. Ты сказал правильную вещь: нам надо избавиться от улик. И, по-моему, ты должен быть заинтересован в этом больше нас всех.

— Витя, держи его на прицеле, пожалуйста! Ты же видишь — он опасен. Витя, прошу тебя, выслушай меня! Я всё объясню. Поверь, Игорь, правда, заслуживал смерти. Но я всегда желала тебе только добра, ты ведь знаешь! — Катя кричала что-то ещё, сняла серьги, протягивала их вперёд. — Я виновата, я знаю, что я виновата! Но я не могла ничего поделать — это всё-таки мой брат! Как же я могла сдать его в полицию? Разве ты сам сдашь Андрея?

— А почему ты не сдала меня? Почему ты позволила своему брату взять и убить Ольгу? Я слышал, как он тебя слушается. Теперь ты стараешься остаться в живых, прикидываясь невинной девочкой-целочкой. Но ты ведь сама психопатка, и ты знаешь это. Стоит только порыться в твоих трусах, почитать твои записи, и всё становится ясно.

Андрей, проговорив это, подскочил к девушке, вырвал у неё серьги и зажал их в кулаке. Кате показалось, что он сейчас ударит её, она вскрикнула и, не поднимаясь с пола, отползла к стене, поранив руку об один из так и не убранных осколков разбитого столика, обрамляющих пол.

— Андрей, отойди от неё! — Виктор прицелился в своего друга. Тот послушно отошёл, протягивая Виктору серёжки.

— Возьми их. Они были на Ольге в тот день.

Виктор, продолжая почти в упор целиться в Андрея, взглянул на украшения.

И вот перед глазами возникли сначала её ушки, и вот Ольга сонно улыбается ему, лёжа напротив в их постели. Витя гладит её по спине, они шепчут друг другу что-то бессмысленное, но милое.

Приятное наваждение быстро отступило, и перед ним вновь стоял его друг, который казался совсем другим человеком. Совсем не тем, кого он знал с самого детства. Он протягивал ему серьги, стоя по пояс голым, с наспех прикрытыми порезами на торсе.

Позади, испуганно прижавшись к стене, взлохмаченная, напуганная, запачканная кровью своего брата, а может и кровью самого Виктора, сидела, моргая огромными синими глазами, Катя, кажущаяся сейчас такой маленькой и беспомощной.

На полу разбросанно стекло, впитывается в паркет натёкшая кровь человека, которого Виктор собственноручно убил. «Может, всё-таки, это сон? Сейчас закрою глаза и проснусь в своей кровати с Олькой?» Но закрыв на секунду глаза и вновь распахнув их, Виктор вернулся в ужасающую реальность. Андрей всё протягивал ему серьги, но он отвёл руку друга в сторону, хриплым голосом ответив:

— Выкинь их в окно.

Это была очень странная уборка.

Виктор успел проковылять в ванную и смыть с лица и рук кровь Игоря. Затем он занял место на диване и не переставал целиться то в одного, то в другого человека, которых он когда-то считал друзьями. Голова слегка кружилась, от раны на ноге волнами поднималась боль. Виктор нервно кусал губы, стараясь хоть как-то отвлечься от этой боли.

Андрей и Катя, не произнося ни слова, старательно вычищали оставленные повсюду следы крови. Перекидываясь многозначительными взглядами, делали своё дело, попеременно удаляясь в ванную, чтобы сменить быстро становящуюся мутно-красноватой воду.

В один из таких походов за водой, Катя заметила, что Андрей бесцеремонно копался в её комнате, скидывая все сделанные фотографии и заметки в мусорный мешок. Она остановилась на пороге и не могла найти слов. Андрей подмигнул ей.

— На компьютере есть копии?

Катя помотала головой. Никаких записей на жёстком диске точно не было. Но вот насчёт фотографий она была не столь уверена.

— Считай, что поверил. Вот здесь я неплохо вышел, — он продемонстрировал ей снимок, который она сделала у его подъезда.

Вторая жизнь Кати исчезла в чёрном мусорном мешке. Андрей небрежно скидал выложенное нижнее бельё девушки обратно в ящик, и они вдвоём вернулись в комнату.

Тело Игоря по-прежнему лежало на подстеленных под него пакетах. Лицо окончательно потеряло всю живость, подёрнулось смертельной синевой. Катя украдкой посматривала на него, пытаясь вновь вернуть хоть какую-то бодрость и мотивацию к действию. Но из этого ничего не выходило. И вот она снова безропотно вычищает очередное пятно, выжимает тряпку, смотрит на Андрея, на Витю, находит новое пятно и продолжает своё дело.

Все погружены в собственные размышления. Все впали в своеобразный анабиоз разума и выполняли свою работу, боясь того момента, когда оцепенение спадёт и придётся вновь говорить, объясняться, приходить к какому-то решению. Никто из них не мог и представить, что эта снежная ночь может когда-то закончиться.

Сильнее всего зловещая чистка комнаты давила на Виктора. Он, как помешанный, переводил дуло пистолета из стороны в сторону, порой открывая рот для разговора, но не находя нужных слов, опять крепко смыкал зубы, кусая себя за щёки и губы.

Андрей производил впечатление самого уверенного и рассудительного из них. Порой даже начинал что-то насвистывать, но резко замолкал, ловя на себе взгляд Вити или Кати. Казалось, его совсем мало заботило всё происходящее. Но и спешить с началом неминуемого разговора он не желал. Поэтому спокойно помогал Кате с уборкой, едва сдерживая пруступающую на губах улыбку.

Екатерина старательно вычищала особенно въевшиеся пятно, цепляясь за единственную кажущуюся ей теплой и живой мысль: «Я ещё жива! Я ещё жива! Пистолет у Вити. Я смогу выжить!»

Казалось, что эта уборка заняла целую вечность, но на самом деле прошло не больше получаса. Последним штрихом стало то, что Андрей, достав новых мусорных мешков, полностью накрыл ими тело Игоря, превратив его в простую кучу мусора.

— От него нужно избавиться, Витя. Мы можем перенести его в твою машину, пока не закончился снег, — переведя дух от проделанной работы, сказал Андрей, окидывая взглядом приведённую в относительный порядок комнату.

Катя, молчаливо наблюдая, как скрывается лицо его брата за тёмной материей, посмотрела в глаза Вите, потом в бесконечную тьму пистолетного дула, которое сейчас было направленно прямо ей в лицо.

От Виктора ждали ответа, его решения. Но вязкий туман, овевший его мозг, никак не давал ему собраться с мыслями и произнести хоть одно взвешенное слово. Он проследил за взглядом Кати и, наконец, убрал пистолет, который в последние минуты стал продолжением его руки.

— Что будет со мной? — прошептала Катя. Её шёпот был услышан.

— Ничего, — тут же отозвался Виктор и только после своего ответа всерьёз задумался, что же он подразумевал под этим самым «ничего».

— Ты сама знаешь, — сказал Андрей.

— Может быть и знаю. А что знает Витя? Что он скажет, когда узнает правду о тебе, Циферщик?! — с презрением выбросив последнее слово, дерзко посмотрела на Андрея Катя. Тот не ответил ей, даже не взглянул своим взглядом, полным льда, и это прибавило девушке уверенности. — Он хотел знать — пусть знает! Я видела тебя у трупа той девушки, я давно знала кто ты! Ты психопат-убийца! Видел то фото у меня, как ты сказал, «в трусах»? Оно и сейчас находится у тебя! Давай, раскрывай уже все карты, мразь. И если у тебя, Витя, осталась хоть толика здравого смысла, ты прострелишь его больную бошку, и я, клянусь, скажу всё что угодно, для того, чтобы тебе за это ничего не было! — задыхаясь, кричала Катя свои обвинения.

В одну секунду девушке показалось, что Андрей сейчас бросится на неё и убьёт, не раздумывая. Но та тень смерти исчезла, Андрей отвернулся от Кати, взглянув на своего друга. Что-то новое, невиданное доселе отразилось в лице маньяка. Это было похоже на глубокую грусть, отрешённость и признание. Внезапное *déjà vu* нахлынуло на Екатерину, перенося её в ту далёкую, тёплую ночь, все дни и события после которой, казалось, были просто обязаны привести её в эту точку жизни. Карты начинали раскрываться, цель близка к достижению. И действительно ли теперь происходило именно то, к чему она стремилась?

Мгновения лениво сменяли друг друга, очередное оцепенение сковало троицу. Слова Виктора вопрошающе пронзили тишину:

— Покажи мне то, что ты взял у неё в комнате! — Виктор ожидающе разглядывал своего друга, не в силах определить, что ему придётся сделать, если Андрей всё-таки не станет ничего показывать.

Андрей же, как бы примеряясь со своим положением загнанного в угол, лишь улыбнулся, глядя прямо в глаза Виктору, пожал плечами и медленно достал из кармана кусок плёнки, который полностью изобличал его. Продолжая заискивающе улыбаться своему другу, не обращая ни малейшего внимания на Катю, Андрей протянул фотографию.

Сначала Виктор, ожидающий увидеть невесть что, изображённое на этом небольшом куске фотоплёнки, даже испытал разочарование. То, что там было изображено — ни разу не открывало глаза на зловещую правду о том, кого он считал своим лучшим другом. Снимок сделан издалека: без всякого сомнения, — на нём изображён Андрей. Фоном служила или лесополоса, или один из городских пустырей, — непонятно. В центре фотографии находился Андрей, отстранённо смотрящий куда-то себе под ноги. Без какого-либо эмоционального

выражения на лице.

Но правда пришла неспешно. И вот — бросаются в глаза детали, заставляющие биться сердце чаще, заставляющие леденеть кровь. Виктор подумал, что это как будто одна из тех картинок, которые бывает, что публикуют в Интернете. Мол, чем дольше смотришь, тем страшнее становится. Но это — не одна из тех картинок. Здесь, действительно, изображён его друг, его знакомый с самого детства. И нет причин сомневаться в подлинности этой фотографии.

В ногах Андрея лежал обнажённый труп девушки. Андрей на фотографии пристально разглядывал его, будто находясь не в себе, в некотором подобии транса. В правой руке у него одежда, которая, без всякого сомнения, принадлежала девушке. В левой — трудно говорить с уверенностью, но что-то похожее на молоток, который вполне мог сегодня находиться в этой самой квартире.

— Видишь?! Видишь?! — раз за разом повторяла полушёпотом, полу-возгласом Катя, сидя в отдалённом углу комнаты.

Но для Вити все звуки затихли. Как ушатом с ледяной водой на него обрушилась правда. Никаких сомнений, никаких отговорок, ничего сглаживающего весь ужас увиденного. Человек — которого он знал с детства, человек, которому он доверял все свои сокровенные тайны — оказывается серийным убийцей, последние месяцы державшим в страхе их небольшой городок.

Виктор не мог поднять глаза и взглянуть на Андрея. Всегда считая выражение «почва уходит из-под ног» лишь литературной, пустой фразой, — теперь Виктор явственно прочувствовал, что она означает. Многое, с беззвучным грохотом в его сознании, встало на свои места. Теперь всё становилось понятным. Мрак, овеявший эту невероятную ситуацию, в которой он вдруг оказался, начинал развеиваться.

Катя ещё что-то кричала ему. Ну, как кричала? Её крик был подобен звуку морского ветра, раздающегося где-то вдали. Андрей же упорно молчал, бросая время от времени беглые взгляды на притихшего Виктора, ожидая его приговора. Весь мир, казалось, сосредоточился в этой квартире, в этой комнате, и Виктору не оставалось больше ничего. Только поднять голову, старательно избегая встречаться глазами со своим другом, и произнести в пустоту:

— Выходит, это ты? Ты — Циферщик?

Андрей с удовольствием громко выдохнул воздух. Казалось, что теперь, когда все карты раскрыты, он ощутил себя, впервые за долгое время, — свободным! Он даже позволил себе короткий смешок, прозвучавший посреди этой страшной квартиры неестественным, жутким. Резко повернул голову ко всё ещё невнятно причитающей Кате, Андрей кивнул и ответил:

— Выходит, да. Это я.

Он задрал голову вверх, закрыл глаза, губы растянулись в блаженной улыбке, как будто он сбросил огромный камень с души. Андрей продолжил:

— Какое облегчение, наконец, испытать эту свободу, наконец признаться во всём! И не мордам в погонах, а моему лучшему другу и девке — единственной, которая, возможно, сможет меня понять. Вы не представляете, что я сейчас чувствую. Это не может сравниться ни с чем! Да, я тот самый Циферщик! Я убивал, я оставлял трупы этих девушек, я тот — кого никогда бы не поймала полиция, если бы я сам им этого не позволил. Но теперь я здесь, теперь я разоблачён, раскрыт и готов ко всему, что ты, Витя, спросишь у меня. Но не забывай, — тут Андрей кивнул на Екатерину. — Кто сейчас, на самом деле, наш враг.

— Но почему ты сделал всё это?

И вот я прищучен к стенке. И вот начались вопросы, на которые я отвечал самому себе тысячи раз. Обосновывал для себя мотивы своих поступков. Представлял, как какой-то старый толстый «специалист по маньякам» будет меня допрашивать, а я перед ним выложу всю душу ради того, чтобы меня признали невменяемым и отправили на курорт, лечиться. И родственники моих жертв будут жалостливо плакать на камеру телевизионщиков: «это всё слишком мягкое наказание для того, кто забрал жизнь моей любимой дочери!» Я готов говорить, хоть и сам до конца не понимаю, где в моих словах ложь...

О боже! Этот изверг убил шесть молодых девушек! Что же это такое делается? XXI век на дворе, полиция, политики, государство — мы под защитой, под надёжной защитой! Почему родился такой выродок, почему он считает себя вправе забирать жизни наших любимых дочерей?

Нет-нет, не может завестись среди нас, добросовестно выплачивающих налоги законопослушных граждан-христиан, такое чудовище — серийный убийца! Страсть-то какая! Ещё с восьмидесятых и девяностых пугаем мы всех страшными фамилиями: Сливко, Головкин, Михасевич, Оноприенко, Цюман, Кулик, Спесивцев, Пичушкин, Ряховский, Ткач, Чикатило! Сколько маньяков-нелюдей в наших краях завелось! И все ведь знают, все слышали: и про Битцевского маньяка, и про Фишера, и про Черноколготочника, и прочих извергов. А здесь, у нас под боком, где отродясь ничего не случалось, — и маньяк-убийца! И весь город в панике...

Страх пропитал каждый двор, бессилие власти пугает больше всего. Людей убивает маньяк, что доказано, а поймать его никто не может.

А ведь и правда, кто из ваших врагов похитрее — те, обычно, сами попадают, по собственной воле, а не то, что обыватели думают: полиция наша служит, мол! Ловили-ловили и, наконец, поймали! Ну, честь и хвала! Всё равно, они хоть что-то делать пытались, правильно? Спасли людей — молодцы. Ну а кого спасти не удалось, что ж, — «селяви». Теория Дарвина в действии.

Невозможно предугадать, когда появится маньяк. Невозможно проследить, когда он нанесёт следующий удар. И сложно, очень сложно просто признаться перед народом: «Да, у нас серийный убийца». Прячьтесь под кроватями и лучше вообще не выходите из дома.

Но каково это: признать, что в нашем светлом будущем возможен человек, который и под эту категорию-то «человек» не особо попадает? Это значит, что всё плохо, что людей беззащитных будут убивать, а вот найти настоящего психопата уже заминочка. Да и правильно — эти убийцы хитры, осторожны, алиби себе организуют, следов не оставляют и сидят себе в своей норе потешаются. А от безнаказанности и крышу срывает! Глупые — быстро попадают. Умные... нет, скорее осторожные, удовлетворяют свои прихоти аккуратно, неспешно и с умом, с чувством, с толком, с расстановкой. И удовольствие от этих своих «идеальных убийств» получают такое, что этого заряда хватает надолго. А потом, в один прекрасный день просыпаются с мыслью, что сегодня обязательно убьют.

И ведь, действительно, убьют...

Ладно, отхожу от темы. Сейчас не 90-ые и маньяками занимаются активнее. Да и те не особо эволюционируют и попадают на тех же ошибках, что и сотни их предшественников. Кажется, лови не хочу. И число их уменьшается. Вот, вроде опасный психопат, убил двух

человек, но попался. Всё, не серийный убийца. Просто гноись в тюрьме до конца своей ничтожной жизни или в психушке лечись, чтобы лекарствами разжижить больной мозг до состояния никчёмного овоща. Точнее, прикидывайся нормальным, авось, через лет десять и отпустят. И можно снова кишки на нож наматывать.

Какой кошмар? Да, ужас. И почему человеку, который родился в нашей стране, ходил в школу, учил уроки, кушал кашку, слушался мамку, в один момент приходит в голову, что он не такой как все? И что же, он идёт в политику, науку, образование, индустрию развлечений, строительство, менеджмент, экономику? Нет, он идёт убивать.

Здесь не реализовался, там не приняли, тут девушка обделила вниманием. Мальчик оказался не из «этих», а «сюда» и стремиться бесполезно... Что делать? Пить, колоться, нюхать? Нет! Накажут. Нельзя. Подамся в неформальные движения! Но и там всё не очень-то просто, не каждый лоботряс с улицы найдёт, где пристроиться. А злоба растёт! А нужда растёт! Вот тебе, «перспективному» чаду, обучающемуся в университете, дают по паре тысяч в неделю — учишь, мол, все условия! А чадо не может. Чадо пропьёт все деньги за два дня и клянчит ещё. Дают. А он опять выбрасывает эти деньги на покрытие своих нужд в отдыхе, удовольствии, расслаблении. Кайф! Но это не может продолжаться вечно. И вот уже денег в кошельке ноль. А злоба растёт. Ведь я особенный! Э-ге-гей! Но жизнь, сука, не сложилась. Без денег ты нужен далеко не всем друзьям и вовсе не нужен подругам. Идти на собеседование: прогибаться под этот полный жадных скряг-капиталистов мир. И вот, он уже сидит дома из месяца в месяц. Толстеет, выпивает, употребляет, ненавидит. И ни капельки не хочет меняться. А зачем? Мама-папа кормят, одевают. Если денежка побольше завалилась, как пить дать найдётся собутыльник или парочка.

Может, найти девушку? Можно. Почему бы и нет? Ты ведь не один деградируешь, с тобой целое поколение. Самочку под стать себе найти можно всегда. Половые потребности выполнены, а что потом? Потом тьма и тошнота. Одни в силу ответственности берутся за голову, другие только утопают в бытовой бездне нереализованности, скуке и ощущении собственной бездарности. Самка чувствует всё то же самое и продолжает нагнетать. В конце концов ты ненавидишь эту суку больше всего. Но в то же время и любишь больше всего! Парадокс...

Но найти девушку для подобных представителей человечества в России не всегда легко. Кому-то с этим клинически не везёт. И что им делать? Понятно, «онанизм» — крикните вы. И будете правы, в какой-то мере. Но, на самом деле, их ждёт только тоска. А тоска может толкать на самое худшее. Тоска, однообразность, неудовлетворённость, скованность узкими цепями повседневности — всё это хранит в себе столько демонов, что любой круг ада может позавидовать. И со временем эти демоны обретают всё более милый вид, всё сильнее завоёвывают нашу дружбу и в решающий момент — от этих демонов становится невозможно отказаться. И всё это затягивает тебя всё глубже и глубже. Ты это понимаешь, но со временем тебе всё труднее оттолкнуться и сделать рывок вверх. Ну а когда ноги почувствуют «спасительное» дно, деваться будет уже некуда. Поздравляю, ты ничтожество.

Это всё вполне может быть верно, если речь идёт о, так называемом, «среднем российском классе». Те, кто повыше, обычно предаются своим демонам. Не столь страшным, конечно. Согласитесь, трудно стать серийным убийцей, нелюдем, опасным психопатом, если в начале недели в вашем кожаном портмоне весело хрустывают тысячи денежных единиц, отнюдь не рублёвого достоинства. Те же, кто ниже, попадают в эту ловушку с ещё большей лёгкостью, и тогда пиши пропало. Хотя, их главная потребность —

деньги. Стремление получить, именно получить — не заработать, бумажки, которые меняются на еду, воду, одежду, крышу над головой и прочие мелкие, но такие важные и необходимые потребности, гораздо менее страшные, чем потребность в человеческой крови.

Ох, этот экономический класс, около или даже за чертой бедности! Огромный риск, но всё же, далеко не приговор. Их главное стремление — выживание. Их главная забота — выжить: поесть, поспать, выпить, как иначе? Чем-то прикрыть свою наготу, чем-то обеспечить свою семью, возможно, свою самку. Я всё это говорю, преимущественно, через мужской пол. Серьёзно, даже после убийств нескольких девушек, об их истинной мотивации мне приходится только догадываться.

Как же сложно сразу выдавать всё то, что в тайне хранил годами. Но я говорю, несмотря ни на что, надеясь, что ты сможешь меня понять, Витя. Всё это я вынашивал так долго и так мучительно! Вам всё это слышать, наверное, не так важно, как я хочу об этом думать? Но я распинаясь тут перед вами, в своей больной философии. Когда ещё шанс пооткровенничать выдастся?

Так что, вы же хотите узнать мою сущность, ответ на вопрос «почему?». Похоже, придётся теперь переходить к тому, о чём говорить не хочется...

Но перед этим, вам сперва нужно узнать, кто я такой вообще.

Итак, позвольте представиться, я неудачник. Всё у меня всегда шло совсем не так, как я планировал, как желал. Я всё чаще замечал за собой, как я тону в бездействии, спиваюсь, старчиваюсь, занимаюсь нелюбимой работой, денег от которой едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Все перспективы ускользали от меня, как песок в море. Люди исчезали из моей жизни, как тени в полдень. Я представал перед самим собой в поисках решения, но не мог его обнаружить. Каждый порыв к делу, к моей самореализации, утопал, разбиваясь о скалы моей лени, неуверенности и никчёмности. Мне всё труднее было заводить отношения, развивать их. В глубине души я понимал, что недостойн даже той сиповки, которую я снял на пике одиночества, накачавшись допингом. Я замыкался в себе. Один за другим придумывая себе диагнозы, но так и оставался в беспомощности определить верное лечение, не в состоянии найти выход и следовать зыбкой тропой к нему. Единственное, что я умел — нацеплять на себя разные маски, чтобы хотя бы под ними чувствовать себя лучше.

Неудачник. Каждую ночь, ворочаясь в постели, я старался отогнать от себя это слово. Но из раза в раз я был всё слабее в своей борьбе. В тревожных снах, что приходили ко мне, я видел лишь воплощение продолжений моих мрачных раздумий.

Тогда я и подумал впервые об убийстве. Нет, тогда всё это было несерьёзно, что-то из разряда «тварь я дрожащая или права имею». Хотя, даже в этом я не уверен. Мне было просто интересно, каково это? Лишить человека жизни, взять её в своё владение. Почувствовать ту жажду, непреодолимую тягу к дальнейшему разрушению своей души, только для того, чтобы ощущать в моменты убийства безграничную власть, силу, побуждение жить и наслаждаться своим существованием, пусть и храня в себе ужасную тайну, что я живу только за счёт смерти других. Мои глаза несут свет, который я отобрал с тела умирающего по моей прихоти человека. Самоудовлетворение в достижении мрачного блаженства — это не могло не привлекать меня.

Но всё это было только в мыслях. Я не мог поверить, что я вдруг просто пойду и убью невинного человека. Ценой его жизни придам вкуса своей. Я боялся этих мыслей, отрицал их, ненавидел себя ещё больше, просто из-за того, что думал об этом. И всё равно не мог отказаться от этих туманных, но столь ценных образов отнятия жизни у другого человека.

Чувство моей неполноценности, крах амбиций, нереализованность стремлений лишь подгоняли эту, казавшуюся простым баловством, занятой мыслью, идею. Но когда я обнаружил себя ночью, следящим за молодой девушкой, преследующем её чуть ли не целую вечность и уже готового к нападению, в тот момент, когда она возилась с подъездной дверью, тогда, резко придя в себя, я по-настоящему испугался.

Испугался себя. Испугался того, что я мог сделать, если бы помрачнение закончилось на пять-десять минут позже. В глубоком смятении, страшась каждой тени, я побрёл в сторону своего дома. А те тени, которых я страшился, становились всё более тёмными, начинали оживать и что-то шептать мне...

Это наваждение начало всё сильнее овладевать мной. Даже героин — да, Витя, я ставился героином — не помогал. Порой мне снилось, что я всё-таки сделал что-то в отношении той девушки. Эти сны были столь реальны, полны подробностей и неподдельных эмоций, что я с ужасом для себя начинал сомневаться: осталась ли девушка в живых, или я в тот вечер, погруженный в себя шёл домой после совершения страшного преступления — убийства?

Эти сомнения не давали мне покоя. Порой мне казалось, что кровавые образы правдивы. Глубокое чувство удовлетворённости, радости и уверенности, приходящее ко мне посреди ночи или сразу после пробуждения — истина.

Выходит, я действительно убил?

Ни в новостях по телевизору, ни в газетах, ни в интернете — абсолютно ничего про это. С одной стороны, меня начала пьянить безнаказанность. С другой, справедливые сомнения, реально ли было это убийство, здоров ли я психически, не пора бы мне обратиться к врачу? Но я жил своей жизнью: работал, выпивал, общался с людьми, покуривал травку, тщетно стараясь завязать с более тяжёлыми веществами, и постепенно сомнения начали уходить.

Я был на сто процентов уверен: та девушка, чей образ едва-едва могло воссоздать моё сознание, мертва. И убийца — я.

Всё вокруг придавало уверенности в правдивости моих догадок, что-то непрестанно начало нащёптывать мне на ухо страшные вещи. Хранение этой тайны, осознание, что я не такой как все, заряжало меня всё большей бодростью, наполняло меня живительной силой. Узнать себя в те дни, как мне казалось, было бы равнозначным взгляду в самую сущность тьмы, и это ощущение непрестанно льстило мне.

Когда я ложился спать, порой меня охватывало водоворотом некоей могущественной силы, которую трудно описать, но она будила во мне странный и захватывающий букет чувств. Лепестки разума расцветали и напирали на меня, крича голосом той девушки, что она жива, а я просто съехал с катушек.

Эти лепестки приводили порой чертовски убедительные доказательства. Ветра безумия тотчас налетали на них, нагоняя на мой рассудок непроглядные тёмные тучи, из-за которых все здравые мысли отлетали на второй план. Я мирно засыпал в отталкивающих взгляд нормального человека, но столь притягательных для меня кровавых образах. Эта внутренняя борьба света и тьмы одновременно пугала меня и заставляла наконец прочувствовать всю глубину собственной важности.

Пребывая моментами честным с самим собой, я, конечно, понимал, что со мной не всё в порядке. Я чувствовал, что еле держусь на становившемся всё более тонком мостике самоконтроля, и вот-вот, сейчас: в автобусе, или в магазине, или на кухне, ужиная с родителями, или общаясь на работе с непонятными, порой разящими тошнотворными

запахами клиентами, вот сейчас, — я сорвусь. Нож, который я начал всюду носить с собой, когда все эти мысли были ещё в зародыше, вот-вот окажется зажат в моей руке, и я начну убивать всё живое, что попадётся мне на глаза.

Это было совершенно ненормально. Хотя мне упорно казалось, что не может быть ни одного человека, ни разу, особенно в час-пик, не задумывающегося о массовом убийстве, но всё же, моё мышление откровенно выбивалось из разряда среднестатистического.

Мне нужна была новая кровь. Осознание этого пришло совершенно обыденно. Я сидел в туалете, занимался своими делами, как возле моего носа пролетела, непонятно откуда взявшаяся муха, я ловко поймал её и раздавил в своей ладони. Месиво из её тела подтолкнуло меня к тому, чтобы совершить новое, идеально продуманное, хорошо выверенное, размеренное, но дерзкое убийство. Раздавленная тушка насекомого нащёптывала мне все мелкие детали и меры предосторожности, которые я должен соблюдать, следуя на своё новое преступление.

Я ушёл всеми мыслями в организацию плана. Уже не только та мёртвая муха, но и весь мир своим шёпотом готовил меня к совершению нового убийства. Я определился с жертвой — это должна быть молодая, красивая девушка. Твёрдо решил, что не будет никакого сексуального насилия. В голове вертелось сравнение: разве лев трахает антилопу, прежде чем её съесть? Так и для меня, это лишь еда. Лишь способ получения жизненной энергии. Никаких извращений, никаких надругательств, увечий, излишней, чем необходимо, боли. Просто смерть. Удары молотка по голове или удавка казались мне наиболее предпочтительными. Молоток, чтобы оглушить. Удавка, чтобы задушить. Ничего лишнего, ничего грязного. Чистота и невинность. Чистота и невинность смерти.

Почему именно молодые, красивые девушки? Ответ прост: из них обильно исторгалась энергия молодости и сила красоты, которые приносили мне максимальное удовлетворение. Понимаете, мне указывали на них, меня просили о них... Нет-нет, об этом я говорить не могу!

Продолжим. Наполненный этим мрачным вдохновением, похожим даже на зов, я взял моду гулять вечерами до поздней ночи. Ездить на автобусе, гулять в парке, в людных местах, много ходить пешком. Гулять в самых тёмных и злых местах, хоть даже и меня, ищущего себе новую жертву начинающего маньяка, порой смущала, а по правде и пугала перспектива встречи с весёлой компанией всем известных гопников, или буйных алкашей, или агрессивной стайки бомжей. Я определял это для себя тем, что даже могучий лев ничего не сможет сделать, если на него нападёт стая голодных шакалов. Но порой — всё равно не поверите — в этих тёмных, малолюдных, забытых и ненужных местах моего родного города мне было особенно страшно идти, когда я понимал, что вокруг ни души. Но, на самом деле, я лишь недавно понял, чего я тогда боялся. Или кого...

Прогулки продолжались. Чаще они заканчивались ничем, но после них я был одновременно и изнурён, и возбуждён до такой степени, что долго не мог заснуть. Тогда я начал бояться своих снов, приходящих после прогулок, которые становились всё более и более реалистичными, до такой степени, что я порой терялся: сон вокруг или явь.

Я был очень избирателен в выборе новой жертвы. Самые удачные вылазки заканчивались длительной слежкой за потенциальной мишенью. Один раз я был очень близок к цели. Симпатичная, длинноногая — даже выше меня — привлекательная блондиночка вдруг свернула в гаражный кооператив. Я — беззвучной тенью — за ней. И вот, как по мановению волшебной палочки, мои пальцы крепко сжимают молоток, осталось

только завернуть за угол, чуток ускориться и нанести удар... Нет! Там, видимо, её парень. Он закрывает ворота гаража, идёт ей навстречу, обнимает, и они исчезают вдаль, прижимаясь друг к другу. А я всё так и стою с молотком, смотрю им вслед, оборачиваюсь, пугаюсь своей причудливо искажённой тени, смеюсь над своей трусостью и неторопливо, перекидывая молоток из одной руки в другую и нанося удары по невидимым жертвам, плетусь один в сторону дома.

Ну вот, как-то так я и коротал своё свободное время. А помнишь, Витя, как мы однажды крепко нажрались у меня, когда я ещё снимал квартиру? Я чуть было тебе всё не рассказал, прикрываясь вымышленным мной фильмом... Но ты, изображая заинтересованность, свёл всё на свои рассказы, какой же мудак твой начальник. Ха-ха-ха! Ну может, это было и к лучшему, кто знает?

И вот однажды я ехал, как обычно, на автобусе с работы, задержавшись на ней допоздна. Вдруг что-то приковало моё внимание. Девушка. Точнее, её вид сзади. Я сначала крепко зажмурился, потряс головой, открыл глаза. Нет, всё правильно. Никаких сомнений — это, действительно, моя первая «жертва». Я прошёл вперёд, стараясь незаметно взглянуть ей в лицо. Это она. Здоровая, молодая, живая. Отстранённо глядит в окно, не замечая вокруг себя ничего.

Меня охватила тошнота, я готов был блевануть прямо ей под ноги. Все мои мысли, весь мой рассудок накрыл плотный, тяжёлый серый туман. Пускай мне оставалось ехать ещё три остановки, но я в глубоком смятении выскочил из автобуса, держа в уме лицо этой девушки, оказавшееся не таким уж и симпатичным в желтоватом свете автобусного освещения, как его выставляли мои образы. Я медленно брёл в неведанном направлении. Выходит, все эти дни я жил в иллюзии? Я обычный маленький человек, мнящий себя чем-то большим, чем являюсь на самом деле?

Для меня это осознание было подобно резкому удару под дых. Жадно ловя воздух ртом, я старался хоть как-то собраться с самим собой. Голова закружилась, в глазах потемнело. Я не мог больше идти, не мог держаться за что-то мутное, непонятное, что-то, что я называл собой. Я упал и, кажется, потерял сознание.

— Молодой человек! Молодой человек! Что с вами? Вам нужна помощь? Я могу вызвать скорую.

Нежный голосок ангела заставил меня открыть глаза. Надо мной возвышалось существо, чистой воды божественного происхождения. Особа человеческой расы, от которой никак нельзя было отвести моего больного взгляда. Что выражало её лицо? Наверное, озабоченность, любопытство, доброту, отзывчивость. Но к кому? Ко мне?

Я старался встать, вестибулярный аппарат внутри моего организма шалил, меня клонило на правую сторону, я чуть было снова не оказался на земле, но девушка поддержала меня, не давая упасть. На мгновение, мы встретились с ней глазами. Я тонул в этом бесконечном свете, что они излучали. Мой голос хрипел, но я всё же выжал из себя:

— Давайте отойдём, пожалуйста.

Я полностью отдал себя во власть ангела. Муть в глазах постепенно прояснялась. Я наконец-то мог более-менее трезво оценивать обстановку.

— Мне кажется, вам нужна скорая, вы очень бледны, позвольте я позвоню.

Я перехватил её руку, демонстрируя своим поведением, что не нужно никуда звонить. Издав что-то похожее на «ах», она остановилась, продолжая участливо смотреть на меня. Мой же взгляд окидывал местность вокруг. Нос учуял близость водоёма. Сверчки щебетали

свои серенады, давая понять мне, что сейчас уже поздний вечер. И тишина. Не сходящая тишина отсутствия других людей, прерываемая только нашим дыханием. Не слышны ни звуки автомобилей, ни рокот человеческих голосов. Мы с ней где-то вне нашей человеческой вселенной, наедине с природой. Девушка продолжала что-то причитать.

— Всё уже хорошо. Спасибо вам. Простите, что заставил вас волноваться, — выталкивал я фразы из себя, чувствуя, как безграничная тьма начинала сгущаться вокруг нас. — Больше вам не стоит беспокоиться обо мне. Идите по своим делам.

Тот же невнятный милый голосок что-то ответил мне.

— Пожалуйста, уйдите, — шепнул я, фиксируя взгляд на небе, полном звёзд. Полное звёзд небо, над залитым люминесценцией и дымом заводов городом. Это странно, это ненормально. Но где же мой ангел?

Внезапно осознав, что лежу на земле, я приподнял голову и увидел, что небесный фантом, девушка, считающая меня спасённым её добротой, что-то выискивала в недрах своей сумочки, повернувшись ко мне спиной.

Стараясь издавать как можно меньше шума, я поднялся. Сначала на колени, потом в полный рост. Вся мусть моего забытья прошла, меня будто окатили ледяной водой. Чувство всевластия, бескрайней уверенности в себе и не оставляющего пути назад стремления захлестнуло меня. Одни голоса кричали мне остановиться, замереть в неподвижности, но другие, в большинстве, призывали: «Иди! Иди сделай это, наконец! Убей её, докажи, что ты выше добра и зла. Убей ангела, чтобы обрести самого себя».

И я покорно шёл вперёд.

— Вот, я нашла обезболивающее! Вам, наверное, сейчас просто очень больно и от этого вы не понимаете, что происходит. Молодой человек?

Я бросился на неё, ощущая, как всё человеческое погибает внутри меня. Мои пальцы сомкнулись и с остервенением впились в эту нежную шейку. В её глазах я видел только удивление. Но мои пальцы сжимались всё сильнее на её горле, перекрывали артерии, ей стало нечем дышать. А она всё глядела на меня взором ягнёнка, призванного на жертвоприношение. Она не сопротивлялась, не закрывала глаз, которые смотрели на меня так, что я решил, будто она уже смирилась со своей судьбой. Я всё продолжал давить. Я давил и чувствовал, как под моими пальцами ускользает человеческая жизнь. В ангельских глазах на секунду мелькнул животный, абсолютный, безумный страх, инстинкты самосохранения включились, но уже слишком поздно. Она потеряла сознание, а я всё продолжал давить, и даже звук сломанной трахеи, и даже страшный, предсмертный хрип не могли меня остановить. Но и этого мне мало. Я бросился назад, в темноте нашёл свою сумку, нащупал молоток на дне, скрытый рабочими документами, выхватил его, возвратился назад и нанёс решающий, сильный удар прямо по темечку моего ангела.

Вот и всё. Она мертва.

Я снял с неё одежду, не в силах отвести взгляд от несравненной красоты её тела. Её уже мёртвого тела. Подошёл к канализационному люку, без всяких надежд на успех попробовал открыть его. Тяжёлый блин железа поддался, и я выкинул туда одежду бедной девочки.

В голове стало непривычно ясно. Я слышал каждый звук в километрах от меня, чувствовал каждый запах, в глаза мне бросалась каждая мелочь. Мне явственно показалась, что посреди этого пустыря разлился резкий, освещающий всё вокруг свет, хотя, на самом деле, вокруг стояла непроглядная темень.

А я стоял над трупом. И теперь нет никаких сомнений. Я убийца. Я изверг, ни за что

лишивший жизни прекрасное человеческое создание, кажущиеся сотканным из нитей божественного света.

Вдруг, что-то как обухом ударило меня по голове. Я оглянулся по сторонам. Ничего и никого. Вдалеке видны припаркованные машины. Мой, острый как никогда, слух подсказывал мне, что где-то со стороны машин раздавался звук бьющегося сердца. Мне было всё равно. Пусть наблюдают.

Склонившись над телом молодой, прекрасной девушки, глядя прямо в её покрытое мёртвой пеленой лицо, я не мог сдерживать слёз. Они вытекали из глаз, и было бесполезно пытаться их вытереть. Возвышаясь над своей первой жертвой, я уже тогда начал понимать, что в эту ночь я убил не только её. Я убил и себя.

Свечение окутало меня. Клянусь, это было, действительно, как не сжигающее пламя. Я зажмурил глаза, отмахнулся руками, может быть, даже закричал. Но этот свет не знал пощады. Свет обволакивал меня, захлёстывал всего. Проникал в самое моё нутро, безжалостно обличал самое дорогое, а потом сжигал его. Я терял связь со своим телом, со своей личностью. Соединялся с этим светом.

И тут начался шёпот. Шёпот, который взрывал мои барабанные перепонки. В этом шёпоте не было слов, не было фраз, не было ничего людского. От Дьявола ли этот шёпот или от Господа — я не могу наверняка знать этого. Я знаю точно лишь одно — этот шёпот полностью овладел мной. Я потерял власть над собой. Я стал лишь жалкой марионеткой в руках чего-то, что невозможно представить простому человеку.

Это звучит как бред. Я это знаю, но постарайся поверить мне, Витя, только об этом я тебя прошу. Сотни раз воспроизводя этот диалог в мыслях, я был уверен, что никто не сможет понять меня. Но вот, я прижат к стенке. Дороги назад нет. И я рассказываю тебе всё это, не замалчивая и не храня в себе ничего. Что-то сильнее нас завладело мной. Превратило меня в убийцу. Сделало из меня Циферщика. И я не могу, а честно, и не хочу ничего менять. Я выучил главный урок: если что-то, стоящее над человеческими жизнями, призывает тебя подчиняться — нет смысла отказываться.

Я узнал свою миссию. Шёпот рассказал мне, когда я буду свободен и что для этого предстоит совершить, сколько невинных душ забрать... И какая награда меня ждёт! Поверь, Витя, это всё далеко не так просто, как может показаться. Я приводил примеры других серийных убийц, но все они далеки от меня. Они ничтожество, а я Избранный! Я был избран, я стал мессией нового времени! Пускай, я до сих пор не могу с этим смириться, пусть, я слишком жалок, чтобы так называться, пусть я совершаю ошибки. Но главное — я верю, что эта судьба была предрешена мне с самого рождения. И я, вне зависимости от обстоятельств, буду делать то, что мне «шепчут».

Мне осталось совершить ещё немного. Я чувствую, какой силой меня награждают за мои поступки. Чем меньше во мне человеческого, тем страшнее силы, наполняющие меня! Пойми, Витя, этот день предрешён давно. Всё шло к этому. С самого моего первого убийства... нет, с самой первой моей мысли, что я не такой как все!

Понимаешь, меня избрали! А я избираю тебя. Совсем скоро моя миссия завершится. Начнётся новая. О, если бы ты знал, предвестником чего мне уготовано стать! Ох, если бы ты знал, какую честь я делаю тебе, что рассказываю сейчас всё это. Нет! Не я тебе делаю эту честь, а — Они! Ты последний, единственный, кому я могу довериться, и вот сейчас я всё раскрыл перед тобой, давно зная, что так планировали — Они. Понимаешь, когда я встал на этот путь, то впервые в жизни по-настоящему почувствовал, что живу! Что могу жить в

свободе! Быть таким, каким мне на самом деле хочется быть, не прячась под всеми этими долбанными масками! Эта свобода спасла меня от героина! Спасла мне жизнь, и я всем обязан Им.

Они противятся тому, что я сейчас рассказываю, но я просто обязан поделиться этим! Понимаешь, мне важно наконец-то выдернуть это бремя из себя, хотя бы мельком показать кому-то, кто сможет мне довериться, кто сможет хотя бы чуть-чуть понять меня...

Я — Циферщик, как прозвали меня в этой жалкой прессе. Меня все ищут, но никогда не поймают!

Однако, я всё ещё человек. Это бессмысленное, мерзкое, жестокое убийство Ольги до глубины души задело меня. Клянусь, Они никогда не говорили мне об этом! Поэтому я был не готов и делал всё, как мне хотелось самому. Я всё ещё самостоятелен и насрать, что они сейчас мне шепчут! Я верно исполняю приказы. Исполняю так, как сочту это нужным. Понимаешь, меня настолько поразило твоё доверие, оказанное мне. То как ты рассказал про ту историю детства, как доверил мне самое сокровенное в своей жизни, что первой целью у меня стало завлечь тебя, Витя, на мою сторону. Я хотел подарить тебе свободу, и я сделал это. Чувствуешь радостное вдохновение в груди, после того, как ты прирезал ту мразь? Я хочу пригласить тебя...

Заткнитесь!!! Витя — отличный кандидат... Да, да, девчонка. Нет! Нет!

Ох, что? Я ухожу! Нет, не ухожу! Нет. Нет? Нет!

Боже милостивый, спаси и сохрани!

Виктор и Катя с ужасом наблюдали, как Андрей, прервавшись на обращении к Богу и перекрестившись, вдруг упал на колени, схватился за голову и издал протяжный, нечеловеческий стон. Необъяснимые судороги шли по всему его телу, он брыкался, кричал. Это было похоже на приступ эпилепсии, но ни Виктор, ни Катя, не решались ни на миллиметр приблизиться к нему.

Виктор поднял пистолет и прицелился в Андрея. По телу бежали мурашки, он не знал, как на это реагировать и чего ожидать далее. Катя переместилась поближе к сохранявшему рассудок молодому человеку, стараясь спрятаться за ним. Наконец, Андрей замолк и распластался по полу, оставаясь недвижимым, не издавая ни звука. Совсем рядом с грудой чёрных мусорных пакетов, скрывающих труп Игоря.

Виктор изо всех сил старался побороть мерзкую дрожь в теле. Только вид беспомощной, хрупкой, казавшейся почти девочкой-подростком Кати, придавал ему сил. В порыве чувств он потянулся к ней. Катя забралась на диван, ответно прильнула к нему, прижалась всем телом.

— Стреляй в него! Он сумасшедший, видишь? — прошептала с гипнотизирующим внушением девушка.

Ободряющее тепло её тела и нервный, сбивающийся голос, в первое мгновение показали непреложной истиной. Но и вид Андрея — его лучшего друга, приковавшего к себе всё внимание своим рассказом, а сейчас без памяти лежавшего рядом с Игорем — производил впечатление больного, ненормально, но при этом не источающего угрозы человека. Виктор поставил пистолет на предохранитель и убрал его за пазуху.

«Нет! Всё это неправильно! Он болеет, однозначно, но...» — мысли путались и противоречили друг другу. Виктору казалось, что и его разум тоже погружался в пучины сумасшествия. Гулкий стук сердца, мокрые ладони и чувство замедленного времени сковывали накрепко и безысходно.

Андрей тем временем приходил в себя: открыл глаза, медленно сел, невидящим взглядом окинул комнату, не задерживаясь надолго ни на чём. Потом медленно, на трясущихся ногах, неуверенно поднялся.

— Мне нужно умыться. Я плохо себя чувствую, — обращаясь в пустоту, невнятно проговорил Андрей и нетвёрдым шагом, пошатываясь, пошёл в ванную. Катя, юрко соскользнув с места, тенью направилась за ним.

Виктору не оставалось ничего другого, как осторожно подняться с дивана и попытаться проследовать за ними. Каждый шаг, при котором он опирался на пораненную ногу, отдавал глухой болью, слегка перехватывало дыхание. Однако, он упорно ковылял по направлению к ванной комнате.

Катя заперла дверь, в которую зашёл Андрей и, помахав маленьким ключиком перед Виктором, жестом указала ему возвращаться обратно в гостиную.

— Ты видишь? Боже, ты видишь, что с ним? Витя, я прошу тебя, давай вызовем полицию, пока не поздно. Я подтверждаю, что это он убил моего брата, всячески буду тебя выгораживать. Он сумасшедший! Ты вообще можешь представить, куда мы зайдём, если продолжим идти у него на поводу? — тараторила Катя, едва Виктор оказался на пороге гостиной. — Он твой друг, я понимаю, но сам посуди, что он несёт? Его отправят на

лечение. Мы не будем говорить, что он Циферщик и тогда год-другой отсидит и всё, вот твой дружок и на воле. Он опасен, понимаешь? Он убьёт нас обоих, если мы ничего не сделаем!

Поверь, уж я в психах разбираюсь. Возьми моего брата. Чёрт, даже хорошо, что ты его убил, на самом деле. Ты не знаешь, какой он был, ты не знаешь, что он делал! И поверь, ты не хочешь этого знать! Витя, пожалуйста, ты один здесь адекватный, ещё не поздно всё изменить. Мы будем жить, понимаешь? Я помогу тебе во всём, клянусь! Хочешь, будешь первым помощником у отца? Таких денег ты никогда в своём офисе не заработаешь! Хочешь, я тебе прямо завтра дам столько денег, что тебе хватит уехать и жить далеко отсюда, припеваючи? Витя, ты же молодой, ну что тебе эта Ольга? Если бы я на неё не указала, Игорь убил бы меня! А он пытался — давно, ещё в детстве — пытался и много раз! Прости, прости, что я говорю... Я виновата. Да, я мразь! Но я не убийца, Витя. Я не сумасшедшая. Подумай, пожалуйста, хорошенько подумай, за кем ты: за мной — и тебе до конца жизни горя не видать, или за этим полоумным, с которым вас посадят навсегда. Понимаешь, — навсегда! Андрей заперт, Игорь мёртв, Олю не вернёшь. Подумай хорошенько. Пистолет у тебя, и я буду на твоей стороне, если ты сделаешь правильный выбор.

Витя опрокинулся на диван, молча слушая девушку, внимательно глядя в её взволнованное лицо, примечая, как та отводит глаза, когда их взгляды встречаются. Екатерина даже покраснела от натуги, она чувствовала, что сейчас решался вопрос её выживания.

— Я хочу знать лишь правду, Катя. Постарайся и скажи мне правду, хотя бы один раз в жизни. У меня весь мир перед глазами разрушился. Я не знаю, что такое хорошо, что такое плохо. Я убил твоего брата, но ты на моей стороне! Я узнаю, что мой лучший друг, которому я всегда доверял как самому себе, оказывается чокнутым серийным убийцей. Я чувствую, что стою на краю и готов совершать самые неразумные поступки. Какой вообще разум, если я за эти несколько часов пережил больше, чем за все предыдущие годы моей жизни? Меня сейчас не разжалобить, не убедить, не купить и не соблазнить, Катя. Единственное, что мне сейчас хочется услышать, так это правду. Что связывало тебя с Андреем? Ты уже была с ним знакома до вчерашнего вечера? Причастен ли он к смерти... Оли? Сейчас тебе лучше наконец выложить все карты на стол. И надеяться, что моя жажда искренности окажется сильнее, чем жажда убийства, если я пойму, что ты не заслуживаешь жить, — монотонно проговорил Виктор, упорно отыскивая взгляд девушки на протяжении всей речи.

Екатерина выждала какое-то время, потом крепко зажмурилась и начала свой рассказ.

* * *

Ну да, я сука, я та ещё сука... Хочешь искренности? Пускай так. Я убила Олю. Не своими, конечно, руками. Для этого у меня есть отличный исполнитель. Мой брат. Сумасшедший маленький психопат, который сейчас коченеет потихоньку на полу моей гостиной. Мой старший братик, так любящий мучить и убивать животных, и как бы между делом решивший изнасиловать, а может и убить (кто знает) и меня. Я тогда соплячкой совсем была. Но немножко понимания этого мира, тот случай, конечно, прибавил.

Я его возненавидела! Почему? Да потому что! Самые близкие тебе люди, которых ты знаешь с рождения, вдруг стали конченными мразями. Такими как Игорь или как моя мать. Которую Игорь-то, наверное, и убил... Хорошая семейка? Отец закрывал глаза на то, что я

постепенно схожу с ума. Оставлял меня с этими... больными. Катя не вымыла посуду? Получай ремня! Игорь приволок домой отрезанную голову котёнка? Ну, Игорь — мальчик особенный! Игорь болеет, ему всё можно, только осторожно. Эй, ты же его сестра! Младше на два года... Почему не объяснила, что это плохо? Получай ремня! При чём, не больно, нет. Просто унижительно. Задирай платье, вставай раком и получай наказание ни за что. А полоумный братец стоит, смотрит на это и ухмыляется.

Никому об этом не говорила никогда. Отцу родному об этом не говорила, который, в итоге, меня и вытащил из этого адского болота. А ты хочешь искренности — так получай! Хорошо, наверное, когда с детства у тебя семья примерная, верные друзья. Все умиляются, ути-пути, какой наш Витя молодец! Вот и вторая половинка нарисовалась на горизонте. Трахай, не хочу! Сколько влезет.

Да ладно, что ты хмуришься? Ни слова плохого больше о покойниках. Вот и об Игоре, и о матери моей тоже не спрашивай!

Хочешь, чтобы я тут тебе как перед священником исповедалась? А хорошо, что мне терять? Не ты меня пристрелишь, так этот выберется из ванной и голову мне разобьёт или задушит, как ту девку. Ту девку...

Когда я переехала к отцу, я твёрдо себе сказала: больше я не буду жертвой. Никогда. Хватит с меня унижений, хватит быть чьим-то инструментом для самореализации. Катя сама хочет порулить. Я умнее всех, хитрее всех, лучше всех! Я не какая-то безмозглая барби, которой богатый отец всё преподнёс на блюдечке. Я всё что имею добилась своим трудом, своими мозгами! Решила, что хватит уповать на судьбу, хватит искать у других защиты и понимания. Я должна быть свободна! Я должна быть хозяйкой ситуации, а не чтобы ситуация хозяйничала надо мной. И я упорно шла к этому. Со страхом... нет, вру, никакого страха не было — только уверенность, что настоящая свобода может мне открыться, если я буду властвовать над жизнью и смертью.

Но я же девочка, я не могу, в отличие от твоего друга, ходить по улицам с молотком, подыскивая подходящую жертву. А что, если вместо молотка у меня будет человек? Человек, у которого настолько сломана воля, настолько слабая психика, что он будет всецело подчиняться мне? Убить человека, Катя? Да, с удовольствием!

И здесь появляется Игорь. Существо столь омерзительное для человеческого общества, сколь и удобное для осуществления моих планов. Да! Я навела его на Ольгу. Я «отдала приказ», если так можно выразится, чтобы это чудовище, приходящиеся мне родным братом, удовлетворило свою кровавую потребность, выполнив мою волю. Вручила ему костыли для конспирации и отправляла гулять каждый вечер в условленном месте, ждать, когда я привезу жертву и дам команду: «Фас!»

Но я оказалась слабее, чем думала. Клянусь, порой у меня возникало то, что принято называть совестью. Я — не лишённая эмоций сволочь. Я не психопатка, которая не может понять чувств других людей. Да, мне было жаль и Ольгу, жаль и тебя, Витя. А в особенности — жаль себя. Когда я увидела бездыханное тело твоей девушки, я почувствовала гибель и чего-то внутри себя. Как и твой дружок-маньяк Андрей.

Ты хочешь знать про мои отношения с ним? Я расскажу, почему бы и нет?

Катализатором, последним знаком, мановением судьбы, как угодно, стал именно Андрей. Им я покрывала свои нездоровые наклонности. Его сумасшествие я вынуждена была делить. С ним была связана моя жизнь. И его первое убийство стало толчком к совершению моего первого убийства. Убийства твоей несравненной Олечки. Используя инструмент,

которым стал мой брат. Которого ты сегодня убил, Витенька.

До всего этого я была в глубокой бездне отстранённости от мира. Чувство непричастности ко всему происходящему, чувство беспросветного одиночества сжигали мою душу, затуманивали разум. Я не могла видеть реальность такой, какая она есть. Всё было нереальным, призрачным, как зыбкая пелена мимолётного сна. Я что-то делала, с кем-то говорила, куда-то двигалась, раз за разом переставая ощущать себя человеком, представляя себя лишь бездушным механизмом, не способным ни на что кроме молчаливого и покорного выполнения заложенных в себе функций. Я не могу сказать, что мне было плохо... Понимаешь, это чувство — когда всё равно. Всё равно: есть ты или нет, спишь ты или бодрствуешь, говоришь или мыслишь. Лишь изредка, в глубоком сне, я могла наконец освободиться из этого забытья, переносясь на островок моего подсознательного счастья. Лишь ради новой ночи мне хотелось утром вставать с кровати. Были ли эта жуткая депрессия или меланхолия? Нет, скорее это состояние было отсутствием мотивации, цели и воли к жизни.

Эту цель, эту мотивацию, мне и дал Андрей.

Первый раз я увидела его задолго до того дня, когда официально стала с ним знакома. Это было начало лета или конец весны. Ярко светило и грело солнце. Толпы людей вышли на улицы города, радуясь свету, теплу, приближению лета. Я бесцельно ездил по этим улицам, с отвращением разглядывая многочисленные весёлые лица вокруг, и не могла определиться: хочу ли я кого-то убить или умереть самой...

Стемнело. Поток людей и машин пошёл на убыль. И вот внезапно со мной что-то произошло. Я до сих пор не могу найти объяснения этому, клянусь, будто просто заснула за рулём. Чёрная пелена перед глазами. Отсутствие контроля над своим телом, все звуки заглохли, мозг как будто перешёл в режим автопилота. Это может показаться странным? Но я всю жизнь ожидала чего-то подобного. Глубокое спокойствие и безмятежность полностью завладело мной, и плевать, что я могла потерять управление автомобилем, въехать в остановку, вылететь на обочину, лоб в лоб столкнуться с грузовиком... Меня, какой я привыкла себя ощущать, не было. Я не знаю, как это объяснить доступнее. Я не была вне своего тела, я точно не теряла сознание. Лишь абсолютное ощущение, что моё время наконец пришло.

Ты не поверишь, но я уже чувствовала, что покинула наш мир. Меня нет. Я не существую, я уже на полдороге к тому запретному, несуществующему пространству тьмы. Хоть в ней и не было тьмы, не было и света. Это просто... Нельзя описать, понимаешь?

Как же я была потрясена, когда внезапно смогла открыть глаза. Темень вокруг расступилась. Никаких сомнений — я в своей машине. Каждая мышца, каждый нерв, казалось, медленно просыпались от длительного сна. Сколько прошло времени с моего беспамятства? Пара часов? Дней? Месяцев? Лет? Усилием воли мне удалось сконцентрировать бегающий взгляд на часах в автомобиле. Не прошло и часа. Глядя в окна, я увидела лишь тёмный туман, который постепенно рассеивался. Непонятное свечение со стороны лобового стекла привлекло моё внимание.

Как в дешёвых комиксах, всё вокруг казалось серым и тусклым, кроме насыщенной яркими красками картины, которая тотчас смогла крепко-накрепко удержать мой взгляд.

Что-то непонятное для меня, ещё не до конца пришедшую в сознание, происходило вдалеке. Это было... ненормальным. В первое мгновение, эта сцена показалась неприличной и пошлой. Одним действующим лицом был парень, другим — девушка. Между ними

происходило что-то, похожее на секс, — вот, что я подумала с ходу. В другое мгновение, всё начало вставать на свои места. Тот парень убивал её! Он находился сверху и душил её, она старалась отбиться, но тщетно. Я замороженно наблюдала за этим действием. И ты, Витя, можешь спросить, почему я не вызвала полицию, не нажала на сигнал своей машины, не закричала, выглянув из окошка? Почему я не остановила его?

Мне самой часто приходят на ум эти вопросы. Отчего я осталась неподвижной, безучастной, даже заинтересованной происходящим? Неужели я, на самом деле, такая сука, что моё любопытство оказалась сильнее, чем такое человеческое чувство — помощь ближнему своему, спасение жизни невинной души? Ради этого ли я оказалась в том месте в то время? Остановить убийство? Или увидеть это убийство?

Девушка прекратила отбиваться, замерла, потеряв сознание. Убийца продолжал крепко держать сцепленные пальцы на её горле ещё какое-то время, после, в изнеможении отстранился от своей жертвы, раскинулся на земле и, казалось, перестал дышать. А после поднялся опять, пригнулся, поднял что-то с земли, вновь подошёл к своей жертве и нанёс удар. Даже сквозь то расстояние, что нас отделяло я услышала этот звук и поняла, что следом за ним последует лишь неминуемая смерть.

Я не говорила тебе, что всё это происходило будто бы на сцене театра? Яркая полная луна возвышалась прямо над ними, выставляя их борьбу на первый план. Это убийство проходило в конусе такого яркого, настолько непохожего на лунном свете, что я — никогда не верующая и не суеверная — непоколебимо, с нетерпящей сомнения уверенностью осознала, что это убийство происходит не по болезненной мании грешного человека — убийцы. Нет, это убийство — прихоть высших сил, против воли которых нечего противопоставить.

Глупости? Суеверия? Моё помешательство? Я сумасшедшая? Такая же сумасшедшая, как твой друг? Это ты хочешь сказать? Тогда подумай над тем, что я оказалась в момент его первого убийства, в том самом месте, в то самое время. Они — кого бы я не имела ввиду — допустили это. Они сделали меня свидетельницей, соучастницей, жертвой отчасти, в конце концов! Заставили меня увидеть смерть человека, но не дали сил ни предотвратить её, ни помочь правосудию. Наоборот — принудили меня следовать в поисках человека, которому они так просто позволили отнимать чужие жизни. И смерть следует за ним. Видишь, ты его друг, а сколько смерти, тьмы и зла стало вокруг тебя? Мы должны остановить это, Витя!

* * *

Виктор внимательно слушал жуткий рассказ Екатерины, хотя после тех событий, которые недавно пришлось ему пережить, уже мало что могло по-настоящему испугать его. «Сумасшествие». Одно слово крутилось у него в голове. Безапелляционно верил он, что мир сошёл с ума, его друзья сошли с ума. Не значит ли это, что и он тоже обрёл своё безумие?

Из приоткрытого балкона по полу пронёсся сквозняк. Он сорвал один из пакетов с трупа, открыв его голову. Ставшие вдруг умиротворёнными и даже приобрётшие красоту после смерти черты лица убитого Игоря, на которые Виктор мимолётно бросил взгляд, казалось, скривились в презрительной ухмылке в ответ на его мысли.

Катя мерила шагами комнату, переходя от одной стены к другой и продолжая свой рассказ, который, начавшись так импульсивно, вдруг резко оборвался. Голос девушки

зачастую становился невнятным, паузы между фразами затягивались. Она лгала, был уверен Виктор. Или была не до конца честна — точно. Но какое-то тянущее за собой, мерзкое чувство сомнения всё-таки раз за разом вскрывало новые аргументы в пользу того, что, может быть, рассказы Андрея и Кати не настолько безумны, и в них есть связь, есть смысл, есть крупицы правды. Что, если ему нужно будет поверить лишь одному безумству из двух? Какое он выберет? Всё, кроме ноющей боли в ноге, казалось ему абсурдом. Но нужно было двигаться дальше. Что-то не сходилось. Что-то здесь было не так, даже если полностью опустить весь мистицизм и фантастичность этих бредней про «высшие силы».

— Что было дальше? Почему ты стала его фанаткой? Почему никуда не обратилась, позволив ему убивать дальше? Рассказывай.

Из глубины квартиры, со стороны туалета, послышался то ли стук, то ли несильный удар в дверь. Виктор не повёл и ухом на этот звук, Катя же заметно вздрогнула.

— Дальше? Я расскажу тебе всё, что хочешь, клянусь. Но давай сначала вызовем скорую и полицию. Ты думаешь у тебя всё так хорошо с ногой? Нет, ты думаешь, что он не сможет выбить дверь и убить нас обоих? Витя, давай действовать трезво!

— Я пытаюсь. Заканчивай свой рассказ, Катя. Потом будем думать.

* * *

Хорошо. Дальше...

Он медленно поднялся, и, веришь ты или нет, весь свет сосредоточился на нём. Я впервые смогла чётко разглядеть его лицо. Это был не тот Андрей, который сейчас заперт в ванной, не тот, которого я увидела у тебя дома. Он был совсем другой! В тот миг черты его лица исказились до неузнаваемости, стали такими... правильными и красивыми, что ли. Нет, это была не красота, это было выражение чего-то — нравится тебе или нет такое определение — сверхъестественного. Я, как прикованная, не могла пошевелиться и только наблюдала за ним.

Андрей подошёл к девушке, начал раздевать её. Все его движения были настолько быстры, неуловимы и плавны, что в один миг, за одно моргание, — девушка уже нага. И снова свет разливался вокруг них, становясь всё ярче. Я никогда не смогу забыть, как он смотрел на труп, возвышаясь над ним, как сразу стала великолепна в столпах света эта девушка. От неё не веяло ужасом смерти, отнюдь, в ней пульсировала жизнь. Я бы не удивилась, если бы она открыла глаза, поднялась и взлетела в небо. Сотни раз я спрашивала себя: не было ли всё это представление обычной галлюцинацией? Нет, поверь мне, если сможешь, всё было именно так, как я говорю.

Андрей присел возле неё, с удивительной нежностью и... величием дотронулся до её лица, губ, лёг рядом с ней и, казалось, тихо плакал подле её трупа. Что я чувствовала в тот момент? Я чувствовала, как щемит моё сердце от жалости, тоски и горя. Не к убитой девушке, нет. К Андрею!

Я готова была выйти из машины и броситься ему навстречу. На глазах у меня самой выступили слёзы. Отдав саму себя во власть этого зрелища, я окончательно потеряла все крохи того, чем могла в себе гордиться.

Я влюбилась в него, как полная дура! Плевать на все здравые возражения насчёт этой любви, но для меня стало невозможно не следовать за ним, не стать его. Не разделить его...

время. Назови меня чокнутой и будешь прав, но тех самых мгновений я поняла, если это не сон, то я пойду за ним до конца. В какие беспросветные глубины ада меня ни затащит эта привязанность, как низко я ни опущусь, сколько бы зла мне ни придётся сделать на этом пути, но я пройду его до самого конца. И, похоже, я была честна с собой. До конца осталось совсем чуть-чуть.

Наконец, он поднялся с земли. Резко посмотрел в мою сторону. Хотя я и была полностью уверена (какая там уверенность, в свете моих рассказов, да?), что меня не видно, я всё равно вжалась в кресло и сползла по нему вниз. Явственно ощущала на себе его разглядывающий, оценивающий меня взгляд, старалась ничем не выдать своего присутствия. Не знаю, сколько пришлось смотреть на спидометр, но, когда в следующий раз я осмелилась поднять глаза, — всё исчезло.

Луна, оставаясь маленьким и никчёмным спутником Земли, висела высоко вверху и едва производила и четверть того света, что давал уличный фонарь. Теперь можно было спокойно оглядеться по сторонам. Всё наваждение тотчас сгинуло, когда передо мной всплыл обычный грязный пустырь. Ничего примечательного, тем более, сверхъестественного. Безликие коробки — хранилища машин — вокруг меня. Густые кусты и мусор впереди, где какие-то моменты назад разыгрывалась страшная мистерия. Я сидела в машине под кронами неизвестно как выросшего здесь, по-настоящему гигантского дерева. Густые ветки касались лобового стекла.

Я с облегчением решила, что это всё сон. Просто я на автомате заехала непонятно куда, вырубилась, увидела этот бредовый сон, теперь очнулась и надо поскорее возвращаться домой.

Я вышла размять затёкшее тело. Всё подтверждало, что я, и правда, заснула. Голова была тяжёлая, мысли путались. Будто ты просыпаешься после очень интересного, захватывающего сна, когда не хочется снова опускаться в реальность, лучше остаться в том чудесном мире, выстроенном для тебя собственным подсознанием. Что-то похожее я тогда ощущала. Решив немного пройтись, поддавшись любопытству, и окончательно увериться в своём видении, я двинулась к тому месту, что недавно служило сценой для непостижимого действия.

С каждым следующим шагом глаза, привыкшие к темноте, начинали подавать всё более сильные сигналы мозгу, что наваждение могло быть на самом деле. Так и оказалось...

Я увидела девушку. Без сомнений — мёртвую. Всё великолепие, придаваемое тем светом, в миг испарилось. Это был труп девушки, лицо которой обезобразил страх близящейся нежданной смерти, агонии от собственного бессилия и беспомощности. Её мёртвое лицо; молодое, обнажённое тело, с горизонтальной линией, проведённой от горла до низа живота то ли краской, то ли кровью; синяки на шее от крепко сжимавшихся пальцев убийцы; прилипший к щеке жук; небольшая лужица крови из разбитой головы на траве. Всё это заставило меня отшатнуться и, с невероятным усилием поборов подступающую тошноту, едва ли не бегом вернуться в машину.

Это не был сон, не было помешательство или галлюцинация. Всё было правдой. Я возвращалась домой, не в силах сдержать скатывающиеся по щекам слёзы. Понимаешь, я как бы тоже была избрана...

То, что я чувствовала, когда он смотрел на меня, когда он касался тела своей первой жертвы — это стало моим предназначением. В этом служении маньяку, я обрела смысл жизни. Я безумна, да? Что же, может и так. Но я выполнила свою задачу, я показала ему

себя. Пусть и лишилась брата. А теперь... теперь я просто хочу жить!

Это убийство Ольги... Понимаешь, это была моя попытка заявить о себе, помочь ему хоть отчасти сбросить своё бремя, отказаться от крови. Хочешь знать, почему Оля? Я сама не знаю точно. Ты можешь меня ударить и будешь в своём праве, если я скажу, что на неё мне указали те силы, которые заставили меня увидеть гибель той девушки. Его «Единички»...

Знаешь, ведь она была похожа на Олю. Мне даже кажется, что все его следующие жертвы, все как одна были похожи на Олю. Нет, ни чем-то внешним: ни типом лица, ни цветом волос, ни даже ростом или фигурой. Все они светились какой-то внутренней силой, чем-то скрытым от случайного взгляда; чем-то, что далеко не каждый сможет увидеть. Когда я разглядывала их фотографии, меня не отпускало чувство, что я всех их знала! Невозможно, скажешь ты? Но о чём здесь говорить, когда всё, что тебе казалось кошмарным и невозможным, вдруг просто врывается в твой дом и ставит тебя перед фактом своего существования?

Я не могла представить, что в тот день, когда дождь лил как из ведра, ты не приедешь за ней. Я долго наблюдала, как Оля продаёт эти безвкусные вещи, как дежурно улыбается, но при всём этом не теряет своего особенного, невидимого ореола, которым я восхищалась и которому так завидовала, когда мы дружили... С ней одной я по-настоящему дружила.

Дни шли. Я знала её график, я часто видела, как ты забираешь её после работы. Я из всех сил старалась не попадаться ей на глаза. Но каждый вечер, когда я следила за ней, я знала, что в это же время Игорь на костылях мечется по захолустной, безлюдной улочке, каждый раз ожидающе оглядывая проезжающие мимо машины, предвкушая наконец увидеть в одной из них меня. И Олю.

Рабочий день закончился. Магазины торгового центра закрывались. Я уже направлялась к выходу, как встретила её глазами. Она узнала меня! В этот момент, я подумала, что всё кончено. Я не смогу отдать её Игорю. Как же я была шокирована, когда она сказала мне, что ты, Витя, не сможешь забрать её сегодня! В тот день, когда смерть Оли была невозможна, что-то над нами решило иначе.

И вот мы с ней в моей машине. Меня всю трясло. Казалось, что вот-вот вытошнит, но я поддерживала милый и весёлый разговор давних подруг. В лобовое стекло бил дождь, а я уже не могла повернуть назад и отвезти её домой. Мы увидели Игоря. Оля была против, чтобы я его подбросила...

В один момент, когда Ольга была уже в нашем плену, я поняла, что не смогу пойти до конца. Не смогу позволить, чтобы она умерла! Сказав об этом Игорю, я была уверена, что он тут же набросится на меня и убьёт, а потом убьёт и Олю. А он лишь странно улыбнулся и ушёл.

Пойми меня, Витя, прошу! Я уже ехала к гаражу, чтобы освободить её! Я представляла, как брошусь на колени перед ней, расскажусь и отдам свою судьбу в её руки. Но было уже поздно. Игорь послушался меня и убил Олю...

Потом я увидела тебя на похоронах. Ты был так потерян и разбит! Я не смогла противиться порыву подойти к тебе, открыть перед тобой свои настоящие, искренние чувства. Представь же, что я ощутила, когда увидела фотографию Андрея в твоей квартире! Ведь я приходила к тебе после похорон, даже до конца не понимая, зачем я продолжаю это делать! Старалась заслужить прощение, если всё это было лишь плодом моего больного рассудка? Загладить свои угрызения совести, пока ты предавался своему пьяному отчаянию? И одновременно с этим ждать ответа от Циферщика. Вспомни, это же я уговорила тебя

позвонить ему ночью, назначить встречу на следующий день. Ты сам этого так желал, но почему-то всё не мог решиться. А потом ты уснул, а я осторожно взяла трубку и в первый раз услышала его голос.

И вот, представляешь, — это звучит невозможно, но это правда — ты оказался его лучшим другом! Что за шутки устраивает нам судьба... Что не так с теми, кто над нами, если они создают чудовищ из тех, у кого есть семья, друзья, мечты, чувства? Накладывают на их голову чёрную корону, заставляя плясать под их дудочку, всё сильнее и сильнее терять человечность. Вот и Андрей не справился, потерял и человечность, и рассудок. Разве ты не видишь, что, позвав тебя сюда, дабы наказать меня, в отчаянном шаге сохранить хоть что-то от нормального Андрея, он подставил под опасность твою личную свободу и жизнь? Ну, убьёте вы меня в итоге, и что? Ты станешь таким же убийцей, он сделает тебя своим настоящим, единственным другом. Правда думаешь, что ему это нужно? Нужен друг? Что он выберет тебя как равного, оставит в живых? После этого его признания, будь уверен, — нет. У таких, как он, нет ничего человеческого, нет души.

А я ведь знала, что он догадается! И не пряталась, не скрывалась. Просто кричала ему сразу, как пересеклись наши взгляды: «Это я! Это я тебе нужна!» А оказалось в итоге, что я просто глупая девчонка, попытавшаяся укротить не одно, а сразу два чудовища.

Намеренно позволила стать Игорю лишь разменной монетой, в надежде, что Андрей оценит всё то, чем я жила последние месяцы. И вот — Игорь мёртв. Андрей же вот-вот окончательно сойдёт с катушек. Слышишь? Он скоро начнёт ломать дверь. Я рассказываю тебе то, что не слышал ни один живой человек, наконец-то понимая, что я всего-навсего хочу жить. Что мне невозможно и дальше разыгрывать из себя укротительницу чудовищ, когда всё зашло настолько далеко...

Прости меня, Витя! Понимаю, что прошу слишком многого. Я одна виновата в смерти Ольги. Клянусь, я раскаиваюсь в этом и буду раскаиваться до конца своих дней! Клянусь, что ты никогда больше меня не увидишь! Считай, что я умерла. Постарайся выкарабкаться из этого дерьма, в которое я тебя втянула.

Вот, наверное, и весь мой рассказ. Я предлагаю тебе вызвать полицию и уезжать домой. Мы закроем Андрея в квартире, они заберут его, я расскажу всё как надо, стараясь, как можно реже упоминать твоё имя. Его посадят на пожизненное. Меня... да пускай тоже посадят! Я признаюсь во всём. Ну а ты, Витя, просто живи дальше и забудь этот день, как страшный сон...

— Видишь?! Ты никому не нужен! К чему все эти потуги к благородию? Ты обычный кусок человеческого материала. Тебе нужно делать только то, что тебе говорят. Привёл он лучшего друга, отомстить за убийство его девушки! Герой какой. И что теперь собираешься делать? Ведь они уже вызвали полицейских. Сидят, наверное, в машине, обсуждая какой ты безумный идиот. А ты, вместо того чтобы выбить дверь и показать себя — того тебя, кем ты стал, — сидишь и распускаешь нюни в ванной, словно девочка-подросток. Может, ещё вены себе порежешь, чтобы до конца образу соответствовать?

— Заткнись! Заткнись! Хватит с меня! Я не хочу больше тебя слушать, я не хочу больше причинять боль!

— Ой, да что ты говоришь? Прямо весь такой святой великомученик! Нимб сквозь дверь проходить не мешает? Тупая истеричка! Тебе доверили миссию. Казалось, всё у парня получается, вроде не ошиблись с выбором. И тут, видите ли, девушку твоего друга-педика убили, прикинувшись тобой! Какой кошмар! Надо нести справедливость! Вперёд, друзья мои, на баррикады! Как по мне, эта сука, у которой мы в гостях, гораздо перспективней этого латентного гея. Он бы хоть грохнул и её, за компанию с тем придурком, а не сидел, сопли на кулак не наматывал. И это твоё окружение? Это твои друзья, да? Какой же ты болван! Только полный болван не понимает, что с нами он станет настоящим повелителем мира, а не жалким ничтожеством, живущим у родителей, клянчащим у них денег на наркоту, неспособным себе ни девушку найти, ни друзей нормальных, ни даже ваш захолустный университетик закончить.

— Я просто не в порядке. Я просто сошёл с ума. Я завтра же пойду к врачу. Я избавлюсь от этих голосов.

— К патологоанатому ты сходишь! Как знать, может ты убил сестрёнку одного из патрульных, которые сейчас сюда едут? Мы-то знаем, что это может приключиться. При сопротивлении аресту, в попытке бегства, опасный серийный убийца был ликвидирован в доме своей последней жертвы. Ничего так заголовочек, да?

— Никого они не вызвали. Что ты вообще можешь знать, если ты — это я?

— Временно. И чем дольше, тем лучше. Для тебя, в первую очередь. Если ты сейчас же не сломаешь эту долбанную дверь, я найду кого-нибудь и получше.

— Вот и вали.

— Кого-то с меньшими... проблемами в башке. Фу, жалкий тип! Ты уже на самом дне, понимаешь? Если бы не мы, ты всё равно стал бы тем, кем сейчас являешься. УБИЙЦЕЙ Просто признай, что ты психопат, которому нравится убивать людей.

— Заткнись! Вали из моей головы, вали!

— Ох, посмотрите на меня, — я хочу прославиться, пробиться наверх, быть красивым, богатым и знаменитым! Но нет, — ты жалкое ничтожество, которое ничего не может! Те души, которые ты нам приносишь, та слава Циферщика — это единственное, что у тебя есть в жизни. И лучший друг — педик. И чокнутая подружка! В которой, кстати, есть потенциал...

— Вот и вали к ней!

— Как знать, как знать... а что, неплохой вариант! НУ-КА ВСТАЛ И ВЫБИЛ НАХУ ЭТУ ДВЕРЬ!!!

Оглушающий резкий грохот выломанной двери заставил и Катю, и Виктора вздрогнуть. С неприятным ожиданием, полным леденящего ужаса они перевели взгляд на дверной проём, в котором через считанные мгновения должно появиться что-то, похожее на Андрея.

Виктор прицелился в то место, на котором вот-вот должен был показаться его друг. Катя пятилась к балкону, судорожно стреляя глазами по комнате, в надежде найти хоть что-то, чем она сможет защитить себя, если зверь полностью овладеет разумом Андрея, и он сейчас же бросится на неё.

Появление Андрея не оправдало их ожиданий. Тот всего лишь медленно остановился на пороге, посмотрел на пистолет в руке Виктора, на бледную Катю, которая неловко дёрнулась, будто в попытке спрятаться за диваном. Две пары глаз, опасливо глядя на него, лучились страхом и недоверием. Андрей поднял руки вверх в знак сдачи.

— Что, девчонку мою отбиваешь, да? Забирай, я не против, — попытался сострить Андрей.

— Девчонку... у тебя? — хрипло ответил Виктор.

Порыв выстрелить в него и сбежать мелькнул в голове, но тотчас исчез, не дав серьёзно его обдумать. После историй этих людей, которых он только-только начал узнавать, трудно было привести свои мысли в порядок. Кто его враг, кто его друг? Прав ли он, что целится сейчас в Андрея, а не в стоящую за спиной Катю? А сможет ли он действительно выстрелить в одного из них? Если Андрей снова обезумеет и кинется на них, наверное, — да. А если Катя сейчас ударит его сзади? Мысли скакали в голове, сменяя друг друга. Виктор поднялся и отошёл от дивана, чтобы видеть их обоих, чтобы держать на крючке каждого, кто помимо него находился сейчас в квартире.

На лице Андрея выступила улыбка. Теперь он выглядел нормальной, чем за весь этот вечер. Гора упала с его плеч, принеся ему истинное облегчение. Но и для Кати, и для Вити, даже сейчас, он выглядел опасным, непредсказуемым, неизвестным.

— Да ладно вам, всё нормально! Я в полном порядке, такого больше не повторится. Извините, если напугал! Я могу контролировать эти припадки. Давайте теперь успокоимся и решим, что делать дальше. Я бы хотел, хотя бы к утру лечь спать у себя дома. Витя, можно я приберу свои... инструменты?

— Нет, не давай ему подходить к ножам! — воскликнула Катя, двинувшись в сторону Вити.

Он среагировал. Наставил пистолет на девушку. Та ошарашенно остановилась и бегло глянула на Андрея. Но тот не бросился к ножам, а потом на неё. Он просто опустил руки и, сохраняя свою улыбочку, медленно двинулся к ножам. Дуло пистолета мгновенно дёрнулось в его сторону.

— Ну вот, оставил вас на пару минут, а ты уже Витю в параноика превратила... О чём хоть беседовали?

— Что дальше? — невнятно выговорил Виктор, откашлялся и повторил вопрос чётче, никому конкретно его не адресуя.

— Мы прибрались немножко. Теперь нужно избавиться от главного мусора. И я бы, конечно, предложил его расчленить, но не думаю, что вы на это согласитесь. К тому же, уже и так три часа ночи и лучше бы разобраться со всем этим до рассвета. Пока идёт снег.

Все посмотрели на труп Игоря, вернее на кучу мусорных пакетов, что прикрывали тело. Витю затошнило, порез на ноге ударил ноющей болью.

— Как ты хочешь от него избавиться?

— К счастью, у нас есть машина, а в нашем городе есть куча мест, куда можно деть труп. Особенно зимой.

— Ты хочешь везти его в моей машине?

— Да. Сейчас ночь и метель, если мы вынесем его под руки, никто не увидит, а если и увидят, то подумают, что пьяного ведут. А скорее всего, вообще ничего не подумают, потому что насрать всем. Отъедем, где потише, и выкинем. Вот и всё.

— Тогда надо будет на него куртку и обувь надеть.

— Да, так будет лучше всего. И шапку на глаза. Всё будет легко и просто. Катя, принеси его куртку и ботинки.

Катя, привлечённая звуком своего имени, оторвалась от лёгкого транса, в котором она пребывала, когда слушала этот спокойный, практичный разговор, как будто, речь в нём шла о самой обыденной, простой вещи типа съездить на рыбалку, попить пивка или посмотреть футбол. Но, так отстранённо они обсуждали судьбу тела её родного брата, которого она знала с самого рождения, и как бы неоднозначно она к нему не относилась, но сейчас не могла его представить кем-то другим, отличным от того её старшего братика — милого мальчика десяти лет. При этом они напрочь игнорировали, кажется, сам факт её существования, будто им уже давно понятно, что же произойдёт с ней, и даже не стоит лишний раз об этом заговаривать.

— Катя! Ты слышишь?! — теперь уже Витя обращался к ней напрямую. Смотрел на неё каким-то отстранённым, чужим взглядом. Совсем не тем, каким он был ещё пару минут назад, выслушивающим её исповедь. Выходит, она проиграла... Тот момент, когда в глазах Вити читалось, что он вот-вот согласно кивнёт на её последнее, кажущееся таким логичным, таким выверенным и взаимовыгодным предложение, уже наполнил её уверенностью в своём выживании, а теперь Витя наставил на неё пистолет.

«Нет, пусть скажут! Я хочу услышать, как они скажут!»

— Хороший план у вас, ребята. Простой такой, но элегантный. А можно один вопрос? А что будет со мной, после того, как я принесу куртку? — стараясь не глядеть на Андрея, медленно, как человеку, находящемуся во власти болезни — тщательно взвешивая слова, тихим, но к её удивлению твёрдым голосом — девушка обратилась к Виктору.

Виктор не сразу понял, что она хотела этим сказать. Он посмотрел на Андрея. Тот встретился с ним взглядом, пожал плечами, обратился к Кате:

— Не знаю, от тебя зависит.

Щелчком несуществующего выключателя мозг Вити перешёл на новый уровень работы. Он словно очнулся от забытья и начал смотреть на всё вокруг кристально-ясным взором. Труп на полу, который он собирался отвезти в отдалённое место на своей машине, вместе с живым, безумным, непредсказуемым маньяком-убийцей; девушка, вопрошающая ни них взглядом загнанной в угол жертвы, судьба которой, похоже, в их руках; он сам, Витя, — убийца, который лишил жизни того, кто отнял у него любовь, и которому ещё предстояло научиться как-то жить с этим. И теперь перед ним простилались пути к тому, чтобы выбраться из этой ситуации точно живым и с меньшим количеством проблем.

«Если я пойду с Андреем — Катя не жилец. Андрей наверняка убьёт её при первой же возможности. А хочу ли я смерти этой девушки? Вправе я решать, достойна ли она жизни?»

Допущу ли я, что из-за меня умрёт ещё один человек? Как я буду жить дальше, когда мы избавимся от тел? Видеть всё новые сообщения о «циферках», трусливо не рассказывать всему миру правды, чтобы избежать своего наказания? Видеть человека и знать, что он душегуб и будет продолжать это ещё бог знает сколько времени. А я своим молчанием буду способствовать каждому его убийству. Да и вообще, оставит ли он меня в живых? Смогу ли я победить в схватке с ним? Сейчас, наверное, да: я бы выстрелил, если бы он напал. А кто знает, что у него в башке, и когда ему захочется убрать своего главного свидетеля? И если он подкараулит меня потом, через день, неделю, месяц, год, — сумею ли я среагировать, чтобы одолеть его? И всё это время буду мучиться паранойей, превращая свою жизнь в ад сомнений: указать на него или нет? Готов ли я даже сегодня дать ему отпор, если после всего, он всё-таки попытается убить и меня?

Если я поступлю, как предлагает Катя, — тогда нужно начинать схватку прямо сейчас. Обезвредить его. Прострелить ногу или, может, вырубить. А если она солжёт и не сдержит своего обещания? Придумает новую фантастическую историю, выставит себя жертвой-героиней и укажет на меня за то, что я убил её брата? Почему я должен ей доверять? Она использовала меня с самого начала! Если бы не она — Оля была бы жива. Но, если я всё-таки поверю ей, а она сдержит свои обещания — это будет лучше всего. Они оба исчезнут из моей жизни, и я смогу жить дальше... У меня появится будущее. Но опять же, это только её слова. Что из её рассказа правда, а что ложь, не может знать уже никто, кроме неё самой. Почему она ничего не сказала о той фотографии? Если она решилась её сделать, значит ни в каком трансе она не находилась! Фотография чёткая. Значит, она была ближе, чем сказала. Чёрт! А если на ней ещё больше вины в смерти Оли, чем она хочет показать? Идти на поводу твари, что причастна к смерти моей девочки?

Нет, нельзя действовать наобум. Надо тянуть время, наблюдать, выжидать своего момента».

— Я вот что тебе предлагаю, — начал Андрей, — поедешь с нами. Если в нашей компании будет ещё и девушка, конспирация станет лучше. Да и мне бы хотелось услышать твою историю. Почему же я вдруг стал тебе так интересен?

Виктора этот вариант полностью удовлетворял. Андрей не сделал даже намёка на то, что собирается её убить. Виктор поставил пистолет на предохранитель и убрал его за пазуху.

— Согласен. Неси его вещи, собирайся. — обратился он к Кате. — Стой, пойдём вместе. А ты, — теперь он говорил Андрею, — не знаю, держи себя в руках, понял? — стараясь преподнести себя хозяином положения, при этом голосом, казавшемся ему максимально убедительным, твёрдым и решительным, но не лишённым предательской дрожи, скомандовал Виктор.

Следующие минуты, пока они занимались убором покойника, прошли в напряжённой тишине. Кульминация снова сдвинулась. Всех троих удовлетворял этот вариант. Все живы, все в одной команде, задача одна — вместе ехать, возможно, через весь город, с трупом на заднем сидении: избавиться от самого очевидного доказательства их порочности.

Они искали взгляды друг друга, чтобы решить для себя, кто может стать союзником, а кто врагом. Они когда-то были друзьями? Любовниками? Общались, проводили совместно время... Теперь, когда все карты раскрылись — три особи человеческого рода заняты лишь одним глубоким стремлением, — выжить.

— Вроде как, ничего. — Завязав шнурки на одном из тяжёлых полувоенных ботинок и отодвинувшись, критическим взором осмотрел мертвеца Андрей.

Катя вытирала вылившуюся из подстеленных мусорных пакетов кровь. Виктору не терпелось поскорее убраться из этого проклятого места. Он уже успел одеться и, преодолевая боль в ноге, нацепить ботинки. Ему было глубоко плевать на оставляемые им отпечатки обуви по квартире.

— Витя, выходи в подъезд, надо затереть эту грязь от тебя, — будничным спокойным тоном проговорила Катя, изо всех сил стараясь сдержать своё волнение и страх.

— Да, иди пока открой и заведи машину, потом возвращайся. Потащим этого, — глухо отозвался Андрей.

С сомнением оглядев их обоих, стараясь не замечать умоляющий взгляд Кати, который она то и дело бросала на него, Витя кивнул, забрал пару пакетов с мусором и прошёл к входной двери.

Тошнота всё сильнее подступала к горлу. «Будь, что будет. Мне нужно выйти на воздух».

Трясущимися руками мучая неподдающийся замок, Виктор одним ухом подслушивал завязавшийся между Катей и Андреем разговор. Улавливая слова непохожие на: «Я тебя сейчас убью», а больше похожие на: «Скажи мне, почему? Почему ты выбрала меня; почему; не бойся», Виктор постепенно успокаивался. «Он не отсылает меня, чтобы её убить. Он не собирается убивать её. По крайней мере, прямо сейчас».

Замок наконец поддался. Виктор вышел из квартиры, натягивая на лицо капюшон. Стремительно прошёл к лифту, нажал кнопку вызова. Звуки тянущейся по тросам кабины раздалась мгновенно. Виктор нервно поглядывал на не до конца закрытые двери квартиры, крутил головой в поисках камер на площадке. Ничего.

Лифт остановился парой этажей ниже. Открылся и, спустя пару мгновений, поехал вниз. Звук, похожий на сдавленный тихий вскрик, раздался со стороны квартиры Кати. Виктор тревожно повернулся в ту сторону, собрался было броситься навстречу этому крику, но, когда оставался всего лишь шаг до большой железной двери, он свернул и прыжками начал спускаться вниз по лестнице. С каждым прыжком от раненной ноги расходилась по телу взрывающая боль.

«Я заведу машину, потом тут же поднимусь наверх — так будет лучше. Безопасней».

В подобных мыслях и в искренней надежде, что больше он не услышит никаких звуков из «нехорошей» квартиры, он спускался по лестнице всё ниже и ниже, пока, наконец, не выскочил через дверь подъезда навстречу свежему морозному воздуху, сопровождаемому непрекращающимся снегопадом. Голова слегка закружилась. Виктор привалился к подъездной двери, тяжело дыша. Потом достал сигареты и закурил.

* * *

— Ну, что скажешь? — Андрей присел на корточки возле всё ещё старательно очищавшей пятна крови и грязные следы от Витиных ботинок Кати и сейчас вопрошающе смотрел на неё.

Та не смогла удержаться от соблазна поднять на него глаза. То, что она так страшилась увидеть, в лице Андрея не наблюдалось. Трезвый и адекватный взгляд серых глаз спокойно, если даже не с теплотой и любопытством разглядывающих её, не отталкивал Екатерину. Но сейчас, каждое её лишнее слово могло привести к фатальным для неё последствиям. Кате не

оставалось ничего другого — только тихо тереть пятна крови, стараясь как можно реже осмеливаться на подобные взгляды.

— Катя, не бойся. С тобой ничего плохого не случится. Просто расскажи мне, что ты знаешь, что ты чувствуешь? — полушёпотом, будто стараясь загипнотизировать, а на самом деле упиваясь ощущением её страха перед ним, своего превосходства над девушкой, продолжил Андрей.

— Нет... давай просто... уберёмся? Хорошо? — закончив с пятнами, испуганно лепетала она в ответ. Теперь она принялась убирать разбросанные мусорные мешки.

— Нет! Говори сейчас! — Андрей повысил голос и резко потянулся к ней. Катя, искренне испугавшись, как кролик броска удава, отпрянула назад и закричала:

— Не трогай меня! Не смей меня трогать! — с опаской примечая каждое движение Андрея, она прижалась к стене, словно стараясь пройти сквозь неё.

Испугавшись такой бурной реакции, а вернее громкого крика, который разрезал пелену глухого, тихого, наполненного взрывной напряжённостью воздуха, будто обрезая неправильный провод взрывчатки, Андрей сам отступил назад. В воспалённом уме грянул мощный взрыв, разворотивший всю эту выдержанную тишину и заставивший отпрянуть подступающие к нему легионы демонов, захвативших его душу.

— Нет, нет, прости! Не бойся, сейчас я полностью владею собой. Я ничего тебе не сделаю. Мне просто хочется знать то, что ты рассказала Виктору. О чём вы разговаривали? Клянусь, я не причиню тебе вреда! — Андрей продолжал что-то навязчиво объяснять, прямо в эти бесконечно синие, большие и испуганные глаза, которые, округлившись от страха, были несравненны. Катя зацепилась за его клятву: не убивать её. Можно ли верить этим словам?

Андрей поднялся на ноги и отошёл на некоторое расстояние от девушки, стараясь всем своим видом показать, что он собирается сдержать свою клятву.

— Хорошо... — выдохнула Катя, с колотящимся сердцем. — Я всё вытерла, давай одеваться. Мне нужно переодеться, я пойду к себе...

Андрей покачал головой:

— Нет, прости, этого я тебе позволить не могу. Накинь шубу. И прошу, не вынуждай меня нарушать мою клятву. Сейчас всё зависит только от тебя.

Кате не оставалось ничего другого, как покорно кивнуть и медленной походкой пройти, почти вплотную, мимо Андрея в прихожую. Девушка накинула на себя длинную шубку, по привычке схватила свою сумочку, крепко в неё вцепилась и, стараясь выглядеть как можно менее приметной, затаилась в углу.

Андрей волоком подтащил одетый труп к входной двери и встал, пристально рассматривая девушку, примечая, как же велико было её желание укрыться, избежать, спастись от его взгляда.

— Что, ждём Витю? Знаешь, Катя... Конечно, это прозвучит как глупость и банальность, но ты, правда, мне сразу понравилась. Да, я могу тебя понять — то, что случилось за последние часы — это ужасно. Не думай, что я полностью потерял связь с реальностью и не могу мыслить трезво. Я не полный психопат, я всё ещё могу чувствовать, могу сопереживать другим, могу ставить себя на их место. Понимаешь, мой разум и моя душа всё ещё принадлежат мне! Ты должна выслушать меня, я вижу, что только ты сможешь меня по-настоящему понять. Ты слушаешь?

Екатерина, конечно, соврала, когда утвердительно кивнула, разглядывая пол. Смысл

каждого слова, произнесённого Андреем, терялся в её голове. Она чувствовала лишь, что интонация его голоса, его обращения к ней, не содержали прямой угрозы её жизни. Это вселяло надежду, но не лишало страха вступить с ним в диалог, произнести лишнее слово. Девушка боялась взглянуть в его глаза. Глаза, которые несли смерть.

— Катя, то, что со мной происходит не подвластно разуму обычного человека. Я не такой, как ты думаешь, мне тяжело ужиться с... этим. Но, раз ты всё так тщательно продумала, значит, ты руководствовалась определёнными мотивами... Чёрт, как же сложно говорить об этом! Почему ты сделала всё это? Катя, скажи, что ты видела, что слышала? Ты слышала «шёпот»? Они обращались к тебе?

Девушка всё-таки решилась поднять взгляд на убийцу. Тот смотрел выжидающе, глаза не выдавали и искорки прежнего безумия. Лишь заинтересованность, лишь желание услышать то, что Андрей хотел услышать.

«Ему, действительно, нужно знать всё обо мне. Это мой шанс... Пора отбросить все страхи, нужно подыграть ему. Пожалуйста, пусть у меня получится, пожалуйста, ещё всего лишь пару часов!»

— Я видела вас, я видела тебя над трупом девушки. Это... не пугало, не отталкивало, а скорее наоборот — зачаровывало. Всё, что я сделала, я сделала ради тебя, — прошептала Катя, понимая, что говорит правду. И эту правду так необходимо было услышать Андрею.

Он сделал шаг навстречу девушке, поднял руки, чтобы её обнять. Та, инстинктивно, ещё сильнее вжалась в стену, стараясь укрыться от него, боясь прикосновения человека, который всего сутки назад делил с ней постель. Андрей заметил это и на полушаге, полу действии отошёл назад, лишь выдохнув:

— Почему?

— Не знаю.

— Ты видела меня, моё лицо, ты сделала то фото. Что ещё ты видела в тот день?

— Я не знаю. Не помню.

— Почему ты никому не сказала? Не сказала ведь?

— Как видишь, нет. И я слышала о новых жертвах, я чувствовала эту панику в городе, но всё равно я никому не выдала тебя.

Андрей молчал, продолжая сверлить взглядом девушку. Приступ тьмы, голос в его голове, не принадлежавший ему, вновь начал шептать что-то. На этот раз едва слышное и неразборчивое. Невероятным усилием воли Андрею удалось заглушить этот шёпот, сбросить безумное оцепенение и продолжить свои раздумья. Он даже закрыл глаза.

Девушка всё чаще поглядывала на дверь, в надежде на скорое появление в них Виктора.

Тайфун из мыслей и образов бушевал в голове Андрея, но он смог выговорить лишь:

— Значит, ты тоже их видела. Слышала...

Раздался звонок в дверь.

УАУ УАУ УИИ

УАУ УАУ УИИ

Оба вздрогнули от этого звука. Катя закрыла лицо, ещё сильнее вжавшись в стену, которую она подпирала. Андрей прошёл вперёд, включил вид с камеры наблюдения, чуть-чуть приподнял в улыбке уголки губ, увидев у двери своего друга, и открыл дверь.

Виктор боязливо сделал шаг назад, услышав звуки отпираемого замка. Потом появилось

улыбающиеся лицо Андрея, приглашавшее его скорее зайти внутрь. Переступив порог злосчастной квартиры, Виктор с чувством внутреннего удовлетворения взглянул на живую и здоровую Катю, и бездыханное тело её брата, уже одетого и лежавшего на полу, создавая первое впечатление перебравшего и нечаянно заснувшего прямо в прихожей беспробудным сном гостя.

— Не помешал? — спросил Виктор, запирая дверь.

— Вообще-то мог и просто постучать. От этого звонка нас чуть инфаркт не схватил, — с ухмылкой пожурил его Андрей.

— Простите, не думал, что вы такие впечатлительные. Катя, а эта камера на двери, она записывает изображение?

— Не знаю. По-моему, нет. Я могу позвонить отцу, уточнить? — Катя стала упорно что-то выискивать в сумочке.

— Она серьёзно? — с издевательским кивком в сторону девушки спросил Андрей у Вити, потом указал на мешок с мусором. — Погляди здесь. Ты же сама его разгрохала. Что, забыла?

Катя прекратила свои тщетные поиски, но продолжала невидящим взглядом смотреть в бездну своей сумочки, тихонечко всхлипнула, но смогла удержаться от рыданий, что внезапно подобралась к её горлу.

— Знаешь, Витя, моё предчувствие подсказывает мне, что камера не пишет. Просто навороченный дверной глазок. В подобные моменты, мои предчувствия никогда меня не обманывали.

— Ладно, чёрт с ним. Давайте уже заканчивать со всем этим. Андрюха, помоги мне. Катя, возьми мусор.

Андрей сперва прошёл в комнату, недолго там провозившись, он вышел со своим рюкзаком, затем надел куртку и обулся. Парни, подхватив Игоря за руки, с трудом подняли труп, закинув бездействующие руки себе за шею, выволокли его в подъезд. Виктор к своему удивлению понял, что испытывает совсем неуместное возбуждение, волоча мёртвое тело к лифту. Это возбуждение было схоже с тем забытым детским чувством, когда они с пацанами воровали старые аккумуляторы, дабы вытащить из них цветмет; или, когда они таскали фрукты и овощи из городских теплиц. Лишь ненароком взглянув на мёртвое лицо человека, которого он лично лишил жизни, Витя выкинул из головы эти сравнения из своего далёкого прошлого.

— По его лицу всё видно. Лучше будет его в багажник запихнуть, — пробурчал Витя, удивляясь, как же всё-таки опыт от современных фильмов сглаживает и придаёт логичности этой ситуации. Он, Виктор, со своим другом — по совместительству, серийным убийцей — несут тело убитого человека в салон его, Виктора, машины, чтобы куда-то увезти и выбросить. Но не сама чудовищная ситуация пугала парня, а то, что он сохранял при этом спокойствие и прагматичный расчёт.

— Думаешь, влезет? А если вдруг остановят и попросят багажник открыть?

— Кто остановит?

— Стражи ночи, бля. Гаишники, кто ещё? Лучше в салон. Какой им резон пассажиров осматривать?

— Сомневаюсь, что мы их встретим... Да похрен, не влезет он в багажник, ты прав. Там и без него барахла хватает.

В глубине души, в чём Виктор никогда бы не сознался, он заводил и прогревал машину,

мечтая о том, как он наконец уедет отсюда. Нет, не прямо сейчас. Сначала нужно подняться, увидеть, что Андрей зверски убил Катю, захлопнуть дверь, сбежать вниз, прыгнуть в свою машины и умчаться прочь. Но нет, Катя была жива, Андрей помогал ему волочить труп, двери лифта открылись перед ними. Значит, ещё далеко не всё кончено. Бесконечная, снежная, страшная ночь продолжается.

— Вы езжайте без меня. Я закроюсь и спущусь тоже, — голосом, одновременно похожим на шёпот и всхлипывание отозвалась Катя, спровоцировав появление слабого, но почему-то пугающего сейчас подъездного эха.

— Ладно, — проворчал Виктор и потянулся было внутрь лифта, но Андрей был против.

— Нет, выйдем вместе. Давай, шевелись, и пойдём уже наконец. Проверь, всё ли в квартире в порядке, мы ничего не забыли?

Катя стояла на пороге своего дома. Её гости ожидающе смотрели на неё. Яркой вспышкой вдруг возникло решение: просто закрыть за ними дверь, спрятаться в квартире и вызвать полицию. Её дом — её крепость. Едва она протянула руку, чтобы исполнить свой замысел, как Андрей, оставив труп на плечах Вити, будто прочитав её мысли, в мгновение ока оказался рядом и придержал дверь

— Стой! Оставь дверь открытой, мы посторожим. И давай быстрее, Катюха.

Катя, ничего не отвечая, ушла вглубь квартиры. Окинула беглым взглядом комнаты, к сожалению для себя, не обнаружив в них ничего компрометирующего. Разбитый телевизор и стереосистему они с Андреем вынесли на балкон. Сердце тоскливо защемило, появилось явственное впечатление, будто она прошла по своему дому в последний раз.

Далеко не с первой попытки ей удалось попасть ключом в замок. Вся компания протиснулась в лифт. Мёртвое лицо Игоря оказалось прямо напротив её лица. Девушка закрыла глаза и монотонно, полностью заполняя свой разум этим действием, принялась считать про себя. «Один, два, три, четыре... десять... пятнадцать».

И вот, первый этаж. Парни вытащили тело её брата из лифта, она молчаливо шла следом. «Закричать сейчас? На первом этаже, как говорил папа, живёт генерал полиции. Или нет? Нет, нельзя, это слишком рискованно. Андрею я ещё интересна, значит, будем играть до конца. Я выживу, я уцелею. Обязательно!»

Катя вышла во двор. Тут же непрекращающийся снегопад ударил ей в лицо, снежинки норовили попасть в глаза. Темнота, отсвечивающаяся в свете фонарей, снежинок на сугробах, приобретающих желтоватый оттенок, и делая мир вокруг лишь смесью чёрного, белого и жёлтого цвета, предстала перед ней. Свежий, морозный, но ещё не полноправно-зимний воздух вошёл в неё через ноздри и окутал, казалось, всё естество девушки. В этом воздухе пахло тоской, одиночеством, безысходностью, угрозой и смертью.

— Нас могут по следам вычислить, — ни к кому конкретно не обращаясь, топая до своей машины, пропыхтел Витя. Труп оказался дьявольски тяжёлым.

— Эй, мистер Холмс, ты посмотри на погоду! Я от этого снега дальше десяти метров ничего нормально разглядеть не могу. Ты серьёзно думаешь, что наши следы продержатся дольше пяти минут?

— Заткнись и помоги мне, — Витя открыл двери машины, Андрей сразу нырнул внутрь, принял труп с той стороны, разместив его посередине заднего сидения.

— Залезай, — обронил Виктор, едва посмотрев на Катю.

— Можно я на переднее сяду? Я... не могу ехать там, с ними...

— Садись, я сказал! Так будет лучше всего! — не в силах удержаться от резкого вскрика,

ответил ей Виктор.

— Витя, пойми меня, я не могу, мне тяжело, правда...

— А Ольку тебе убивать, тяжело не было? Села в машину, сука!

Катя, не наблюдая никаких других вариантов, уступила, нырнув в ускользящее тепло Витиной машины.

Сам хозяин автомобиля захлопнул за ней дверь и шёл к водительскому месту, как окрик незнакомого голоса привлёк внимание Виктора, заставив вздрогнуть и обернуться.

— Эй, привет! Я сосед Кати. Дружище, подкинь до наших Трущоб, по-братски?

Трущобами в городе называли жилой район, полный обшарпанных хрущёвок, старых общежитий, пансионатов и бараков, находящийся на окраине. Место довольно злачное, украшенное парой дешёвых баров-клубов, где выходные без хорошей массовой драки, иногда и с перестрелками, считались скучными выходными. Серые, старые и угрюмые многоэтажки тоскливо тянулись к небу, желая скрыться от всего того хаоса, что происходил внизу.

От дома Екатерины, хорошо зная город, туда можно было добраться минут за двадцать. А в такое время, когда на улицах почти нет машин, и того быстрее. Но всё-таки в тех обстоятельствах, в которых увязли пассажиры Виктора, лишний попутчик был им, мягко говоря, — не нужен.

— Коля, привет! Да, конечно, довезём. Садись вперёд. Ох, как же давно я тебя не видела, Колюня! — высунувшись в окно автомобиля, с преисполненным надеждой лицом зазывала Катя случайного прохожего, будто он стал в её глазах олицетворением спасения.

— Николай! — сохраняя каменное выражение лица, под которым скрывались литры выпитого, важно протянул Виктору руку неизвестно откуда взявшийся молодой, потрёпанный, явно нетрезвый парень.

Он был пониже и Вити, и Андрея, и при этом сохранял в себе почти подростковую худобу и незамысловатость лица. На этом лице обосновались довольно мерзкие, маленькие усики и такая же бородка. Скучная растительность образовалась явно для того, чтобы её обладатель казался старше и серьёзнее. Но впечатление это производило прямо противоположное. Во всём его поведении, мимике лица, даже наперекор его стараниям выглядеть старше, сразу просвечивалось, что он, скорее всего, ещё даже не закончил своё ПТУ. Его выдавали глупые, мутные, бегающие глазки, в которых читалась вся его наивность и глупая вера, что, обращаясь к ним со своей нелепой просьбой, он обязательно достигнет желаемого.

— Извини, дружище, мы опаздываем, — стараясь как можно скорее отвязаться от внезапной проблемы и прямо игнорируя протянутую руку, твёрдо ответил Виктор.

— Да я ведь не прошу прямо до подъезда! У Площади меня высадите, а там я на своих двоих доберусь. А то, понимаешь, я все деньги пропил, с кем не бывает? А домой хочу! Дружище, я же сам — коренной житель нашего города, и видел, как вы бухущее тело в салон запикивали. А я всё-таки в адеквате, более-менее! — на последней фразе он издал глупый смешок, полный как алкогольного веселья, так и невежливой настойчивости.

Заметив, что до сих пор стоит с протянутой для рукопожатия рукой, он резко и неловко опустил её. Этот Коля всем своим видом, каждым брошенным словом, жестом, движением лица пытался создать впечатление, что они — его последняя надежда. Виктора остро задело слово «тело». Не сразу до него дошло, что вряд ли новый знакомый имел в виду именно то, о чём Виктор подумал. Похоже, их маскировка была вполне удачной.

— Закажи такси. Если совсем без денег, то мы тебе подкинем.

— Да слушай, что с тобой не так? Мы с Каткой с её самого переезда знакомы! Я двумя этажами ниже её жил! Понятно же, что вы не по домам разъезжаетесь. Ну не до Площади, так хотя бы у «Бегемота» выкинь! Такси сейчас цены просто сумасшедшие дерут! Да и ждать машину в такую погоду целый час придётся. А тут вы на горизонте! Я же нормально подошёл, обратился? — считая свой «нормальный подход» самым правильным,

чистосердечным и не терпящим отказа, удивлённо выпучил Коля глаза на водителя.

Новый знакомый с первых же секунд не понравился Виктору. Это был человек из разряда тех, кто выпил, и после этого он для всех король, а остальные лишь его слуги. Этот его говорок жителей далёких окраин, если не глухих деревушек, неприятно резал Виктору слух. Да, конечно, в детстве он тоже жил и вращался в подобном этому Коле окружении. Но это ископаемое той, давно минувшей эпохи, не вызывало ничего, кроме раздражения и злости. Да и как он выглядел? Старые, просящие каши кроссовки, потрёпанные джинсы, далеко не по погоде надетая ветровка Adidas, купленная явно не у официального дистрибьютера. Нелепая причёска с колхозной чёлкой. Каким же чудом он прожил здесь так долго, не впитав новые веяния времени? Ведь всё-таки, посмотрев по сторонам, можно было увидеть очень благоустроенный, даже элитный, двор. Как этот пассажир мог жить в доме Кати, оставалось непонятным. Вероятно, этого не понимали и его родственники, раз отправили Колю жить в Трущобы. Они не ошиблись с выбором. Там он смотрелся вполне органично.

Катя продолжала искусственно пьяным тоном зазывать этого непонятного чмошника в машину, словно старого и обожаемого друга. Этими действиями девушка лишь заставляла выпивоху чувствовать себя увереннее и наглее.

— Короче, я тебя никуда не повезу. Иди, куда шёл, — не терпящим возражений голосом отрезал Виктор. Потом повернулся к машине:

— Слышь, закрой свой рот! — рявкнул Виктор на Катю, заслонив её собой. Андрей тоже что-то прошипел на девушку, она резко ему ответила.

Виктор вспоминал все уловки и движения прошлого, когда было просто необходимо уметь общаться с прослойкой людей, подобных этому Коле. Он скрестил руки на груди и, спрятав ладони подмышками, встал, прислонившись к задней двери, стараясь вести себя как можно уверенней и наглее.

Тут открылась дверь машины с другой стороны. Из салона резко выскочил Андрей, позволив Вите заметить, как он прячет нож за пазуху. Подошёл к Коле, лёгонько толкнул того в плечо, поворачивая к себе, и сказал:

— Слышь, тебе не понятно было? Пошёл вон отсюда, никто тебя не подвезёт! На сотню, и проваливай отсюда пока цел! — Андрей бросил на снег купюру и жестом руки добавил значимости своим словам.

— Да вы чё, парни, охуели что ли совсем? Вы вообще кто по жизни? Вы вообще в курсе, с кем сейчас общаетесь? — начал на повышенных тонах, как старую, заученную скороговорку, выстреливать из своего рта Николай, специально добавив к своему говору ещё больше стереотипной, мерзкой гнусавости.

Виктор заметил, что Андрей протянул руку за пазуху, собираясь выхватить нож и совершить непоправимое. Нужно было действовать. Виктор не смог придумать ничего лучше, как выйти вперёд, оттолкнуть паренька подальше от Андрея, вытащить из кармана бумажку достоинством в пятьсот рублей и протянуть Коле со словами:

— Возьми деньги. На них уедешь хоть на другой конец города... — звук открываемой двери, со стороны Кати, заставил Виктора отступить и ударить по дверце своей машины, чтобы не дать Кате выйти. Потом он просунул руку в открытое окно и оттолкнул девушку так, что она вместе с мёртвым братом завалилась на бок. Катя громко выругалась. Виктор прикрыл окно.

— Эй, ты чё так с девушкой обращаешься? Да я за Катюху вас обоих здесь положу!

Виктор не успел вовремя среагировать на то, как Андрей кинулся вперёд на Колю, сбил его с ног, оказался на нём сверху и приложил на ходу выхваченный нож к горлу поверженного паренька:

— Сейчас я тебя порешу, мразь! Забирай деньги и вали отсюда, иначе, клянусь, я перережу твоё гнилое горло, и твой жалкий труп никто, никогда и нигде не найдёт!

Коля лежал на снегу и, лишившись других альтернатив, кроме как пучить свои глаза на страшное лицо человека, который сейчас приставил ледяное острие ножа к его горлу, смог лишь сделать что-то похожее на утвердительный кивок.

Никогда ранее этот персонаж, всегда ощущавший себя хранителем района, всевластным обладателем земли, право на которую ему досталось от полумифических «смотрящих», не чувствовал себя таким слабым и беспомощным. Влага, сперва горячая, но моментально ставшая прохладной и морозящей ему ноги, предательски-подло и внезапно заструилась по ляжке, оставляя отвратительное пятно на штанах. Казавшееся ему всегда романтическим чувство, состояние, когда вся жизнь проносится перед глазами, застелила его взор. Так близко и явно угроза смерти ни разу не нависала над ним. Предательские слёзы страха выступили на глазах Коли. Твёрдое предчувствие возможной смерти стёрло всю его годами формировавшуюся личность, превратив его в жалкое животное, готовое сделать всё что угодно, без учёта каких-либо моральных принципов, лишь бы остаться в живых.

— Ты понял меня?! — рявкнул Андрей, хоть он и видел, что всё уже давно решилось.

Виктор, по началу ещё желавший вмешаться, теперь понял, что Андрей не собирается убивать паренька. Он держался у своей машины, якобы следя за тем, чтобы Катя не начала истертичь, вопить и брыкаться, ещё больше привлекая к ним внимание.

Андрей, не убирая нож из рук, медленно поднялся, продолжая сверлить взглядом лежащего перед ним испуганного, жалкого человека.

Николай очень плавно, стараясь не вызывать ни малейшего повода для агрессии, поднялся на колени, собрал две купюры, промокающие на снегу, непрестанно кивая головой, прошептал:

— Я всё понял, я всё понял, спасибо-спасибо, ухожу, убегаю, извините, — и прочую малозначительную чушь. В полупоклоне он, как жалкий попрошайка из позапрошлого века, корячился назад, выискивая то расстояние, которое нельзя было бы покрыть самым огромным человеческим прыжком и, наконец найдя его, Коля резко развернулся и бросился наутёк так быстро, что ни Андрей, ни Витя, даже приложив максимум усилий, не смогли бы его догнать.

* * *

— Он запомнил наши лица! Чёрт, зачем мы просто так его отпустили?

— Ну, если хочешь, разворачивай машину, поехали его искать. Но ты понимаешь, что я сделаю, чтобы он ничего, никогда, никому не рассказал?

— Он трус, он не расскажет, успокойтесь!

Сквозь непрекращающуюся пелену крупных снежинок, бесконечной прихотью природы засыпающих город, «тойота» Виктора бесцельно неслась по пустынным ночным улицам. Виктор вёл гораздо менее уверенно, чем обычно. Даже не с первого раза смог тронуться, заглохнув. И сейчас чувствовал, что управляет своей машиной, словно на автомате. Ураган

бушующих в нём эмоций не давал сосредоточиться ни на чём ином, как на этой ужасающей ситуации. «Он видел нас! Он видел, как мы тащили труп! Это он сегодня или завтра никому ничего не скажет, а потом? А если, кто-то ещё нас видел?»

— К тому же, он не любит ментов. Это явно не тот человек, кто сам побежит к ним, докладывать на кого-то, — стараясь подавить дрожь в голосе, собирая всю свою рассудительность, говорила Катя. Её слова были бы произнесены уверенней, если бы болтающаяся от движения машины туда-сюда голова Игоря в этот момент не упала на её плечо.

Андрей сидел по другую сторону от трупа, спрятав нож в рукаве, ощущая приятный холод металла на коже, он готов был в любую минуту пустить его в ход. Эта случайная встреча явно подняла настроение молодому человеку. Ощущение страха в чужих глазах заряжало энергией, придавало бодрости и сил. Но вместе с тем, притихший шёпот зла, почуявший близость крови, становился всё громче. «Нет! Нет! Я сделаю всё сам, я не поддамся. Не сейчас!»

— А что это ты его приглашала к нам? — вслух обращаясь к Кате, спросил Андрей. — Только не говори мне, что этот пьяный гопник выглядел для тебя защитой. Что, думала Колюня сейчас тебя спасёт, и ты покинешь нашу милую компанию?

— Нет, ни о чём я не думала, — резко бросила в ответ Катя. — А от чего спасёт? Ты ведь не собираешься мне что-то делать? — вопрос прозвучал лишним, корявым и глупым. Почувствовав это, Катя непроизвольно прикусила губу. Она до сих пор не могла определиться с тем, зачем она окликнула своего туповатого соседа. Не переставая укорять себя за этот спонтанный приступ глупости, девушка всё же надеялась, что Коля пойдёт наперекор своим принципам — позвонит в полицию и обо всём им расскажет.

— Если ты перестанешь делать глупости, то скорее всего с тобой всё будет в порядке. Так что не вынуждай меня лишний раз. Кстати, по-моему, мы с тобой не договорили...

— Что вы несёте?! Этот гопник видел нас! Он спокойно может нас сдать, зачем вообще...

— ... я оставил его в живых, ты это хотел спросить? — с улыбкой закончил за друга Андрей.

— Нет! Какого хрена ты заговорила с ним?! Зачем вы привлекаете к себе внимание?! Андрей, отдай мне нож! — протянув руку назад, приказным тоном обратился Виктор. Он всё ещё хотел ощущать себя хозяином ситуации.

— Нож? Ну уж нет.

— Отдай чёртов нож! Мне не нужно, чтобы ты прирезал кого-нибудь по дороге!

— Вообще-то, это ты сегодня показал себя любителем кого-то прирезать. Смотри за дорогой!

Виктор сумел вовремя заметить, что он случайно выехал на встречную полосу. Приближающаяся спереди машина осветила его дальнем светом, нарастающий звук сигнала вот-вот должен был встретить их. Резко и сильно, двумя руками повернув руль и вернувшись на свою полосу, Виктор продолжил ехать прямо, ощущая, как лихорадочно бьётся сердце. Машину от резкого манёвра трянуло, труп Игоря завалился на колени к Кате, та громко вскрикнула от неожиданного испуга. Андрей одним движением вернул бездыханное тело в прежнее положение, после чего плотно закрыл лицо покойника капюшоном.

— Чего ты, трупов никогда не видела, что ли? — со смешком укорил девушку Андрей. По всему его виду казалось, что он по-настоящему наслаждался происходящим.

— Бля! — вдруг громко ругнулся Виктор.

— Проезжай вперёд, не останавливайся! — пролезая ближе к передним сиденьям, махнул рукой Андрей, заметивший, что спровоцировало друга на ругань.

Катя из любопытства тоже вытянулась вперёд, чтобы узнать, чему были так не рады парни.

Бело-синяя машина ГИБДД притаилась на обочине. Одиноким сотрудник, едва различимый в белой завесе, становился всё ближе и ближе к ним. К широкому спектру испытанного сегодня девушкой страха прибавился ещё один. Но вместе со страхом, пришла и робкая надежда. Всё-таки, сотрудник полиции внушал чуть больше уверенности, чем едва знакомый пьяный сосед-гопник во дворе. Катя обернулась на Андрея, что-то яростно шептавшего на ухо Вите, потом на своего брата, который в это мгновение, и правда, вполне мог сойти за спящего мертвецки-пьяным сном.

— Он нас ещё не остановил, — сквозь зубы сказал Виктор, но едва он успел закончить фразу, как чёрно-белый жезл в руках гаишника повелительно указал сперва на приближающуюся «тойоту», потом на обочину.

— Если ты остановишься, ты ведь понимаешь, что я вынужден буду идти до конца? — в глазах Андрея вновь появились танцующие огоньки безумия, а по движениям его руки становилось ясно, что на этот раз он не сможет удержаться, чтобы не обагрить свой нож невинной кровью.

«Тойота» начала замедляться, будто в раздумьях: останавливаться или нет. Виктор ощущал, как его левый глаз нервно подёргивался. Однако, не остановившись, он наверняка лишь отсрочивал неминуемую гибель. Тогда как, выполнив требование, можно было хотя бы попытаться решить всё быстро и на месте. Приняв решение, он свернул к обочине и остановился, отметив, что гаишнику придётся неплохо так пройти до его машины.

Катя повернулась назад, стараясь через толщу налипшего на заднее стекло снега разглядеть, что происходит на улице.

— Он вроде в свою машину сел. Зачем, интересно? Так лень идти до нас? Решил подъехать? А нет, вышел. Ох, он, оказывается, автомат брал, — комментируя происходящее, в основном для себя, чем для парней, монотонно бубнила девушка.

— Номер ещё записал, наверное. Вряд ли по рации успел сообщить. Видишь, Витя, надс было за дорогой смотреть. Он же явно видел, как ты на встречу выехал. А так, глядишь, не остановил бы, — с похожей интонацией вторил Кате Андрей, тоже наблюдавший в заднее стекло.

— Заткнитесь и старайтесь вести себя нормально, — бросил им Виктор, наклонившись к бардачку и в полутьме стараясь найти документы. «Отличная ситуация. Теперь либо мой друг-маньяк прирежет гаишника, или моя чокнутая подруга, спасая свою жопу, выбежит из машины с криками «помогите!». При чём здесь вообще я? Вот сейчас как рвану из машины, и пускай сами разбираются. Какого хрена я вообще в центр заехал? Чёрт-чёрт-чёрт!»

— У тебя есть выпивка в машине? — неожиданно спросил Андрей.

— Нашёл время... — выдохнула в ответ Катя.

Виктор хотел громко и грязно обругать своего друга, но что-то будто зажглось в его голове.

— Под сиденьем полбутылки водки, — тут же вспомнив последний трофей со своего наполненного горем последнего запоя, ответил Витя. — Он уже близко. Надеюсь, догадаетесь, что нужно делать и говорить.

Виктор, собрав наконец все необходимые документы, вышел из машины навстречу ночи, ветру, снегу и представителю закона.

— Старший лейтенант Рыков, доброй ночи! Что это вы свою полосу не чувствуете? Понимаю, снегопад, но так на встречную полосу вылетать — это бардак!

Старший лейтенант Рыков был на пару-тройку лет старше Виктора. Вальяжно приближался к нарушителю, разглядывая того сонными глазами. На его лицо лип снег, никакого желания работать, тем более одному в эту ночь, у него не было. Вряд ли бы этот доблестный блюститель закона заметил нарушение, если бы случай не заставил его вдруг резко проснуться. Снилось ещё что-то крайне скверное.

Рыков вышел из машины размять затёкшие ноги и покурить, как сразу, едва не застал ДТП. Даже с такого приличного расстояния, не оставалось никакого сомнения, что водитель «тойоты» грубо нарушил. Теперь нужно разбираться, составлять протокол. Нарушение серьёзное — вплоть до лишения прав. Значит, водитель будет всячески лебезить и умолять. Рыкову такое поведение виновных всегда доставляло удовольствие. Разглядывая Виктора, протягивающего ему документы, старлей уже прикидывал, сколько можно было на нём заработать.

— Что это вы, водитель, в такую погоду на улице документы протягиваете? Пройдёмте в мою машину, — призывающе махнул рукой Рыков в сторону своего служебного автомобиля. С удовлетворением гаишник отметил, что парень беспрекословно подчинился и без лишних разговоров, прихрамывая, шёл за ним. «Ох, я с этого бедолаги сегодня поимею! Если ещё и пьяный окажется! А что, будет урок ему. Кошелёк облегчится — ума, глядишь, прибавится».

* * *

Тем временем, в салоне Витиной машины, Андрей нашёл наконец завалявшуюся бутылку водки, открыл крышку и, не жалея, выплеснул жидкость Игорю в лицо и грудь, потом немного вылил за капюшон. По салону автомобиля мгновенно распространился резкий запах спирта. Катя молча, недоумевающе наблюдала за движениями Андрея. В бутылке уже оставалось всего-ничего напитка. Тогда Андрей сам сделал большой глоток из горла, чуть поморщился и протянул бутылку Кате:

— Я не хочу.

— Пей давай. И готовься сыграть весёлую, пьяную девку, — всунув ей бутылку в руки, Андрей достал из кармана почти пустую пачку сигарет, взял одну штучку и, приоткрыв окно, закурил.

Екатерина сначала просто разглядывала бутылку водки (далеко не самой хорошей водки), потом взболтала остатки содержимого и, собравшись с духом, сделала глоток. Крепкий алкоголь на пустой желудок и сильнейшее нервное напряжение сначала не пошёл совершенно. Но девушка, покашляв и переборов себя, залпом осушила бутылку досуха, вызываясь, через облитого водкой мертвеца посмотрела на человека, из-за которого она оказалась в этот день, в этой машине, едва ли не в обнимку с трупом родного брата.

— Дай мне тоже, — взглядом указав на сигареты, попросила Катя. Андрей усмехнулся, подмигнул ей и протянул всю пачку, в которой оказалась лишь одна сигарета.

Парень и девушка молча курили, глядя каждый в своё окно. Жар от водки растекался по телу Кати, мгновенно ударив в голову. Она даже позволила себе усмехнуться, представив,

что увидела бы такую ситуацию в каком-нибудь дешёвом кино. Чокнутая девчонка сидит и курит в машине, в компании трупа её сумасшедшего брата и живого маньяка, безумного монстра, погубившего, как минимум, шесть девушек и, вероятно, желающего убить и её, но он при этом, наверное, был первой настоящей её любовью и последним любовником. А вместе с ними ещё один парень, девушку которого убил её брат, по наводке этой самой девчонки. Правда, этот парень отомстил, по древнейшей традиции — око за око. И вот эта компания едет избавляться от тела. По иронии судьбы их машину останавливает полиция. Они стараются выдать мертвеца за уснувшего пьяницу и сидят в вонючей машине, готовясь сыграть пьяных весельчаков.

— Чего ты? — заметив перемену в настроении девушки, спросил Андрей.

— Не все же только тебе ухмыляться с довольным видом. Просто представила всю ситуацию со стороны.

— Ну да. Именно сегодня, именно сейчас, нас должны были остановить. Почему бы и нет? — Андрей пожал плечами, докурил сигарету, выкинул её в окно, повернулся к Кате.

— Слушай, мне кажется, самое время поговорить.

— Ты так думаешь? — Катя не отрывала взгляд от окна. Не отрывала взгляд от тихо падающего сквозь тёмную пелену снега.

— Ты сказала, что видела их. Значит, ты должна меня понять. Я не сумасшедший! Я с удовольствием бы отказался раз и навсегда от всего этого дерьма. Но они не позволяют мне, не оставляют меня никогда! Постоянно этот чёртов шёпот, который почти невозможно заглушить. И они всё требуют и требуют новые души, новых девушек, всё чаще и чаще...

Катя докурила сигарету, выбросила бычок в окно, не спеша поднимать стекло. Ветер, врывающийся с улицы, пах свежестью, разгонял сизый сигаретный дым и бодрил девушку. Она очень внимательно ловила каждое слово, произносимое Андреем, понимая, что во многом этот разговор обещает принять судьбоносное для неё решение. «Подыграть ему? Да, определённо. Это единственный шанс. Боже, я ведь, на самом деле, видела то свечение! Что, если он говорит правду? Нет! Он безумен, просто безумен: то, во что Андрей заставляет меня поверить — просто плод его поражённого рассудка. Выходит, и я спятила? Чёрт, ещё будет время записаться к психологу, сейчас главное — пережить эту ночь».

— Я сама не знаю, что видела, Андрей... Может, это было просто помешательство? Шок? Ведь такого не бывает в жизни!

— Нет, ты знаешь, что это было взаправду! Посмотри на меня! — Андрей дёрнул девушку за руку, заставив её обернуться и смотреть на него, и на мертвеца заодно. Катя чувствовала, как дрожь пробирала её тело, она взглянула в лицо Андрея, боясь, что вновь увидит в них ту бесконечную, беспросветную тьму. Но нет, маньяк ещё обладал контролем над собой. Его глаза пронзительно и требовательно разглядывали лицо девушки, у него едва заметно потрясывалась челюсть, было понятно, что это первый раз, когда он решился с кем-то откровенничать об этой терзающей его душу теме.

— Ты сама не понимаешь, что тогда они выбрали тебя! Не знаю, как мою преемницу, или ещё одну такую же, как я. Это никакая не случайность, что ты выбрала своей жертвой Ольгу. У них давно всё продумано! Кто нарисовал цифру на её теле? Ты или он?

— Я не помню...

— Это ты нарисовала? Ты? Я знаю, что ты!

— Да, да, может быть, но что с этого?! — Андрей отпрянул назад от этих слов, на мгновение тень полностью закрыла его лицо.

— Значит, ты сделала мою работу... Они хотели, чтобы я убил Олю? Нет, я бы никогда... Заткнись, хватит! — резко вскрикнул Андрей, обращаясь явно не к хранившей испуганное молчание Екатерине, которая поежилась от этого возгласа, сильно вжавшись в сидение, стараясь быть как можно менее заметной.

— Прости, я не тебе... Не бойся, я сейчас полностью контролирую себя, и сейчас точно не причиню тебе вреда, если ты не будешь совершать глупостей, — Андрей подался вперёд, взяв девушку за руку. От его движения, тело Игоря пошатнулось, его голова закинулась назад, капюшон спал, обнажив лицо. В полутьме салона могло показаться, что оно исказилось в жуткой усмешке.

— Не трогай меня, пожалуйста!

— Хорошо-хорошо, — парень выпустил её руку и продолжил, — так, давай к самому главному: ты слышала шёпот? Или, случалось тебе просыпаться посреди ночи, не понимая, кто ты и где ты? Или куски времени выпадали из памяти? Эмоции, возникающие ни с того, ни с сего? Например, смех или желание сделать кому-то больно? Ещё что-то, после того, как ты меня видела: перемены в характере, любые... странности?

— Нет, ничего, никогда, — спешно ответила Катя, а спустя секунду поняла, что она врёт. Врёт Андрею, врёт самой себе, лишь бы отделаться от всего того мира, что поджидал бы её сейчас, если бы она нашла в себе силы откровенно кивнуть. Согласие с Андреем стало бы приговором для неё. Пусть и не реальными, но приговором, от которого ей никогда не уйти.

— Тогда зачем вы убили Олю?! Что ты собиралась делать, когда вышла бы на меня? Приказала бы своему гаду прикончить и меня тоже? Говори честно, прошу тебя, ты не представляешь, как это для меня важно! И в это же время, как это важно для тебя самой!

— Нет! — Катя удивилась тому, как бурно она отринула его предположение. — Разве ты до сих пор не понимаешь, зачем я всё это сделала? Не понимаешь, из-за чего мы сейчас оказались здесь?

— Ну, просвети меня, давай.

— Потому что я влюбилась в тебя, больной мудака! Нету никакого шёпота, ничто не влезало в мою башку и не отдавало приказов. Я увидела тебя тогда и поняла, что ты — тот, кому я бы могла отдать всю себя.

Зачем, почему, как? Сколько раз я сама задавала себе эти вопросы и до сих не могу найти на них точные ответы. Наверное, я такая же больная, как и ты. Даже, скорее всего, так и есть. Но я — такая, и ничего с этим уже не поделать! Вот я и говорю то, к чему шла все эти месяцы, а может быть и годы.

Я влюбилась в тебя. Не в нормального, здорового, успешного молодого парня, которых так много вокруг, а в тебя. В маньяка-убийцу с раздвоением личности, который даже сейчас может выхватить нож и зарезать меня, а потом идти и убивать каждого встречного. Не спирай всё на мистику, на чертей и ангелов. Дело в нас, только в нас, и так было всегда. Ты говоришь, что тебя избрали, тебя заставляют, думаешь, что нас свели эти «они»?! Но нет, просто в этом сумасшедшем мире, даже такому отбитому куску говна, как ты, найдётся вторая половина под стать ему. И выходит, что твоей второй половиной было суждено стать мне...

Я не знаю, чем закончится эта бесконечная ночь. Не знаю, что будет, когда наконец перестанет идти снег, не знаю даже увижу ли я ещё раз рассвет, но несмотря ни на что, я достигла своей цели. Теперь я просто хочу жить. Если ты хочешь подарить мне жизнь, то не

лучше ли будет тебе пересесть за руль, бросить Витю, избавиться от... моего брата, уехать куда-нибудь далеко-далеко и попытаться вместе избавиться от наших демонов? Выбор за тобой, Циферщик.

Екатерина закончила свою спонтанную речь и закрыла лицо ладонями. Сердце колотилось как бешеное, в душе девушки крутились неоднозначные чувства: непрекращающийся страх, удивление, перерастающее даже в гордость от своего хода, томительное ожидание решения Андрея.

Было ли это правильным ходом? Смогла ли она произвести нужное впечатление на него? Было ли всё это правдой, и, самое главное, — что будет, если он согласится? Но Катя чувствовала, что в её словах должна была быть истина. Она не могла для себя решить: что именно она старается утаить, искренно ли её признание в любви? Екатерина хотела, чтобы всё это было правдой, но не могла в это непреложно уверовать даже наедине с собой, со своим сознанием, со своей личностью, со своей душой...

— Это правда? Ты хочешь просто взять и уехать со мной, прямо сейчас? Катя... но Виктор мой друг с самого детства, мы не можем просто взять и бросить его. Стой! Представляешь, — шёпот исчез! Я ничего не слышу! Может, ты всё-таки права? Если мы исчезнем, все проблемы Вити исчезнут вместе с нами!

Катя убрала ладони от лица и посмотрела на внезапно кардинально переменившегося Андрея. Вся его холодность, язвительность, уверенность в себе и исходящая опасность в каждом движении вдруг исчезли. Лицо освещала тихая улыбка, взгляд приобрёл умиротворённый вид, даже что-то похожее на теплоту сейчас отражалось в его глазах. Его челюсть заметно потрясывалась то ли от холода, то ли от непонятого возбуждения, то ли от надвигающегося приступа, который бог весть что мог принести.

Весь его вид напомнил Кате об Игоре. С похожим выражением лица он ловил каждое её слово, когда, накачав его препаратами, девушка превращала его в послушное орудие для осуществления своих планов. Эта перемена была столь резкой, что Екатерина оторопело тарасилась на убийцу, не веря, что он, действительно, настолько был впечатлён её словами. Казалось, что его глаза вот-вот наполнятся тьмой, из рукава мелькнёт холодная сталь и жизнь девушки прервётся за неуловимое глазом мгновение.

— Надо действовать прямо сейчас. Они уже долго там общаются. По дороге поговорим. Нам, похоже, о многом нужно сказать друг другу.

Катя смогла ответить только маленьким, утвердительным кивком. Андрей открыл дверцу машины и вышел на улицу, оставив девушку наедине со своим братом. Оглянувшись на полицейскую машину и удостоверившись, что оттуда до сих пор никто не вышел, он быстро через стекло заглянул на водительское место. Ключей в замке зажигания не было.

«Что, эта девчонка своими байками так просто заставила меня плясать перед ней на задних лапках? Но ведь правда: шёпота больше нет! Наконец-то я один. Почему же вместо радости веет такой тоской? Ключей нет, значит придётся пойти туда и попросить их. И уехать. Пускай Виктор пишет на меня заявление, пусть меня ищут. Плевать! Зато вместе с нашим исчезновением, я избавлю его от кучи проблем. А с Катей... я разберусь потом».

Андрей, не забывая старательно изображать пьяного, нетвёрдой походкой двигался к машине ГИБДД, впервые за очень долгое время ощущая, что разум его ясен, а взор трезв.

Рыков скучаяще оглядывал молодого человека, который вяло и рассеянно читал протокол. Совокупность его нарушений явно говорила о лишении прав и серьёзном штрафе. «Станный он какой-то, будто и впрямь готов во всём сознаться, всё сделать по закону. Блин, а мне-то это зачем? Такой геморрой под утро! Что, даже не намекнёт на денежку?» Рыков продолжал вопросительно заглядывать в глаза нарушителя, стараясь не замечать подступавшую беспричинную тревогу. Молодой парень только и делал, что внимательно читал протокол, слово за словом.

— Нет, ну я всё могу понять. Выходные, все дела. Я ведь не изверг какой. Ты трезвый, адекватный, судя по тому, как вчитываешься в каждое слово, — вину свою признаёшь. Зачем мне тебя раскручивать?

Виктор поднял вопросительный взгляд на гаишника.

— Но ведь ты нарушил! — убеждая по большей части себя, чем водителя «тойоты», продолжал Рыков. — Серьёзно нарушил! Тут уж, как говорится... Чего молчишь то? Я всё-таки к тебе всей душой стараюсь, а ты, вон, выпучился?

Витя, наконец, через туман всех страшных бедствий понял, к чему клонит этот старлей. Выдавлив из себя подобие неуместной, глуповатой улыбки, ответил:

— Простите, товарищ старший лейтенант, я просто подумал, что уже всё! Серьёзно, я не специально! Пьяных по домам развожу, вот они и... «прикольнулись» неудачно! Нет, я сам виноват, но... можно ведь что-то сделать, да?

Рыков расплылся в непроизвольной, но очень довольной ухмылке:

— Вот видишь! Я сразу понял, что не ты виновник! Теперь всё встаёт на свои места! Однако, ТС твоё, придётся и отвечать тебе. Ты потом со своих пассажиров спросишь.

— Да-да, так что я могу сделать?

Рыков показушно почесал нос, повертел головой, стараясь не продешевить, и в конце концов, преодолев себя, шепнул, будто боясь, что кто-то его услышит:

— Пятнадцать.

Витя сразу полез за кошельком, пересчитал все купюры, не поверив, пересчитал ещё раз. Всё верно, шесть тысяч триста рублей. Паника обступала его разум со всех сторон. Приветливо выглядывающая карточка обещала ещё, ну максимум, семь тысяч. Всё равно не хватает... Виктор достал все деньги, включая мелочь и протянул старлею. Тот, как в дешёвых видео-анекдотах, сначала протестующе помахал ладонью, оглянулся по сторонам, прекрасно осознавая, что не застанет там притаившегося в снегопаде начальника смены, резко схватил хрустящие свеженькие купюры, пересчитал их в руках, и даже скорчил лицо в удивлении:

— Здесь и половины нет...

— Всё, что есть! Я до банкомата могу доехать, ещё снять.

Рыков плотоядно посмотрел на парня, в его голове теперь быстро вращались нужные шестерёнки. С одной стороны, даже сейчас ему дают приличные деньги. С другой, нарушение и впрямь серьёзное, да и очень быстро водитель согласился. С третьей, нельзя забывать и о пассажирах, которые уж конечно скинутся и помогут своему шофёру. Алчность в душе Рыкова всё-таки победила:

— А что, давайте на ваших пассажиров посмотрим? Да и автомобиль у вас подозрительный. Пройдёмте, гражданин, к вашему транспортному средству.

«Как? Как он заподозрил что-то? Я ведь не давал никаких поводов! Неужели он заметил порезанную штанину? Нет, вряд ли. Да если бы и заметил, что с того?» Вспоминая свой

тяжёлый груз на заднем сиденье, размышлял Виктор, судорожно стараясь отыскать хоть какой-нибудь спасительный довод. Ничего лучше, он придумать не смог:

— Товарищ старший лейтенант, давайте я сам сбегаю? Они не пожадничают, все семнадцать найдём, а то и двадцать!

— Ну, сейчас и посмотрим. Выходи давай, вон твой пассажир уже к нам переваливается.

И вправду, сквозь снежную пелену по направлению к ним двигался Андрей, усердно шатаясь из стороны в сторону, будто на сильном ветру. В голове Рыкова «головоломка «Тойоты» благополучно складывалась, обещание Виктора Александровича о двадцати тысячах приятно грело душу, а вид приближающегося пьяного тела заглушал растущую тревогу.

А вот у Вити тревога нарастала всё больше. Он видел, что руки его друга спрятаны за спину, он видел, что эта кажущаяся неловкой и пьяной походка — лишь ширма, а глаза Андрея трезвы и сосредоточены. «Зачем он идёт сюда? Что с Катей? Почему он так странно смотрит?»

— Нет, не выходите! — прихватил Виктор за рукав полицейского, который уже открывал дверь машины. Рыков с удивлением и раздражением обернулся на него:

— Это что ещё за номер?! Ну-ка вышел из машины, быстро!

Андрей уже бесцеремонно опёрся руками на капот патрульной машины и с показным пьяным безразличием дожидался, пока находящиеся в ней люди выйдут наружу.

Виктору не оставалось ничего другого, как молча послушаться и с нехорошим предчувствием нехотя покинуть уют и безопасность салона.

— О, Витян! Ты чего сам ушёл, а ключей не оставил?! Мы с Катюхой там чуть не околели! — развязно проговорил Андрей навстречу вышедшим из машины людям.

«Мы с Катюхой... Ладно, значит, она ещё жива, а он вроде не собирается ни на кого нападать».

— Да кто вас знает?! Ты что за руль-то цеплялся, идиот?! Теперь я за вас расплачивайся! Ух и должен ты мне теперь! Ключи вам ещё оставь, чтобы вы вообще смылись, синьки е... проклятые?!

— Так, граждане, к машине проходим! Я сейчас.

Рыков зачем-то полез внутрь своей машины. Тем временем, Виктор резко сравнялся с Андреем, взял его под руку и повёл в сторону своей «тойоты».

— Деньги нужны. Шесть тысяч, минимум. Давай карманы облегчай. Ты что вообще выперся?

— Вы бы ещё дольше просидели. На самом деле, в машине прохладно. У меня только косарь, — Андрей быстро всунул бумажку в карман друга. Всё принимало совсем другой оборот, чем он планировал. Увеличивалось вероятность того, что гаишник может догадаться, что их третий пассажир далеко не в том состоянии, которое ему хотели придать. Андрей чувствовал нож в рукаве и твёрдо намеревался пустить его в ход, если ситуация начнёт выходить из-под контроля.

Виктор вёл своего друга под руку, стараясь не забывать, кто на самом деле идёт рядом с ним. В его голосе и поведении сохранялось разумное, адекватное состояние, в котором он и привык наблюдать Андрея. Но невозможно было забыть, что в рукаве у него был совсем не туз, а нож, который тот в любую секунду мог вынуть и пустить в ход. Нож, который тот так и не отдал Виктору.

— Мальчишки, ну что так долго? Я домой хочу! — встретила парней вышедшая из машины Катя. Голос её был явно наигранным, но при этом создавал очень натуральное пьяное звучание.

Андрей быстро сел обратно на своё место. Виктор подошёл к девушке и чуть слышным шёпотом проговорил:

— Нормально всё? Слушай, Катя, деньги нужны, тысяч восемь, — та, без лишних разговоров, сразу достала из сумочки, которую держала в руках, кошелёк и вручила Виктору две купюры по пять тысяч. Тот лишь кивнул, взглядом пригласив девушку сесть на своё место, а сам прислонился к двери от водительского места и стал дожидаться Рыкова.

Старший лейтенант неторопливо, вразвалочку, вопреки бушующему снегопаду продвигался к автомобилю нарушителей. Виктор двинулся ему навстречу, протягивая деньги. Рыков тут же схватил их, неуловимым движением засунул в один из своих карманов, едва заметно кивнув.

— Багажник, будьте добры, к осмотру.

— Багажник? Может, мы поедем уже? Время позднее... — робко проговорил Витя, заметив, что старлей, копаясь в машине, прихватил с собой автомат, который сейчас ненавязчиво бился патрульному о бедро.

— Я бы отпустил, но сам понимаешь... Багажник к осмотру! И пассажиров попрошу выйти из автомобиля!

Пассажиры, как будто ожидая этого приказа, сразу высыпались на улицу.

— Командир, давай быстрее, пожалуйста! У нас и так товарищ уже заснул, не дождавшись.

Рыков увидел девушку, которая нетвёрдой походкой вышла из машины, потом, не особо всматриваясь, оценил содержимое багажника. «Да вроде всё нормально, но...»

— А что, вашему другу особое приглашение нужно? Пассажир, выйдите из машины, пожалуйста! — Рыков потянулся вперёд, протягивая руку, чтобы задеть и разбудить нерадивого пьянчугу, но тут же его резко оттолкнул второй пассажир с заднего сиденья. Рыков изумился такой дерзости и уставился на неприметного, с раскосыми пьяными глазами молодого человека, который теперь стоял между ним и «тойотой».

— Вот братана моего будить не надо! Он только заснул. А если проснётся, то проблем не оберёмся.

— Не будите его, дяденька полицейонер! — с кажущейся игривостью, но при этом с металлическим оттенком в голосе, поддержала парня девчонка.

Рыков переводил потрясённый взгляд то на него, то на неё. Что-то в глубине души подсказывало ему, что нужно развернуться и уходить. Взгляд этого пьяного парня, преградившего ему путь, отдавал непонятной угрозой. Рыков заметил, как тот подозрительно прячет руки, как едва заметно, но неумолимо приближается к нему. Девушка в одночасье перестала казаться пьяной. В одно мгновение она приняла совсем иной вид, заставив смотреть на себя. Её непривычно выразительные, бесконечно глубокие глаза скинули завесу опьянения и глядели на него с надеждой. Что-то таинственное и непонятное исходило от неё, заставляя лишь беспрестанно вглядываться в её глаза. Она тоже приближалась к нему, одними губами шепча:

— Не надо.

Что-то едва заметное, лёгкое микродвижения парня, который был уже совсем рядом с ним, привлекло внимание лейтенанта. Это что-то заставило Рыкова инстинктивно

потянуться к автомату...

— Товарищ старший лейтенант! Нам правда ехать надо. Всё ведь в порядке? — неожиданно раздался голос водителя.

Наваждение спало. Рыкова отчего-то передёрнуло, и теперь он снова видел перед собой только парочку чрезмерно выпивших молодых людей, которые вроде и не глядели даже в его сторону, больше наблюдая за тем, как снег падает у них перед носом. Всё равно, неприятный комок в горле не уменьшался. После непродолжительной борьбы с самим собой, Рыков всё-таки принял решение и выдохнул:

— Ладно, всё в порядке. Счастливого пути, больше не нарушайте!

И вот, вся троица села в машину, после чего она резко тронулась с места. Старший лейтенант Рыков повернулся и медленно пошёл обратно к своей машине.

«Вроде всё хорошо. Денег заработал. Не каких-то бичей-алкашей-наркоманов отпустил, придирайтесь особо не к чему было. Ну, повеяло с салона водярой, так и что? Водитель ведь трезвый как стёклышко, здесь и тестов никаких не надо. По совести, я всё сделал правильно. Но что же я себя последней сволочью чувствую? Эта парочка у него на заднем сиденье — жуть. Да и третий. Почему он не вышел? Вообще ноль реакции... И храпа не слышно было... Ой, да плевать мне! Устал я! Спать хочу! Да и вообще, не по мне эта работа. Вон, Серёга звал же в охранку? Прямо завтра напишу заявление и уйду. Катись оно всё!»

В гробовой тишине они проехали пару кварталов. Виктор резко завернул в один из дворов, лихо и неряшливо припарковался, заглушил двигатель и закурил.

— Дашь сигарету? — попросил Андрей.

— И мне тоже, пожалуйста, — вторила ему Катя.

Теперь курили все трое. Катя даже сквозь сигаретный дым чувствовала неприятный запах, окутавший машину. Прошло ещё не так много времени, чтобы труп начал разлагаться, но приторно-мерзкий запах, будто на опережение, засел у неё в носу. Андрей отстранённо курил в окно, предаваясь собственным раздумьям.

— Ты бы убил его? Гаишника, если бы тот полез тормозить этого? — наблюдая за выпускаемым дымом от сигареты, спросил Виктор.

— Да, я с самого начала готов был это сделать, — тихо ответил ему Андрей. — Может, уже поедem и избавимся от лишнего груза?

— Куда? — хрипло поинтересовался Виктор.

Он не был поражён ответом друга. Мысли строились на том, что тот мог бы так же легко принять решение об убийстве Кати или его, Вити. «Не верю, что они замёрзли, и только поэтому Андрей пошёл к нам. Девчонка тоже вроде как поменялась. Сидит, курит, лыбится непонятно чему. А если она смогла его уболтать сказками о любви? Что, если они уже всё решили?» Виктор чуть заметно поёжился от этого предположения.

— Недалеко от города есть заброшенная стройка, — внезапно начала говорить Катя. — Она уже два года стоит, и там есть глубокий котлован. Можно сбросить туда.

— Там наверняка сторож, как минимум.

— Никого там нет! Стройка давно заброшена. Я от отца слышала, что гиблое то место. Там рабочие на ровном месте умирали. По ночам слышно было то ли вой, то ли крики. Да и днём говорили, что всякая чертовщина происходит. Заказчик даже не пожалел денег, нанял батюшку, чтобы освятил стройку. Тот всё сделал, а на следующий день умер. От сердечной недостаточности, как сказали. Всё это, как по мне, — бред и страшилки. Но репутация у места скверная. Никто без веского повода туда не заглядывает. На самом деле, тот, кто эту стройку затеял, — обанкротился. Поэтому всё свернули. Просто оставили в подвешенном состоянии. Никакой мистики. Ещё годы там ничего делать не будут. А если вдруг найдут труп, то его не опознают. Подумают, пьяный забрёл случайно, споткнулся впотьмах и свалился вниз.

— Ну да, и с десятков ножевых, пока катился, получил. Так себе вариант, но спасибо за участие, — ответил ей Андрей, выкинув окурок в окно. Посмотрел сначала на труп, потом на родственницу трупа.

— Да плевать всем будет! Кто знает, через сколько времени его найдут... — пыталась настоять на своём Екатерина.

— И ты так просто говоришь о захоронении своего брата? В котлован, мол, выбросите и всё, нормально? Да что с тобой не так?! — воскликнул Виктор.

— Благодаря тебе моего брата больше нет. Теперь это просто проблема, которую нам нужно решить. Я только предложила свой вариант.

— Ну да, а ты завтра анонимно позвонишь в полицию и укажешь, где находится труп, — до конца не веря в свои слова, спорил Виктор.

— Если я доживу до утра... — вздохнула Катя, отвернулась к окну и устало прикрыла глаза ладонью.

Виктору стало одновременно и жалко девушку, и нахлынуло чувство, что от неё исходила одна только фальшь. Она постоянно врала и притворялась. «Ей нельзя доверять! И Андрею нельзя доверять. Только то, что решу я сам. Тогда, может быть, останутся шансы. Но где, как? Нужно избавиться таким образом, чтобы никто и никогда его не нашёл. А если и нашёл, то не смог даже понять, что это человеческие останки».

Потом мысли Виктора начали уходить не в ту степь. Приходили воспоминания из разных фильмов, как в подобных ситуациях вызывали специального человека, который делал всю грязную работу, избавлялся от всего дерьма, брал деньги и загадочно удалялся.

Виктора снова начало потрясывать. Ему не хотелось принимать никаких решений. Он хотел только убраться отсюда, сбежать от всего этого или — лучше всего — проснуться в холодном поту в своей кровати, где рядышком мирно посапывала Оля. Сходить в ванную, умыться, выпить воды и лечь спать дальше, как ни в чём не бывало.

Но, к сожалению, это был не сон. Мозг подкинул Вите идею, и он медленно, выбирая слова, на ходу доводя эту мысль до реального решения, начал говорить:

— В детстве я ездил в детский лагерь, недалеко от города. Там рядышком было озеро. Довольно глубокое само по себе. И в этом озере все знали про страшный омут, рядом с берегом. Конечно, не рядом с лагерем, но мы знали о нём. Там утопали часто. И пьяные, и трезвые, и дети, и взрослые. И даже водолазы ныряли, чуть ли не до самого дна этот омут обшаривали, но безрезультатно. Никого найти не могли. Точно знали, что там утопленник, ныряли, смотрели, искали — всё без толку. Этот омут и ограждали, и исследовать пытались, но так ничего и не выяснили. Люди будто бы в чёрную дыру проваливались. Не знаю, что там, на самом деле. Может, подводная пещера, или глубоководное, сильное течение, или ещё какая чертовщина.

Мы с пацанами ходили туда. На понт друг друга брали, чтобы у этого омута поплавать и занырнуть поглубже. Все боялись — кроме одного, самого отчаянного. Илья его звали. Он решил, доплыл туда. Мы с парнями на подстраховке. «Ну и чё? Ссыкуны! Нормально тут всё!» — он нам кричал. Ну тут некоторые давай дальше подначивать: «А ты занырни, да поглубже. Давай, давай!» Балбесы малолетние... Илюха раз под воду — и всё...

Сначала думали, что прикалывается, пугает нас, но время шло, а он всё никак не всплывал. Все сразу всполошились, за ним бросились. А я вот испугался. Честно говорю, — не полез туда. Даже наоборот к берегу начал подплывать понемногу. Уже думал: «Ну всё, зачморят, трусом станут обзывать». Смотрю, все ныряют, то один, то другой выныривают, кричат: «Помогите!». А я как будто окаменел. А что вы хотели? Первый раз в лагерь поехал, мне лет девять-десять всего было тогда. Я ещё быстрее к берегу припустил.

Короче, не нашли тогда ни Илюху, ни Лёху. Смену на неделю раньше закончили, все по домам разъехались. А до этого все пацаны, кто смог выплыть, кошмарами страдали, с лица спали, говорить об этом боялись. С тех пор мне было страшно в этот лагерь снова отправляться. «Только не к омуту, только не к омуту» — так я думал, когда в следующие годы кто-то звал в других, не лагерных местах покупаться.

— Не везёт тебя с лагерями, Витя, — с усмешкой, которая отразилась в зеркале заднего вида, и от которой Виктору захотелось немедленно развернуться и ударить друга в лицо, произнёс Андрей. Он понял, на что тот намекал, и волна презрения, злобы и раздражения захлестнула Витю. «Что ты несёшь? Зачем сейчас начинаешь об этом?» — Да, точно. Я

помню, как ты об этом рассказывал. Правда о том, что к берегу сразу барахтаться начал, решил умолчать.

— Заткнись! — рявкнул Виктор. То сокровенное, чем он поделился со своим другом, потревоженное упоминанием и усиленное стрессом, начало всплывать беспорядочными образами в голове. Обидней всего, что он рассказал свою самую страшную, тайную и старательно укрывавшуюся в недрах памяти историю другу, — а теперь её знал сумасшедший маньяк-убийца с раздвоением личности, который сидел на заднем сиденье его машины и издевательски скалился. «Он что думает теперь, будто имеет власть надо мной, если знает об этом? Нет уж, мразь, не смей сейчас даже заикаться о той истории!» Витя потянулся к поясу, нащупал подбадривающую твёрдость рукоятки пистолета Кати, и желание незамедлительно воспользоваться им вспыхнуло в сознании. Только страх, что Андрей с ножом окажется быстрее, заставлял Витю сохранять контроль над собой.

— Да ладно тебе, успокойся. Я не в том смысле, просто... Место может быть и подходящее, но у трупов есть свойство всплывать. Даже изо всяких загадочных омутов. Да и как я понял, до этого омута нужно доплыть через ледяную воду. Лично я — не полезу. А рассчитывать на «авось», тоже как-то неправильно. Да и вообще, идея сомнительная, как по мне. Но, кажется, я придумал кое-что подходящее.

— Ну да, кому как не тебе знать, как избавляться от трупов?! Что, его тоже разденешь и цифру на нём нарисуешь? — сквозь зубы, стараясь говорить максимально едко, поинтересовался Виктор.

— Что ты имел в виду, говоря «я не в том смысле»? Ну, про «не везёт с лагерями»? — неожиданно втянулась в диалог Катя, обращаясь к Андрею.

— Да ты вообще заткнись! С тобой ещё вопрос не решён. Может, вместе с братом тебя отправить?! — проорал Виктор Кате. Потом обратился к Андрею. — Давай, рассказывай, что у тебя на уме? — Попутно он завёл машину и тронулся в неизвестном направлении.

— А что, я тебе уже надоела? Ну давай, остановись и сделай это! Андрей, дай ему нож, этому «Рэмбо» недоделанному! Как же я устала от вас! Давай, останавливай машину, ублюдок! Что, кишка тонка? Ох, ради Олечки убью всех! Ну, давай, действуй!

— Заткнись, сука! Ты и так на волоске висишь! Что, зубки прорезались, шлюха?!

— Кто шлюха, ты, гандон?! Давай выясним отношения, чего ты? Куда ты едешь, мразь? Ну, раз начал, иди до конца? Ой, я забыла, — у тебя же яиц не хватит. Думаешь, я тебя испугаюсь, долбаный алкаш?! Давно уже понятно, кто рулит ситуацией, и это явно не ты!

— Да ладно, сука! Давай проверим! — Виктор, повинувшись своему всепоглощающему гневу, утопил педаль газа вниз до упора, игнорируя все правила дорожного движения и непогоду, он мчался вперёд, прочь из города. Ему безумно хотелось на полном ходу влететь во что-нибудь, заставив тем самым её замолчать. «Всё понятно. Теперь всё ясно! Они сговорились! Эта шлюха провоцирует меня, чтобы я сделал глупость, и её хахаль меня прирезал. Ну уж нет! Помирать, так с музыкой! Да пошли они!»

— Куда гонишь, идиот?! Мы же разобьёмся! — визжала Катя, наблюдая, как стрелка спидометра поднималась всё выше. Беспомощно она поглядывала на Андрея, ожидая от своего нового, мощного союзника хоть каких-то действий. Тот продолжал сидеть с каменным лицом, не отражающим ни единой эмоции, и безучастно наблюдал за всем происходящим.

— Мама, я без рук! — крикнул Витя, убрав руки с руля, чтобы достать пистолет и направить его в сторону девушки, которая мгновенно замолчала. — Что, ублюдки, не ждали

такого?! С меня хватит, пускай разобьётся! Двумя выродками на свете станет меньше!

Потерявший управление автомобиль на безумной скорости летел по пустому шоссе за городскую черту. Правая рука Виктора, сжимающая рукоятку пистолета, заметно тряслась, целясь прямо в лицо Екатерине. Она понимала, что один лишний скачок машины может стоить ей жизни и в ту же секунду бросилась за труп Игоря, под защиту родного брата.

И этот толчок всё-таки состоялся. Рука Виктора дёрнулась, пальцы надавили на гораздо более податливый, чем ожидалось, спусковой крючок, отчего пуля с оглушающим грохотом вырвалась из дула пистолета, пробила заднее стекло (на том самом месте, где долю секунды назад находилась Катя) и вылетела прочь — навстречу ночи и непрекращающемуся снегопаду.

Андрей резким движением схватился за дуло пистолета и вырвал оружие из рук Виктора. От неожиданности и шока от прогремевшего, заложившего уши выстрела, Виктор даже не подумал сопротивляться и после своего обезоруживания ещё хватал ладонью воздух.

— Осторожней! — закричала Катя, выглянув из-за плеча Игоря.

«Тойоту» неуклонно вело к дорожному ограждению, и столкновение казалось неизбежным, но Витя опять, в самый последний миг, успел ухватиться за руль и резко дёрнуть в противоположную сторону. Передняя часть машины уцелела, но задний бампер вскользь шаркнулся об ограждение. Машину, летевшую на предельной скорости, занесло, закружило. Изо всех сил стараясь выровнять необузданно летевший по трассе кусок металла, Виктор выкручивал руль, хаотично перемещаясь между полосами движения, вдавливая педали, отчего машина вошла в длительный, практически неконтролируемый занос.

На заднем сиденье началась неразбериха. Коченевший труп безвольно переваливался то на одну, то на другую сторону. Катя издавала нечеловеческие звуки, включающие в себя диапазон от «ойканья» и выдохов, до бесцеремонного визгливого мата, от которого при других обстоятельствах «завяли бы уши» почти у всех вписывающихся хоть в какие-то мизерные рамки приличия людей. Андрей старался поставить пистолет на предохранитель, несмотря на постоянные толчки и подскоки машины.

Спустя некоторое время, показавшееся вечностью, автомобиль наконец выровнялся на дороге. Виктор сбавил скорость, переместился на крайнюю правую полосу и стал замедляться.

Виктора трясло. Чувство надвигающейся смерти накладывалось на безумную слепую ярость, которая и спровоцировала его на этот смертельно-опасный, импульсивный поступок. Съехав на обочину, покрытую темнотой, снегом и пустотой, он заглушил двигатель. Начал обыскивать карманы в поисках сигарет, но найти их было не так-то просто. «Похоже, выпали». Витя судорожно осматривал пол, в поисках заветной пачки. «Теперь пистолет у него. Пистолет и нож. Она была права: Андрей, Циферщик, убийца теперь полностью владеет положением. Почему я так просто отдал ему ствол? Что будет теперь?»

Катя наконец смогла отцепиться от куртки своего брата, в которую она с невероятной для девушки её комплекции силой до сих пор держалась. Андрей под шумок вынул обойму из пистолета, засунул её в карман и протянул оружие Виктору, хрипловатым, неуверенным голосом произнеся:

— Держи. Давай только аккуратнее в следующий раз. Хотя бы машину останови, я не знаю...

Витя молча забрал пистолет, сразу заметив, что он без обоймы. Положил его в бардачок. Под бардачком приветливо сверкнула и потерянная им пачка сигарет. Витя поднял

её, достал три сигареты, зажал одну губами, а две другие протянул назад. В пачке оставалось всего ничего.

— Если опять будем тормозить, нужно заехать за сигаретами.

— Тормозить?! Ты хотел меня убить, ты выстрелил в меня! Я могла быть уже мертва! Мы все могли разбиться! Что ты делаешь, Витя? — резко, натужно высоким голосом заговорила Катя, с упреком выбрасывая слово за словом.

Витя уже было открыл рот, чтобы ответить ей в той же манере, но его опередил Андрей:

— Заткнись, дура. Ещё одна такая вспышка и, клянусь, я лично тебя прирежу, — не повышая голоса, но твёрдо и чётко отчеканил каждое слово Андрей, повернувшись и глядя ей прямо в глаза.

Все её надежды, что Катя действительно смогла перевести на свою сторону главную для её жизни угрозу, вдруг начали иссыхать, уменьшаться до крошечных размеров, грозясь и вовсе исчезнуть. «Дура! Это было лишнее... Теперь Витя против меня, а этот психопат так и будет следовать за своим другом. Господи, какая же я дура! Почему он отдал ему пистолет? Почему ничего не сделал, когда была такая возможность... Мы могли уже уехать с ним далеко-далеко...» Катя не заметила, как Андрей вытащил обойму из пистолета. Катя ничего не видела в холодных глазах маньяка, помимо угрозы и смерти. Она тотчас отвернулась, стараясь не замечать, как Андрей продолжал призывно сверлить её взглядом. Бесцельно крутила в руках выданную ей сигарету, пока кто-то не протянул ей зажигалку. Катя подкурила, по рассеянности убрав зажигалку к себе в карман.

— Говори, что ты придумал, — устало сказал Витя, до сих пор стараясь не называть имени своего друга.

— Вы успокоились? Давайте без этих штучек, пожалуйста. Мне кажется, что я снова начинаю слышать... Не важно. Итак, довольно ваших мест с «чертовщиной». У нашей ТЭЦ есть каналы, которые переходят через шлюзы и очистительные сооружения и выходят в реку. Там постоянно находят жмуrows. Я видел, там есть мост, прямо перед лопастями фильтров, а с другой стороны речка. Он постоянно малолюдный. Сейчас же, там вообще никого не должно быть. Туда с Лесопарка заезд, потом через промзону. Ворота могут быть закрыты, но навряд ли. Если что, пару сотен сторожу дадим, чтобы впустил. Но, я очень сомневаюсь, что там будет сторож, да и открыть те ворота ума особого не надо. Вода там не замерзает и лопасти работают стабильно. Даже если кто-то найдет прилипшие останки, вряд ли это будут серьёзно расследовать. Сами знаете, ловят маньяка, который не особо старается прятать трупы. С моста сбросим в сторону каналов и ноль забот. Там даже не мост — мостик. Бомжи могут тусоваться. Если что, разгоним. По другую сторону моста лес начинается. Ну, как такой вариант?

— Слишком много возможных свидетелей. Но, если нам повезёт, это может сработать... — обречённо проговорил Витя.

— Хмм, — невнятно промычала Катя, со страдальческими интонациями в своём мычании.

— Выходит, решено! Трогай тогда к Лесопарку, там уже определимся точнее, — махнул рукой в неопределённую сторону Андрей.

Витя повернул ключ зажигания. После характерных звуков двигатель вдруг не заработал.

— Что за чёрт! — ругнулся Витя, попробовал ещё раз. Безрезультатно. — Неужели сдохла? Да нет, не должна... Давай, старушка. — Он попробовал ещё раз и ещё. Когда,

кажется, вот-вот японский двигатель наконец должен был завестись — машина глохла.

Катя, отстранённо смотревшая в окно, почувствовала спиной что-то страшное. Чей-то чужой взгляд сверлил её. Вариантов было немного. Андрей? Она повернула голову назад и тотчас ей захотелось не то что развернуться обратно — выбежать прочь из машины, бежать без оглядки, как можно дальше отсюда.

Андрей терял контроль над собой. В его глазах, буравящих её, в один момент появилось что-то бескрайне злобное, чуждое, опасное. Глаза пылали злобой, видимая часть глазного яблока налилась кровью. Зрачок расширился, и в этой бездонной тьме отражалась смерть.

— Она, значит? А что, мы возьмём, мы возьмём... Ты же сам её выбрал! Она сильная, ты — нет, — едва размыкая губы, невнятно шептал Андрей. Витя, занятый машиной, не слышал ничего. До Кати доносились лишь обрывки фраз: «Она»; «Возьмём»; «Нет». Сказать, что ей стало жутко — не сказать ничего. Пальцы искали дверную ручку и наконец обнаружили её в темноте, освещаемой только страхом и кроваво-красным сиянием, исходившим от глаз Андрея. «Это только воображение. Он просто больной. Он просто больной! Это должно скоро у него пройти» — повторяла про себя Катя, готовая в любой момент дёрнуть за ручку двери и броситься наутёк, ощущая под туфлями хруст выпавшего снега, в спасительную тишину, где темнота деревьев казалась убежищем.

— Витя... С ним что-то не так, — дрожащим, неровным, высоким голосом пискнула Катя. Тот же ничего не услышал, или не хотел слышать. Движение с противоположной стороны пассажирского сиденья заставило Катю отпрянуть к двери, ещё сильнее стиснув пальцы на спасительной дверной ручке. «Он достал нож! Что он сделает теперь?»

— Вить... Витя! — воскликнула в поисках последней защиты девушка.

— Что опять? Заткнись и дай мне подумать! — ворчливо отозвался с водительского места Виктор, по-прежнему напрасно дергавший ключ зажигания.

— Мне нужно отлить, — внезапно ровным, спокойным голосом сказал Андрей и, не ожидая ни от кого разрешения, тут же вышел из машины, громко захлопнув за собой дверцу. Виктор отвлёкся от своих самозабвенных попыток заставить машину завестись. Повернув голову, он наблюдал, как Андрей нетвёрдой походкой, с секундными остановками, направляется в сторону деревьев за обочиной.

— Чего это он? — тупо, даже открыв от удивления рот, изумился Витя.

Катя резко подалась вперёд, отчего труп её брата завалился на место, которое до этого занимал Андрей. Она стала ожесточённо шептать человеку, которого ещё совсем недавно покрывала оскорблениями:

— Витя, заводи быстрее, пожалуйста, поехали отсюда, поехали! С ним опять что-то не то! Он нас обоих убьёт — это же сумасшедший. Заводи и тронулись отсюда. На стройку, к омуту, к каналу, хоть сразу на кладбище — мне всё равно. Главное — поехали скорее! Андрей снова бредит и смотрит на меня так... Мне страшно! Витя, прости, что я тебе там наговорила, пожалуйста! Ведь мы нормальные, а он нет. Помнишь, что я тебе у себя дома обещала? Всё будет. И даже больше! Только трогайся, Витя, родненький!

Слова девушки, её животный страх, все эти мольбы — на удивление снова сработали. Виктор продолжал раз за разом прокручивать ключ в замке зажигания. И раз за разом машина не заводилась.

— Сиди здесь, надо движок глянуть, — буркнул он девушке и вышел из машины, вновь оставив Катю наедине с Игорем.

Она непрестанно оглядывалась: то в сторону, в которой исчез Андрей, то в

противоположную, решаясь на отчаянный рывок. Примерно она представляла, в какой стороне находится город. До утра оставалось не так много времени, а там на общественном транспорте можно было куда-нибудь добраться. Только куда ей идти? Что она будет делать дальше? Жестокая пучина неопределённости подавляла все её стремления. «Может, он не вернётся? Убежит в лес, окончательно тронется и сдохнет под какой-нибудь ёлкой?»

Когда она в очередной раз повернулась в сторону обочины, где затерялся Циферщик, потрясение, как обухом топора, ударило девушку по голове. Сжимая нож в руке и скалясь, демонстрируя даже сквозь снегопад и ночную темноту ряд своих зубов, стоял Андрей, с первого взгляда на него отчётливо источающий совершеннейшее безумие и опасность. Страх усиливало то, что он не просто стоял, а медленно приближался к машине, и взгляд его, казалось, не отрывался от суетящейся в салоне автомобиля девушки.

— Готово! Если и сейчас не заведётся, значит, приехали, — обращаясь скорее к самому себе, сказал Витя, шумно сядясь обратно в машину. В который раз попробовал завести двигатель. Сработало. Витя не смог сдержать улыбку гордости за свои навыки автомеханика. Скользнул глазами на зеркало заднего вида, в котором увидел белую как полотно Катю, смотревшую куда-то в противоположную ей сторону. Весь её вид только прибавлял жути, которой и так было достаточно вокруг.

Он не считал Екатерину за свою союзницу, не мог ей доверять, не хотел плясать под её дудочку, но в подобные моменты, когда девушка не могла скрыть овевшие её эмоции, она казалась так хрупка, так незащитна, мила и искренна, что невероятно тяжело было оставаться беспристрастным. И на этот раз желание защитить эту девушку — которая фактически сломала его жизнь — обрело первостепенную важность. Витя обернулся, поглядев в свое стекло, но никого за ним не увидел.

— Витя, трогай! Уезжай, у него нож, он идёт к нам!

— Вот уж удивила, у него далеко не один нож, — проворчал Виктор, но всё-таки начал трогаться с места.

Резко, заставив Витю, не видевшего приближения Андрея, вздрогнуть, а Катю просто завизжать, задняя дверь открылась, и практически на ходу в салон забрался Андрей.

— Куда без меня собрались? К Лесопарку едем, к ТЭЦ. Дальше я покажу.

* * *

Андрей бросился к обочине, к занесённому снегом лесу, стараясь подавить растущий в его голове гомон тёмного зова. Ботинки глубоко утопали в снегу, он пробирался всё дальше, уже не слыша своих мыслей, с каждым шагом теряя своё «я».

— Она ВРЁТ!!! — кричал отвратительный голос в голове. Тёмная пелена закрывала всё перед глазами Андрея. Он наконец смог облокотиться о кривое трухлявое дерево, занесённое снегом, даже расстегнул ширинку, чтобы не вызывать подозрений, если они выйдут из машины в его поисках.

— Возвращайся назад, быстро! Они только и ждут момента, чтобы бросить тебя, избавиться от тебя. Ты никому не нужен, хватит бежать от себя! Иди и докажи им, что ты достоин!

— Нет, заткнись! Мы уедем с Катей, и всё будет хорошо. Вы не получите её, никогда!

— Она уже НАША! Ты слишком жалок, что ты и доказываешь раз за разом. Она уже

готова принять наш дар, уже готова принять на себя то, что не сможешь сделать ты!

— Я не могу?! Сколько можно? Я уже потерял всё, выполняя ваши приказы! Иди к ней, отпусти меня! Уходи, ну же! Нет, вам нужен только я! Только я могу идти по вашему проклятому пути. Вы избрали меня! Я буду вашим вестником, я и только я...

— Идти к ней? Да, это будет хорошо. Ты уже порядком всем надоел своей неисполнительностью, своими сомнениями, своей ложью и нам, и самому себе. Мы уйдём к ней... Только что останется от тебя, если мы уйдём?

— Вот и валите... стоп! А что такое «я»? Одна пустота в голове. Мне плохо от этой тишины! Вы убили меня, а теперь уходите?! Либо до конца со мной, либо ни с кем!

— Так докажи свою важность! Иди и докажи нам, что мы не ошиблись, выбрав тебя! Хватит ныть. Или ты, или она. Выбор за тобой.

— А Витя? Что будет с ним? — но в ответ только тишина.

Андрей продолжал мысленно кричать вопрос за вопросом, но никто не отвечал ему.

«Что, если они завладеют Катей, и она убьёт Витю? Просто так, чтобы позлить меня? Он никогда не поймёт меня, но я не брошу своего друга в беде. Что же мне делать? Что?! Ладно, возьми себя в руки. Может быть, ещё не поздно всё исправить? Может быть, на самом деле, они только и делают, что постоянно лгут мне? Нужно быстрее возвращаться в машину».

Андрей окончательно пришёл в себя, с удовлетворением отметив, что не слышит в своей голове ничего кроме собственных мыслей. Обнаружил, что всё это время он стоял у дерева с расстёгнутой ширинкой. Не без труда, но всё же Андрей заставил себя помочиться и быстрым шагом, не обращая внимания на сугробы, вышел к дороге. Вот и машина. Тотчас его внимание привлекли красные, безумные глаза Кати, которые смотрели прямо на него. «Ну уж нет, вы меня не заморочите!» Андрей лёгким движением достал нож и улыбнулся демонам, разглядывающим его через изменившиеся глаза девушки.

Как будто занавес, разделявший обычный мир с тем, что назойливо подсовывали ему демоны, владевшие его сознанием, вдруг резко раскрылся. Теперь испуганная, обыкновенная Катя кричала что-то Вите, который раз за разом пытается завести двигатель своей машины. Андрей бегом направился к ним, быстро преодолев разделявшее их расстояние и уже на ходу машины открыл дверцу и оказался внутри.

Пылающие огнём ненависти безумные глаза, обладательница которых, казалось, вот-вот вцепится ему в горло, впились в Андрея. Ужасающий, невероятно громкий, разрушительный крик издался изо рта той твари, которой раньше была Катя. Этот звук грозился разрушить всё, что было вокруг, разнести в клочья машину и весь мир, который находился за пределами салона. Однако, Андрею хватило храбрости и силы, чтобы противостоять этому и лишь спокойно сказать:

— Куда без меня собрались? К Лесопарку едем, к ТЭЦ, дальше я покажу.

* * *

Виктор старался рулить, как никогда внимательно: соблюдать скоростной режим, смотреть за знаками, терпеливо ждать светофоры на пустынных улицах и стараться как можно реже смотреть на своих пассажиров на заднем сиденье. Он упорно отгонял любые мысли, настигающие его разум. Как робот, запрограммированный только на вождение

машины, он механически нажимал на педали, переключал скорости, крутил руль. Нервное напряжение достигло той точки, что даже малейшая мысль тотчас разливалась по телу приступами дискомфорта, вялости и тошноты. Только он, только управление машиной на пустых ночных дорогах и ничего лишнего.

Катя порой пыталась через звук, похожий больше на мышиное пицание, чем на человеческую речь, донести что-то, но быстро замолкала. Андрей беспрерывно разглядывал ночные городские пейзажи через стекло, не издавая ни звука, не производя ни малейшего движения. Игорь по-прежнему оставался мёртвым. Возможно, ещё и не производя запахи разложения, но каждый живой в машине уже начинал их чувствовать.

— Мне тоже нужно в туалет, — нечленораздельно и тихо сказала Катя.

— Чего? — не расслышал её Витя.

— Я в туалет хочу! — срываясь на визг, ответила ему девушка.

— Нет уж, извини, на месте сходишь. Там, я уверен, будет куча мест для этого. Да? — закончил вопросом свою речь Витя, явно обращаясь к притихшему Андрею. Никакого ответа не последовало. — Мы уже почти приехали. Давай сначала избавимся от этого... нашего дела. Потом можешь делать всё, что хочешь.

— Мне очень нужно!

— Терпи.

— Там лес вокруг и пара старых туалетных будок есть. Ничего, облегчишься. На перекрёстке налево и потом через гаражи до мусорки. Её объедешь, выедешь к частным домам, дальше я покажу, — по-прежнему не отрываясь от стекла, отозвался Андрей.

— Да знаю я, — буркнул в ответ Витя. Кате не оставалось ничего другого, кроме того, чтобы замолчать и лбом прижаться к стеклу рядом с ней.

Тело Игоря, ритмично реагируя на неровности дороги, болталось, опрокидываясь то на неё, то на Андрея.

— Хорошо. Но что будет дальше, когда мы избавимся от... Игоря? Давайте вы уже точно скажете, что вы хотите сделать со мной? — обняв пустое пассажирское сиденье спереди, высунулась вперёд Катя, задав свой вопрос в упор глядя на Виктора. Тот продолжал вести машину, делая вид, что не слышал её.

— Разве ты сама не знаешь? — шёпотом, едва шевеля губами, проговорил Андрей.

Катя боязливо повернула голову на силуэт сидящего в машинном полумраке человека. Она не могла видеть его лица, но эта безапелляционная решимость в тихом голосе прогремела приговором судии на Страшном суде.

— Разберёмся на месте, — нехотя ответил ей Виктор. Этой фразой он думал подбодрить девушку, но при этом в его голове всё, что было связано с судьбой Екатерины, скрывалось под вязким, склизким и отталкивающим занавесом неопределённости.

— А что они тебе не сказали? Не предупредили? Так, так, так...

— Кто они? — в унисон спросили Виктор и Катя. Молодой человек при этом добавил к своему вопросу экспрессивное, матерное словечко, никому в частности его не адресуя.

— О, она знает! Я же видел, что они уже в тебе. Не пытайся быть хорошей, невинной девочкой. Ты уже на их проклятом пути! — проговаривал слово за словом Андрей, по-прежнему не отрываясь от пролетающих за стеклом видов. Незаметно для всех, он снова вытащил нож из рукава, и переложил его в просторный пустой карман куртки.

— Я понятия не имею, о чём ты, мать твою, говоришь! — взвизгнула Катя.

— Андрей, я прошу тебя, успокой своих тараканов в голове, хотя бы пока мы не доедем

до места! — умоляюще прикрикнул Витя, прибавив газу, чтобы быстрее добраться до пункта назначения и, наконец, встретить финал этого безумного представления.

— Они уже в тебе. Я всё вижу. Они заставляют тебя делать то, что им надо, провоцируют и тебя, и меня! Катя, не поддавайся им! Завтра мы уедем, как ты и говорила! Витя сам со всем справится, — он сильный. Мы сделаем всё назло им! Хватит смертей, хватит безумия! Катя, я готов, я верю тебе! Давай покажем им, что мы сильнее, прошу тебя, только не поддавайся! — Андрей резко повернулся и теперь смотрел на девушку. И снова то, вопреки его словам, демоническое безумие, пышущие ненавистью огни в глазах, тьма, которую, кажется, ничто не в силах преодолеть, предстало перед ним в обличье девушки.

Катя же видела только, что Андрей смотрел на неё безумными глазами. Все надежды рушились, только смерть окружала её в этой машине. Никаких союзников, ни шанса на выживание. Кричать? Что толку? Только ускорить развитие событий, когда нож раз за разом начнёт пронзать её плоть. Бежать некуда, вокруг лишь предрассветная, самая чёрная, несмотря на искрящийся белизной снег, тьма. «Я подыграю, пусть так. Ведь он говорит, что хочет остаться со мной. Быть может, этот нож он приготовил не для меня?»

— Давай! Давай уедем, давай будем бороться с этим! Только умоляю, прекрати пугать меня до усрачки!

Виктор упрямо давил педаль газа в пол, едва-едва успевая вписываться в повороты пустой и безжизненной дороги. Нога всё сильнее ныла от боли, казалось, что бинты уже пропитались кровью. «Ещё чуть-чуть, скоро мы будем на месте. О чём они говорят? Значит, обо мне уже давно всё решено? Это мы ещё посмотрим!»

— Вы, я смотрю, уже жених и невеста, да? Что, Андрей, выберешь вместо друга девку, которую сам всю дорогу хотел убить? Она всё время врала нам обоим! Плевать, что на самом деле творится у тебя в башке, но довериться ей — уже безумие. Что только она не говорила, чтобы остаться в живых! Какую фантастику не сочиняла, чтобы схватить нас друг с другом. И ты веришь ей? Чёрт, даже я поверил ей! Но ты же знаешь, кто наш враг? Пускай даже это не она, чёрт с ней, с глупой девкой, я даже почти простил ей Ольку! Наш враг в тебе, Андрей. Возьми себя в руки, убери нож подальше. Мы избавимся от трупа и вместе вынесем ей вердикт.

— Заткнись! Что ты несёшь?! Он же убьёт меня, господи! Он ненормальный, а ты только подогреваешь его! — моментом вскипела Катя и, плюнув на всю осторожность и здравомыслие, ринулась к Вите, стараясь вцепиться ногтями в его лицо.

— Сука! Убери её, мы же все тут подохнем! — Виктор явно не ожидал такого напора. Скорость всё росла, и с повисшей на нём девкой он с трудом удерживал машину ровно. Мимо проносились бесконечные заборы с колючей проволокой, развалюхи, невнятные домики, деревья, выли собаки, испуганные рёвом машины. Фонари один за другим оставались позади, дорога становилась всё хуже, машину трясло и подбрасывало на нескончаемых выбоинах и кочках. Виктору всё сложнее было справляться с управлением на столь узкой и плохой дороге. Одна, выскочившая на многочисленных перекрёстках машина без дальнего света, и все. Они будут мертвы. По чуть-чуть он старался скидывать скорость, защищаясь от нападавшей на него фурии.

Сторону, которую займёт Андрей, ожидала не только победа в этой схватке, но и жизнь. Тот лишь беспрекословно наблюдал за всем этим, и никому неизвестно, что в эти мгновения, на самом деле, занимало его взор. Он безразлично смотрел на них стеклянным отсутствующим взглядом, потом повернулся к своему стеклу, сказав голосом, интонация

которого моментом прекратила схватку:

— Следующий поворот направо. И там прямо, до самого моста. Мы почти приехали.

* * *

Явно заброшенный мост. По окраинам накидан мусор, прямо на мосту валялись пустые бутылки. Вокруг кромешная, непроглядная тьма. Еле слышно течёт вода в канале. С одной стороны забытого сооружения виден весь этот мелкий, но обильно разветвлённый канал, у высокого берега которого глядят тёмными окнами редкие, некрасивые, покосившиеся хибары. На другой стороне два двора, скрытые от случайных посетителей высоким, но дешёвым забором, а за ними начинался глухой неприступный лес, занесённый этим яростным снегопадом, который будто и не думал прекращаться.

С другой стороны моста видна широкая река, берега которой утопали во тьме, дополнительно скрытые снежным занавесом. Царство тишины и напряжённого, недоброго спокойствия царили вокруг. Под мостом ещё одно сооружение, которое будто покрывало внушительные шлюзы внизу.

«Андрей был прав. Лучшее место мы вряд ли отыщем» — подумал Витя, небрежно паркуясь на мизерном пятачке свободного места.

Катя прекратила своё истеричное нападение и теперь лишь отрешённо переводила взгляд своих печальных голубых глаз из стороны в сторону. Часто моргала, иногда надолго прикрывая глаза, будто стесняясь их присутствия в столь гиблом и потерянном месте. Что-то, напоминающее удары молота по наковальне, раз за разом стучало внутри головы. «Вот и последняя станция. Просьба пассажирам покинуть вагон...»

— Ну что, понесли? — поддельно бодрым голосом спросил Андрей у Вити. Тот кивнул, вышел из машины, открыл дверцу со стороны Кати. Ему захотелось грубо и сильно вытащить её из машины, может, даже ударить. Но нет, она сама сразу, легко, как очередная снежинка, повинующаяся мановению стихии, вылетела из машины и чуть отошла к тому самому мостику. С собой она прихватила пакет с мусором, всё время находящийся у её ног. Она прошла к мосту и выкинула его вниз. Остановилась, вцепившись в ограждение и безучастно глядела вдаль, выпуская изо рта облачка пара.

Тело Игоря окоченело. Виктор проталкивал его вперёд, навстречу Андрею. Тот стоял с другой стороны машины и тянул Игоря на себя. Наконец, труп ударился ногами об истёртое, наспех выложенное дорожное покрытие.

Витя оббежал машину, подхватил труп за ноги. Друзья подняли нескладное, тяжёлое, окоченевшее тело и осторожно понесли его к мосту. Витя ощущал всю эту неживую тяжесть, из пустоты его бурлящего желудка прорывались рвотные позывы. Воображение рисовало перед ним лицо ещё живого Игоря, который наклонился к нему, обнажив свои полу-гнилые зубы, совсем рядом с лицом Виктора. Как будто снова раздалось дыхание мертвеца и его голос: «Ты сам понимаешь, что немного не в нашей тусовке, так что закрой глаза, как твоя подружка, подумай о хорошем, а я постараюсь, чтобы тебе не было сильно больно!»

«Я не в их тусовке. Я не такой, как они. Почему же я всё ещё здесь? Почему я по-прежнему надеюсь наконец открыть глаза и увидеть потолок своей спальни, а рядом Ольку... Живую Ольку, которая сонно посмотрит на меня, улыбнётся и заверит, что всё хорошо, что это всего лишь ночной кошмар. Нет, сколько я ни старался моргать, — ничего

не помогает. Всё по-настоящему. Я ташу этот труп вместе с Андрюхой, и куда ни глянь — везде крошечный мрак. А я так по-детски надеюсь ещё на какое-то чудо...»

— А теперь давай раскачивать его. Витя, клянусь, никто и никогда не узнает! Его тело перемелет в шлюзах, потом он уйдёт в реку, где самое сильное течение. До рассвета он будет уже далеко. Нет, не он. То, что от него останется. Давай, на счёт три! Раз... Два... Три...

Андрей уже было отпустил окоченевшие руки мертвеца, намереваясь перебросить его через заборчик, но Витя ещё на счёте «два» понял, что не сможет. В глазах потемнело, тело, готовое вот-вот погрузиться в чёрные воды и исчезнуть там навсегда, показалось неподъёмно тяжёлым. Любой, даже самый крошечный звук, на подобие падения снега на землю, казался недопустимым, пугающим, неукоснительным свидетелем его, Вити, преступления. Он выпустил лодыжки Игоря из рук, позволив телу наполовину шлёпнуться на бетон у мостика.

Витя автоматически, не задумываясь, перевёл взгляд на Катю, которая стояла, опираясь на ограждение, и глядела в сторону течения воды, стараясь не выказывать ни малейшей заинтересованности в последних почестях своему брату. Андрей с явным неудовольствием посмотрел на своего друга из прошлого. Опустил Игоря на землю и, стараясь говорить как можно менее едко, произнёс:

— Витя, может по мне и не видно, но я всё понимаю. Тебе тяжело, бла-бла-бла. Но давай уже будем мужчинами и закончим эту невероятно длинную ночь?

— А мы её закончим? Что будет, когда он уйдёт под воду? Ты отпустишь её? Исчезнешь из города так, чтобы я никогда больше тебя не увидел? — на выдохе ответил ему Витя, стараясь одновременно и не смотреть в лица Кати и Андрея, но держать их на виду. Он перекидывал взгляд с тёмной, грязной и мутной воды канала на силуэты своих пассажиров.

— Ну да. Хватит считать меня нелюдем каким-то! Давай просто избавимся от этого дерьма!

— Что будет с Катей, что будет со мной?

— Как сами решите. Честно? Мне плевать.

— Нет, тебе не плевать... Ты уже давно всё решил, или эти твои голоса в голове решили всё за тебя. Ты прекрасно знаешь, что будет, когда Игорь пойдёт на дно. Скажи мне, что будет дальше? Чёрт! Я спрашиваю тебя об этом сейчас, но понятия не имею, верить ли тому, что ты ответишь?! — отсутствие заряженного пистолета заставляло Виктора по-настоящему нервничать.

Если в Андрее, после их дел с трупом, проснётся то безумие, тот зверь, который накинется на них, как же им спастись от него? А что, даже будь заряженный пистолет при нём, Виктор смог бы выстрелить? Тысячи вопросов кружились в голове, пока он пристально следил за каждым движением своего бывшего друга. Единственное, что хотел сейчас Витя — быть далеко отсюда, жадно выпивать бутылку за бутылкой в поисках освобождающей амнезии. Но ледяной ветер, пронизывающий его лицо; подёрнутый тонкой корочкой лёд канала; неестественное, злое лицо Андрея и безучастное, лёгонько подрагивающая спина Кати — заставляли Виктора полностью концентрироваться на происходящем.

— Послушай... Хватит уже. Это был чертовски трудный день, значит...

— Эй! Говори, что ТЫ думаешь обо всём этом?! — бесцеремонно перебив Андрея и сквозь снегопад обратившись к безучастной фигуре Кати, воскликнул Витя.

Две пары глаз сверлили спину девушки. Она должна была уже давно использовать приключившуюся заминку и бежать, бежать, как никогда раньше. Спасаться или умереть,

использовав свой последний шанс, когда её жизнь оказалась на самом краю. Но девушка стояла не оборачиваясь, разглядывала тьму канала и пылающий искусственным светом город вдалеке.

Снег всё падал и падал, казалось, не быть ему конца. Екатерина закрыла глаза, пытаясь заставить весь мир замереть, как она старалась сделать это в детстве. Но, как и тогда, так и сейчас, — вселенная наплевала на её желания, и Земля по-прежнему вращалась вокруг Солнца, которое, в свою очередь, перемещалось во Вселенной по своей, задуманной миллиарды человеческих жизней назад траектории. Что Вселенной до нас? Что изначальной, бесконечной тьме до трёх жалких созданий, решающих между собой, кому жить, а кому умереть?

Катя выдохнула воздух, выпустив из своих губ клубы серого пара.

«Всё кончится здесь и сейчас. Кто из них, на самом деле, мой друг, а кто враг? Будут ли они драться за меня, за принцессу этого бомжовского моста? Да, принцессу... Ну конечно. Сотни раз я представляла свою смерть. В окружении правнуков, внуков, в почтенном возрасте, в своей кровати, во сне... Да-да, как все и хотят. А как же случай? Вот иду я, иду, и тут кирпич на голову! Или наркоман-отморозок неловким, но сильным ударом ножа вгонит мне лезвие в самое сердце? А вдруг, я опущусь на самое дно, окажусь в приюте для отъявленных отбросов общества, где буду есть холодные объедки и радоваться, что дождь не льётся мне на самую макушку, пытаюсь бороться с мерзостной болью от букета венерических заболеваний...

Нет. Всё случилось не так. Я давно выбрала смерть и вот она, совсем рядом со мной. Андрей и Витя... Кто нанесёт смертельный удар? Кого я не смогла обольстить ни на грамм? Обольстить! Господи, как же я смешна! Соберись, оценивай ситуацию, не ошибайся. Концовка совсем близко. Я могу выжить, я знаю это!»

— Избавьтесь от Игоря, — прошептала Катя, сразу поняв, что её никто не услышал, она тут же повторила свою фразу громче.

— Смотри, как она пафосно стоит и смотрит в никуда. Жалкая дура, до конца пытается выжать свой образ. А зачем? Мы оба знаем, что... — говорил кто-то из парней, стараясь, чтобы его слышал только товарищ по грязному делу, пока они выбрасывали труп в воду.

Речь оборвалась звуком падения в мутную, водную гладь тела, некогда бывшего родным братом Кати, а теперь погружающееся в холодную пучину — стремительно следующее за течением доказательство страшного преступления, от которого необходимо было избавиться.

Вся троица молча наблюдала, как труп упал в воду, легко прорвав образовавшуюся тоненькую ледяную корку. Игорь падал с открытыми глазами, которые в полёте обвели всех троих, казалось, очень осуждающим взглядом невидящих мёртвых глаз. Тело упало в воду, подняв столп брызг, на одно мгновение задержалось на поверхности, отплыв несколько сантиметров вдаль. И как-то одновременно плавно и неспеша, с чувством собственной важности, но вместе с тем, неуклюже и безжизненно, будто и не обладая никогда жизнью, Игорь скрылся под водой.

Все трое провожали исчезновение в грязном канале своего компаньона, ради которого сегодня пришлось потратить так много нервов, с нескрываемым удовлетворением, смешанным с томительным ожиданием неминуемого продолжения, боязнью и опаской. Витя на автомате потянулся в карман за сигаретами, но их там не оказалось. Пошарил по другим карманам, — сигарет не оказалось нигде. «Наверное, оставил в машине».

— Эй, ребятки! А чой-то это вы тут делаете? Угостите папироской, а?

От звука этого скрипящего старческого голоса, резко раздавшегося за спиной, все трое вздрогнули. Синхронно, медленно повернулись, разглядывая не пойми откуда взявшегося старичка цыганской внешности, одетого в неприглядную, рваную, простецкую, будто прямиком из XIX века, крестьянскую одежду. Катя сразу заметила, что дед крутит в руках коробок спичек, Виктору бросилось в глаза ружьё, что висело у него на спине, дулом возвышаясь поверх головы.

Непонятно, что в этом прищельце увидел Андрей, только он сразу пошёл вперёд, широко улыбаясь, и лёгким движением руки потянулся к карману.

— Здрасьте, а мы так, мусор выбрасывали. Сигаретку вам? Да не вопрос, угостим, как у вас тут вообще живётся? — приближаясь к аборигену, миролюбиво говорил Андрей, не переставая широко улыбаться.

Виктор по началу был даже рад, что кто-то из них быстро вышел из очень неловкой ситуации. Он переводил взгляд то на Андрея, то на старичка, стараясь держать вид одновременно и миролюбивый, и чуточку надменный, и безразличный. Только взглянув случайно на Катю, он понял, что тут всё не так. Девушка прижала ладошку ко рту, выпучила и без того огромные глаза и смотрела за действиями Андрея. Точнее, за левой рукой Андрея. Витя, по инерции, перевёл взгляд туда же.

— Да, ребятки, уже сутки без курева сижу. А я тут один живу, жёнушка в прошлом году скончалась. А что у вас, мусоровозки не работают, что ли? Чой это в наш канал мусор-то свой скидываете? А я вроде как зрением исхудал на старости лет, смотрю, вроде как вы двое тащите что-то... а тут раз, и вроде рука! Раз, и вроде голова. На человеческую похожа! Вы уж не обижайтесь на старика. У этого моста репутация, ой дурная!

— Мы не обижаемся, дед. А что же ты вышел тогда, если знаешь, что репутация у моста дурная? — Андрей был уже лицом к лицу со случайным свидетелем. Только тогда, старичок наконец скосил взгляд на руку Андрея. Из кармана он достал совсем не сигареты.

— Ой! Простите ребятки, я-то думал... Нет, я что? Просто дед дурной, глупый! Живу один. Жёнушка прошлым летом померла. Сыновья тоже, а внукам до меня и дела нет. В церковь хожу. В партии значусь, да. Что же вы, ребят?

— И ты меня прости...

Виктор попытался крикнуть, но как в кошмарном сне понял, что не может выдавить из себя ни звука. Андрей молниеносно накинулся на старичка, нанося удар за ударом. Всё вокруг будто лишилось других звуков — только непрекращающиеся удары ножа, пронзающие человеческую плоть, и тошнотворный, хлюпающий звук, когда лезвие выходило из тела. Раз за разом. Удар за ударом. В доли секунды, показавшиеся вечностью, Андрей уже сидел сверху на случайном свидетеле, который, казалось, ещё с самого первого удара ножом утратил всю свою жизненную энергию. И вот Андрей склонился над этим хрупким, беззащитным телом, продолжая неистово убивать случайного человека, будто он был главным врагом всей его жизни.

Витя чувствовал, что должен вмешаться, должен помешать своему другу продолжать раз за разом вонзать нож в уже явно мёртвое тело. Но, вместо этого, он просто стоял, будто приклеенный к своему месту. Единственное, что он ощущал, — это внезапная, но очень сильная, казалось, давно затихшая и вдруг снова ударившая с удвоенной силой боль от пореза в ноге. Виктора будто перекосило, он откинулся назад, натолкнувшись на ограждение.

«Нет-нет-нет! Нужно уезжать, скорее! Плевать на них всех, плевать на всё! Брать все деньги и уезжать далеко-далеко отсюда!»

Ноги, непонятно откуда взявшегося дедка, всё ещё подрагивали. Андрей сидел на коленях у трупа. Всё вокруг, казалось, было залито кровью, которая всё растекалась и растекалась, будто в попытке завладеть всем мостом и абсолютно всем миром вокруг него в придачу.

Нечто, похожее одновременно на вспышку молнии и раскат грома, раздалось совсем рядом. Витя, старающийся полностью уйти в первый раз в жизни кажущийся ему приятным, добрым и уютным мир боли, резко отвлекся от спасительной концентрации и повернул голову в сторону источника помехи.

Кричала Катя. Точнее, она крикнула лишь раз, но эхо многократно передразнило её наполненный бесконечным леденящим ужасом крик, разорвавший ночь.

«БЕЖАТЬ!» — единственная мысль, будто отбойным молотком, стучала в её голове. Катя поддалась инстинкту. Главное — не задумываться; главное — абстрагироваться; главное — спастись. И она побежала прочь от моста, прочь от боли, от смерти, от страданий. Прочь от цивилизации, в надежде под лоном природы, прорываясь сквозь сугробы снега и царапающие кожу ветки деревьев, найти хоть одну тропинку к спасению.

Витя не успел даже полностью осознать всю ситуацию: убийство случайного свидетеля, вопль и последовавший за ним побег Кати. Всё накрыл тёмно-красный туман, который, по мнению Виктора, непременно должен быть и вне его, захватить весь мир, всё без исключения пространство земного шара. Не может быть, что этот кровавый туман только в его голове...

Андрей оставил поверженное тело, когда увидел, что Катя убегает прочь. Жуткая какофония в его голове то разделялась на тысячи мерзостных, нечеловеческих звуков, то сливалась в один протяжный унисон, похожий на звериный вой. Смысл всего этого был понятен: догнать, убить. Он перестал быть человеком. Превратился в наполненного первобытными инстинктами хищника, почуявшего добычу и старающегося сделать всё, чтобы наконец настичь её, чтобы наконец убить её.

Как по мановению волшебной палочки, по невиданному замыслу неизвестного волшебника, снегопад резко закончился. Снежные облака рассеялись, будто истощившись до предела. Ледяной ветер очистил небо, явив земному миру полную луну. Её свет разливался вокруг, отражаясь в натёкшей луже крови человека, которому просто не повезло оказаться не в то время, не в том месте. Тепло навсегда покинуло тело старика. От вытекающей крови струился пар. Могло показаться, что это душа устремляется в свой неизвестный путь прочь из нашего мира.

Виктор всё не мог пошевелиться. Он переводил взгляд с места на место, глупо открыв рот. Повернул немного головой, увидел свою машину, сообразил, что этот непонятный, но знакомый гул — это работающий двигатель. Повернул голову дальше, на тропинку, ведущую в непроглядную тьму лесополосы. Наконец, он громко выдохнул и пришёл в себя.

Сразу появились новые звуки: гул от работающих турбин ТЭЦ, журчание воды, собачий лай вдалеке, ворчливое карканье проснувшейся вороны. И ещё один, от которого у Виктора пошёл мороз по коже. Полу-хрип, полу-стон, издавшийся со стороны зарезанного старика.

Виктор на ватных ногах подошёл к нему, стараясь не наступать на кровь. Наклонился, вглядываясь в морщинистое лицо, несомненно мёртвое. Гримаса, смешавшая в себе удивление, испуг и боль, застыла на этом лице. В опустевших глазах отражался свет луны. Виктор протянул руку, собираясь попробовать прощупать пульс на сонной артерии, но отдёргнул её на полпути.

«Он мёртв. Точно мёртв».

Виктор поднял голову, увидев безучастное ночное светило, и только в этот момент понял, что снегопад закончился. Что-то вдруг привлекло внимание парня. Он подошёл поближе. В нескольких шагах от трупа лежал окровавленный нож. «Значит, Андрей убежал без ножа. Но у него может быть ещё один. Его найдут по отпечаткам! Вот и славно... О чём я вообще думаю?! Почему я до сих пор здесь? Садись в машину и уезжай, живо!»

Подчиняясь самому себе, Виктор широкими, быстрыми шагами добрался до машины, открыл дверцу и сел за руль. Снял ручной тормоз, на который даже сейчас поставил машину по привычке, включил передачу и начал трогаться с места.

Раненная нога опустилась на педаль тормоза. Виктор повернул голову назад, оглядев воняющее водкой заднее сиденье. От пассажиров, на первый взгляд, не осталось и следа. Он включил свет в салоне и ещё раз осмотрел сиденье.

Ключи! Он сразу их узнал. Ключи от дома Андрея. Раньше, в прошлой жизни, он не так же терял их в Витиных машинах, ещё шутил что: «они все хотят их съесть!». На полу лежал позабытый рюкзак с «инструментами». Виктор схватил ключи и рюкзак, переложил их на переднее сиденье. Наклонился сильнее назад, осмотрел противоположное место, где сидела Катя. Ну да, конечно, она оставила свою сумочку. Вроде больше ничего. Он провёл рукой, чтобы удостовериться. Чего и следовало ожидать, девушка оставила от себя сувенир в виде пары рыжеватых волос.

«Выбросить всё в реку и уехать. Всё, хватит с меня!»

Он перевёл взгляд на зеркало и вздрогнул от неожиданности, не узнав своего отражения.

Безумный взгляд, осунувшееся лицо — мертвецки-бледное и потерянное. «Что со мной

стало за эти часы? И теперь я просто сбегу, брошу Катю, чтобы он убил и её? Может, я ещё смогу что-то сделать? Может, смогу хотя бы попытаться? Неужели я оказался настолько слабым, что просто спущу всё на самотёк и позволю Андрею убивать дальше?» Вопросы всё всплывали и всплывали в голове. Вопросы, на которые трудно было дать однозначный ответ. А время неукоснительно таяло, каждая секунда могла стоить жизни Кате. Сколько прошло времени с того момента, как они убежали в лес? Две минуты, пять, полчаса, час?

Наконец, Виктор решился. Сперва он выкинул рюкзак в канал, в водах которого так недавно и так давно скрылось тело Игоря. Виктор поглядел на маленькую дамскую сумочку, раздумывая, не выбросить ли и её следом. Но почему-то не смог решиться, только прижал её крепко подмышкой. Потом вспомнил о разряженном пистолете в бардачке, достал его и отправил в полёт с моста.

Виктор заглушил машину, достал большой гаечный ключ из багажника и направился в ту сторону, куда убежали Катя и Андрей. Его взгляд мельком пробежал по ружью мёртвого старика, но ему показалось невозможным подойти к трупам и подобрать оружие.

Теперь, стараясь не обращать внимание на ноющую боль от раны, он шёл всё быстрее и быстрее, постепенно переходя на лёгкий бег. Свежие следы на снегу вели по узенькой, едва заметной от высыпавшего снега тропинке. Деревья всё сильнее обступали идущего в темноте Виктора. Он подсвечивал себе дорогу фонариком телефона. Вот следы свернули в глушь, сугробы стали глубже, а он всё старался идти точно по следам.

Виктор тревожно прислушивался, стараясь уловить хоть какой-то звук, отличный от хруста снега и веток под ногами, редкого вороньего крика и своего тяжёлого дыхания. Слабый луч света от фонарика скользил по бесконечным стволам деревьев и кустов, руку морозила холодная сталь единственного оружия — гаечного ключа, который он крепко сжимал в ладони до побелевших кончиков пальцев.

Всё вокруг казалось пугающим. Сердце колотилось, грозясь вырваться из груди, в висках стучала кровь, идти становилось всё тяжелее. Вот большой след, разворошенный снег. Видимо, Катя упала здесь, потом быстро поднялась, побежала дальше. По силуэту прошлись сапоги Андрея, который настигал её. Ни звуков борьбы, ни криков — ничего.

— Эй! — попытался закричать Виктор, но пересохшее горло издало звук, чуть громче шёпота. Он всерьёз не ожидал ответа, скорее попытался приободрить самого себя, услышать свой голос.

«Почему я ничего не слышу? Скорее всего, я опоздал. Он уже убил её. Зачем я продолжаю идти, ведь там впереди не будет ничего хорошего. Что, если они сговорились, притаились и теперь ждут меня за деревом, чтобы напасть, убить и уехать на моей машине? Нет, я брежу. Это уже паранойя, Витёк. Спокойно, спокойно. Вполне может быть, что они гораздо дальше, чем я думаю. Катя ведь может и убежать, мы же не в тайге, этот лес куда-то выведет. К дороге или к домам. Он мог и не догнать её. Тогда мы встретимся. И что я? «О, привет, Андрюха! Ты опять у меня ключи посеял, придурок! Ну, может по пивку теперь?» Да, такое себе. Он совершенно непредсказуем и опасен. Кто знает, что происходит в его башке? Что, если он бросится на меня? Ударить первым? Убить я его не смогу, разве что оглушить и сдать в полицию, а Катя всё подтвердит, если что. Он же полный псих — его обязательно надолго закроют в дурке.

Но ведь он мой друг! Ведь он не сделал мне ничего плохого! Это Катя, а не он, убила мою Олю! Или эта шизонутая своими бреднями заставила меня её простить? Не знаю. Нс нельзя же позволить всё это так спустить... В итоге, я приму сторону серийного убийцы.

Сколько ещё таких, как моя Оля, он убьёт? Я, конечно, могу попытаться убедить его... Что, сдать? Перестать убивать? Хотя бы попытаться. Я ведь сам теперь убийца и при этом возможный соучастник ещё двух убийств...

За этот день я потерял себя. Теперь я — это не тот Витя, которым я всегда себя ощущал. Кто же я такой, на самом деле? Почему они все заставляют меня делать выбор, когда я не хочу ничего решать? Я не хочу быть никому ничего должным!

Как мне вообще теперь жить? И ради чего? И зачем я сжимаю сумочку Кати, зачем положил в карман ключи Андрея? Что, увидев мои гостинцы, они вдруг станут прежними, станут нормальными?»

Виктор продолжал идти и идти по, кажется, бесконечным следам, через всё густеющий лес. Диалог с самим собой не прекращался, он искал выход для себя, приближаясь к неминуемой развязке, которой он так страшился. Всё дальше во тьму через бесконечные слова в голове. И с каждым шагом оставалось всё меньше храбрости, с каждым шагом иссякала решимость, пропадала уверенность — нужно ли делать следующий.

Впереди мелькнул просвет между деревьями. В темноте трудно было точно определить, что это за просвет. Витя остро почувствовал только одно — развязка близка, как никогда ранее. Делая шаг за шагом, он уже мог смутно разглядеть что-то, похожее на человеческий силуэт. Но в таких условиях сказать наверняка было невозможно. Этот силуэт вдалеке легко мог оказаться причудливым кустом вблизи.

Впереди находилась небольшая поляна. Теперь это было ясно. Оставалось перелезть через поломанные высокие кусты и встретиться лицом к лицу с неизвестностью. Виктору показалось, что он слышит движение, лишний скрип снега. Он уже представлял, что примерно он там увидит.

Не было слышно криков, не было звуков борьбы, ударов. Если там кто-то есть, то он один. Живой — один. Новое наваждение окутало разум Виктора. Ему перестало быть страшно, отпали сомнения, оживлённый монолог в голове затих. Он был как зачарованный, которому суждено было пробраться сквозь эти кусты и оказаться на этой поляне. Только холодная и мрачная решимость сопровождала его, когда он наконец протолкнулся вперёд. Нога застряла в кустах, заставив Виктора сперва развернуться и освободить её, потом убрать телефон в карман, с гаечным ключом в руке и с дамской сумочкой подмышкой, он готовился увидеть то, что происходило на поляне.

Андрей стягивал с полуголой и, без всякого сомнения, мёртвой Кати ботинки. Свежий снег вокруг них был сбит в борьбе. Возле головы девушки, безвольно склонённой набок, лежали её аккуратно сложенные вещи. Первое, что бросилось в глаза Виктору — её лицо, которое было направленно прямо на него. Освещённое светом полной луны, оно казалось таким безмятежным. На нём не было страшной гримасы жертвы, агонизирующей от нехватки воздуха, в глазах не застыл ужас. Покоряющая синева навечно потухла, лопнувшие сосуды заставили её глаза налиться кровью. Никакой былой сверхъестественной красоты и пронзительной живости в них уже не было.

Виктор чувствовал, как мурашки волнами пробежали по телу. «Опоздал» — единственное слово, многократно прокручивающееся в его голове.

Андрей, увлечённый своей работой, не сразу почувствовал присутствие постороннего. Он стащил один ботинок, потом второй, направился отнести их к другим вещам и только тогда заметил Витю. Сперва он уставился на него невидящим взором, потом вздрогнул, неловко дёрнулся, явно собираясь что-то предпринять. От этого неподвиженья Виктор

отшатнулся назад, приподняв руку с ключом. Но Андрей не бросился ни на него, ни на утёк, не стал доставать нож (если он у него был), он просто-напросто прошёл к остальным вещам и поставил рядом с ними Катину обувь.

— Жаль, помады нету... — хриплым шёпотом, который разрезал своей неестественностью воздух, произнёс Андрей.

— Посмотри здесь, — чужим, несвойственным ему голосом, тихо отозвался Виктор, бросив в сторону маньяка и его жертвы сумочку, принадлежащую Екатерине.

Виктор со всей силы сжимал сталь, чувствуя, как потеют ладони. Переводил взгляд с тела Кати на Андрея, который старательно избегал взгляда друга, молча проводив глазами полёт дамской сумочки, но не решаясь подойти к ней и поднять её.

Всё было кончено. Теперь они остались вдвоём, и, казалось, ни один из них не знал, что делать дальше.

— Сигареты нет у тебя? — спросил Андрей, разглядывая снег под ногами.

Виктор прошёлся рукой по карманам, не нашёл пачки, отрицательно помотал головой.

— Смотри, что я у неё нашёл, — Андрей достал что-то из кармана, продемонстрировал Виктору. Тот не разглядел, и Андрей пояснил:

— Твоя зажигалка. «Зиппо», — он открыл крышку, зажёг, задумчиво остановил взгляд на пламени. Освещённое лицо Андрея в этот момент показалось совсем чужим для Виктора.

— Держи, — он захлопнул крышку и протянул зажигалку Виктору.

Тот не сдвинулся с места.

— Себе оставь. Считай, дарю.

— Даренное не дарят. Неужели забыл, кто её тебе подарил?

— Не забыл, — этого человека Виктор никогда не сможет забыть.

— Оля. Мне ужасно её не хватает. Так что, не возьмёшь?

— Она бы не обиделась, если бы зажигалка осталась у тебя.

— Ну, значит всё, — Андрей убрал подарок в карман джинсов. Потом медленно расстегнул куртку, снял её, оставшись в одной тонкой кофте. Развернулся и с неподдельной бережностью и заботой накинул куртку на Катю, закрыв её лицо и обнажённую грудь. После этого сделал пару шагов к Виктору и остановился.

Теперь Виктор заметил, как потрясывало убийцу. Его всего била крупная дрожь. Окровавленные пальцы на руках сжимались и разжимались, потирали друг друга неприятными, судорожными движениями, напоминающими перебирающие лапки паука. Щёки заметно подёргивались, будто пытаясь сдержать широкую улыбку или хищный оскал. Глаза то беспокойно метались из стороны в сторону, то задерживались, сверля одну точку полным безумия взглядом. Андрей пытался сказать что-то ещё, но вместо этого ему удавалось лишь невнятно мычать и странно корчить губы. Он по-прежнему не смотрел в глаза Виктору.

— Возьми ещё это. В машине оставил, — Виктор достал из кармана ключи. Андрей непонимающе уставился на связку. Не сразу поняв, что это, он всё же двинулся вперёд, чтобы забрать их из протянутой ладони, и только сейчас перевёл взгляд в лицо другу. Встретившись с ним взглядом, Виктор не стал дожидаться, пока тот подойдёт к нему настолько близко, и бросил ключи на снег между ним и Андреем.

Андрей безучастно смотрел, как они беззвучно погрузились в снег перед ним. Бросил ещё один взгляд на Виктора, прежде чем поднять ключи. Наклонившись, он вдруг резко провалился вперёд, нога проскользила по снегу. Андрей потерял равновесие и неловко

распластался по земле. Виктор непременно рассмеялся бы, если бы его друг так нелепо упал полгода назад. Непременно, полгода назад, он, смеясь, помог бы ему подняться и отпустил пару шуток по этому поводу. Полгода назад была другая жизнь, которая безвозвратно прошла. В той жизни, Андрей был лучшим другом Вити, а Оля и Катя были живы, а сам Витя не был убийцей. Но сегодня, в этой жизни, Виктор только настороженно смотрел на Андрея и ждал его последующей реакции.

Первые секунды он просто лежал на снегу, потом начал издавать гортанные звуки, похожие и на смех, и на плач одновременно. Сел на холодную землю и теперь, безудержно громко и заливисто хохотал, подняв голову к небу. Посмотрел на Виктора, продолжая свой сумасшедший гогот.

Виктор почувствовал омерзение к этому человеку, к его перекошенному смехом лицу, к покрасневшим глазам, на которых выступали слёзы.

Страх испарился. Здесь не было никаких демонов, не было никакой мистики, не было никакого заливающего всё вокруг белого света. И Андрей не был каким-то избранником, кем он себя считал, и как, похоже, считала Катя. Андрей был обыкновенным, больным, опасным для общества психопатом. В этом безумном хохоте, в этом жалком взгляде — его настоящим взгляде — читалось лишь сумасшествие. Понимание этого охватило Виктора и страх полностью исчез. Только брезгливое презрение с ноткой жалости и растущее чувство ненависти. «Это он во всём виноват! Только Андрей, только этот больной ублюдок, который сейчас ползает по земле, ища свои долбаные ключи. Если бы он не был таким гордым мудаком и пошёл, когда нужно, к врачу, или, чёрт с ним, просто сказал бы мне всё это, как я ему про лагерь! Но он тогда только выслушал, поддержал, а у самого то, что на душе было? Всё в тебе притворство, всё в тебе неправда, мразь!»

— Куда же я их откинул? Ты не видел? Как же так, а? На ровном месте... — сквозь смех приговаривал Андрей, стоя на коленях и раскидывая руками снег вокруг.

Виктор осторожно двинулся вперёд. Поднял руку с гаечным ключом. Он был уверен, что Андрей сейчас не обращает на него ни малейшего внимания. Вот его голова. Только ударить посильнее, потом ещё раз — и всё. «Сколько жизней я смогу спасти! Себя, в первую очередь! Я должен это сделать!»

Виктор сильнее замахнулся и уже готов был с силой опустить стальной ключ на затылок Андрея...

Но не смог.

* * *

Перед глазами выступили события, произошедшие много лет назад.

Витя подходил к своему подъезду после первого, такого волшебного, но не несущего каких-либо обязательств свидания с Олькой. Вите было так хорошо и радостно в тот день. Казалось, всё вокруг, на что он только не переводил взгляд, радостно улыбалось ему при встрече. В голове стоял приятный туман возможностей, что нёс в себе тот день, тот волнительный первый поцелуй, что он испытал какой-то час назад. В его голове прочно укоренился образ Оли, который, как клялся себе молодой Витя, он будет держать в своём сердце до последнего его биения.

Глаза влюблённого, покрытые такой сильной и недвижимой, безрассудной и

ослепляющей, преданной и сладостной пеленой первой любви, не видели ничего вокруг.

— Ну привет. Что, как с Олей погуляли? — дожидался его, сидя на лавочке у подъезда, Андрей. — Дала хоть себя пощупать?

— Ты что, дурак совсем? — Витя с весёлой и безмятежной улыбкой протянул руку своему лучшему другу. Тот замешкался, но всё же пожал протянутую ладонь.

— Давай, рассказывай! Я хочу всё знать, в подробностях.

— Ну-ну, а я так тебе всё и рассказал! Ох, Андрюха! Ты даже не представляешь, что я сейчас чувствую, о чём сейчас думаю и что у меня стоит перед глазами! — ответил другу Витя, в блаженной задумчивости закатив глаза и присев на лавочку. Андрей наоборот поднялся и придирчиво разглядывал друга.

— А ты попробуй. Она что-то говорила обо мне?

— Давай я тебе стишок прочитаю? Который ей читал:

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят.
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.
Жизни им она дороже
И, как слава, им мила;
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
«Кто, реши, любим тобою?» —
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

— Круто. Значит, стишки ей читал? Что, даже сам сочинил?

— Нет, конечно! Ты что, Пушкина не узнаёшь? Я за этот стих «пятёрку» в своё время получил, ты разве забыл? Стыдно не знать нашу классику, Андрюша!

— Перестань. Так что, значит она теперь с тобой?

— Не знаю... «Сердце красавицы склонно к измене и перемене, как ветер мая!» — пропел Витя в ответ.

— Слышь, стихоплёт! — Андрей подошёл ближе к сидящему на лавочке другу и, казалось, что он сейчас ударит его, но вместо этого, Андрей развернулся и, бросив через себя, — Да пошёл ты, мудака, — убежал куда-то далеко.

Это событие сильно подпортило одухотворённое настроение Вити. Но он пошёл домой, растянулся на своём диване и, проговаривая что-то мелодичное, красивое и вдохновляющее, вспоминал каждое мгновение свидания с Олей. Он плыл по волнам умиротворённости и счастья. Каждый раз закрывая глаза, он видел взгляд Оли, каким она смотрела на него после их мимолётного первого поцелуя.

Наступил вечер. Дома, кроме Вити, никого не было. Он с увлечением играл в какую-то компьютерную игру, когда раздался звонок в дверь. Витя прошёл в прихожую, посмотрел в глазок, открыл. За дверью стоял Андрей.

Он был пьян, от него разило дешёвыми алкогольными коктейлями и сигаретами.

— Привет, — поздоровался с другом Витя.

Тот смотрел на него, удерживая на лице пьяную улыбку. Жестом руки пригласил выйти в подъезд. Витя знал, что скоро должны были приехать родители, и приглашать в гости пьяного друга было бы не очень благоразумно, поэтому, нацепив тапочки, он вышел на лестничную клетку, прикрыв за собой дверь.

Андрей сразу обнял его за плечи, обдав омерзительным запахом перегара. Вите была неприятна такая неожиданная душевность друга, его зловонное дыхание и внезапность появления у него на пороге. Когда они отошли чуть подалее от двери, Андрей, наконец, начал говорить:

— Витя! Мой самый лучший друг! Я пришёл, чтобы сказать только одно: Оля — твоя! Понимаешь меня? Я отдаю её тебе просто так, потому что ты мой друг, и я не хочу, чтобы какая-то девчонка становилась между нами, — закончив, Андрей отстранился, присел на корточки, закрыл лицо руками и, находясь не в силах себя сдерживать, зашёлся в чуть слышном, но очень горьком, сотрясающим его плечи пьяном плаче.

Виктор на мгновение обомлел и не знал, как на это реагировать и что делать дальше. Он присел рядом с другом, приобнял его за плечо и начал несвязную речь:

— Слушай, дружище, ну ты чего так нажрался-то? Блин, у меня родители скоро вернуться, сестра тоже. Им не нужно тебя таким видеть. Андрюх, мне очень приятно то, что ты говоришь, но давай соберись уже! Может, пойдёшь домой, ляжешь спать? Ты бухущий в говно, дружище...

— Ты что, не понимаешь? — сквозь всхлип отозвался Андрей. — Оля — твоя. Я не помешаю вам, как бы мне этого ни хотелось! Я всегда буду твоим другом, я всегда буду её другом! Клянусь, даже если я сделаю что-то, что подорвёт твоё мнение обо мне, я всегда буду твоим лучшим другом, несмотря ни на что! Даже, если наступит день, что Ольга скажет «да» — мне, а не тебе, я всё равно не нарушу своей клятвы, Витя!

И вот, они сидели на корточках, Витя обнимал друга за плечи, чувствуя, как же нелегко далась ему эта клятва, произнесённая вслух. Витя пытался утешить Андрея, что-то шепча ему, а сам в это время хотел только, чтобы его друг убрался отсюда раньше, чем вернуться Витины домочадцы...

* * *

— Нашёл! — радостно воскликнул Андрей, схватив находку с земли и тотчас убрал её в карман.

А Витя в это время заметил, как что-то блеснуло на снегу рядом с Андреем. Присмотревшись, он опознал серьги Ольги. Они безмятежно и безразлично лежали на снегу с насмешкой подмигивая полной луне. Выходит, Андрей не смог выкинуть их тогда, в доме Кати. Он сохранил их. Сохранил последнее напоминание о самом лучшем, что когда-то было в его жизни.

Виктор опустил руку с гаечным ключом. Одно мгновение сомнения мучительно терзали

его, но он резко развернулся, с силой протолкнулся назад через кусты и сразу перешёл на бег, не обращая внимания ни на боль в ноге, ни на слепящие розовые вспышки в голове. Он убежал прочь оттуда, ломая торчащие ветки, огибая деревья, порой по щиколотку погружаясь ногами в снег. Его нисколько не волновала возможность споткнуться обо что-то то в темноте и упасть, он не светил вниз фонариком, двигаясь по следам, а бежал наобум.

Наконец, когда от боли в ноге потемнело в глазах, а от бега стало не хватать воздуха в лёгких, Виктор остановился перевести дух. Тяжело дыша, он прислонился к стволу дерева. Отдышавшись, достал телефон, у которого оставалось всего ничего заряда. Посветил фонариком вокруг себя в поисках следов, по которым он прошёл к поляне. Их нигде не было.

Чувство потерянности, тоски и безразмерного, всепоглощающего одиночества тяжёлой волной нахлынуло на него. Виктор зашёлся в кашле, борясь с подступающими слезами. Теперь всё кончено.

Пальцы разжались и гаечный ключ упал на землю, воткнувшись в сугроб. Вокруг простирались только бесконечные паутины веток, закрывающих небо решёткой, и свет луны, и нескольких робких, присоединившихся к ней звёзд. Бежал ли он в том направлении или отклонился гораздо сильнее, чем думал? Виктор прислонился лбом к холодному, твёрдому, царапающему кожу стволу дерева, закрыл глаза, стараясь успокоиться.

В голове хаотично менялись одни за другими образы событий последнего месяца. С подступавшей смертельной усталостью, Виктор вдруг понял, что засыпает прямо здесь и сейчас. Абсолютное безразличие подкосило его ноги. Всё было кончено. Зачем вставать? Тьма закрытых глаз предвещала лишь спокойствие. Чьё-то размытое лицо, переливаясь разнообразием знакомых черт, оказалось так близко от него. Множество голосов одновременно, умиротворяюще заговорили. Он всё сильнее погружался в спасительное забытьё. Видел своих родителей, друзей, знакомых и незнакомых людей, которых когда-то встречал в своей жизни. Различал их голоса. Началось бесконечное действие, секундные мимолётные сценки, в которых Виктор когда-то участвовал, или видел во сне, или рисовал в своей фантазии. Всё сильнее растворяясь в своих грёзах, он только отдалённым, кажущимся чужим осознанием, понимал, что засыпает всё глубже и глубже.

* * *

— Ну, ты чего так жадничаешь! С этим дерьмом стоит быть осторожней.

— Да всё нормально, пойдём в комнату. Холодно тут на балконе, — отмахнулся Витя. Его явно от чего-то очень сильно накрыло. При чём, он даже не помнил, что это было такое. Андрей недоверчиво посмотрел на него, но сразу одобрительно кивнул и улыбнулся.

— Пойдём, девчонки-то заждались! — задорно поддержал он и выскочил с балкона в комнату.

Витя на ватных ногах последовал за ним.

«Так, это моя квартира. Что-то она стала заметно больше, чем обычно».

Входя в комнату, он сразу попал в другой мир. Здесь, явно в самом разгаре, протекала очень крутая вечеринка. Куча народа, отовсюду играет музыка, сизый сигаретный дым клубится у потолка. Смех, крики, звон посуды, гирлянды, развешанные по стенам. «Новый год же, точно! Надо найти ёлку. Куда Андрюха только подевался?»

Витя, перекидываясь поздравлениями и шуточками со всеми присутствующими,

двинулся в свою спальню. Ёлка должна была быть там.

Мимо него проплыла невероятной красоты брюнетка в коротком, обтягивающем выдающиеся формы чёрном платье, с самым глубоким декольте, которое только можно было представить. Он обернулся ей вслед, та обернулась тоже. Обольстительно улыбнулась и подошла к нему, обняла за плечи, легко поцеловала в губы. Виктор изо всех сил старался вспомнить, как её зовут, но у него никак не получалось.

— Потанцуем, красавчик?

— Конечно, мм... Регина?

— Для тебя, кто угодно. И как угодно.

Они закружились в медленном танце, поглотившем Витю. Он без малейшего стеснения водил руками по телу красотки, перешёптываясь с ней о чём-то бессмысленном.

— Ты что, сдурел совсем, долбаный алкаш?! — прервал танец чей-то крик. Витю вырвали из объятий брюнетки, развернули и вlepили звонкую и болезненную пощёчину.

Перед ним стояла разъярённая Катя, уничтожающе направив на него свой самый пронзительный взгляд. Она была великолепна. Небесно-голубое длинное платье, идеально нанесённый, лёгкий, но безумно притягательный макияж, волосы, уложенные в сложную причёску, увенчанную блестящей драгоценными камнями диадемой.

— Каждый раз, когда мы выходим в люди, ты нажираешься как свинья и лезешь под каждую юбку!

— Мы просто танцевали! — обиженно потирая щёку, оправдывался Виктор.

— Я видела, как вы танцевали! Если бы я вас не отлепила, ты бы её уже трахать нёс!

— Ничего подобного! Я тебе никогда не изменял!

— Правда?

— Правда.

— Тогда поцелуй меня.

Виктор примирительно улыбнулся. Он обожал, когда она делала это ледяное лицо. Ему оно казалось ну очень эротичным. С полной готовностью, Витя прильнул к ней, касаясь милых губ. Но сразу отстранился.

— Что это у тебя? — странно знакомые серьги привлекли внимание парня. От них отдавало тревогой и, одновременно, родственной теплотой. Он протянул руку, чтобы коснуться их и рассмотреть получше, но Катя сильно оттолкнула его, ответив:

— Их мне подарил Андрей. Мы расстаёмся с тобой, я уйду к нему! Кстати, где он? Ты его не видел?

— Да мне плевать! Я просто хочу взглянуть на ёлку.

Виктор развернулся и пошёл прочь по длинному коридору. Он был уверен, что, когда он увидит ёлку, всё встанет на свои места.

На его пути поначалу встречались весёлые гости. Потом становилось всё темнее и безлюдней. Начали попадаться обжимающиеся парочки, и чем дальше он уходил, тем всё более развратней эти парочки выглядели. Вот и та знойная брюнеточка, которую разворачивал к стене и грубо сдвигал её платье вверх какой-то незнакомый парень. Она заметила Витю и игриво подмигнула.

Он шёл всё дальше, удивляясь тому, насколько длинный этот коридор. Кажется, он уже покинул свою квартиру. Кто-то валялся на его пути. Витя перешагнул через этого человека. Откуда-то явственно раздавались звуки исторгаемой рвоты.

Теперь стало совсем темно, только впереди висела тусклая, одинокая лампочка. Мимо

Вити пробежала стайка подростков, он обернулся им вслед.

«Где-то я их видел...»

Витя ступил на небольшой пяточок света. В тени стоял едва различимый, низенький человеческий силуэт, выпускающий сигаретный дым. Витя понял, что непреодолимо хочет курить.

— Сигареты не будет? — обратился он к тени. Пухлая, сразу показавшаяся отталкивающей и неприятной рука протянула ему сигарету. Виктор немедленно закурил. Глянул на фильтр после первой затяжки. «Парламент».

— Алкоголем от вас просто разит, молодой человек, — раздался отвратительно еле слышимый, заискивающий голос из тени.

— Ничего страшного.

— Как же так? Вы ведь на свидание идёте. А от вас так воняет! Угощайтесь жвачкой. Девочки не любят целоваться с мальчиками, воняющими перегаром, — издав неприятный короткий смешок, тень протянула пухлую ладонь, на которой лежали две подушечки жвачки.

— Спасибо, — Виктор брезгливо взял жвачку, сжал её в ладони. Продолжил затягиваться сигаретой. Без особого энтузиазма решил поддержать разговор. — Две, как в рекламе?

— А заходите ко мне в гости, я вам целую пачку подарю!

Сначала жвачка, а после и сигарета упали на пол. Витя почувствовал, как расширились его глаза от ужаса, как парализовало всё тело. Из тени вышел человек. Тот самый, из страшнейшего детского воспоминания.

Витя вновь ощутил себя беспомощным, одурманенным маленьким мальчиком. Педофил снимал с него штаны, приговаривая что-то своим сюсюкающим голосом, не переставая издавать омерзительного хихиканья. Его руки касались Витино тела.

Витя страстно желал закричать, захотел убежать, скрыться, стать невидимым... но не мог. От паники перехватило дыхание. От осознания, что он снова в полной власти этой падали, которая будет делать с ним всё, что захочет, возникло желание тотчас умереть. Ещё хуже стало, когда он понял, что какая-то часть его души получала в это время извращённое удовольствие от происходящего.

— Пошёл вон, сволочь! — внезапно раздался женский крик, и всё оцепенение тут же прошло. Теперь Витя снова взрослый растерянно искал глазами спасительницу.

— Оля!

Виктор заключает в объятия свою любимую, милую Олечку, покрывает её лицо поцелуями, наслаждаясь каждым прикосновением, каждым вздохом этого родного и бесконечно близкого запаха, каждым мгновением, каждой микросекундой, проведённой рядом.

Но страшное понимание нереальности происходящего начинает закрадываться в его разум. Из всех сил цепляясь за сон, Виктор страшится того, что рано или поздно ему придётся проснуться.

— Я не хочу оставлять тебя, Олечка! Я хочу вечно быть рядом с тобой! Прости меня, прости меня... Я никогда больше не брошу тебя!

Девушка нежно отстраняется от его объятий, кладёт свои ладони ему на плечи. Витя всматривается в каждую крошечную точку такого близкого и, кажущегося полностью реальным, грустного лица, стараясь сохранить навечно этот образ в своём сердце и памяти.

— Послушай меня, Витя. Всё кончилось, уже всё кончилось. Но ты должен проснуться,

должен перейти через всё это и жить дальше, пожалуйста, хотя бы ради меня! Ради того, что было. Ты не посмеешь ставить на себе крест. Давай же, иди!

* * *

Витя открыл глаза. Сколько времени прошло? Пара минут или сутки? Он по-прежнему в лесу. Сидел на снегу, привалившись к дереву. Луна скрылась за облаками. Виктор медленно встал, отряхнулся, подобрал своё «оружие».

«Да, она права. Для меня ещё не всё потеряно. Нужно скорее уезжать. Нельзя, чтобы мою машину нашли рядом с трупами! А уже скоро рассвет...»

Повторяя про себя одни и те же подбадривающие фразы, Витя светил вокруг себя фонариком, бродил кругами, не позволяя себе впасть в отчаяние от всё никак не находившихся следов, которые вывели бы его назад к машине.

Послевкусие встречи с Олей придавало ему сил. Сохраняя это видение в памяти, воспроизводя малейшую деталь их короткой встречи, не позволяя пробудившемуся рассудку стереть их, Виктор всё больше наполнялся уверенностью, что он обязательно отыщет дорогу к машине.

Вроде знакомый пенёк, и то поваленное дерево — он точно видел его по дороге сюда. Телефон издал звук последнего издыхания заряда.

«Давай, ещё чуть-чуть! Ну же! Пожалуйста!»

Поморгав перед окончательным выключением, телефон всё-таки вывел Витю на неровные отметины на снегу, ещё чуть-чуть, и вот уже чёткие следы от его собственных ботинок. Виктор выдохнул и пошёл по своим следам обратно к мосту.

Выглянула из облаков полная луна, моментально залив всё своим мёртвым, белым светом.

Виктор придумывал их разговор с Олей, которому уже не суждено было состояться. Он так увлёкся этим, что другим, тревожным, пугающим мыслям не оставалось места.

Виктор явственно ощущал, что Оля, как живая, шла с ним рядом и держала его за руку.

Она была чудесным проводником к свету. Она что-то прошептала. Он наклонился к ней поближе, не расслышав. Оля повторила громче: «Главное — не оборачиваться».

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Уже виденное, **дежавю'** или **дежа вю** (фр. *déjà vu*, мфа (фр.): слушать) — психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, подобном месте